

С.С. БАЛМАСОВ

**КРАСНЫЙ ТЕРРОР
на востоке России
в 1918–1922 гг.**

Того же автора:

ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН

(Русские во французском иностранном легионе)

М., «Яуза–Эксмо», 2004. 768 с.

РУССКИЕ В КИТАЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

М., «Центрполиграф», 2006.

Москва «ПОСЕВ» 2006

УДК 316.485.26:323.282:329.15(470.5+57)"19"
ББК 66.61(2)271.2(2P36+2P5)
Б20

Балмасов С.С., сост. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. — М.: Посев, 2006. — 384 с.
ISBN 5-85824-167-0

Сборник документов следственных органов белого правительства и советских карательных органов о красном терроре во время Гражданской войны в Прикамье, на Урале, в Сибири, в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Большинство документов публикуется впервые. С вводной статьей составителя.

Под редакцией В.А. Сендерова, Б.С. Пушкарева.

Корректор *Е.В. Феоктисова*
Компьютерная верстка *В.А. Согласновой*

Издано в сотрудничестве с Possev–Frankfurt/Main

© 2006 Некоммерческое партнерство
Издательское, исследовательское и просветительское
содружество «Посев»
127051 Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, кв. 96
Тел./факс: 495 625 9248
E-mail: posevru@online.ru

Подписано в печать 30.01.2006. Формат 60×88 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 24,0. Тираж 1500 экз. Заказ 4685.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86.

Содержание

Предисловие	7
Введение	15
Карательная политика большевиков в годы Гражданской войны	15
Становление карательной системы на востоке России	22
Два документа	42
Создание следственной комиссии правительства Колчака	48
ГЛАВА 1. ИЗ РАССЛЕДОВАНИЙ КРАСНОГО ТЕРРОРА ПРАВИТЕЛЬСТВОМ КОЛЧАКА	52
Поволжье, Урал и Предуралье	52
Екатеринбург и Уральская область	54
Пермская губерния	56
Террор против священнослужителей	136
Осинский уезд	186
Воткинский и Ижевск	191
Уральское казачье войско	231
Башкирия (Уфимская губерния)	234
Красный террор против евреев	245
Тургайская область	246

ГЛАВА 2. КРАСНЫЙ ТЕРРОР В СИБИРИ. 1918–1919 гг. . . 247

Алтайская губерния	247
Енисейская губерния	253
Забайкалье	263
Дальний Восток	264

ГЛАВА 3. КРАСНЫЙ ТЕРРОР В СИБИРИ ПОСЛЕ УХОДА

БЕЛЫХ. 1920–1921 гг. 278

Среднее Приобье. Вьюнско-Колывановское восстание	309
Восстание «Сибирское беловодье», или «Бухтарминский пожар»	325
Восстание в Мариинском уезде Томской губернии, или «Лубковщина»	327
Енисейская губерния. Зелеевское, Серезское и Голопуповское восстания	329
Иркутская губерния. Балаганское, Верхоленское и Ока-Голуметское восстания	331
Великое Сибирское восстание 1921 г.	333
Приморье	384

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Зиновьев: «Вы, буржуазия,
убиваете отдельных личностей,
а мы убиваем целые классы».*

Каждый народ знает в своей истории деяния, которые дают ему право на благодарное внимание будущих поколений. Которые оправдывают — в вечности — его существование. Но, к сожалению, каждый народ знает и деяния иного рода. Эти деяния наводят ужас. Они хранятся в памяти только для того, чтобы такое больше никогда не повторилось. Если они становятся достоянием гласности, то это покаяние народа за дела свои и залог успешного излечения от безумия.

Не исключение и наша история. Казалось бы, со времен перестройки сколько всего открыто! Сколько сенсационных разоблачений! Сколько переоцененных ценностей!

А действительно, сколько? Задаемся ли мы этим вопросом? По количеству — много, с этим не поспоришь. А по качеству? В смысле, произвело ли это какой-либо переворот в нашем сознании? Точно ли мы теперь называем вещи своими именами? Все ли мы знаем о черном 70-летнем периоде нашей истории, как действительно следует знать? Иными словами, есть ли у нас цельная картина того, что происходило в стране с 1917-го года?

И вот здесь закрадываются сомнения. Даже если взять основные «вехи» советской истории: революция и гражданская война; репрессии 30-х годов; Великая Отечественная война (об остальном уж не будем говорить): что нового появилось в нашем понимании? Можно констатировать, что произошел некоторый «сдвиг» по сравнению с нашим «советским» пониманием этих событий. Но этого недостаточно. Такие события требуют тщательного анализа, безоговорочной оценки. Готовы ли мы их оценить на таком уровне?

Я уверен, что каждый — в душе — ответит одинаково. Нет, не готовы. Великая Отечественная? Правды о жертвах, в том числе и о напрасных жертвах со стороны нашей армии, нашего народа, в точности не знает никто. Исследователи приводят разноречивые цифры, дают несовместимые оценки тем или иным событиям. Репрессии 30-х

годов? «Разоблачения» сталинских преступлений привлекают основное внимание к судьбе пострадавших в те годы «знаменитостей», деятелей революции. Они как пострадавшие обретают в наших глазах статус жертв. По-человечески их жалко. И уже не до того, чтобы задаваться вопросом: а есть ли за что жалеть?

Но сложнее всего с Гражданской войной. То ли она наиболее отдалена от нас (хронологически), то ли внутреннюю войну — не с внешним врагом, а «друг с другом», труднее всего оценивать, то ли меньше всего сохранилось документов, но период Гражданской войны кажется самым неизученным историками. «Темные века». Неизвестные, кровавые века (ну, «темные» такими и должны быть). Буйные, но интересные. И вообще, романтическая неразбериха. «Шли лихие эскадроны приамурских партизан». Чьих? Куда? Никто не знает, да, собственно, вроде и неважно. «И без страха отряд поскакал на врага». Поэтому, поручик Голицын, раздайте патроны и налейте вина. И красные дьяволята (они же неуловимые мстители). В общем, молодость страны, высвободившиеся в результате революции могучие свежие силы, неприкаянные, но симпатичные. Так мы приблизительно это время и представляем. Так представлять *проще и легче*.

А ведь оттуда все и начиналось. Именно тогда закладывались основы будущего советского государства с его репрессиями, с его преступлениями против собственного народа. Именно тогда худшие человеческие инстинкты ставились на службу государству, поощрялись им и даже прямо предписывались. Вот в этом уникальность нашей истории. Не было другого государства, объявлявшего беспощадную войну собственным гражданам. Не было государства, построенного на страхе и терроре, стоящего на крови, как на прочной основе, и продержавшегося на этом фундаменте столько лет.

«...Труп номер 1 — весь череп полностью разбит, нижняя челюсть сломана. В нем Нина Константиновна Богданович и опознала своего мужа, Семена Павловича Богдановича. У трупа номер 2 штыковая рана в грудь и огнестрельная в голову. У трупа номер 3 раздроблен череп. Труп номер 4, по виду военный, череп полностью разбит. Номер 5 — обе челюсти разбиты, большая часть черепа с виском разбита. Нина Константиновна Богданович заявила, что это — Кожуро, убитый большевиками вместе с ее мужем. Номер 6, по одежде военный, череп разбит. Номер 7 — в осколки разбиты обе челюсти, нижняя часть лица — сплошная масса осколков, череп разбит».

«У номера 9 раздроблена голова и левая бедренная кость, еще при жизни на ней были разрушены мягкие ткани. Номер 10 при себе имеет

документы на имя Зенкова от уездного военного начальника об отпуске по болезни и обязанность явиться на освидетельствование 4 марта 1918 г. и “удостоверение на имя солдата 1-го ударного батальона Павла Зенкова”. Нижняя челюсть раздроблена, левая плечевая кость в верхней трети разломлена.

У номера 20 нижняя челюсть с зубами раздроблена ударом непонятно-го орудия в подбородок. На теле и в голове имеется огнестрельные раны».

«Об участии архиепископа Андроника точных сведений еще не имеется; есть лишь указания, что он был закопан в землю живьем, по-видимому, в Мотовилихинском заводе».

«В отношении епископа Феофана имеются определенные сведения, что он, после истязания, был утоплен в проруби реки Камы...»

«Разбитые черепа с вывалившимися у них мозгами, искаженные невыносимой мукой лица, вывернутые колесом ноги, лужи и брызги запекшейся крови...»

Что это? Цитаты из романа ужасов — из триллера о деяниях инопланетных чудовищ, изобретенных воображением психически нездорового фантаста? Из сценария о каком-то небывалом маньяке, а точнее, группах маньяков? (О организованной бригады маньяков даже фантасты пока не додумались) — Нет. Это документальные свидетельства о нашей реальной истории.

«Одним из спасшихся обитателей баржи была подробно описана ужасная смерть несчастных заложников, которых убивали по очереди топорами, ружьями и молотками. Экзекуция продолжалась всю ночь. Трупы замученных были брошены в Каму. Была описана страшная мучительная смерть захваченных красными на Уфимском фронте двадцати шести чехов. Их беспрерывно мучили три дня и три ночи, и потом топором отсекали отдельные члены туловища, пока они не скончались в страшных муках».

«Окружили завод и произвели проверку рабочих. У кого оказывался рабочий билет, того отпускали, а остальных выводили и собирали на церковной площади, где всех расстреляли из пулеметов. Всего было убито в день захвата города около восьмисот человек».

«В один из праздничных дней два пьяных красноармейца проходили мимо городской купальни, где купались дети. Один из красноармейцев стал хвастаться, что он стреляет без промаха, в доказательство же предложил застрелить купающегося мальчика. Затем, к ужасу проходивших горожан, красноармеец действительно прицелился в купающегося мальчика, выстрелил и убил его наповал...»

Документы, с которыми довелось работать автору, полны таких свидетельств. В разных областях страны разные люди творили запретельные дела...

«Расстреливали тогда 7 человек, в том числе служащую из отдела снабжения. Выступил комиссар Окулов и, заявив, что ему хочется сейчас попробовать свой "браунинг", убил из него первого из числа приговоренных. Затем вышел, кажется, коммунист Заякин и, помахивая своей шашкой, отрубил в 2 приема другому приговоренному голову. Третий комиссар, не зная, чем бы отличиться от своих товарищей, приказал следующему из осужденных рыть себе могилу. Могилка оказалась слишком короткой. Тогда, схватив топор, коммунист отрубил несчастному ноги "по могиле».

Пугает похожесть. Если это не санкционированные, не запланированные действия, если это происки отдельных озверевших безумцев, почему это происходило по всей стране одновременно?

«...В последних боях установлено несколько случаев увечья и издевательства красных над нашими ранеными, оставшимися на поле боя. Так, например, при занятии нашими частями 13 сентября деревни Меньщикова (что в 62 верстах южнее станицы Омутинской) найдены изуродованными и замученными красными наши стрелки, попавшие в плен: у одного — в глаза воткнуты спички, много штыковых ран и следы побоев по всему телу. По показанию жителей деревни Меньщикова, спички были воткнуты в глаза еще живому стрелку и в таком виде его вели до леса, где он был добит штыками, прикладами и нагайками»...

Может быть, так поступали только с военным врагом? Все равно бесчеловечно, но в пылу боев... Нет, документы свидетельствуют об обратном:

«Приказываю вам сжечь деревни Боровую, Ярковокое и Бигшу Гилеволыповской волости. НР 128/оп. Комбриг-115 Полисонов, военный комиссар Попов».

«Ялуторовский уезд. В Бобылевской волости в ночь на 15 ноября нашими проходящими кавалеристами, неизвестно какой части, зарублено 13 человек местных граждан. Они зарублены на улицах и на квартирах.

От пятидесяти домов не осталось и следа, только обгорелые трубы торчали; из ямы, покрытой обломками досок, вышел старик-татарин со старухой — чудом спасшиеся; на глазах их производились пытки и расстрелы... Наконец, они показали огромную яму, наполненную до верха разлагавшимися трупами, каковых было более пятидесяти».

Документы недвусмысленно показывают: врагом был всякий, оказавшийся в недобрый час на дороге красноармейцев, партизан, чекистов, ЧОНовцев. Документы свидетельствуют, что все происходившее тогда — не отдельные ненормальности, а исполнение некой бесчеловечной директивы, разработанной общим центром и сброшенной на места. Директивы, как вести себя на завоеванной территории...

«Командант, он же начальник гарнизона, посажен в тюрьму, подвергнут до казни страшным пыткам, сошел с ума, мычал, ел солому. Военный священник Воецкий после страшных пыток убит. Видел труп одной женщины с распоротым животом. Говорят, вынимали у нее ребенка. Жена Люри, самая красивая женщина в Николаевске-на-Амуре, как участница в помощи нуждающимся семьям белых солдат, была арестована, насилена, промежность разрублена, и замерзший труп ее был воткнут в снег головой.

Андреев назначил комиссию для осмотра укупоренных ящиков, обнаружили деньги в бумагах, золоте, серебре, золотых серьгах, оторванных вместе с мочками ушей. Составлялись протоколы на выловленные трупы из озер и рек. У женщин были отрезаны груди, у мужчин — раздроблены ядра, у всех выловленных трупов были голые черепа».

Это было настолько безумно, что «на местах» даже не всегда понимали, как такое нужно исполнять. Хотя изо всех сил старались.

«Вопрос: Вы выяснили, кого расстреляли и какие у вас имеются материалы об их виновности, и если есть какие-либо материалы, то предъявите их?

Ответ: Материалов нет никаких. Единственное, что у нас имеется, — это список расстрелянных, и то неполный. Список этот мы получили от Следственной Комиссии Штаба 3-й дивизии Ефремова. В этом списке значится всего 47 человек, это значительно меньше того, сколько было расстреляно на самом деле, я не знаю, за что многих расстреляли, многие были расстреляны совсем зря.

Вопрос: Как вы обвиняли и распределяли арестованных?

Ответ: Приехал товарищ Ефремов в городскую тюрьму вместе со мной и с охраной, к нему начали приводить арестованных по составленному списку. Товарищ Ефремов спрашивал: "Кто это?" Из толпы отвечали: "Буржуй, буржуй". После этого товарищ Ефремов приказывал отвести его, и над фамилией означенного лица в списке ставился крестик, что означало расстрел».

Опубликованный в коммунистической газете список расстрелянных достаточно наглядно показывает, за какие «преступления» вполне можно было получить «высшую меру»:

«Сазонова Надежда, арестована 21 ноября за отправление чужого сундука с "Народной армией". Допрошена и по приговору расстреляна 23 ноября.

Кадомов Роман, арестован 8 декабря, защитник белогвардейцев. Допрошен и по приговору расстрелян 9 декабря.

Погодин Григорий, арестован 9 декабря по подозрению. Допрошен и по приговору расстрелян 11 декабря.

Бушуев Петр Ларионович, арестован 10 ноября для выяснения личности. Допрошен и по приговору расстрелян 11 декабря.

Чернышева Варвара, арестована 13 декабря за участие в сборе на нужды Народной армии и за знакомство с Юрьевым. Допрошена и по приговору расстреляна 2 января 1919 г.

Пьянков Филипп, арестован 9 января 1919 г. за сокрытие вещей и продуктов. Допрошен и по приговору расстрелян 11 января 1919 г.»

Комментарии здесь действительно излишни. Стоит только еще раз обратить внимание читателя на то, что это происходило по всей стране. И это было целенаправленное, управляемое действие, а не отдельные приступы зверства. Таким нечеловеческим образом советская власть завоевывала Россию, пока не завоевала. Таким же нечеловеческим образом она удерживала завоеванное вплоть до своего нескорого, но бесславного конца. Коммунисты на этой земле всегда чувствовали себя завоевателями, оккупантами. Эта «философия» диктовала их дальнейшее поведение и в 30-е годы, и в военные 40-е, и после. Это объясняет их бездарную экономическую политику на протяжении всего отпущенного их государству историей срока. Это объясняет их необъяснимое на первый взгляд расточительство природных и человеческих ресурсов России. И поэтому знать правду о Гражданской войне жизненно необходимо. Все начиналось тогда.

* * *

Несмотря на множество исторических работ о Гражданской войне, тема красного террора на этой войне освещена очень слабо. Помимо многочисленных свидетельств очевидцев, первым и долгие годы единственным обобщающим трудом был «Красный террор в России» С.П. Мельгунова (Берлин, 1924.; Н.-Й., 1979; М., 1990). За ним следовал «Красный террор в годы Гражданской войны» (Лондон, 1992; М., 2004), составленный Ю.Г. Фельштинским по материалам основанной А.И. Деникиным Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Главное внимание там уделено Югу России. Восток остается в тени. Лишь издание А.Л. Литвина «Красный и белый террор в России 1918–1922» (Казань, 1995; М., 2004), отчасти касается востока страны. Однако этот автор склонен говорить о терроре в целом, ставя и белых, и зеленых, и красных на одну доску (хотя даже у него «красный» террор занимает больше места, чем «белый» и «зеленый», вместе взятые). Еще есть несколько статей разных авторов об отдельных

фактах красного террора на востоке России во время Гражданской войны, отдельные исследования сибирских и уральских авторов. Вот, пожалуй, и вся историография по данному вопросу.

Поэтому наше издание преследует цель приоткрыть завесу неизвестности по фактам красного террора на востоке России, собрав и организовав доступные материалы, в большинстве своем ранее не публиковавшиеся. Основой сборника послужили архивные документы из фондов Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ). Это фонды 4369 Министерства Юстиции правительства Колчака, 9440 следователя Пермской губернии по особо важным делам при правительстве Колчака, 147 и 1700 Министерства Внутренних Дел правительства Колчака, 5881 Коллекции документов белоэмигрантов. Использовались документы и других фондов ГА РФ. Это фонды 341 Политцентра, 4626 «Акционерного общества Печатного дела» при правительстве Колчака, 149 Енисейской земской управы, 176 Совета Министров правительства Колчака; 5859 «Союза русских студентов в Германии» и личные фонды видных деятелей антикоммунистического сопротивления 5793, 6605 и 8910. Материалы печатных изданий белых и красных. Воспоминания о красном терроре в брошюре «Зверства большевиков», изданной в 1919 г. в Омске. Она не могла быть ксерокопирована и целиком была переписана, как, впрочем, и большинство других документов. Для дополнения картины подавления народных восстаний в книге цитируются документы, опубликованные В.И. Шишкиным в сборнике «Сибирская Вандея» (М., 2000), который касается многих других тем, помимо террора.

Значительная часть используемых здесь документов — материалы следственных органов правительства Колчака, начавших работу весной 1919 г. после освобождения от большевиков территории приволжских губерний и закончивших ее летом того же года из-за быстрого наступления Красной армии. Из-за непродолжительности своей работы они смогли расследовать лишь часть преступлений, совершенных большевиками.

Наш сборник не претендует на полноту. Приведенные здесь данные представляют собой лишь верхушку огромного айсберга под названием «красный террор на востоке России», который был скрыт от граждан нашей страны. Сборник должен положить начало более масштабным исследованиям.

Несомненно, огромный пласт документов по данной теме в архивах ФСБ для большинства исследователей по-прежнему закрыт. Документы, которые удалось получить в Государственном Архиве Российской Федерации, — небольшая часть огромного пласта источников по красному террору, которые должны были остаться. Самый большой их объем надо искать в фондах карательных органов большевиков, то есть ВЧК и ее региональных структур. Как известно, документы 1937–1938 гг. долгие годы хранились под грифом «Секретно» в разных архивах. В начале 1990-х гг. наступила «архивная оттепель», и даже «непробиваемый» Центральный Архив ФСБ (ЦА ФСБ) стал принимать ограниченное число посетителей. Однако уже с середины 1990-х гг. пошла обратная волна. Власть теперь не желает обличительных материалов, и все чаще раздаются голоса тех, кто боится, что их «честь» может быть задета в результате публикации, мол, «не надо переписывать историю». Данная книга — попытка противостоять этой тенденции замалчивания преступлений. Историю надо не переписывать, а восстанавливать. К счастью, и в рядах ФСБ появились люди, понимающие, что в интересах самого ведомства избавиться от груза прошлого, а не скрывать его. В их числе полковник А.А. Петрушин, автор содержательных, по архивным документам написанных книг «Мы не знаем пощады» (Тюмень, 1999) и «На задворках Гражданской войны» (Тюмень, 2003).

Составитель сборника от всего сердца благодарит работников ГА РФ, особенно Л.И. Петрушеву и весь ее отдел, за огромную помощь в его подготовке.

ВВЕДЕНИЕ

Карательная политика советской власти в годы Гражданской войны

Защитники советского режима утверждают, будто красный террор явился ответом на террор белый и не носил массового характера. Кое-кто (даже из очень известных сегодня в России «историков» и политиков) говорит, что репрессированных было «не так и много» и что, в основном, репрессиям подверглись «люди, заслужившие это, — предатели, буржуи и мироеды». Наше исследование должно внести полную ясность. Традиционно большее внимание уделяется репрессиям 1937–1938 гг., во многом из-за их массовости и известности ряда казненных лиц. Однако источники показывают: во время Гражданской войны террор большевиков носил не менее масштабный характер. Поэтому этот период нуждается в тщательном изучении.

В конце 1917 г. масштабы красного террора были еще невелики. Это было связано не с «миролюбием» большевиков, о котором говорил Ленин, а с тем, что их карательный аппарат только готовился к осуществлению массовых репрессий. Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) была образована в декабре 1917 г. Весной 1918 г. организация ВЧК на местах и в центре шла быстрыми темпами: новая власть была крайне нетерпимой по отношению к инакомыслящим, и большевики нуждались в аппарате для их подавления. Насильственное отчуждение собственности тоже провоцировало столкновения. Репрессии против торгово-промышленного слоя и Церкви должны были не только сломить «капиталистов» и «мракобесов», но и перераспределить ресурсы. Это неизбежно стало даже не шагом, а прыжком к началу (полномасштабной) Гражданской войны.

Тому же способствовал разгон Учредительного собрания, законодательного органа, избранного народом. Не принадлежавшее большевикам Учредительное собрание сразу показало, что не будет послушно выполнять их замыслы, и его судьба, таким образом, была решена. За этим последовало кровавое подавление демонстраций в защиту Учредительного собрания. Большевики развязали террор против всего

российского народа, отвергнув его выбор и растоптав ростки демократии в России. Сепаратный Брестский мир предал союзников по Первой мировой войне и был расплатой за то, что немцы помогли Ленину прийти к власти. Он опозорил Россию на весь мир и вызывал естественный протест.

Таким образом, все шаги Ленина были направлены на эскалацию инициированного самими большевиками конфликта. Те очаги Белой борьбы, которые возникли на Дону, в Оренбуржье и Сибири, начали быстро разрастаться. В городах центра России, занятых большевиками, образовывались подпольные организации, ставящие своей целью свержение власти узурпаторов. Здесь-то и потребовалась кровавая работа ВЧК для истребления всех недовольных.

Красный террор официально был объявлен 5 сентября 1918 г. «как ответ на убийства и покушения на убийства советских деятелей Володарского, Урицкого и Ленина». Однако на самом деле красный террор начался намного раньше. При этом лидеры коммунистов делали попытки законодательно закрепить такую практику — это снимало с них всякую ответственность за расстрелы, пытки и унижение человеческого достоинства. «Контрреволюционные» и вообще все политические дела находились тогда в ведении территориальных военных революционных трибуналов и ВЧК. Местные революционные трибуналы дополняли карательную систему. По большевицкому Декрету о суде они избирались губернскими или городскими Советами в составе председателя и шести очередных заседателей¹. Были здесь и защитники, и обвинители. Однако, согласно «Руководству для устройства революционных трибуналов», подписанному наркомом юстиции, «защитниками и обвинителями в революционных трибуналах могут быть все неопороченные граждане»². Не только «судьи», как следует из данного документа, но также обвинение и защита представляли сторону, осуществлявшую красный террор, что полностью исключало непредвзятые приговоры.

Коммунисты стремились вменить террор в обязанность и советской милиции. Осенью 1918 г. член коллегии Наркомата внутренних дел РСФСР В. Тихомирнов и начальник управления милиции А. Дижбит в приказе № 3 осуждали тех милиционеров, которые заявляли о своей нейтральности к контрреволюционным выступлениям и о том, что их

обязанность — защита имущественной и личной безопасности граждан. Они писали: «На советской милиции как первейшая обязанность лежит охрана прав рабочего класса и беднейшего крестьянства. Для советской милиции спекулянт, мешочник, всякое лицо, нарушающее распоряжения центральной или местной власти о твердых ценах, правила распределения между гражданами продуктов и товаров, — большой преступник, чем преступник и вор обыкновенный»³.

Когда в милицию хлынул поток коммунистов, она активно стала участвовать в карательных действиях советской власти от реквизиций до подавления восстаний.

На протяжении Гражданской войны большевиками была создана военизированная система: ВОХР, части особого назначения (ЧОН), внутренние войска, продотряды и продармии. «Эскадроны смерти» советской республики — ЧОН — были созданы из коммунистов, комсомольцев и рабочих активистов 17 апреля 1919 г. постановлением ЦК РКП(б) для «борьбы с контрреволюцией». На декабрь 1921 г. в их составе насчитывалось 39 673 человека кадрового состава и переменного 323 372 человека⁴. При подавлении восстаний они действовали совместно с войсками ВЧК и внутренними войсками.

К концу активной фазы Гражданской войны численность карательных органов и их личного состава неуклонно возрастала. Например, вышшибавшие из крестьян продукты продотряды и продармии в октябре 1918 г. имели 23 201 человек, а к декабрю 1920 г. они выросли до 62 043 человек; всего в их рядах за 1918–1921 гг. побывало около 250 тысяч человек⁵.

Однако главным карательным органом всегда являлась ВЧК, все прочие формирования были лишь вспомогательными. ВЧК также неуклонно росла. Если на 28 августа 1918 г. функционировали 38 губернских и 75 уездных ЧК, а к концу того же года их было уже 365, то на конец 1920 г. — 86 областных и республиканских ЧК, 16 особых отделов и 508 уездных ЧК⁶.

Здесь работало немало бывших жандармов во главе со своим бывшим шефом Джунковским, который делился опытом с чекистами и

³ ЦГАРТ. Ф. 3997. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; Д. 8. Л. 246.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 263. Л. 98.

⁵ Продовольственные отряды в годы Гражданской войны и иностранной интервенции, 1917–1922 гг. М., 1973. С. 119, 255.

⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2563. Л. 6–24.

¹ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. Казань, 1995. С. 39.

² Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства, 1917–1918. М., 1987. С. 204.

благодаря которому, по признанию Дзержинского, они создали четкую функционирующую осведомительную сеть⁷. Интересно посмотреть, какие национальности преобладали в составе работников ЧК. На первом месте стоят русские (77,3%), затем идут евреи (9,1%), далее латыши (3,5%), украинцы (3,1%) и поляки (1,7%)⁸.

На III съезде Советов в январе 1918 г. большевики встретили аплодисментами выступление Ленина. В нем он официально дал «зеленый свет» террору, сказав: «Ни один еще вопрос классово-борьбы не решался в истории иначе, как насильем»⁹. Кроме того, уже тогда Ленин предложил расстреливать спекулянтов на месте¹⁰. Его поддержал Бухарин, цитируя Сен-Жюста: «Нужно управлять железом, если нельзя управлять законом»¹¹.

31 января 1918 г. советское правительство приказало увеличить число мест для заключенных, а вскоре признало необходимым «обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изоляции их в концентрационных лагерях». Для заключения туда требовалось лишь административное решение без судебного разбирательства¹².

Одними из первых по приказу Троцкого в июне 1918 г. в концлагеря попали захваченные в плен чешские и словацкие легионеры, а также офицеры, отказавшиеся вступить в Красную армию. Троцкий регулярно вносил в список другие категории населения. А 9 августа 1918 г. «добрейшей души» Владимир Ильич тоже пополнил список: он потребовал от пензенских властей покончить с крестьянскими выступлениями, приказав «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»¹³.

Заключение «ненадежных» в концлагерь стало одной из главных мер воздействия на рабочих и крестьян, от имени которых Ленин, Троцкий и К^о узурпировали власть. Вот, например, постановление Совета рабоче-крестьянской обороны от 15 февраля 1919 г.: «Взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут

расстреляны». Рабочих предупреждал лично Дзержинский: «Всех недоброжелательных властью рабочих таковыми не считать, а считать их зараженными мелкобуржуазной психологией», для них «концлагеря — это школа труда»¹⁴.

Надо отметить, что компетенция судов, трибуналов, ВЧК, несмотря на разные распоряжения, разграничивавшие обязанности каждого из этих учреждений, все годы Гражданской войны не соблюдалась. Уже 16 июня 1918 г. нарком юстиции П.И. Стучка отменил все ранее изданные циркуляры о «революционных трибуналах», заявив, что эти органы «**в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и прочим не связаны никакими ограничениями**». Позднее председатель революционного военного трибунала К. Данишевский уточнил: «Военные трибуналы не руководствуются и не должны руководствоваться никакими юридическими нормами. Это — карающие органы, созданные в процессе напряженной борьбы, которые постановляют свои приговоры, руководствуясь принципом политической целесообразности и правосознанием коммунистов»¹⁵.

Постановлением ВЦИК от 18 июня 1918 г. во главе революционного трибунала был утвержден председатель Медведев. Его следственный отдел возглавили Розмирович, Кингисепп, Диасперов; в обвинительную комиссию вошли Крыленко, Чикколини, Могилевский. При этом революционным трибуналам предоставлялось право применения в отношении подсудимых любой меры наказания. После этого расстрел стал постоянной практикой революционных трибуналов. Ленин писал: «Не было ни одной революции и эпохи Гражданской войны, в которых бы не было расстрелов»¹⁶. Лидер «мирового пролетариата» говорил, что он «не повторит ошибок гнилого царизма».

За период Гражданской войны функции и состав революционных трибуналов менялись. С весны 1920 г. в их подсудность вошли: контрреволюционные действия, дела «о контрреволюционной спекуляции», должностные преступления и дезертирство.

После 5 сентября 1918 г. происходит ужесточение красного террора, причем параллельно этому процессу смягчились наказания уголовников:

⁷ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. С. 52.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Стенографический отчет. Петроград, 1918. С. 23.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.—Л., 1956. Т. 35. С. 358.

¹¹ В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов. М. 1927. С. 174–175.

¹² Из истории ВЧК. 1917–1921 гг.: Сборник документов. М. 1958. С. 256.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 143–144.

¹⁴ Стенограмма выступления Ф.Э. Дзержинского на 8-м заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г. // Исторический архив. 1958. № 1. С. 6–11.

¹⁵ Собрания узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 44. С. 536; Известия ВЦИК. 19 марта 1921.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 504.

им выносилось все больше условных приговоров¹⁷.

Немало тысяч загубленных жизней и на совести членов революционных военных трибуналов, созданных летом 1918 г. при армейских подразделениях большевиков. Во главе их был поставлен организованный 14 октября 1918 г. военный революционный трибунал Советской республики в составе его председателя К. Данишевского и членов С. Аралова и К. Мехоношина. Этот орган функционировал при Реввоенсовете республики. Таким образом, он находился в подчинении Троцкого. Фактически, революционные военные трибуналы были «тройками», судившими военнотружущих невзирая на их ранг. Диапазон предусмотренных наказаний был широким — от минимального штрафа до расстрела. Однако расстрелы были особенно «модными» и частыми. Главным образом, они применялись за самовольный уход бойцов с боевых позиций, нежелание выполнять ту или иную боевую задачу, а также за дезертирство.

На протяжении Гражданской войны большевики постоянно совершенствовали карательную систему. Численность территориальных и военных трибуналов менялась в зависимости от хода боевых действий на фронтах и обстановки внутри занятой большевиками части России. Какие-то трибуналы упраздняли, чтобы в другом месте создать подобные.

Так, например, в 1919 г. для борьбы с дезертирством были созданы «летучие трибуналы», выездные или образованные непосредственно на местах: они «судили» дезертиров на месте, отстреливая одних в назидание другим. За 1920 г. только через военные (фронтовые) трибуналы прошло 106 966 человек, из которых 5,4% были расстреляны, что составляет 5757 человек¹⁸.

За 1920 г. 26 губернских трибуналов рассмотрели десятки тысяч дел, из которых 12% были делами по обвинению «в контрреволюции», 29% — по должностным преступлениям; большую часть остальных составляли уголовные дела. При этом, по данным советских историков, от общего числа приговоров смертными были 4%¹⁹, и, главным образом, они приходились на «контрреволюционные» дела.

С учетом того, что в разное время существовали уездные, губернские и ведомственные трибуналы, их общее число за 1918–1922 гг.

¹⁷ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. С. 38.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Родин Д. Революционные трибуналы в 1920–1922 гг. // Вестник статистики. 1989. № 8. С. 49, 54.

приближается к тысяче. Каждый из этих трибуналов, судя по архивным данным, расстрелял не одного и не двух человек, а некоторые, наиболее крупные, уничтожали людей сотнями. Поэтому даже приблизительное число осужденных к высшей мере наказания этими чрезвычайными судилищами исчисляется тысячами в месяц.

Следует сказать, что, как отмечали еще советские юристы, революционные трибуналы возникли вопреки решению Наркомата юстиции. Это было вызвано желанием придать репрессиям видимость законности. Но ЧК при этом почти никогда не теряла права брать заложников, вести сыск и следствие, применять пытки как главный инструмент для добывания показаний, выносить приговоры и приводить их в исполнение — все это несмотря на недовольство других влиятельных органов большевицкой власти. Революционные трибуналы занимались, в основном, второстепенными делами, и лишь иногда им поручались дела по «контрреволюционным заговорам».

О том, как работали карательные органы советской власти, какой беспредел они творили, свидетельствует личное обращение одного из членов коллегии Наркомата юстиции РСФСР Козловского к Ленину (17 декабря 1918 г.). Даже по меркам этого «пламенного» коммуниста, считавшего красный террор против буржуазии лучшим средством предупреждения активности белого подполья, как минимум половина жертв были невиновны. Козловский потребовал от имени Наркомата юстиции, чтобы Ленин заставил чекистов уважать хотя бы собственные законы. Советских юристов беспокоили не столько факты массового нарушения законности со стороны ЧК, сколько фактическое отстранение Наркомата юстиции от исполнения своих функций.

Вездесущая ЧК узнала об этом обращении к Ленину. Держинский отнесся к нему весьма нервно, в тот же день созвав коллегия ВЧК. Чекисты постановили внести решительный протест и указали, что будут «считать действия Козловского совершенно недопустимыми и вносящими полную дезорганизацию в работу ВЧК». По личной инициативе Держинского коллегия ВЧК потребовала от большевицкой партии и центрального комитета полного доверия к своей палаческой работе и заявила о недопустимости контроля над своими действиями со стороны Наркомата юстиции²⁰.

Во многом благодаря Козловскому, в конце 1918 — начале 1919 г. проблема подконтрольности ВЧК Наркомату юстиции обсуждалась

²⁰ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 133. Л. 1–2.

в большевицкой печати и на партийных собраниях. Н.В. Крыленко на Московской общегородской конференции РКП(б) 30 января 1919 г. высказался за ограничение прав чекистов и призвал «уничтожить принципы безгласности и бесконтрольности в работе ЧК». Ответ Держинского ошеломил даже многих партийцев. Он высказался резко против предложения Крыленко и добавил:

«Там, где пролетариат применяет массовый террор, там мы не встретили предательства, поэтому право расстрела для ЧК чрезвычайно важно».

Его поддержали видные чекисты, советские работники и члены революционных трибуналов, включая Я.Х. Петерса, Г.С. Мороза и других²¹.

Хотя в 16 из 17 представленных Ленину дел подтвердилось, что чекисты силой выбили признания из непричастных к белому подполью людей и вскоре расстреляли их, «Ильич» встал в этой борьбе на сторону ЧК. Наркомат юстиции РСФСР остался в прежнем положении и не мог урезонить чекистов²².

Но иначе и быть не могло: Ленину требовался грозный карательный орган, готовый в любую секунду расстрелять тысячи людей по одному зову вождя, без всяких доказательств и судебных проволочек, ничем не стесняемый и вызывающий у врагов и соратников панический ужас.

Становление карательной системы на востоке России

Красный террор на востоке России начался до того, как развернулись широкомасштабные операции в Сибири (конец мая — начало июня 1918 г.).

Согласно расследованиям, проведенным Государственной охраной МВД колчаковского правительства, в районе Омска и в Петропавловском уезде в первую половину 1918 г. активно проявил себя сосланный за денежный подлог Кохановский. С приходом к власти большевиков он занял у них видное положение. Он вызвал красный карательный отряд и начал устанавливать свои порядки в уездах, проводить большевицкую агитацию. В этом ему мешали Церковь и целый круг инакомыслящих, главным образом крестьян. Кохановский стал их притеснять. А многочисленные

преступления против простых людей со стороны большевиков им покрывались. Дошло до того, что при помощи карательного отряда Кохановский взял с инакомыслящих контрибуцию в размере 20 тысяч рублей. Наиболее антисоветски настроенные граждане были по приказу Кохановского «избиты и отправлены для заключения в Омскую тюрьму». Что с ними стало — неизвестно.²³

Организация карательных органов большевиков в Сибири шла параллельно с захватом ими власти. Вскоре после своего образования в декабре 1917 г. ВЧК опубликовала обращение «Ко всем Советам на местах» с призывом о немедленной организации повсюду, в том числе и на востоке России, местных Чрезвычайных комиссий для борьбы против контрреволюции. Однако этот процесс на востоке России проходил неравномерно, что впоследствии отрицательно сказалось на работе ЧК. В ряде губернских городов их функции на первых порах выполняли красногвардейские или матросские отряды, часто называемые «летучими». Они формировались из матросов, вчерашних политических ссыльных, рабочих и «революционно» настроенных солдат. В Омске тоже был создан подобный отряд «по охране Совета рабочих и солдатских депутатов», который по возложенным на него обязанностям являлся первым чекистским органом.

В Тюмени, как и во многих других сибирских и уральских городах, советскую власть устанавливал присланный из Петрограда по личному распоряжению Ленина «летучий» отряд Запкуса (Зайпкуса или Запуга). Начал он с Вятки, куда прибыл утром 6 декабря 1917 г. помогать местным большевикам, чью власть не хотели признавать другие политические силы. О том, как это происходило, свидетельствует протокол общего собрания Вятского губисполкома № 11 от 24 января 1918 г. «О действиях летучего отряда по делу расстрела неизвестных лиц. Комиссар отряда, Кириллов, заявил, что расстрелянные были ворами и расстрел произвели по просьбе тысячной толпы. На вопрос, доказано ли, что расстрелянные были ворами, Кириллов считает достаточным «сознание расстрелянных под ударами плетки»²⁴.

После отъезда Запкуса на Урал оказалось, что он оставил в Вятке своего «наместника», матроса Журбу, который «укреплял» советскую власть разными мерами, в том числе и расстрелами.

²¹ Там же. Л. 1–13.

²² Там же. Л. 9, 11, 13; Там же. Д. 134. Л. 1.

²³ ГА РФ. Ф. 147. Оп. 9. Д. 6. Л. 113–113 об.

²⁴ Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны. Тюмень, 2003. С. 26.

Потом Запкус, покурлесив на Урале и в Оренбуржье, прибыл в Тюмень. Вот один из первых его приказов там:

«Все! Все! Все! Предписываю красноармейцам отряда лиц, уличенных в чем-либо преступном, расстреливать на месте!»²⁵

Приказом № 1 от 28 февраля 1918 г. Запкус объявил о введении военного положения. Пункт 10 этого приказа гласил:

«Все лица, замешанные в подстрекательстве к погромам, в агитации против существующей рабоче-крестьянской власти, будут без дальнейших разговоров и рассуждений в 2 счета на глазах всех уничтожаться»²⁶.

Запкус не оставлял «без внимания» и свой отряд. Так, его адъютант Андреев при обыске в квартире знаменитого сибирского купца Колокольниково украл часы, за что и поплатился, поскольку Запкус требовал, чтобы все конфискованное не расходилось «по карманам», а по понятиям шло в «общак». Как вспоминал очевидец тех событий Г.А. Дружинин, «Андреев стоял у башни, а Запкус объяснял матросам и собравшимся зевакам вроде меня о случившемся. Там же самолично, у нас на глазах, он расстрелял своего адъютанта. Тогда я сразу поверил в справедливость и вечность этой новой власти»²⁷.

Арестованный большевиками член Временного правительства князь Львов, которого Запкус держал с другими видными представителями общественности на положении заложника, писал об этом периоде своей жизни:

«Мы жили в атмосфере убийств. У нас на глазах тащили людей из вагонов, ставили к “дровам” и расстреливали»²⁸.

В феврале-марте 1918 г. сибирские чекисты из «летучих отрядов» обнаружили следы существования подпольных белогвардейских организаций. Вскоре последовали соответствующие выступления в Омске и Ново-Николаевске. По данным чекистов, они произошли в связи с новым немецким наступлением и за ними стоял Анненков. Были также сведения, что «нити контрреволюционных заговоров протянулись в разные уезды, в

²⁵ *Он же.* Мы не знаем пощады. Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Тюмень, 1999. С. 11.

²⁶ *Он же.* На задворках Гражданской войны. С. 27.

²⁷ Там же. С. 29.

²⁸ Там же. С. 34.

том числе Мариинский и Кузнецкий»²⁹. Однако ни ликвидировать их, ни предотвратить сами выступления чекисты не смогли.

Эти события показали, что «летучие отряды» не способны эффективно бороться против подпольных организаций. Поэтому собрание Омского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов приняло решение об организации местного органа ВЧК в виде отдела по борьбе с контрреволюцией, председателем которого поставили В.И. Шебалдина. Почти в это же время, 24 марта 1918 г., в № 54 «Известий ВЦИК» было опубликовано постановление ВЧК «О создании местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией». В нем всем советам на местах предлагалось открыть филиалы ВЧК для борьбы против контрреволюции во всех ее проявлениях. В соответствии с этим решением отдел по борьбе с контрреволюцией при Омском Совете 10 апреля 1918 г. был реорганизован в Омскую губернскую ЧК. В Томске была создана Томская губернская ЧК с уездными филиалами в Ново-Николаевске, Мариинске и Кузнецке. Параллельно была основана Тюменская ГубЧК с уездными ЧК — Тюменской, Тобольской, Ишимской, Березовской, Сургутской, Ялуторовской и Туринской³⁰.

Красный террор распространялся из крупных городов в районы. Поэтому именно в крупных городах зафиксировано наибольшее количество жертв красного террора. Но в полной мере эти первые ЧК не смогли себя проявить, т.к. скоро советская власть здесь была свергнута.

Они просуществовали немногим более месяца, показав при этом свою неспособность бороться против разветвленного белого подполья. Так, Томская ЧК во главе с заведомом по борьбе с контрреволюцией Д.И. Кровоносенко была почти полностью уничтожена за день до массового восстания в сибирских городах. Ее сотрудники вместе с другими большевиками отправились в Иоанно-Предтеченский монастырь для реквизиции его имущества и репрессий против монахов; внезапно они наткнулись на переодетых монахами офицеров и эсеровских боевиков из организации будущего генерала Пепеляева, которые именно оттуда готовились нанести удар. Все большевики были расстреляны на месте, не успев воплотить свои планы по репрессиям против монахов. А 26 мая 1918 г. в Ново-Николаевске восставшие офицеры наряду с другими

²⁹ *Зникин В.К.* Деятельность первых органов ЧК Западной Сибири накануне белочешского переворота // История Белой Сибири. Тезисы 2-й научной конференции. Кемерово, 1997. С. 129.

³⁰ *Петрушин А.А.* Мы не знаем пощады. С. 20.

видными коммунистами захватили работников ЧК во главе с председателем Ф.И. Горбанем, который был расстрелян 4 июня того же года³¹.

Омские же чекисты во главе со своим председателем В.И. Шебалдиным этой участи избежали. Прибыв по рекам из Омска в Тюмень, они бросились драконить местное население, опасаясь, что и с ними поступят так же, как с Кровоносенко и Горбанем. Комендант красной Тюмени Шебалдин не шутил, о чем свидетельствует его обращение к гражданам Тюмени от 2 июля 1918 г.:

«Всеми контрреволюционерам и саботажникам, меньшевикам, предателям революции. Если будет замечена контрреволюционная шайка, заявляем впредь, что будем вырывать в корне и уничтожать в 2 счета. Заявляем всем офицерам: кто идет против трудового народа и Советской власти — будет расстреливаться. Довольно мы с вами церемонились. Призываем всех граждан Тюмени и пригородов: если кто узнает, где скрываются офицеры, то должен ради гражданского долга сообщить в отдел по борьбе с контрреволюцией»³²...

В дополнение он издал приказ № 9, в котором определил основу для борьбы против контрреволюции:

«По законам военного времени караются смертью:

1. Измена Советской республике.
2. Ведущие агитацию против Советской республики.
3. Распространители печатно или устно провокационных слухов с целью вредить обороне республики.
4. Все шпионы и дающие сведения чехословакам и другим войскам о наших войсках, их силах и расположении.
5. Всякое неисполнение приказов и распоряжений военных властей.
6. Самовольное оставление позиций»³³.

Вскоре Шебалдин приступил к претворению своих угроз в жизнь. Под предлогом ликвидации «заговора» бывшего прапорщика Чувикова, состоящего на службе в Красной армии, он приказал расстрелять в Тюмени 36 человек. Подтверждений заговора не было, и даже признательных показаний большевикам получить не удалось, поскольку, узнав о репрессиях, Чувиков скрылся. А вообще до «заговора» раздули критику

³¹ Зникин В.К. Деятельность первых органов ЧК Западной Сибири накануне белочешского переворота. С. 131.

³² «К оружию». — Тюмень. 2 июля 1918.

³³ Петрушин А.А. Мы не знаем пощады. С. 21–22.

со стороны Чувикова действий Усиевича, Эйдемана и самого Шебалдина, которые не стали защищать Омск от чехов, словаков и белых, а позорно бежали³⁴.

После свержения советской власти в Сибири коммунисты начали «профилактические» репрессии на Урале, в Башкирии и Поволжье, чтобы уничтожить здесь всех потенциальных врагов. Большевики остались верны заявлению Дзержинского: только за 11 ноября 1918 г. в захваченном ими Ижевске они убили 800 человек, «многие из которых были рабочие, чьи родственники ушли с Народной армией КОМУЧа к Колчаку»³⁵.

Маховик репрессий, которых еще не видела русская земля, раскручивался все быстрее. На основании принятого 21 февраля 1918 г. советским правительством декрета-воззвания «Социалистическое отечество в опасности!», написанного Троцким по поручению Ленина, ЧК получила официальное право внесудебной расправы над «неприятельскими агентами, спекулянтами, громилами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами». Через день сюда добавили «саботажников и прочих паразитов». Кроме того, предупреждалось, что ВЧК не видит иного выхода, кроме «беспощадного уничтожения таковых на месте преступления»³⁶.

В ответ на недоумение по этому поводу левого эсера, наркома юстиции И. Штейнберга Ленин заявил, что «без жесточайшего революционно-го террора быть победителями невозможно»³⁷.

Так де-юре закреплялось то, что творилось по стране де-факто.

Но на этом большевики не остановились: «для оперативного руководства 15 июня 1918 г. ВЧК создало “тройку” из Дзержинского, Александровича и Петерса, а также первую расстрельную “тройку” из Дзержинского, Лациса и Александровича, которые уполномочивали решение вопросов о расстрелах. Их заместителями выбрали Фомина, Петерса и Ильина. Расстрелу подлежали те, кто замешан в заговоре против Советской власти и республики»³⁸.

Истреблению подлежали в первую очередь нелегально имеющие оружие или фальшивую прописку, жандармские и полицейские

³⁴ Там же. С. 22–23.

³⁵ Гутман-Ган А. Два восстания // Белое Дело. Берлин, 1927. Т. 3. С. 158.

³⁶ «Известия ВЦИК». — 23 февраля 1918.

³⁷ Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. — М. — 1992.

³⁸ Отчет ВЧК за 4 года. — С. 19.

офицеры, активисты других партий (кроме «Бунда», левых эсеров и анархистов-коммунистов). Так, 10 июня 1918 г. Советское правительство предложило всем советам «беспощадно истреблять офицеров-заговорщиков, предателей, сообщников Скоропадского, Краснова, сибирского полковника Иванова-Ринова»³⁹.

Репрессии против церкви и верующих стоят особняком в деле о преступлениях большевизма. Уже в начале 1918 г. в своем послании константинопольскому патриарху Герману V «О воздвигнутых на Церковь Божию в России гонениях» патриарх Тихон писал:

«В разных городах нашего Отечества, как-то Воронеже, Туле, Твери, Омске, — народ, шествовавший за святым крестом и иконами с пением молитвы в крестных ходах для моления Бога об умиротворении жизни и о хранении Его Церкви, подвергся обстрелу, причинившему смерть и ранения не малому числу благочестивых мужей, жен и детей»⁴⁰.

В числе первых погибших от рук большевиков крупнейших иерархов Церкви был епископ Гермоген, ярый противник Распутина, заточенный до его смерти в одном из монастырей. Весной 1918 г. он находился при царской семье и вел многие дела Романовых, в том числе и некоторые финансовые операции. Тогда в Екатеринбурге была образована местная губернская ЧК во главе с бывшим революционером-подпольщиком Михаилом Ефремовым по кличке «Финн» и его заместителем, бывшим матросом-кочегаром с линкора «Император Александр III» Павлом Хохряковым. Вместе с тюменскими чекистами они решили без суда и следствия расстрелять Романовых и прибрать к рукам имевшиеся ценности (часть которых чекисты обнаружили позднее вкладах). Объединенный отряд Екатеринбургской и Тюменской ГубЧК примчался 26 марта 1918 г. в Тобольск, к бывшему губернаторскому дому, где жили Романовы. Но не тут-то было: чекисты были посрамлены царской охраной — отрядом из 300 георгиевских кавалеров полковника Кобылинского, не испугавшихся грозной «чрезвычайки» и бодро выкативших пулеметы для горячей встречи незваных гостей. Кобылинский заявил, что разговаривать с ними не будет, пока ему и его отряду не выплатят денежное довольствие за те полгода, на которые его задержали. Привыкшие к тому, что их

жертвы отправляются на бойню покорно, как овцы, чекисты опешили и пошли с горя пить водку⁴¹.

Но добыча была слишком лакомой, и уже в апреле те же чекисты решились снова попытать удачи и совершить на дом налет, для чего решили использовать гранаты. Операция могла пройти удачно только в случае ее полной секретности, поэтому отборный отряд чекистов-террористов с Семкой Заславским во главе поехал в Тобольск под видом рыбаков; Хохряков решил разыграть из себя прибывшего туда жениха. Но тщательно разработанная операция провалилась из-за детей, которые увидели, как «рыбаки» и «жених» перекладывают гранаты и стрелковое оружие, и сообщили об этом взрослым. «Сарафанное радио» моментально разнесло весть о прибытии в город террористов, и незадачливым бандитам пришлось снова убираться из Тобольска восвояси⁴².

Судьбу царя решил комиссар Яковлев-Мячин: он приехал в Тобольск с 5 миллионами золотых рублей по поручению самого Ленина и просто купил царскую охрану. Царь с царицей, судя по найденным потом драгоценностям, как зарытым в клады, так и найденным в одежде их самих и их дочерей, не додумались оплатить себе охрану и тем самым сохранить жизнь⁴³.

Поскольку обыск у царя, царицы и их детей не дал чекистам никаких ценностей, Хохряков 30 апреля 1918 г. приказал арестовать Гермогена, из которого рассчитывал их вытрясти. В заключении епископ находился ровно два месяца, и 30 июня Хохряков, ничего не добившись, утопил его.

К моменту расправы над Гермогеном белогвардейцы перекрыли пути отступления флотилии Хохрякова. Морской «братве» надо было пробиваться к своим с боем, фактически по тылам белых.

Известно свидетельство уральского чекиста Михаила Медведева. Якобы Медведеву это рассказал сам Хохряков: «А потом вывез я его на середину реки, и мы привязали к Гермогену чугунные колосники. Я столкнул его в реку. Сам видел, как он шел ко дну...»⁴⁴ Как бы там ни было, а «на сороковины после утопления епископа Гермогена на маленькой

41 Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны. С. 68.

42 Там же. С. 70, 71.

43 Там же. С. 56, 57.

44 Там же. С. 87.

39 Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 410–411.

40 Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о пресмысливании высшей церковной власти, 1917–1943 гг. М., 2001. С. 131.

железнодорожной станции Крутиха прилетела из леса пуля. Всего 1 пуля, казалось, слепая, а Хохрякову — в сердце»...⁴⁵

Однако чтобы оправдать себя в гнусном убийстве, через пятнадцать лет после этих событий коммунисты-чекисты состряпают дело под № 8654: Гермоген якобы готовил побег царской семьи и входил в специально созданную для этого организацию, по причине чего и был приговорен к смерти. Белые говорили, что его убийство произошло 30 июня на реке Тобол, около Карбанских юрт, на 23 версте от села Покровского, а уже 3 июля его тело выловили около деревни Усалки в 12 верстах оттуда. При огромном стечении народа мученик епископ Гермоген 28 июля 1918 г. был похоронен в Тобольске.

При выборе казни большевики были весьма изобретательны. Приговор «расстрел» или «высшая мера наказания» мог означать мучительную, ужасную казнь. Товарищ министра финансов Омского правительства Аничков вспоминает, что в Екатеринбурге большевики сняли пол в огромном туалете одной из гимназий, который стал представлять собой после этого огромную яму, наполненную фекалиями. В эту яму большевики загнали несколько десятков раздетых догола людей из местной интеллигенции, умолявших их пристрелить на месте и не мучить⁴⁶.

Владычество большевиков в Сибири в 1918 г. было недолгим, однако многим оно запомнилось надолго. При этом сведения о красном терроре проникали и за рубеж. Так, во многих иностранных информационных сводках, полученных от иностранных агентов на местах, можно было прочесть такие сообщения: «Тюрьмы в России в Сибири переполнены мужчинами, женщинами и детьми. Они брошены в тюрьму за то, что не разделяют мнений и взглядов советского правительства. Вас заключают в тюрьму даже тогда, когда вы ничего не говорите и не пишете против Советов. Чтобы стать добычей Чека, достаточно сохранить свободу убеждения. Чрезвычайная Комиссия является учреждением, не знающим чувства справедливости»⁴⁷.

Каждая неудача большевиков отзывалась ужесточением красного террора. Оставление какого-либо города красными войсками, восстание в той или иной губернии означало, что за ними немедленно последуют новые и более жестокие репрессивные меры. Об этом говорит и то, что

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Аничков В. От Екатеринбурга до Владивостока. М., 1998.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 608. Л. 30, 31.

право на внесудебные расстрелы получили трибуналы, которые теперь могли завизировать коммунисты рангом ниже — наркомы юстиции Д. Курский, внутренних дел Г. Петровский, управляющий делами советского правительства В. Бонч-Бруевич⁴⁸. То есть террор становился в советской республике обычной практикой по отношению к оппозиции.

Красный террор официально введен 5 сентября 1918 г. по отношению к любому, кто не понравится советской власти (под предлогом мести за убийство Володарского и Урицкого, а также за покушение на Ленина), окончательно закрепило пытки и внесудебные расправы в качестве политики коммунистов по отношению к населению России на долгие годы. Даже если эти убийства видных большевиков и покушения не были подготовлены самими же большевиками, представителями «конкурирующих группировок» внутри партии, то, во всяком случае, их и не пытались предупредить, так как ими можно было оправдать красный террор.

Впрочем, видные коммунисты официально объявили о красном терроре задолго до 5 сентября 1918 г. Так, член Реввоенсовета Восточного фронта Ф. Раскольников писал 28 июля 1918 г. Троцкому: «В тех условиях, в каких мы работаем, обойтись без расстрелов совершенно невозможно». Он предлагал немедленно ввести на фронте и в прифронтовой полосе «неумолимый красный террор», настаивал на том, чтобы ЧК расстреливала без суда и следствия всех, кто будет уличен в подготовке выступления против советской власти, «агитаторов, тех, кто временно находился у власти, выпавшей из рук Советов»⁴⁹.

Троцкий с пониманием встретил это письмо и, в свою очередь, в поезде на пути к Свяжску вскоре после того, как у красных была отобрана Казань, выпустил следующий приказ:

«Борьба с чехобелогвардейцами тянется слишком долго. Неряшливость, и небрежность, и малодушие в наших собственных рядах являются лучшими союзниками наших врагов... Предупреждаю, что врагам народа, агентам иностранного империализма и наемникам буржуазии пощады не будет. В поезде Народного Комиссара по военным делам, где пишется этот приказ, заседает военный революционный трибунал в составе товарища Смидовича, председателя Московского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов, товарища Гусева, председателя Народного Комиссариата по военным делам, и товарища Жизмунда, представителя Народного Комиссариата Путей Сообщения...

⁴⁸ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. С. 56.

⁴⁹ «Родина». 1992. № 4. С. 100.

Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва–Казань товарищ Каменщиков распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты. Советская республика в опасности! Горе тем, которые прямо или косвенно увеличивают эту опасность!»⁵⁰

Со взятием белыми войсками Каппеля в августе 1918 г. Казани для большевиков создалась критическая ситуация: они не только потеряли огромные склады вооружения, но и золотой запас России, а духу их войск был нанесен сильнейший удар. Возникла непосредственная угроза Нижнему Новгороду. Летом 1918 г. белые успешно били красную армию на всех фронтах от Черного до Японского моря. Поэтому большевицкое руководство пошло на беспрецедентные меры для того, чтобы сделать ее боеспособной. Одной из таких мер стал террор против ее личного состава; в основу был положен принцип коллективной ответственности. Так, прибыв в Свияжск для подготовки к штурму Казани, 14 августа 1918 г. Троцкий предупредил командный состав:

«Если какая-нибудь часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым — командир. Трусые, шкурники и предатели не уйдут от пули. За это я ручаюсь перед лицом всей Красной армии»⁵¹. Для придания армии устойчивости Троцкий использовал заградительные отряды, составленные из коммунистов, которым поручалось расстреливать на месте бежавших с поля боя красноармейцев⁵².

Видя, что «пролетарские» командиры не в состоянии эффективно сражаться против белых частей, Троцкий предложил освободить арестованных ранее офицеров бывшей российской армии и поставить их во главе красных подразделений. Чтобы лишить их соблазна перейти к белым, приказал взять в заложники семьи этих офицеров⁵³.

Троцкий сдержал обещание применять беспощадный террор против бежавших с поля боя. В Свияжске была организована первая децимация (т.е. процентный расстрел) против Петроградского рабочего полка, не выдержавшего удара Каппеля и бежавшего с позиций. Это дело было рассмотрено военно-революционным трибуналом, в который входили А.П. Розенгольц, С. Гусев (Яков Драбкин) и Лариса Рейснер. Троцкий

⁵⁰ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 232–233.

⁵¹ Там же. С. 235, 236.

⁵² Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. С. 42, 43.

⁵³ Там же.

настаивал на самом суровом приговоре.⁵⁴ Матросы расстреляли 27 красноармейцев, комиссара и командира полка.

В начале сентября 1918 г. Ленин выразил удивление и тревогу по поводу того, что Казань до сих пор не взята:

«По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дальше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце»⁵⁵.

Когда в сентябре 1918 г. красные заняли Казань, председатель ЧК Восточного фронта Лацис не стал спешить с репрессиями, понимая, что все активные противники советской власти из города бежали и в городе может находиться лишь небольшая подпольная организация, которую еще надо было выявить. Но уже 22 сентября 1918 г. в «Еженедельнике Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» появился следующий приказ наркома внутренних дел Г.И. Петровского:

«Все известные местным советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должно быть взято значительное количество заложников. При малейшей попытке сопротивления или малейшем движении в белой среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел. Местные губкомы должны проявить в этом отношении особую инициативу»⁵⁶.

В те дни ЦК РКП(б) и ВЧК выработали практическую инструкцию:

«Расстрелять всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать. Взять заложников из фабрикантов, буржуазии и их союзников. Объявить, что никакие ходатайства за арестованных не принимаются. Район определяет, кого брать в заложники. Устроить в районах мелкие концентрационные лагеря. Президиуму ВЧК рассмотреть дела контрреволюционеров, причем всех явных — расстрелять. То же сделать районным ЧК. Принять меры, чтобы трупы не попали в нежелательные руки»⁵⁷.

И в Казани начались массовые репрессии⁵⁸. Уже 26 сентября 1918 г. Лацис отдал приказ: в своей деятельности «ВЧК совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет

⁵⁴ Рейснер Л. Свияжск // Пролетарская революция. 1923. № 6–7. С. 185–186; Гусев С. Свияжские дни // Пролетарская революция. 1924. № 2. С. 102.

⁵⁵ Цит. по: Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. С. 45.

⁵⁶ Еженедельник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1. С. 11.

⁵⁷ Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 79.

⁵⁸ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. С. 59.

Совнаркому и ВЦИК»⁵⁹. А 1 ноября 1918 г. он попытался обосновать необходимость физической ликвидации буржуазии, дав указание местным ЧК по Восточному фронту:

«Не ищите в деле обвинительных улик о том, восставал ли он против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит. Потом — какого он происхождения, какое у него образование и какая его профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл красного террора»⁶⁰.

С самого начала своей деятельности работники разных ЧК развернули своего рода «социалистическое соревнование»: кто больше замучает и убьет «буржуев», «контры» и вообще тех, кто подвернется под руку. Уже к концу сентября 1918 г. ЧК Восточного фронта расстреляла 66 человек; Казанская уездная ЧК тогда же — 40 человек. А особый чекистский отряд уничтожил 109 крестьян во время восстания в Курмышском районе Симбирской губернии⁶¹.

До сих пор неизвестно даже приблизительно, сколько крестьян было убито латышским полком в Камышинском уезде Саратовской губернии 10–21 августа 1918 г. во время жестокого подавления восстания, вызванного реквизицией большевиками лошадей⁶².

Чтобы понять, как «работала» кровавая ЧК, достаточно взять ее официальные отчеты. По этим данным, 21 декабря 1918 г. из 32 человек, проходящих по разным делам в Казанской ГубЧК, расстреляно три человека. А 28 декабря того же года из 43 арестованных — 11 человек. В январе 1919 г. казанские чекисты расстреляли 44 человека, нескольких — в феврале того же года, в марте — якобы никого, в апреле того же года — 5, в мае — 29, в июне — 22, в июле — 10; всего за 7 месяцев — 117 человек. В это число не входят расстрелянные уездными ЧК Татарстана⁶³.

Получается, что в Татарстане в 1921–1922 гг. ежемесячное число расстрелянных составляло от 1 до 7 человек⁶⁴.

О том, что творили казанские чекисты, можно судить по материалам начавшегося в июле 1919 г. в Казанском губернском революционном

трибунале процесса по делу начальства местных карательных органов. На скамье подсудимых оказались не только видные чекисты, но и некоторые связанные с ними жители города. В результате было установлено: М. Кангер, гражданская жена К. Карлсона, председателя Казанской ГубЧК, занимавшая должность заместителя заведующего секретным отделом ГубЧК Э. Лапинлауска, председатель местного «революционного трибунала» В. Устьянцев, следователи ЧК и отдельные лица, пользующиеся их расположением, задерживали по своему усмотрению разных жителей города. Они сажали их за решетку, объявляя заложниками, и требовали в обмен на освобождение определенную сумму денег. Оказалось, что одним из главных инициаторов здесь выступила местная 25-летняя проститутка и содержательница притона, завязавшая с начальством Казанской ЧК интимные отношения и добившаяся права свободного доступа в его учреждение. Именно она указывала своим «поклонникам», кого надо арестовать, и лично «посещала» заложников, выбивая из них деньги, угрожая пытками и расстрелом.

«Политика военного коммунизма», проводимая большевиками по всей стране, особенно давала себя знать там, где советская власть утвердилась раньше. Очень сильно страдало от нее и население Казани, лишенное возможности покупать все необходимое, включая съестные припасы, с рук и на рынке. Как и в других городах, население голодало. Следствием этого стали участвовавшие попытки разгрома продовольственных складов обезумевшими от голода людьми. В декабре 1919 г. казанский губисполком выпустил постановление:

«Ввиду участвовавших краж из продовольственных складов, магазинов и распределителей, принявших угрожающий характер, объявить город Казань и губернию на чрезвычайном положении. На основании этого положения все воры и грабители, захваченные на месте преступления, при совершении ограбления и кражи продовольственных складов и т.п., передаются в распоряжение ЧК, которая вправе в течение 24 часов виновных в хищении народного добра подвергать расстрелу»⁶⁵.

Если верить официальным данным, то в ответ на убийства Урицкого и Володарского, а также на покушение на Ленина всего было расстреляно не менее 6185 человек, в тюрьмы заключили 14 829, в концлагеря — 6407,

⁵⁹ Еженедельник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1. С. 1.

⁶⁰ «Красный террор». Казань. 1918. № 1. С. 1, 2.

⁶¹ Там же. С. 12–18.

⁶² Соколов В. Обзор кулацких восстаний в Саратовской губернии // Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 59.

⁶³ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. С. 67.

⁶⁴ Там же. С. 289.

⁶⁵ Центральный государственный архив Республики Татарстан (ЦГАРТ). Ф. 3977. Оп. 1. Д. 7а. Л. 12.

заложниками были объявлены 4068 человек⁶⁶. При этом сами чекисты признали: «единственной гарантией законности был правильно подобранный состав сотрудников ЧК»⁶⁷.

Наряду с этим официально были введены пытки, и начальство во многих случаях (как в Нолинской уездной ЧК Вятской губернии) требовало дополнять допрос пыткой, «пока арестованный все не расскажет»⁶⁸.

Террор призван был парализовать волю к сопротивлению у противников советской власти. Убивая Михаила Романова в ночь на 13 июня 1918 г. на окраине Перми; царскую семью и ее слуг (всего более десяти человек) в ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге, а также великих князей в разное время, большевики преследовали цель не только устранить конкурентов (обладающих реальными правами на власть), но и запугать простого человека. Как свидетельствуют источники, получивших огнестрельные раны чекисты добивали штыками⁶⁹. Очевидно, и зверский характер расправ должен был говорить противникам советской власти: и с вами будет то же самое.

Долгое время большевики кормили народ сказками: мол, царскую семью убили из-за того, что была угроза захвата ее белыми, и решение это приняли в Екатеринбурге. Но, как справедливо заметил следователь по особо важным делам при Колчаке Н.А. Соколов, занимавшийся расследованием обстоятельств гибели царской семьи, решение об ее уничтожении было принято не в Екатеринбурге, а в Москве⁷⁰.

Большевики не ограничились семьей самого Николая Романова. В ночь на 18 июля 1918 г. в Алапаевске были убиты великий князь Сергей Михайлович, князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи Романовы, а также барон Владимир Павлович Палей, сын великого князя Павла Александровича. Весной 1918 г. их выслали из Петрограда в Вятку, после чего доставили в Екатеринбург и уже отсюда — к месту казни, которой руководил председатель Алапаевского совета Г.П. Абрамов⁷¹.

24 января 1919 г. на Оргбюро ЦК коммунисты решили провести

⁶⁶ *Лацис М.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 75; Он же. Правда о красном терроре // Известия ВЦИК. 20 июня 1920.

⁶⁷ Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 187–188.

⁶⁸ Ежедневник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 3.

⁶⁹ Исповедь палача // Источник. 1993. № 6. С. 111, 112.

⁷⁰ *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. С. 168.

⁷¹ Там же. С. 167–168.

массовый террор и в отношении казачества. Согласно секретному циркуляру, принятому Свердловым, богатые казаки подлежали поголовному истреблению. В этом же циркуляре от местных органов требовалось «провести беспощадный массовый террор по отношению вообще ко всем казакам, принимавшим какое-либо участие в борьбе с Советской властью»⁷². После этого уральский совет принял решение о поголовном уничтожении всех уральских казаков. Большевики постарались выполнить это решение максимально: в некоторых районах было уничтожено до 98% казачьего населения Урала.

Впрочем репрессии против казачества начались еще задолго до циркуляра Свердлова. Так, председатель Оренбургского ревкома С.М. Цвиллинг в конце марта 1918 г. предложил ликвидировать казачье сословие. В ответ казаки подняли восстание. К восставшим решили применить драконовские меры. Восставшие станицы предупредили, что они будут «без всякого разбора виновных и невиновных сметаться с лица земли силой оружия революционных войск». Во время карательного похода только за май-июнь 1918 г. красные уничтожили шесть оренбургских станиц⁷³.

Именно в годы Гражданской войны коммунисты отлаживали ту систему террора, которая долгие десятилетия будет поддерживать всевластие компартии и приведет к гибели миллионов граждан бывшей Российской империи. Тогда же была апробирована в новых условиях варварская система заложничества. Сами чекисты неоднократно сообщали, что там-то и тогда-то расстреляны такие-то заложники, однако более или менее четко это понятие было определено лишь 17 декабря 1919 г. По приказу ВЧК за № 208, подписанному Дзержинским и Лацисом, заложниками считались

«пленные члены того общества или организации, которые с нами борются. Причем такой член, который имеет ценность, которым этот противник дорожит. За какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника или мелкого лавочника, да еще еврея, противник не заступится и ничего за него не даст. Они чем дорожат: высокопоставленными сановниками, лицами из крупных помещиков, фабрикантов, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками находившихся при власти у них лиц и тому подобными»⁷⁴.

Для устрашения тех, кто готовился активно действовать против

⁷² Известия ВЦИК КПСС. 1986. № 6. С. 178.

⁷³ *Чарухин Н.А.* Дутовщина. Антибольшевистское движение на Южном Урале, 1917–1918 гг. М., 1992. С. 11, 12.

⁷⁴ Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 190–191.

советской власти, составлялись специальные списки: перечисленным в них людям грозила казнь⁷⁵.

Старались не отставать от ЧК и особые отделения воинских частей, зорко следящие не только за своими бойцами, но и за попавшими в плен противниками. По свидетельству полковника ФСБ А.А. Петрушина, «у многих особистов разговор с пленными белопогонниками короток: “Контра? К стенке!” В виде явного исключения он показал особиста дивизии Блюхера Шаврина, который-де расстреливал не всех пленных белогвардейцев⁷⁶.

Если среди самих коммунистов раздавались возмущенные размахом террора голоса, то Ленин вставал на защиту чекистов. Так было и в трудный для Дзержинского и всей ВЧК период конца 1918 — начала 1919 г., когда им едва удалось отстоять свое право пытаться и убивать без каких-либо ограничений. Ильич со свойственным ему «добродушием» заявил: «Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие»⁷⁷. По инициативе Ленина ЦК РКП(б) постановил запретить критику чрезвычайной комиссии на страницах печати, «ибо работа ВЧК протекает в абсолютно тяжелых условиях»⁷⁸.

А «отходы» от террора, которые неоднократно декларировали большевики, диктовались лишь популизмом. Например, они действительно провели амнистию, посвященную «годовому юбилею» советской власти, но проведение ее было поручено ЧК!⁷⁹

Особое внимание со стороны ЧК уделялось крестьянам. Дело в том, что, с одной стороны, большевики провозглашали: советская власть — это их власть. А с другой, они, как Ленин, считали крестьянство пусть и мелкой, но буржуазией. А с буржуазией у коммунистов один разговор — к стенке! Владимир Ильич заранее дал зеленый свет самому беспощадному террору против основы русского народа: по его словам, «кулацкие элементы составляли из себя главную и самую серьезную опору контрреволюционного движения в России»⁸⁰. И потому требовал от чекистов и прочих карателей с ними не миндальничать.

⁷⁵ Там же. С. 191.

⁷⁶ Петрушин А.А. Мы не знаем пощады. Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. С. 55.

⁷⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 173.

⁷⁸ В.И. Ленин и ВЧК. С. 133.

⁷⁹ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. С. 65.

⁸⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 11.

На 2-й Всероссийской конференции чекистов 26 ноября 1918 г. приняли такое решение: возложить определение ответственности при «кулацких мятежах» на тех, кто их поднял, оставив за собой право на расстрелы без суда по решениям губернских, фронтовых, армейских и областных ЧК. 4 декабря 1918 г. чекисты решили установить негласный надзор за всеми крупными селами и волостями для предупреждения восстаний и нейтрализации тех, кто собирается их поднять⁸¹.

Вскоре все это было применено на практике. В начале 1919 г. в смежных уездах Симбирской и Самарской губерний вспыхнула так называемая «Чапанная война» (по виду крестьянской одежды), в которой участвовали до 150 тысяч человек. По данным С.И. Гусева, который докладывал Ленину о восстании и его подавлении, оно

«было вызвано безобразной деятельностью местных организаций, как советов, так и партийных. При взимании чрезвычайного налога применялись пытки вроде обливания людей водой и замораживания. При реквизиции скота отнимали последних кур. Представитель уездного комитета партии участвовал, будучи членом ЧК, в десятках избиений арестованных, в дележе конфискованных вещей и прочего. Партийная организация была теплой кампанией грабителей»⁸².

На подавление восстания были брошены два кадровых полка Красной армии и особые карательные части: в боях большевики убили не менее тысячи человек и, кроме того, без суда и следствия расстреляли более 600 «главарей»⁸³.

Другим крупным выступлением крестьян против большевизма стало Вилочное восстание в феврале — начале марта 1920 г. (основным оружием крестьян были вилы). Оно охватило уезды с населением до 400 тысяч крестьян в Уфимской, Казанской и Самарской губерниях. Восстание вызвали действия продотряда в деревне Новая Елань Троицкой волости Мензелинского уезда, отобравшего у крестьян весь хлеб и требовавшего еще. Отказавшихся давать хлеб крестьян посадили без теплой одежды в ледяной амбар, причем среди подвергнутых такому издевательства преобладали женщины и старики. Их родственники 4 февраля 1920 г. бросились на пьянствовавших продотрядовцев и всех закололи; к ним сразу присоединились соседние села. В момент наивысшего успеха восставшие взяли

⁸¹ Резолюции II Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. М., 1918. С. 6.

⁸² «Московские новости». 10 ноября 1991.

⁸³ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. С. 214.

Белебей⁸⁴. 2 марта 1920 г. Дзержинский потребовал в своей телеграмме в Уфимский губисполком применить против повстанцев максимум репрессий и предложил для этого подготовленные отряды карателей-чекистов⁸⁵.

Вилочное восстание также было жестоко подавлено: красные расстреливали деревни артиллерией, причем сами большевики отмечали в официальных приказах многочисленные случаи мародерства и издевательств над пленными. Сохранилось письмо от 29 апреля 1920 г., написанное очевидцем родственнику в Уфу:

«Настроение у крестьян — самое подавленное за большое в марте месяце восстание. Они сильно поплатились, многих из них расстреляли, других — выпороли, а часть посадили в дома принудительных работ. Население стало запуганное, боится больше всего солдат»⁸⁶.

Что уж тут удивляться «одиночным» расстрелам крестьян? Известен, например, случай расправы с усть-щугорским крестьянином по прозвищу «Матрос Мить». Он предупредил белый гарнизон села Ляпино (это на Печоре, за Уралом, в верховьях реки Сосьвы, на восток от Усть-Цильмы), подчинившийся командованию Колчака, о том, что туда для захвата хлеба движется колонна коммунистов⁸⁷.

Тогда в тех краях орудовал «печорский Чапаев» — пленный австриец Мориц Мандельбаум, возглавлявший карательный отряд, состоявший в основном из иностранных наемников. Он проявил себя уже 28 августа 1918 г., когда по его приказу на берегу у деревни Озел расстреляли трех женщин, причем одной из них было всего 17 лет. Поводом для расправы послужил их отказ выдать красным самое ценное — лошадей⁸⁸. По свидетельству красноармейцев его отряда, аргументами в разговоре Мандельбаума с населением были «плеть и угроза расстрелом; подплывая на пароходе к селу, он сперва обстреливал его из пушки, а потом уже высаживался на берег. Он рассуждал: снаряд сам должен найти кулаков и отличить их от бедняков, а ему, Мандельбауму, до этого дела нет, так как все русские — свиньи»⁸⁹. Не отставали и его ближайшие сподвижники. Так, командир входившего в подразделение Мандельбаума отряда Зарубин захватил 22 декабря 1918 г. деревню Щекурья: по его приказу 16 попавших

в плен колчаковцев расстреляны⁹⁰. При отступлении с Печоры в начале 1919 г. Мандельбаум грабил все попадавшие ему крестьянские дворы. По данным генерала ФСБ А.А. Петрушина, «у населения забирали все, начиная от ложек и вилки и кончая коровами и лошадьми. Непокорных расстреливали»⁹¹.

Однако не все воинские части красных были верны большевикам. Об этом говорит, например, восстание в 9-й кавалерийской дивизии А.П. Сапожкова (бывшего конкурента Чапаева «по славе») в июле 1920 г. в Самарской губернии. Военные выступали против грабежей крестьян и «плохих коммунистов». Это восстание было быстро подавлено. Перед трибуналом большевиков предстали 150 человек, из которых 52 были расстреляны⁹².

В 1921 г. при подавлении нарастающих крестьянских восстаний, красный террор достиг наивысшей точки. В 1922 г. число жертв стало меньше: убивать было уже почти некого — бунтари и «буржуи» расстреляны, белогвардейцы ушли за кордон. Однако в период НЭПа (который большевики провозгласили едва ли не идеальным для жизни временем) они не раз напоминали, что при необходимости снова применят красный террор, что потом и произошло. А в начале 1922 г., во время изъятия в Екатеринбурге церковных ценностей произошли столкновения местного населения с коммунистами. До сих пор точно неизвестно, сколько человек в феврале и марте было репрессировано трибуналами, объявившими, что к столкновениям причастны патриарх Тихон и другие высшие иерархи, призвавшие народ не допустить кощунства⁹³.

Красный террор достиг берегов Тихого океана: в Николаевске-на-Амуре, где к началу 1920 г. жило 25 тыс. человек, после погрома, учиненного отрядами Лазо и Тряпицына, осталось не более 5 тыс. — даже 5 лет спустя.

Более подробную картину террора на востоке России можно воссоздать на основе приведенных ниже документов. Среди жертв террора — как знатные, так и простые люди. Великие князья и крестьяне, рабочие и офицеры, мусульмане и христиане, русские и евреи, татары и башкиры...

Сегодня кое-кто пытается оправдать репрессии, представить коммунистов вполне нормальными людьми, которые в то время просто не

⁸⁴ Там же. С. 276.

⁸⁵ ЦА РБ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 83. Л. 22.

⁸⁶ ЦА РБ. Ф.р.-107. Оп. 3. Д. 53. Л. 33.

⁸⁷ Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны. С. 137.

⁸⁸ Там же. С. 141, 142.

⁸⁹ Там же. С. 143.

⁹⁰ Там же. С. 145.

⁹¹ Там же. С. 157.

⁹² Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. С. 277.

⁹³ Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. С. 254, 260.

могли действовать иначе. Представители власти пытаются «примирить» тех, кто убивал, и тех, кто стал их жертвой. Но память о жертвах, наших дедах и прадедах, сохранить необходимо, также как и память о насилии, на котором была основана советская власть. В течение 70 лет оно не только определяло всю жизнь страны, но и сегодня объясняет многие провалы нашей повседневной жизни.

Есть и такие, кто обвиняют только чекистов, — но ведь они были орудием компартии и частью ее аппарата, направлявшего репрессии. Да, они расстреливали, пытали и гноили в лагерях, но винить в геноциде россиян только чекистов означало бы выгородить компартию в целом. Они были исполнителями репрессий, а ленины, сталины и прочие — заказчиками.

Два документа

Теоретическое обоснование того, как работала советская юридическая система в 1918–1922 гг., содержится в лекции «Красное право и красный суд», прочитанной наркомом юстиции Украинской ССР А.И. Хмельницким в Одессе в начале 1920-х гг. Хотя лекция была прочитана уже после Гражданской войны и не на Востоке России, характер сложившейся в 1918–1922 гг. системы она точно отражает.

В качестве дополнения к вводной части этот документ позволяет заключить: советская юридическая система (не только на Украине и в Сибири, но и по всей стране) была нацелена не на справедливое решение дел, а на физическое уничтожение оппозиции коммунистам; красный террор был одним из средств сохранения советской власти в стране. Хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 526. Л. 1–22). Печатается с сокращениями.

«Теперь является вопрос таковой: в красном праве существует ли какой-нибудь принцип, схожий с буржуазным правом? Докажу определенно, что нет, не существует. Но существует ли какой-нибудь принцип, определяющий красное право? Такой принцип, принцип во всяком случае отвлеченный от самого содержания красного права, такой принцип существует. Это принцип чисто утилитарной природы, это принцип классовых интересов пролетариата, это принцип, который имеет прямое и непосредственное касательство к интересам скорейшего проведения коммунистического строительства. Никаких других принципов нет.

Какой же дух веет над всей советской судебной практикой? Я скажу: это дух **революционного утилитаризма**.

В особенности эта наша беспринципность приложима к праву публичному. Наше отношение к суверенитету народа, наши отношения ко

всеобщему избирательному праву, отношение к публичным правам вроде свободы слова, собраний, союзов и т.п. — это наше отношение насквозь пропитано духом нашей правовой беспринципности.

В частности, возьмем вопрос о суверенитете народа. Весьма характерно, что для нас, коммунистов, является совершенно неприемлемым, совершенно несвоевременным не только практическая, но даже принципиальная постановка вопроса о суверенитете народа.

Если для буржуазии, мелкой или крупной, необходимо было прикрыться этим для того, чтобы замаскировать свое господство, то мы в этой маске не нуждаемся, ибо мы ставим во главе всего государства и господства в нем принцип диктатуры пролетариата. Поэтому суверенитет народа мы вовсе отбрасываем, мы **не признаем никаких правовых принципов**, но мы практично принимаем суверенитет пролетариата.

И потому если социалистическая революция встречает какие-нибудь ценности, то мы говорим: **эти ценности не наши, это буржуазно-демократические ценности**. Для нас они никакими ценностями не являются. Если бы мы как-нибудь признавали эти ценности, то мы признавали бы их удобным средством для борьбы против буржуазии, а не против пролетариата. Разберем, в частности, вопрос о всеобщем **избирательном праве и о субъективном праве граждан, вроде свободы слова, собраний, союзов**. Нам часто адресуют упрек, что мы ниспровергли те положения, которые осуществляются в буржуазном строе, говорят, что мы пошли назад даже по сравнению с буржуазным строем. Совершенно справедливо чисто практически, но сам упрек несправедлив. С этим упреком обратились не по адресу. Прежде всего, это является совершенной нелепостью со стороны тех, кто в настоящее время оперируют со стороны программы партии 1903 г.

Советское законодательство правильно возлагает на органы Советской власти обязанность заботиться о том, чтобы так называемая частная инициатива, даже проявляющаяся в недрах трудовых масс, была сведена на нет, чтобы она была заменена инициативой публичной.

Советское государство руководствуется интересами рабочего государства в целом и поэтому лишает отдельных лиц, отдельные группы таких лиц тех прав, которыми они пользовались в ущерб социалистической революции.

Социалистическое государство, применяя труд тех или иных граждан, не вступает с ними в договор, государство никакого договора с рабочими не заключает и заключать не должно, государство выступает как орган власти, проводящий трудовую повинность граждан.

Необходимо истребить самый дух частной инициативы, необходимо истребить принцип самопомощи и заменить его принципом помощи сверху, принципом государственной помощи... Мы считались с тем, что по общему характеру гражданских дел было бы правильнее всего, чтобы эти дела разбирались по внутреннему убеждению, но это внутреннее

убеждение должно быть наполнено определенным предметным содержанием. Это содержание должно руководствоваться определенным критерием, которым должен руководствоваться судья, выковывая свое внутреннее убеждение. Этот критерий указан в законе, этим критерием являются интересы социальной борьбы. **Приложение этого критерия к внутреннему убеждению судей имеет место при производстве суда в революционном трибунале. Дело в том, что эти судьи мало приспособлены к юридическим вопросам, с которыми придется встретиться в гражданских делах.** В настоящее время тут приходится ограждать интересы революции от всяких контрреволюционных посягательств. И тут, несомненно, нужно подчеркивать, что суд должен руководствоваться принципом революционного утилитаризма, а не только узким критерием юриста, более или менее узко доказанным. И он должен исходить из того, насколько этот приговор может опускать Дамоклов меч на ту или другую голову, насколько этот приговор может быть полезен для Советской власти. **Если этот Дамоклов меч поразит лицо, которое, может быть, является невиновным, то Революционный Трибунал и перед этим не должен останавливаться, если нужно поразить, то он должен поразить.**

Что касается нашего карательного права, то в этой области едва ли можно наметить принципиальное новшество, ибо и буржуазным строем были намечены разные отступления от старого классического права. Мы полагали, что в настоящее время, в эпоху обострения Гражданской войны, этот принцип придется еще значительно усилить и расширить. Вот, приблизительно, основные очертания нашего красного права.

Я могу сказать одно: если современному красному праву удастся сыграть ту роль, которую я наметил, т.е. роль хорошего технического оружия, которое облегчит пролетариату его борьбу в преодолении буржуазии, то, несомненно, роль красного права будет исполнена.

Что касается того момента, который подчеркивал гражданин Кулябко-Корецкий, который сводится к тому, что власть на судебном процессе назначает и обвинителя, и защитника, причем защитник, назначенный властью, будет топить обвиняемого или плохо защищать его по самому характеру дела, то это возражение я принимаю. Дается, например, защитник человеку, обвиняемому в контрреволюции. Защитник, назначенный из членов государственной коллегии правозащитников, который, **будучи коммунистом, будет плохо защищать контрреволюционеров. Слава и честь ему. Об этом мы не плачем, пусть гражданин Кулябко-Корецкий поплачет».**

Во фрагменте брошюры «Зверства большевиков», изданной в Омске «Русским бюро печати» в 1919 г. на основе чекистских журналов, открываются факты начала массового красного террора.

«Зверства большевиков.

Журнал палачей.

Когда вы находите на столе библиотеки журналы различных профессиональных организаций и групп, например «Печатник» — орган «Союза печатников», «Металлист» — орган «Союза металлистов», «Вестник инженеров», «Еженедельник общества садоводства», «Голос трактирщика», «Тяжелее воздуха» — печатный орган аэроклуба, «Шкура и кожа» — орган кожевенных промышленников, — это вам не кажется удивительным. Перед каждой профессиональной группой возникает много специальных сложных вопросов, касающихся ее профессии, имеющих важное общественное значение, нуждающихся в освещении в печати. Само существование такого профессионального журнала — яркий показатель, что данная организация широко развивается, что дело ее кипит, работа идет полным ходом.

Кожевенная промышленность, металлисты, печатное дело, трактирный промысел, авиация. Мало ли существует в России профессий. Но что вы скажете, когда я назову профессиональный журнал палачей, издающийся в России?

Да, это страшная правда.

Я говорю о «Еженедельнике чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией».

Такой журнал существует в России. В редакции имеется 2 номера этого журнала, № 3 от 6 октября 1918 г. и № 5 от 20 октября того же года.

«Чрезвычайка»...

Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Есть ли хоть один город в России, где бы без ужаса жители произносили это кошмарное слово?

«Чрезвычайка»... Это значит — расстрелы, порки, изломанные, вывернутые кости, разбитые черепа, изуродованные трупы, насилия, надругательства, поругание всего человеческого... Слезы...

И дымящаяся кровь... Кровь. Кровь... Лужи крови.

Человеческой драгоценной крови.

Вся Россия хорошо, слишком хорошо знает страшную «Чрезвычайку» и никогда не забудет ее. Как не забудет история страшный застенек Ивана Грозного.

Что в России есть «чрезвычайка», что в России нашлось так много палачей, это, может быть, не так удивительно. Разве мало опытных палачей из «охранки» работает в «чрезвычайках»? А какая масса была освобождена уголовных, среди которых наряду с несчастными были и полубезумные кровожадные тигры, которые теперь сладострастно утоляют свою болезненную жажду крови!

Удивительно не это, удивительно другое.

Палачи "чрезвычайки" издают свой журнал. Журнал палачей, официально называемый "Еженедельником чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией"...

"Мы решили сделать террор не бумажным, а действительным. Во многих городах произошли после этого массовые расстрелы заложников. И ЭТО ХОРОШО. В таком деле половинчатость хуже всего» (№ 3. С. 7) — вот исповедание веры журнала палачей.

"Почему вы миндальничаете?" — спрашивает Москву Нолинская "чрезвычайка" в статье, посвященной вопросу об ОСВОБОЖДЕНИИ английского дипломатического представителя Локкарта.

"Скажите, почему вы, вместо того чтобы подвергнуть его таким пыткам, от одного описания которых холод ужаса охватил бы контрреволюционеров, почему вы позволили покинуть ему В.Ч.К? Ведь это значит совершенно отказать от марксистского взгляда на внешнюю политику!"

"Для каждого из нас должно быть ясно, что английский нажим на нас зависит только (курсив подлинника — С.Б.) от имеющихся у английских империалистов свободных сил и от внутреннего состояния этой страны. Англичане и так жмут, как могут, и от пыток Локкарта этот нажим увеличиться не может... Довольно миндальничать!"

"Поймать опасного контрреволюционера, извлечь из него, что можно, и отправить на тот свет" (курсив подлинника — С.Б.).

Двелок в своем фельетоне (есть в этом журнале и фельетоны) доказывает, что пытки — излишняя жестокость. Его рецепт действий — просто убивать: "ни одного ругательства по адресу злейших врагов. Без всяких пыток и доказательств. Без лишних слов".

Далее не одну страницу занимает список расстрелянных по всей России.

Витебская "чрезвычайка"... расстреляны... Себежская "чрезвычайка"... расстреляны... Астраханская "чрезвычайка"... расстреляны... Яранская "чрезвычайка"... расстреляны... Курская "чрезвычайка"... расстреляно 9 человек, в том числе бывший член Государственной Думы правого крыла Шатохин Николай Иосифович, член 'Союза Русского Народа' Афросимов А.А., бывший председатель местного дворянства Сипунов И.П., лидер местного отдела партии народной свободы, князь Кутьев Д.Я., активно выступивший с оружием в руках против Советской власти на Украине и раненный советскими войсками и другие.

Арестован за агитацию против Советской власти Пушкарев Н.П. При обыске у него найдены отрывки переписки с белогвардейцами из Украины и Екатеринбурга. Дело о нем передано в Московский революционный трибунал".

"Пошехонская чрезвычайка постановила расстрелять (5 имен)... Между прочими А. Таев, правый эсер, бывший офицер, «агитатор против Советской власти»; Ровцов — за тайную оппозицию против Советской власти.

Пензенская... Расстрелян граф Мусин-Пушкин...

Нижнеломовская... Расстреляно...

Липецкая... расстреляно... Нижегородская... Расстреляны (Терепенко, учитель, правый эсер; офицер Мартынов...).

Протокол заседания западно-областной чрезвычайной комиссии... Слушали... дело Антоновича Стефана, бывшего офицера. Постановили: расстрелять.

Слушали дело Гепнера В., бывшего смоленского полицмейстера. Постановили: расстрелять.

Слушали дело Дормана, обвиненного в организации восстания. Постановили: расстрелять. Слушали дело Петрова, бывшего полицейского пристава, работавшего в отделении по борьбе со шпионством. Постановили: согласно заявлению комиссара по борьбе со шпионством освободить Дормана как нужного работника.

Слушали дело Фенраевского В., бывшего офицера, участника заговора 'дорманцев', проникшего в советские учреждения для активного оказания помощи в заговоре против Советской власти. Постановили: расстрелять.

Слушали дело Захарова Александра, бывшего офицера. Постановили: расстрелять...

Слушали дело Шварца Наума — банкира, арестованного в связи с заговором 'дорманцев'. Постановили: за неимением фактических улик — освободить.

Слушали дело Реуга и Энгельгардта, крупных помещиков Смоленской губернии. Постановили: расстрелять.

... — Дело Ждановича, присяжного поверенного, члена кадетской партии. Расстрелять. — Дело Троицкого Федора, дьякона, участника Бельского восстания против Советской власти... Расстрелять. — Дело Чулкова, попа, участника Бельского восстания. Расстрелять (№ 5. С. 25). — Дело Джунковского В.Ф., генерал-лейтенанта, бывшего товарища министра внутренних дел и шефа жандармов. Постановили: заключить в каторжную тюрьму и довести до сведения центра".

Расстрелять, расстрелять, расстрелять. Иногда попадается приветственный адрес.

"Да здравствует революционный вождь, товарищ Ленин! Мы, работники чрезвычайной комиссии... клеймим позором предателей и соглашателей — меньшевиков и эсеров, идущих на поводу у буржуазии. Смерть изменникам революционного Интернационала! Да здравствует красный террор против буржуазии и ее прислужников!"

А дальше снова:

Расстрелять. Расстрелять. Или: Расстреляны. Расстреляны.

Таков журнал палачей.

От его чистеньких аккуратных страниц, от черных типографских строк поднимается удушающий запах человеческой крови. Листая его страницы, вы чувствуете себя забрызганным человеческой кровью. Немым ужасом веет от журнала.

Вы слышите стоны и нечеловеческие вопли. Вы явственно ощущаете невыразимый предсмертный ужас казнимых, от дуновения которого шевелятся волосы на голове и дрожь пробегает по телу.

Страшен журнал палачей.

В наши дни ходят слухи о развиваемой повсюду большевиками агитации в пользу Советской власти. Промелькнуло в газетах постановление, воспевающее соглашения с Советской властью. Очевидно, кто-то пытается согласиться!

Неужто эти соглашатели, если только они есть, забыли все прошлое? Вероятно, они забыли этот страшный кровавый разгул. Тогда пусть они возьмут журнал "Чрезвычайки" и посмотрят, как живут в Совдепии. Неужели они хотят этого кошмара, этого безумия сорвавшегося зверя?

Борьба с большевиками до конца, во имя всего, что есть лучшего в человеке, вот что хочется крикнуть, когда вы заглядываете в этот страшный журнал и невольно вспоминаете кошмарные минуты недавнего большевистского правления на Урале.

С содроганием закрываю "еженедельник" советских палачей и случайно опять прочитываю:

"По постановлению Петроградской чрезвычайной комиссии расстреляно 500 человек заложников" (№ 5. С. 24).

500 человек!»

Создание следственной комиссии правительства Колчака

Факты, связанные с красным террором, начали собирать с установлением в ноябре 1918 г. власти Омского правительства. Это делали как его агитационно-пропагандистские органы, так и Министерство юстиции. Документы из переписки № 39 МИД с Министерством юстиции и других органов власти белых в Сибири раскрывают механизм этой работы.

Из секретного письма № 341 от 8 мая 1919 г. исполняющего обязанности министра иностранных дел в Сибири Сукина министру юстиции Омского правительства Тельбергу следует, что сбор разрозненных сведений о красном терроре был поставлен на официальный уровень. Эти

сведения могли дискредитировать большевиков за рубежом и склонить определенные круги в зарубежных державах к поддержке белых.

Хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 457. Л. 1).

«Препровождаю копию телеграммы министра Иностранных Дел от 28 апреля 1919 г. № 810 по вопросу о следственных комиссиях для расследования преступлений большевиков. Организация этих комиссий признана Политическим Советом в Париже необходимой. Имею честь просить Ваше Превосходительство не отказать в принятии мер к образованию таких комиссий и в последующем меня уведомить для сообщения упомянутому Политическому Совету».

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности».

Телеграмма № 810 министра иностранных дел Сазонова из Парижа на имя управляющего МИД Омского правительства Сукина, от 28 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 457. Л. 2).

«Чтобы ясно осветить действия большевиков, что также в интересах потерпевших от их преступлений, Политическое Собрание считает необходимым сосредоточить в Париже материалы и документы, устанавливающие преступления большевиков, собранные с соблюдением **всех гарантий точности и достоверности**. К числу таких преступлений должны быть отнесены убийства, грабежи, разбои, истязания, поругания святынь, равно лишение русского народа завоеванных свобод, как-то: закрытие органов печати, разгон городских дум, взятие заложников, аресты без предъявления обвинений, обыски без законного основания, незаконная конфискация имущества и т.п. Ввиду этого крайне желательно незамедлительно организовать на местах, главным образом в только что освобожденных от большевиков районах, **следственные комиссии из лиц, занимавших судебные должности**. Этим следственным комиссиям должны быть предоставлены все установленные судебными уставами 1864 г. права судебных следователей, чтобы протоколы допроса означенных комиссий имели силу актов формального предварительного следствия. Документы эти направлять в Посольство России в Париже, где они будут изданы как акты правительственных комиссий о зверствах большевиков. То же сообщите в Екатеринбург».

Выписка № 10 из журнала заседания Совета Министров от 21 мая 1919 г. показывает, что лидеры Белого движения в Сибири слишком медленно работали в намеченном Сазоновым направлении. Между его телеграммой и первым законодательным решением о создании следственных комиссий о преступлениях большевизма прошел почти месяц. В течение этого месяца большевики овладели значительным районом, который ранее занимали белые, что исключало возможность сбора сведений о

красном терроре в тех местах. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 457. Л. 4).

«Слушали: письмо управляющего МИД о необходимости создания следственных комиссий для освидетельствования преступлений большевиков.

Постановили: Признать желаемым разработку проекта постановления об учреждении центральной следственной комиссии для расследования преступлений большевиков и образовать их в районах действий военных и гражданских властей, гражданских и военных юристов, а также на местах».

Секретное письмо № 15 из Министерства юстиции правительства Колчака помощнику юрисконсульта этого же ведомства М.О. Роецкому о создании следственных комиссий, от 26 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 324. Л. 6).

«Уведомляем Вас, что по распоряжению господина товарища министра юстиции Вам поручается составление проекта постановления об учреждении Центральной Следственной Комиссии для расследования преступлений большевиков и органов этой комиссии из числа гражданских и военных юристов на местах».

В документе, датированном серединой июня 1919 г., содержатся подробные дополнения к законопроекту «Об учреждении Чрезвычайной Следственной Комиссии для установления и расследования преступных деяний, совершенных представителями Советской власти и ее приверженцами». Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 457. Л. 9 об., 10). Печатается с сокращениями.

«Признавая, что собранные комиссиями материалы, как имеющие международный характер, должны отвечать требованиям безусловной точности и достоверности, Министерство Юстиции полагает, что работы по собиранию материалов должны быть возложены на опытных юристов. Этим определяется состав Чрезвычайной Следственной Комиссии, образуемой под председательством одного из сенаторов Кассационного Уголовного Департамента из членов, каковые могут быть назначены из чинов судебного и военного ведомства, прослуживших в судебных должностях не менее 10 лет, а также присяжных поверенных, пробывших в этом звании не менее 10 лет. Такой состав комиссии придает ей полную авторитетность в глазах европейского общественного мнения и служит гарантией безусловной точности и достоверности собранных ею материалов.

Число членов Чрезвычайной Следственной Комиссии, считая и председателя, законопроектом определяется в 10 человек, исходя из обширности заданий, возлагаемых на комиссию.

Назначение и увольнение председателя и членов комиссии совершается указами Верховного Правителя.

Принимая во внимание не продолжительность работы следственных комиссий, но ее интенсивность, следовало бы членов комиссий, находящихся на государственной службе, освободить на время пребывания там от своих прямых обязанностей с сохранением полученного ими по должности содержания.

Члены комиссий из числа присяжных поверенных, как не получающие жалования, а теряющие если не весь, то часть заработка, должны получать суточное вознаграждение в размере 60 рублей в сутки.

Для успешности работы члены чрезвычайной комиссии должны пользоваться всеми правами, предоставляемыми судебным следователям, что в связи с требованием о том, чтобы все следственные действия комиссии, ее членов и лиц, действующих по ее поручению, производились по правилам Устава Уголовного Судопроизводства, придает актам допроса комиссий силу актов формального предварительного следствия.

Образование наряду с Чрезвычайной Следственной Комиссией местных комиссий, по мнению Министерства Юстиции, является нецелесообразным, т.к. это отвлечет от исполнения своих прямых обязанностей многих лиц судебного и военно-судебного ведомств, в которых на местах и так ощущается острый недостаток. Между тем исполнение отдельных следственных действий и поручений комиссии на местах может быть возлагаемо на лиц прокурорского надзора, следственных властей военно-гражданского ведомства. Кроме того, это может быть возложено на действующие на местах следственные комиссии.

Для ведения делопроизводства и исполнения следственных действий по соглашению с председателем Чрезвычайной Следственной Комиссии, с министрами, военным или юстиции, в распоряжение ее может быть командировано потребное количество лиц означенных ведомств.

При данной комиссии должна состоять канцелярия.

Потребные для Чрезвычайной Следственной Комиссии денежные средства, по мнению министра юстиции, должны быть отпущены за счет военного фонда».

Глава 1. ИЗ РАССЛЕДОВАНИЙ КРАСНОГО ТЕРРОРА ПРАВИТЕЛЬСТВОМ КОЛЧАКА

Поволжье, Урал и Предуралье

Отрывок из воспоминаний одного из членов Учредительного собрания о красном терроре в Поволжье 1918 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 8910. Оп. 1. Д. 441. Л. 76–168).

«Миновал Свияжск, Романовский мост (через Волгу), перед Казанью мы узнали, что там на вокзале пошли большие строгости: постоянно дежурит наряд латышей во главе с каким-то свирепым комиссаром, все пассажиры подвергаются тщательному осмотру, нередко происходят аресты действительных или мнимых белогвардейцев, которые затем иногда бесследно исчезают.

Незадолго до нашего приезда в местном гарнизоне на почве нежелания выступать на фронт произошли волнения. Мне рассказывали, что баржу с непокорными красноармейцами, протестовавшими против отправки, обстреляли с берега из пулеметов — многих, конечно, убили и ранили. [Это событие произошло в конце июня 1918 г. — С.Б.]

Относительно положения в Бугульме — нам сообщили, что красные... жестоко грабят население... Последние дни своей власти красные чинили в городе и соседних деревнях насилия и грабежи, реквизировали крестьянское добро, угоняли и резали скот. “У вдовы многодетной последнюю корову зарезали!” — волнуясь говорил крестьянин, прибавляя по адресу красных весьма нелестные эпитеты.

В Омске тридцатого мая был арестован и заключен в концентрационный лагерь для военнопленных с применением строгого тюремного режима целиком формирующийся вновь чехословацкий батальон новобранцев.

Троцкий... подтвердил в порядке военных действий... пленных [чехов и словаков] во время боя не брать».

Далее автор описывает сдачу красными Уфы в июле 1918 г. и большевицкий террор в Поволжье и Предуралье:

«Последние несколько недель, по общим отзывам, были кошмарными. Но уже и раньше, весной, жить стало чрезвычайно тяжело. Комиссарская мелкота, командовавшая в Уфе после отъезда в столичные центры крупных местных большевицких деятелей — Цурупы, Брюханова, Свидерского, Юрьева, — все эти Эльцины (Председатель Губисполкома), Кадомцевы (Военный Комиссар), Микадзе и Зенцовы (комиссары по охране города) совершенно задавили всякую общественность. Реквизиции, аресты,

контрибуции терроризировали население. С выступлением чехословаков положение еще более ухудшилось. Постановлением 3-го Губернского Съезда Советов, состоявшегося в первых числах июня, все газеты, кроме советских, были закрыты.

Четырнадцатого июня в Уфимской губернии, как и в других местностях угрожаемого чехами района, была объявлена первая советская мобилизация пяти возрастов запасных, родившихся в 1893–1897 гг. Мобилизация эта, ввиду уклонения населения от призыва, сопровождалась репрессиями. Характерной иллюстрацией последних является расправа, учиненная над селом Архангельский Завод Стерлитамакского уезда. Сюда за отказ мобилизоваться была послана карательная экспедиция в количестве пятисот штыков при нескольких пулеметах. Ранним утром 8 (21) июня завод был окружен. Часть красноармейцев, в сопровождении сотни порожних подвод, вошли в село. Из большинства домов было вынесено и погружено на везы все ценное добро, после чего избы взрывались ручными гранатами и сжигались. Таким образом, было уничтожено огнем около трех четвертей поселения. Большая часть скота — угнана.

Так как военные дела шли плохо и чехи продвигались к Уфе, то большевики стали вымещать свою злобу на всех действительных или воображаемых врагах. С четырнадцатого июня начались аресты всех видов общественных деятелей Уфы, как из буржуазной среды, так и из социалистических кругов. Красноармейцами были арестованы даже члены иностранных миссий, хотя вскоре — отпущены. Чуть не каждую ночь происходили облавы и почти все общественные, классовые и частью даже профессиональные организации понесли тот или иной урон. Поднялась паника... Арестовано было более ста человек... Начался террор и в уездах. Мне рассказывали о расстрелах в селе Мясогутове Златоустовского уезда, во время которых погиб земский страховой агент Шейман. В Аскине, на глазах семьи, после исповеди и причастия, был поставлен на краю могилы, вырытой для него, и расстрелян купец Мамыкин. На станции Запрудовка, по распоряжению комиссара Тотского, было расстреляно даже 15 левозеровских дружинников, добровольно мобилизовавшихся на Белорецком Заводе в помощь советской власти, но требовавших признания за ними права демобилизации по постановлению своей партии. Тремстам других их товарищей, исключенных за это же из советских войск, было отказано во всякой помощи. Перечислить все жертвы красного террора по губернии за этот период совершенно невозможно, так как он принял массовый характер. В некоторых местах, например в деревне Зелим, из местных большевиков образовались особые “штабы” для борьбы с “контрреволюционерами” и “буржуями”. Но террор не помогал, среди населения росло недовольство и озлобление».

В конце июня — начале июля 1918 г. советское командование сделало попытку призыва рабочих Поволжья в Красную армию, но неудачно:

«Уфимские железнодорожники требовали оружия, но не собирались идти на фронт. В особом воззвании Подвойский, жалуясь на измену части рабочих пролетарскому делу, грозил им репрессиями вплоть до расстрела. Бывали дни, когда отступавшая красная армия Блохина отходила в сутки на несколько десятков верст назад. Жестокие репрессии не помогали делу».

Этот же источник приводит данные про «бывшего председателя Уфимского Революционного Трибунала Хасана Джалалова, арестованного за преступную мягкость в отношении контрреволюционеров». Упоминает он и о судьбе уфимских заложников:

«В селе Топорнино местный житель слышал, что на Каме, на корме парохода, расстреляно несколько человек, в том числе его знакомый священник села Топорнино В.Ф. Воробьев. По его словам, из Топорнино, как и из Уфы, также были увезены заложники.

Старик Полидоров, как говорят, был задушен... Борец Порываев — сначала оглушен ударами дубины по голове...

Часть заложников была спасена в сарапульской больнице ижевцами, в том числе — доктор Успенский.

Заложники, увезенные в Вятку, были впоследствии отпущены в обмен на возвращение колонии детей петроградских рабочих, оказавшихся в районе Уфы в момент ее занятия чехами.

[В этот момент] был раскрыт военный заговор в Симбирске, в результате чего, по распоряжению Кобозева, был расстрелян военрук и сто пятнадцать офицеров».

Источник сообщает факты красного террора против Оренбургского казачества:

«Режим, установленный советскими комиссарами Цвиллингом, Леплевским и другими, — восстановил большинство населения против красных.

Восстание Каргина в поселке Изобильном и станицы Буранной вызвало жестокие репрессии... Ряд станиц был уничтожен и сожжен дотла».

Екатеринбург и Уральская область

Подробности расстрела без суда и следствия Царской семьи и ее прислуги в июле 1918 г. в доме Ипатьева известны. К ним надо добавить и другие жертвы красного террора, осуществляемого большевиками в Екатеринбурге в течение непродолжительного времени. Ниже приведены рапорт и представление высших чинов ведомства юстиции правительства Колчака. Документы хранятся в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 485. Л. 2, 3).

«24 января 1919 г.

№ 33

Господину министру юстиции
Прокурору Казанской Судебной палаты

Рапорт

Имею честь представить при сем Вам, господин министр, копию представления прокурора Екатеринбургского Окружного Суда от 2 сего января за № 8.

«Его Превосходительству
Господину Прокурору Казанской Судебной Палаты
Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда

Представление

На основании § 17 Наказа Генерал-Прокурора, имею честь донести Вам, господин прокурор, что мной вместе с сим предложено судебному следователю по важнейшим делам Наметкину произвести предварительное следствие. Следствие это по делу о расстреле в июле месяце 1918 г. большевиками близ Уфалейского завода арестованных и препровожденных затем на окопные работы граждан города Екатеринбург: братьев Макаровых, Топорищева и других; а также граждан завода Рожевского, в числе этих последних и бывшего следователя 9-го участка Екатеринбургского уезда Григория Архиповича Щапова.

Из поступившей пока ко мне переписки видно, что 23 апреля 1918 г. гражданин завода Рожевского Иван Степанович Картенков, доктор на том же заводе Д.П. Крюков и Щапов были в гостях у местного фельдшера Аркадия Ивановича Пущина. Во время ужина между Щаповым и доктором Крюковым зашел разговор на политическую тему, причем Щапов стал упрекать Крюкова за то, что последний вступил в партию большевиков. Крюков стал резко отстаивать эту партию и говорил, что красной армии надо помогать, что капиталистов надо превратить в бедноту, реквизируя их имущество, и что он готов умереть вместе с большевиками. В свою очередь, Щапов резко протестовал против таких заявлений доктора Крюкова, причем разговор их принял весьма острый характер. В конце разговора Крюков заявил: 'Не буду я Крюков, если тебя, Щапов, не арестую, как контрреволюционера'.

В июне месяце 1918 г. судебный следователь Щапов зашел в дом к своему знакомому, вышеупомянутому Картенкову, причем они стали рассуждать, как бы скорее избавиться от большевиков. При этом они пришли к выводу о необходимости создать особую организацию. Этот разговор был подслушан случайно зашедшим в то же время к Картенкову ярым большевиком того же завода Андреем Ивановичем Бобылевым, который передал услышанное им состоящей в качестве сыщицы при местном Совдепе

Таисии Мозгалевой, последняя же донесла об этом Совдепу, членом которого состоял доктор Крюков.

Спрошенный на дознании свидетель Афанасий Гусев, бывший вместе со Щаповым на окопных работах, показал, что когда его, Щапова, в числе других 7 человек комиссар Хромин вызывал на расстрел, то крепко пожал Щапову руку. Щапов сказал ему, Гусеву, и другим товарищам по окопным работам: 'Я умираю из-за доктора Крюкова'.

К переписке приложена копия протокола общего собрания граждан Рожевского завода, составлявших 'советскую организацию', председателем которой был избран упомянутый доктор Крюков.

По собранным мной сведениям, доктор Крюков находится в настоящее время в городе Камышловле, где состоит на службе врачом в одном из местных полков.

Мной было предложено следствие по этому делу. Независимо от этого, копии всех соответствующих актов дознания, указывающих на принадлежность доктора Крюкова к активной деятельности большевиков, мной препровождены военно-следственной комиссии.

Прокурор суда В. Иорданский
Секретарь В. Богословский».

Отрывок из воспоминаний генерала Рябикова дает ценные сведения о красном терроре в Екатеринбурге против представителей торгово-промышленного слоя. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 54).

Рябиков свидетельствует: на богатых

«мало действовали уже полученные уроки [красного террора], так, например, в Екатеринбурге на моих глазах купцы платили большевикам громадные реквизиции, попадали в тюрьмы при неуплате, брались в заложники, некоторые из них расстреливались. Так, например, были расстреляны сын миллионера Первушина, попавший в тюрьму заложником, и ряд других лиц. А при освобождении Екатеринбурга купцы ограничивались ничтожными суммами в пользу Белой армии, видя, что Белое управление весьма мягко и не нажимает на них никакими репрессиями».

Пермская губерния

Протокол допросов от 30 декабря 1918 г. свидетелей по делу расстрела большевиками железнодорожных служащих хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 50). Печатается с сокращениями.

«Я, начальник отдела милиции, 30 декабря 1918 г., находился на станции Кузино вышеназванной железной дороги, на основании 2619 статьи

Устава Уголовного Судопроизводства, составил настоящий протокол о нижеизложенном: собирал сведения об убитых и расстрелянных агентах Западно-Уральской железной дороги большевиками согласно распоряжению ее главного управляющего. При этом опрошенные по сему делу лица объяснили следующее: Счетовод 1-го участка Службы Пути Александр Леонтьевич Данилов, гражданин города Самарканда, заявил, что слышал о расстреле большевиками дорожного мастера станции Кормовище Залит. Кроме того, он слышал и о расстреле большевиками его сына, телеграфиста Залит. За что они были расстреляны, он не знает. Также он располагает данными о расстреле большевиками начальника станции Лысьва Казубенко. Судя по переписке в личном деле Якубова, это произошло по настоянию его и смотрителя Пермской дороги Масыгина, а также коменданта станции Шибанова, за принадлежность якобы его, Казубенко, к числу контрреволюционеров.

Жена дорожного мастера в Заколodge Залит, Мария Петровна Залит, сообщила, что чехи и словаки со станции Кормовище отступили ночью 13 августа. Вечером на следующий день пришли красные. Комендант станции Бобышев и помощник начальника станции Филистеев приказали оставшимся служащим выйти на работу. На следующий день, то есть 15 августа 1918 г., мой муж, поработав немного на станции, пошел в казарму 39-й версты, откуда обратно не возвращался. Я узнала об аресте моего мужа от одного рабочего на станции. После моего возвращения со станции сын мой, телеграфист Иван Николаевич Залит, пошел на станцию, откуда тоже обратно не вернулся.

Нужно сказать, что до ареста моего мужа и сына, первого возили на 42-ю версту, где стоял штаб красных, откуда мужа привезли обратно на станцию. По поводу дальнейшей судьбы моих мужа и сына знаю то, что в час дня, как говорят, приехал какой-то Политический Комиссар Бела Кун и тотчас расстрелял их».

Жена Казубенко, Варвара Алексеевна, показала:

«Когда 11 августа 1918 г. чехи и словаки отступили со станции, то в тот же день моего мужа арестовали и отправили в город Пермь.

Когда моя дочь Мария явилась в Пермскую Городскую Чрезвычайную Следственную Комиссию, то комиссар Екинин сказал: отец твой расстрелян, и на ее вопросы, когда и за что расстрелян и где похоронен, отвечать отказался и велел обратиться к комиссару Малкову, который и передал ей, что отец расстрелян за передачу телеграфных аппаратов в руки белых из Народной армии. Малков добавил, что это ему было передано лицом, внушающим доверие, словесно. На просьбу с ее стороны о выдаче тела Малков ответил, что не знает, где оно, и дал ей записку, чтобы комиссар Екинин показал обвинительный акт.

Из него она прочла следующее:

“Начальник станции Козубенко, явный контрреволюционер и тайный советник Дутовцев, Семеновцев и белой гвардии, что доказывается тем, что он не эвакуировался с ними, надеясь на то, что может работать в контакте с белыми, и допустил разгром станции и мешал работать партийным работникам”.

Потом следуют подписи, а дальше, что Козубенко Комиссией приговорен к расстрелу и приговор 18 августа приведен в исполнение».

Заявление жены чиновника Алевтины Ивановны Будриной на имя прокурора Пермского Округного суда П. Шамарина об убийстве большевиками ее отца, Ивана Петровича Пьянкова. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 90 — 91). Печатается с сокращениями.

«По имеющимся у меня сведениям, в городе Перми в ночь с 3 на 4 декабря по старому стилю в реке Каме был утоплен мой отец, протоиерей Градо-Пермской Воскресенской церкви, Иоанн Петрович Пьянков.

Преступление это было совершено большевиками, причем поводом для него послужило обнаружение при обыске в подвале Воскресенской церкви имущества, принадлежавшего разным лицам. Ему было поставлено в вину, что он, как настоятель, не мог не знать об этом имуществе и должен был заявить о нем в совдеп. В результате — скорый суд и убийство ни в чем не повинного человека.

Я называю покойного отца невиновным потому, что при допросе перед арестом он заявил “следователю”, что это имущество принесли на хранение церковный староста Окулов и сторож Иван, фамилии не знаю, и что они и обязаны были донести о нем. Я верю правдивости этого заявления и потому считаю, что ответственными за имущество людьми были Окулов и Иван. Потому я считаю указание их в совдеповский трибунал на ответственность моего отца и другого священника, Сабурова, также утопленного, является не чем иным, как недостатком гражданского мужества, а также желанием сохранить собственную жизнь, хотя бы для этого и потребовалось убийство 2 человек, не сделавших для них ничего дурного. Да и сомнительным является еще и то, что Окулов и Иван могли в случае своего признания погибнуть, т.к. у старосты Окулова при совдепе была протекция в лице родного племянника Окулова, бывшего каким-то видным комиссаром. Понятно, что он мог заступиться за своего дядюшку, и тогда бы не было над ним расправы».

Протокол допроса гражданки Черниговской губернии Нины Константиновны Богданович в качестве свидетеля по делу об убийстве ее мужа большевиками от 3 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 70–71). Печатается с сокращениями.

*Может быть, и просил брат пощады у Каина,
Только нам не менять офицерский мундир...
(Из белогвардейской песни)*

«Я жена офицера старой армии Семена Павловича Богданович. Муж мой при начале русско-германской войны был в чине капитана и служил в городе Рига в 116-м Мало-Ярославском пехотном полку. В октябре месяце 1917 г., при большевицком перевороте, муж мой служил в городе Смоленске при штабе Минского военного округа. Когда старая армия большевиками была расформирована, мы с мужем решили уехать в Сибирь, но дорогой остановились в городе Перми, где и застряли за невозможностью дальнейшего путешествия. Приехали мы с мужем в Пермь 17 или 18 января 1918 г. В Перми муж мой у большевиков не служил, а занимался своей научной работой, готовя диссертацию в археологический институт, который он в свое время окончил.

При призыве летом прошлого года большевиками офицеров-добровольцев муж мой также к ним служить не пошел. С этого времени и начались против нас репрессии.

Вскоре к нам пришли с обысками. Производивший обыски Щербаков говорил, что они произведены по доносу.

В конце июля 1918 г. в Перми была объявлена принудительная мобилизация офицеров, но муж мой также в армию большевиков не пошел, а стал принимать разные меры, чтобы избавиться от мобилизации, подавая прошения в разные комиссии об освидетельствовании его как больного.

Так прошло время до начала октября 1918 г. Я в то время была в Александровской больнице и лежала на излечении, а муж был дома на квартире один. Как я потом узнала по выходе из больницы от матери, живущей от нас отдельно, в ночь, кажется, на 5 октября прошлого года к мужу явились агенты Пермской чрезвычайки, исключительно латыши, и произвели обыск, после которого муж мой был арестован и уведен в чрезвычайку.

Когда в этот же день после этого [ареста] моего мужа моя мать пошла в чрезвычайку, то заведующий по борьбе с контрреволюцией Воробцов заявил, что моего мужа уже нет в живых, что он сам был при расстреле и что с ним было расстреляно еще 7 офицеров, белогвардейцев.

О смерти моего мужа затем было объявлено в газетах, кажется, 9 октября. Причем в этих заметках было указано, что мой муж был расстрелян в ответ на покушение на чрезвычайку и что он — бывший офицер-жандарм, хотя таковым никогда не был.

После смерти моего мужа чрезвычайка и мне грозила репрессиями, хотели направить на принудительные работы, но ввиду моей продолжительной болезни мне этого удалось избежать».

*Эх, яблочко, куды котисся,
в губчека попадешь — не воротисся!
(Из частушки)*

Протокол допроса жительницы Перми от 5 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 72). Печатается с сокращениями.

«Гражданка Нина Ивановна Плетнева заявила: большевиками был убит мой племянник, Михаил Евграфович Плетнев, помощник командира на пароходе "Кострома", и 2 родных моих брата — священник Чердынской Преображенской церкви Евграф Иванович Плетнев и священник села Дворец Оханского уезда Аркадий Иванович Плетнев. Племянник Михаил был арестован около 20 декабря 1918 г. в деревне Заозерцы, где он тогда жил, а отец Евграф был арестован в первых числах декабря прошлого года в Чердыни, откуда затем был переведен в Пермское Исправительное Арестантское Отделение, где и находился вместе с Михаилом, его сыном. Оба они были арестованы по предписанию Чрезвычайной Комиссии: Евграф — якобы за контрреволюционную деятельность и за поддержку белогвардейцев. Действительно, один из его сыновей находился тогда в белой гвардии, а Михаил — просто за то, что был его сыном. Об этом я узнала лично в большевицкой следственной комиссии военно-полевого контроля.

Вскоре после взятия Перми сибирскими войсками я справлялась о них в Исправительном Арестантском Отделении. Там его начальник сказал мне, что оба они в ночь на 23 декабря были уведены из Исправительного Арестантского Отделения какими-то четырьмя людьми, среди которых находился сам Воробцов, член Пермской Чрезвычайной Комиссии, и этими же людьми они были где-то расстреляны. Трупов их не найдено до сих пор. О смерти моего другого брата я узнала только на днях от человека, приехавшего из села Дворец, где служил Аркадий. Он сказал, что недели за две до прихода сибирских войск, когда он находился у обедни, которую служил Аркадий, в церковь неожиданно ворвалась толпа красноармейцев, которая разогнала молящихся, а моего брата убила в алтаре. Имен и фамилий этих красноармейцев я, конечно, указать не могу».

Фрагмент протокола допроса дочери расстрелянного большевиками Спешилова Лидии Григорьевны Юдиной, 26 лет, живущей в Мотовилихе, от 3 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 81–82, 95–96).

«В газете на 18-е число писано было о расстреле 9 человек, но на самом деле их расстреляно было, по данным местного сторожа кладбища Петрова, около 13, в том числе Темниковы, Кушилкин, горный инженер Иванов и другие.

Мой отец, Григорий Кондратьевич Спешилов, был арестован за неделю до занятия Мотовилихи войсками Всероссийского правительства, и в ночь с 23 на 24 декабря прошлого года он был расстрелян большевиками.

Сидевшая вместе с моим отцом женщина, арестованная на четыре месяца большевиками за оскорбление комиссара, потом сказала мне, сразу после его убийства: "Если хотите отыскать труп своего отца, то ищите в бане на берегу Камы". Ее каждую субботу заставляли мыть эту баню после расстрелов.

Когда белые заняли Мотовилиху, я побежала в эту баню. Там на полу оказалась большая лужа застывшей крови, которая во многих местах собралась большими сгустками. В одном углу стенка бани была доверху перепачкана кровью. По-видимому, расстреливаемые падали в этот угол. Стекла окна этого угла оказались в нескольких местах простреленными. Там же в бане были какие-то крупные железные щипцы, вроде тисков. Впоследствии сторож Петров показывал нам эту баню и говорил, что этими щипцами большевики тиранили свои жертвы.

Скамейка в бане была тогда вся залита кровью. В предбаннике тоже была кровь на полу, и ею же были испачканы стены, но невысоко, по-видимому, и здесь расстреливали. В предбаннике и в сенях на полу были кровавые полосы, очевидно оставляемые трупами, которых вытаскивали оттуда после расстрела. Такой же кровавый след тащимых трупов шел по ступенькам крыльца бани и по ограде, вероятно до саней, на которых отвозились убитые.

За стенкой находились 2 комнаты: в одной мы видели брошенные большевиками при поспешном бегстве чайник и стаканы.

В каретнике на стенах тоже оказались следы крови. На наши вопросы, не знает ли он, где находятся трупы расстрелянных большевиками, сторож Петров ответил: "Да едва ли вы их найдете, их вывозили по всей окрестности на Каму". По рассказам Петрова, после расстрелов его заставляли подавать в ограду мельницы лошадь, на которой агенты "Чрезвычайки" и красноармейцы увозили куда-то трупы расстрелянных. Живя рядом, он слышал выстрелы, крики и "рев" убиваемых, так что даже ему было страшно потом запрягать лошадь. В этом участвовало постоянно тогдашнее начальство: Мясликов, Жудяков и другие. В числе "начальства", которое принимало участие в расстрелах, Петров также упоминает служившего в большевицкой милиции Новоселова. В то время, когда мой папа сидел под арестом, я, по его просьбе, обратилась к Новоселову, нельзя ли как его освободить, на что он ответил: "Мы Вашего отца не задержим, т.к. взяли у него деньги — 14 тысяч рублей".

Надо сказать, что тогда в газетах писали, будто в ночь на 14 декабря прошлого года расстреляно 9 человек, но на самом деле, как я сама знаю, расстреляно тогда было 25 человек, причем в числе расстрелянных находились Темниковы и Иванов.

Мы нашли Рабочий протокол о расстреле нашего отца, в котором значилось, что расстрелян он "за контрреволюцию и за найденный при нем пулемет". По поводу пулемета могу сказать, что таковой действительно был, и принадлежал он левому эсеру, зятю прислуги отца, Пелагеи Пляскиной, Александру Липину. Причем Пляскина, опасаясь, что пулемет найдут при обыске, сама заявила о нем большевикам, сказав, что его привезли к нам неизвестные люди.

По слухам, моего отца перед расстрелом сильно избили. Я слышала также, что арестованных сажали в холодное помещение, а потом водили на допросы. При допросах белым комендантом одного из бывших агентов "Чрезвычайки", впоследствии расстрелянного белыми, он указывал, что 20 человек из числа расстрелянных большевиками находятся на полигоне напротив Мотовилихи. Мы ездили 16 февраля сего года на этот полигон. Там мы видели 3 разрытых и обглоданных до неузнаваемости собаками трупы. Однако папиного среди них не было.

Упомянутая выше женщина, сидевшая вместе с моим отцом под арестом у большевиков, говорила, что в расстрелах принимал участие рабочий 2-го снарядного цеха коммунист Лифанов. Этого Лифанова с приходом сибирских войск, по распоряжению коменданта, разыскивали, тогда как он сидел дома».

Фрагмент протокола допроса свидетеля, сторожа Константина Николаевича Петрова о подробностях расстрелов, от 3 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 101).

«Я подсматривал за расстрелами приговоренных большевиками людей в дырку, находящуюся в стене и двери бани. Перед приходом сибирских войск помню один расстрел. Слышу, в 11 часов вечера ведут в баню много арестованных. Когда их проводили мимо меня, один из них, сын Темникова, вскричал, обращаясь к ведущим его милиционерам, в числе которых были Артамонов, Кузнецов и 2 агента из "Чрезвычайки": "Товарищи, разберите, в чем дело!" На это ему ответили: "Иди, не разговаривай, контрреволюционер!" Из остальных арестантов в это время кто плакал, кто вздыхал: "О Господи, Господи!" Кто и что говорил из них, нельзя было разобрать.

Только завели арестованных в баню, как оттуда раздались револьверные выстрелы, сопровождаемые криками и ревом расстреливаемых и хохотом палачей...

Потом они вязали веревками трупы, чтобы уложить их на сани. При этом они смеялись: "Надо их крепче веревками привязать, а то растеряем дорогую!"»

Фрагмент допроса свидетельницы Анны Александровны Кушилкиной от 3 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 98 об.).

«Мужа моего большевики арестовали за то, что он служил в полиции. Они писали, что ему припомнили, будто он 6 января 1913 г. избил большевиков, но он никогда не позволял себе даже ударить кого-нибудь, а потому помещенное в большевицких "Известиях" заявление о допускаемых якобы моим мужем жестокостях — ложно».

«Протокол № 149 Известий Уральского Областного Пермского Губернского и Пермских Уездных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 84 об. — 85).

«Расстрелы контрреволюционеров в Мотовилихе

По постановлению Мотовилихинского Военно-Революционного Комитета расстреляны следующие лица:

1. Темников И.Н., бывший горный начальник, контрреволюционер, осведомитель охраны.

2. Темников И.И., офицер.

3. Иванов П.А., инженер-охранник.

4. Клеменс Г., провокатор, охранник Киевской охраны, выступивший на знаменитом митинге в Мотовилихе, призывая голосовать за резолюцию из 13 пунктов.

5. Кушилкин Г.А., бывший околоточный надзиратель, палач, сплавивший не одного рабочего Левно на тот свет, жестоко расправлявшийся с грузчиками.

6. Доронин И.Т., организатор Мотовилихинского «Союза Русского Народа», до сих пор ведущий черносотенную агитацию.

7. Шардаков И.С., бывший надзиратель Николаевских рот, палач.

8. Зубов Алексей Григорьевич — рабочий-белогвардеец, бросавший большевиков в топку в бытность свою матросом.

9. Чернильцев, политический комиссар 1-го революционного Советского полка, он же чрезвычайный уполномоченный Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии, за взятку с Анциферовой в 10 тысяч рублей, которые он получил за освобождение ее отца и брата.

Президиум: Военком П. Залуцкий, Г. Мясников»

Фрагмент свидетельских показаний Евлампии Андриановны Штеневой. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 105 — 106).

«Я была арестована за то, что не давала развода своему мужу-большевику, пожелавшему венчаться на другой.

Однажды в "Чрезвычайке" мне сказали, что меня скоро отсюда выпустят, если я буду им мыть баню.

В 1-й раз там оказалось много ободранных собачьих туш, шерсти и мяса. А во 2-й раз вся баня была залита уже человеческой кровью. Из нее только увезли трупы расстрелянных людей.

Сидя в тюрьме, мы узнали, что там расстреляли, в том числе, и двух местных пермских женщин. Одна из них была немолодая, лет 45, а другая — моложе».

Протокол допроса товарищем прокурора Пермского Окружного Суда Аршукова свидетельницы Пелагеи Васильевны Печенкиной, 27 лет, гражданки завода Мотовилиха, проживающей здесь же, от 6 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 8). Печатается с сокращениями.

«Я прожила 10 лет гражданским браком с гражданином завода Мотовилиха Григорием Кондратьевичем Спешиловым. Он занимался подрядом по заводу, был человеком зажиточным и беспартийным. От Спешилова у меня есть ребенок, мальчик 5 лет. Во время большевизма Спешиллов много раз подвергался разного рода репрессиям: сидел под арестом, платил контрибуции, но освобождался. Так мы прожили приблизительно до 18 декабря прошлого года. В тот день к нам явились агенты Мотовилихинской Чрезвычайки, которые произвели обыск, отобрали 25 тысяч рублей денег, а самого Спешилова арестовали и увели в местное волостное правление. Сидел он там в арестантской около недели.

За день до прихода сибирских войск, как я слышала от одной женщины, Спешиллов ночью был куда-то уведен из волостного правления помощником начальника милиции Жужгловым, и нигде его нет. Думаю, что большевики его расстреляли или утопили в Каме».

Фрагмент протокола допроса свидетельницы Пелагеи Васильевны Спешиловой-Печенкиной, от 23 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 61).

«На 6-й неделе Великого поста у нас производились работы по добычанию снарядов из Камы по Малой Язовой, затопленных большевиками. При этом попадались трупы убитых ими людей, в одном из которых опознали Григория Кондратьевича Спешилова и Бражчикова. У обоих трупов были большие раны на головах с раздроблением черепных костей, по-видимому, от ударов, нанесенных какими-то железными орудиями. Про некоторые другие трупы говорили, что один был каким-то угорелым мужчиной, а другой — каким-то большевиком комиссаром, убитым белыми».

Фрагмент протокола свидетельского допроса гражданина Семена Никитича Кузьминых, проживающего в Мотовилихе на Городских Горках, от 7 февраля 1919 г. Документ особенно ценен потому, что позволяет

судить о репрессиях против рабочих, от имени которых большевики выступали, захватывая власть в стране. Хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 9).

«Я служил 5 декабря 1919 г. рабочим в Мотовилихинском заводе. В прессовальном цехе у нас состоялась забастовка рабочих и служащих завода в знак протеста против расширяющихся угнетающих действий “Советской власти” в отношении нас. В числе забастовщиков находился и я. За эту забастовку нас, рабочих, было арестовано больше 100 человек. Я был арестован 11 декабря 2 членами Мотовилихинской Чрезвычайной Комиссии, фамилия одного из которых Семенов, а другого — не знаю.

Часов в 6 вечера 22 декабря прошлого года нескольких моих товарищей по заключению, в том числе Спешилова и Бражчикова, увели из тюрьмы в Мотовилихинскую Чрезвычайную Комиссию, откуда вернулись они далеко не все. Не вернулись и Спешиллов с Бражчиковым, относительно которых вернувшиеся товарищи сказали, что их увели расстреливать, причем Бражчикову, по словам одного из его спутников, крестьянина, фамилии которого не знаю, агент “Чрезвычайки” Терехин разбил голову ружейным стволом. Когда этот крестьянин вернулся в арестантскую, вся голова у него была в крови и под глазами — синяки. Вообще было известно, что в “Чрезвычайке” ее агенты часто избивали и всячески истязали допрашиваемых.

Со мной в арестантской сидел также комиссар 1-го Советского полка, фамилии которого я не помню, но он значился в советских “Известиях” в одном списке с расстрелянными Темниковыми и другими. Он был арестован и затем расстрелян якобы за присвоение и растрату казенных 10 тысяч рублей, чего, однако, по его словам, он не делал. Однажды, не помню, какого именно числа, этого комиссара вместе с каким-то арестованным солдатом увели в “Чрезвычайку”. Через некоторое время они вернулись в арестантскую, причем солдатик хромал, лег и все время лежал. Должно быть, его там избили. Комиссар же рассказал нам, заключенным, следующее: его привели в баню, находившуюся при Административном Отделе, раздели там донага, поставили лицом к стенке. Стоявший сзади него председатель “Чрезвычайки” стал стрелять в стену около его головы с таким расчетом, чтобы пули пролетали мимо самой его головы, при этом он заставлял его сознаться в присвоении вышеупомянутых 10 тысяч рублей. Он все-таки не сознался, и через несколько дней его расстреляли.

Меня председатель “Чрезвычайки” предупреждал лично о том, что я буду казнен, и, несомненно, это случилось бы — нас в арестантской в живых оставалось только 8 человек, но пришли сибирские войска и нас освободили. Я сам потом ходил смотреть вышеупомянутую баню и видел там простреленные окна, пули в стенах, мазки на стене, произведенные окровавленными руками. Вероятно, умиравшие в агонии

заключенные хватались за стенку руками. На полу около того места было много крови».

Фрагмент протокола допроса бывшего рабочего Семена Никитича Кузьминых, 32 лет, живущего в Перми, от 23 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 58–59).

«В настоящее время я служу в железнодорожной милиции на станции Пермь-1 и ранее работал на Мотовилихинском заводе. От начала прошедшей зимы, благодаря принимаемым большевиками стеснительным мерам, жить становилось все труднее, и особенно трудно было доставать жизненно необходимые продукты. Между тем всем было известно, что сами большевики пользуются всякими удобствами и льготами во всех отношениях. Рабочие Мотовилихинского завода возмущались новыми порядками и несправедливостью со стороны большевицких властей. При этом не бездействовала «Чрезвычайная Комиссия». Шли аресты и расстрелы лиц, высказывавшихся против действий советской власти. В начале декабря 1918 г. дело дошло до того, что мотовилихинские рабочие решили объединиться и открыто выступить против большевицкой власти. Рабочие 5 декабря в отдельных цехах устроили собрания, а затем одно общее собрание в помещении лафетного цеха. Почти единогласно была выработана резолюция из 16 пунктов, в которых были изложены требования отмены жестокостей, уравнивания обывателей с большевиками в смысле получения продуктов, воспрещения всяким комиссарам носить кожаные куртки и фуражки, разъезжать в автомобилях и т.п. Я был председателем нашего цехового собрания. На собрание явились несколько представителей советской власти, из которых я знаю бывшего нашего рабочего Василия Пантелеева, Сившева, бывшего председателем Исполнительного Комитета, Мясникова, кажется бывшего тогда заместителем Сившева. Пантелеев и Сившев выступили на собрании с речью, но безрезультатно. Ночью после сказанных собраний в Мотовилихе вместо Чрезвычайной Комиссии был учрежден Военно-Революционный Комитет с обширными полномочиями, пошли аресты и расстрелы. В его состав вошли 5 человек: Сившев, Мясников и еще трое, мне неизвестные. Меня арестовали 11 декабря 2 наших рабочих, Николай Муромцев и Семенов. Председатель Чрезвычайной Комиссии Завьялов, спросив меня, кто я, просмотрел лежавший перед ним лист и с руганью закричал: «Для тебя и пули жалко, таких мерзавцев, контрреволюционеров, надо на месте убивать, как собак!» Он тут же дал распоряжение отвести меня под арест. Какой-то парень лет 15 под ружьем увел меня. Меня заключили в карцер, где уже сидели ранее арестованные: рабочий-меньшевик Абатуров и еще четверо, мне неизвестных.

Потом в нашу камеру посадили подрядчика Спешилова, впоследствии расстрелянного. В соседней камере сидел знакомый мне заводской десятник Бражчиков, впоследствии расстрелянный вместе со Спешиловым...

Абатуров, впоследствии освобожденный вместе со мной сибирскими войсками, рассказывал, когда их водили на допрос, что там их держали в холодном помещении, причем какой-то агент при допросах железной перчаткой переломил Бражчикову челюсть. Однажды к нам в камеру возвратился сергинский крестьянин, взятый большевиками за хранение револьвера. Он оказался после допроса с разбитой головой, с синяками на лбу, весь окровавленный и говорил, что какой-то агент при допросах нанес ему по голове несколько ударов ружейным стволом».

Фрагмент протокола допроса дочери расстрелянного большевиками Темникова Александры Ивановны Темниковой от 28 марта 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 110).

«Когда я спросила о своем арестованном отце бывшего студента, чекиста Падучева, он ответил: «У нас такая масса работы, что нам не до отдельных личностей»».

Протокол допроса гражданки Харитонюк от 7 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 73–74, 177–178). Печатается с сокращениями.

«Гражданка Аполлинария Александровна Харитонюк, 21 года, заявила: до германской войны я служила сестрой в общине Красного Креста. В начале войны я числилась в военном госпитале в городе Пскове, а с 30 января 1916 г. я работала в 173-м сводном эвакуационном военном госпитале в городе Энзели, в Персии, где 29 апреля 1918 г. вышла замуж за помощника смотрителя названного госпиталя Николая Селивановича Харитонюк. Еще до нашей свадьбы госпиталь наш стал расформировываться. Вскоре после свадьбы был совсем расформирован, и я с мужем 27 июня 1918 г. прибыла в Пермь, где проживали мои родные. Мужу моему тогда было 28 лет. По национальности он был белорус и родом происходил из города Брест-Литовск Гродненской губернии. Муж мой был беженец и, таким образом, служа в госпитале, по документам числился чиновником военного времени.

Вскоре по нашем приезде в город Пермь Советской властью был опубликован декрет, в котором говорилось о возможности для беженцев из мест, занятых германцами, перейти в германское подданство с указанием, что перешедшие в германское подданство подлежат освобождению от мобилизации. Как подлежащий мобилизации, мой муж, не желая служить в красной армии и руководствуясь указанным декретом, подал заявление о своем желании перейти в германское подданство, причем во время подачи заявления он стоял на службе в должности помощника секретаря в Пермском городском продовольственном комитете. Заявление о перемене подданства мужем было подано в первых числах сентября нового стиля, а в ночь на 6 сентября через 2–3 дня от подачи заявления по ордеру, подписанному

Председателем Пермской Чрезвычайной Комиссии Воробцовым, муж был арестован 4 незнакомыми вооруженными красноармейцами. Предварительно в квартире они провели самый тщательный обыск, при котором они ничего не нашли и не взяли. При аресте ни мне, ни моему мужу причины ареста объявлены не были. В Комиссии 7 сентября мне объяснили, что муж отправлен в завод Кизель, на работы в копи.

В уверенности, что мой муж находится в Кизеле, я находилась в Перми приблизительно до середины ноября, но потом ездила туда. Я это сделала несмотря на то, что от своего знакомого врача Александра Викентьевича Шульца слышала, что мой муж в 2 часа пополудни 9 сентября из Чрезвычайки был выведен, очевидно, на расстрел с 2 офицерами, военными следователями, с фамилиями, похожими на фамилию моего мужа. Об этом Шулец слышал от какого-то своего знакомого офицера по фамилии Порошин, содержавшегося в Чрезвычайке вместе с моим мужем, впоследствии также расстрелянного. Приблизительно в середине ноября, мучаясь неизвестностью, я съездила в Кизель, где заведующий копиями военный комиссар категорически заверил меня, что мой муж сюда не присылался и на работах в копиях не был.

Тогда, вернувшись в Пермь, я вновь зашла в Чрезвычайную Комиссию, где опять услышала старый ответ, но когда я уходила из комиссии, какой-то ее служащий, очевидно, сжалившись надо мной, сказал: "не ищите своего мужа, он расстрелян". Но указать за что и где отказался, объяснив, что это тайна.

В Чрезвычайной Комиссии мой муж числился за отделом по борьбе с контрреволюцией, но какое ему было предъявлено обвинение, я не знаю.

Причину ареста и расстрела своего мужа я вижу исключительно в том, что он подал заявление о желании переменить подданство, и в том, что, не желая служить в Красной армии, отказался от должности начальника дивизии, уже получив назначавшую его на эту должность бумагу. При отказе он ссылаясь на то, что это чисто военная специальность.

В настоящее время я нахожусь на 8-м месяце беременности, и с мужем всего мы прожили 4 месяца».

В своих показаниях от 13 мая Аполлиария Александровна Харитонюк подтвердила вышесказанное и добавила:

«В опубликованных в местных газетах списках расстрелянных большевиками фамилия Харитонюк нигде не упоминается. Что мой муж расстрелян, я убедилась окончательно, только увидев его труп в числе освидетельствованных Вами 2 мая; труп моего мужа был отмечен № 5».

Протокол допроса мещанки города Красноуфимска Пермской губернии Анны Егоровны Ивановой от 7 и 12 февраля 1919 г. Документ

хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 75, 76). Печатается с сокращениями.

«Мой муж, Василий Николаевич Иванов, служил вахмистром при Пермском Губернском Жандармском Управлении. Минувшей осенью, в начале сентября, муж мой был уведен каким-то солдатом, сказавшим, что его вызывает Чрезвычайная Следственная Комиссия, где и был арестован.

На мои справки в Чрезвычайной Комиссии мне кто-то объяснил, что муж мой арестован как бывший жандармский вахмистр. Затем следователь этой комиссии по фамилии Белов сказал мне, что мой муж арестован в качестве заложника.

В середине декабря 1918 г., когда я пришла на свидание с мужем в тюрьму, то привратник сказал мне, что мой муж был куда-то уведен под конвоем. Я пошла домой, но вскоре меня догнала какая-то женщина, которая со слов упомянутого привратника сказала мне, что мой муж был уведен в 4 часа утра на реку Каму и там был утоплен. Затем через неделю моя сестра, Елена Егоровна Филиппова, сказала мне, что со слов какого-то тюремного надзирателя она также узнала, что мой муж был утоплен в Каме. При этом предварительно он был совершенно раздет и несколько раз погружался в воду, из которой его каждый раз вынимали и некоторое время морозили на открытом воздухе, и что одновременно с мужем таким способом были подвергнуты истязаниям еще 10 человек, в числе которых был священник Пьянков. Кто топил моего мужа, мне не удалось узнать.

Как я узнала от гражданки Александры Александровны Русских, проживающей в городе Перми, при утоплении моего мужа присутствовал надзиратель Пермской губернской тюрьмы Иван Метелев, служащий и в настоящее время на этой должности. Он и рассказал об обстоятельствах смерти моего мужа. Кто, кроме священника Пьянкова, был утоплен одновременно с моим мужем в числе 10 человек в реке Каме, я не знаю, но, по словам Метелева, список всех погибших лиц имеется в конторе Пермской губернской тюрьмы».

Подписав протокол, Анна Егоровна Иванова заявила: «Прошу отметить по моему показанию, что, по моему предположению, муж мой, Василий Николаевич Иванов, был арестован по указанию неких Окуловых, убежденных коммунистов, проживающих в городе Перми на Чердынской улице, в доме № 8. Если у Окуловых произвести обыск, то, как я уверена, можно найти документальные доказательства принадлежности их к партии коммунистов».

Выписка из свидетельских показаний гражданки Татьяны Ефимовны Поносовой, от 10 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 101). Печатается с сокращениями.

«Мой сын, Петр Федорович Поносов, до большевицкого переворота служил помощником коменданта на станции Пермь-2. С переходом в Перми

власти в руки большевиков мой сын не пожелал служить с ними. Вскоре он был на улице кем-то арестован.

В тюрьме мой сын как больной инвалид был помещен в тюремную больницу. Через несколько дней его освидетельствовала Комиссия, после чего мне удалось выхлопотать в Чрезвычайной Комиссии бумажку о его освобождении. Он действительно был освобожден и посажен сторожем на извозчика. Но едва извозчик немного проехал, как его остановили 2 неизвестных человека в кожаных куртках. Они спросили, не Поносов ли находится в пролетке, и, убедившись, что это он, приказали извозчику ехать в Мотовилиху. Там они посадили моего сына в арестантскую при волостном правлении. Обо всем этом я узнала на другой день от вышеупомянутого извозчика, которого пошел разыскивать тюремный сторож. В тот же день перед вечером к нам пришел какой-то неизвестный мне человек и сказал, что мой сын был расстрелян, что действительно потом и случилось. В "Союзе Инвалидов" мне говорили, что мой сын был арестован по подозрению в принадлежности к белогвардейской организации. После расстрела моего сына большевики насильно заставили мою дочь, Ольгу Федоровну, служить у них в штабе 3-й армии и при эвакуации штаба в августе так же насильно увезли ее с собой в Вятку. Личностей каздивших моего сына я не знаю.

Протокол допроса Ивана Зотовича Метелева, младшего надзирателя Пермской губернской тюрьмы, на которого сослалась допрошенная 12 февраля 1919 г. Анна Егоровна Иванова. Очевидно, Метелев лгал следствию, поскольку трудно вообразить, чтобы надзиратель тюрьмы, откуда почти ежедневно партиями выводили арестованных на бойню, ничего об этом не знает. Вполне возможно, что Метелев не сочувствовал большевикам и не был замешан в этих убийствах, а просто боялся давать правдивые показания. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 84).

«Я, Иван Метелев, Анны Егоровны Ивановой и Александры Александровны Русских совсем не знаю, никогда ни с кем из них не разговаривал о лицах, расстрелянных и утопленных большевиками. Сам я очевидцем казней, производимых большевиками, никогда не был. И о таковых решительно ничего не знаю».

Протокол допроса Киприана Артемьевича Малявина, проживавшего в своем хуторе около деревни Г(Т)рошит Пермского уезда от 12 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 77). Печатается с сокращениями.

«Сын мой, Илья Киприанович Малявин, 30 лет, служил на 36-м разъезде Пермской железной дороги помощником начальника этого разъезда. Он

был арестован 3 ноября 1918 г. какими-то красноармейцами и был заключен под стражу в Пермский арестный дом. При свидании мой сын говорил мне, что он арестован за то, что отказался подписаться в число сочувствующих партии большевиков. Эти подписи собирали за 2 недели до его ареста от всех служащих на железной дороге, и на него, по всей вероятности, донес служивший тогда кондуктором на упомянутой дороге некто Демин. Последнему мой сын незадолго до ареста высказывал неодобрение к большевикам. Затем в газете "Освобождение России" в номере за 18 января я прочитал, что сын мой расстрелян».

Протокол допроса Анфисы Михайловны Засыпкиной, 21 года, проживающей в Перми, от 13 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 79). Печатается с сокращениями.

«Числа 10 ноября 1918 г. по приговору военно-революционного трибунала 3-й армии был расстрелян мой брат, Александр Михайлович Засыпкин, служивший в то время в "Союзе потребительских обществ Северо-Восточного района". Арестован он был 3 сентября по подозрению в заговоре на военный совет 3-й армии, что видно из представленной мной большевицкой газеты, которую я хочу сохранить у себя.

Следователем следственной комиссии военно-революционного трибунала был Шапиро, происхождение которого мне неизвестно. Вместе с братом арестована была и я. Я тоже была заключена в Губернскую тюрьму, но спустя 5 недель меня направили в село Троицкое на окопные работы, а брата перевели в пересыльную тюрьму. Оттуда брату удалось бежать, и он некоторое время скрывался в Мотовилихинском заводе, но затем снова был задержан и отправлен уже в Пермь.

За день до суда брат однажды был избит большевиками. Как мне передавали, били его по голове револьвером, наганом. Очевидец передавал мне, что мой брат был сильно избит и чуть ли не помешался, потому что, увидев как-то у одного большевика револьвер, стал говорить: "Его-то мне и надо", — за что тут же вторично был избит, тоже револьверами.

Подробности о том, кто избивали брата и как его расстреливали, мне неизвестны. Предполагаю, что моего брата расстреляли там же, в семинарии. Кто-то передавал нашей матери, что мой брат храбро умер, т.к. ругал большевиков до последнего момента. Очевидца избиения моего брата зовут Александром Даниловичем Меньщиковым. В тюрьме мой брат находился в одиночном заключении под строгим арестом, и ему даже не разрешали прогулок».

Свидетельские показания гражданки Владимирской губернии Качаловой, проживающей в Перми, жены Александра Федотовича

Качалова, убитого большевиками, от 14 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 80–81). Печатается с сокращениями.

«Во время отсутствия моего мужа, бывшего помощника доверенного пермского магазина торгового дома братьев Ашфуровых, большевики объявили в Перми мобилизацию, и тогда ко мне приходили из милиции с обыском и за справками, где находится мой муж. За несколько дней до приезда мужа у проживающего на одном с нами дворе служащего “Союза Северо-Восточного района”, Засыпкина, военно-полевой контроль во главе с товарищем Шапиро произвел обыск, а он сам был арестован. И вот на следующий день по возвращении мужа домой, 5 сентября 1918 г., к нам на квартиру явились 4 служащих из военно-полевого контроля с одним матросом. Эти лица арестовали меня и моего мужа и увезли на автомобиле в здание военно-полевого контроля в деревне Мешково.

Забыла упомянуть, что когда меня с мужем везли туда, то дорогой матрос наставлял на меня револьвер и требовал, угрожая, сообщить, к какой партии принадлежит мой муж.

Потом мне сказали: “Вы абсолютно к делу не относитесь”.

Вскоре я пошла к Шапиро в дом Духовной Семинарии, где мне сообщили, что мой муж арестован как уклоняющийся от военной службы, что он был передан в формирование Особого отдела и что уже этот орган будет распоряжаться делами моего мужа. Потом Шапиро мне сказал, что дело моего мужа передано в Чрезвычайку и что он обвиняется как соратник Засыпкина, контрреволюционера, у которого при обыске нашли склад винтовок.

Вскоре после этого ко мне на квартиру пришли с солдатами следователь Дейков и сотрудник военно-полевого контроля Стерцев, которые снова арестовали меня.

Сидя в тюрьме, я там же узнала в начале ноября 1918 г. о расстреле моего мужа.

Сама я и родственница моя Янкина продолжали находиться в тюрьме до 10 декабря прошлого года. В этот день нас вызвали в следственный отдел военно-полевого контроля, где секретарь суда Спасский отобрал у нас подписку о том, что мы не будем вести ни явной, ни тайной агитации против Советской власти, и освободил нас.

В моей квартире после своего освобождения я не могла жить, т.к. там уже жил политический комиссар полка особых формирований Коляго. Смогла я вернуться туда только после прихода сибирских войск. Когда я пришла в свою квартиру, то увидела, что все мое имущество, кроме небольшого количества обстановки, было увезено. Как оказалось, в военно-полевой контроль, и там поделено между его членами. Я лично видела наши ковры в казарме, а на служащей контроля — мое платье. После своего

освобождения я несколько раз туда ходила, но его председатель Самсонов ничего мне из украденных у меня ими вещей не выдал».

Протокол допроса, сделанный 14 февраля 1919 г. товарищем прокурора Пермского Окружного суда Аршаковым в отношении гражданки Пермского уезда Нижне-Мулинской волости деревни Ежи, проживавшую на тот момент в поселке Верхняя Курья около Перми. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 82). Печатается с сокращениями.

«Никто не забыт, ничто не забыто».

«Я — жена бывшего полицейского надзирателя завода Мотовилихи, Василия Ивановича Гладыш. Здесь он служил с 1905 г. и способствовал задержанию каких-то политических, между которыми был некто Александров. При задержании муж был ранен и по болезни скоро вышел в отставку, а затем получил должность урядника в Нижне-Мулинской волости, где получил пенсию и окончательно ушел со службы.

В 1907 г. мой муж получил место в заводе Мотовилиха кладовщиком инструментального цеха. Здесь мы продолжали жить во время большевиков. Моего мужа никто не трогал, поскольку рабочие считали его хорошим человеком. Так дожили мы до марта 1918 г. В это время большевики зарыли кости тех политических преступников, которых когда-то задерживал мой муж, и в это время он был арестован и перевезен в город Пермь...

После допроса неким Иванченко мой муж был освобожден и снова вернулся на заводскую работу. Мы снова спокойно зажили до июля месяца, когда мой муж был снова арестован на службе Мотовилихинской Чрезвычайкой, но опять был освобожден.

Вскоре после этого из-за агитации некоторых рабочих муж должен был оставить службу на заводе. Тяготясь бездеятельностью, он продолжал искать какую-либо службу, за каким делом 16 сентября 1918 г. и поехал в город Пермь. В тот же день от знакомого, передавшего мне вещи моего мужа, я узнала, что на улице Перми он был арестован агентами Пермской Чрезвычайки. Убеждена, что мой муж был арестован по указанию некоего Ривкина, крещеного еврея, правившего тогда в Верхней Курее. Этот Ривкин в день ареста моего мужа приходил ко мне вечером с комиссаром и производил обыск. Он при этом говорил, что будто бы мой муж застрелил его приятеля, а уходя, сказал: “Отвод людским глазам сделали”.

Через несколько дней, думая, что мой муж находится в Мотовилихе, я пошла в Мотовилихинскую Чрезвычайку. Там мне обещали навести справки о нем и сообщили, что он уже расстрелян в Перми. Моего мужа расстреляли как бывшего полицейского».

Справка, выданная Пермской ГубЧК жене расстрелянного большевиками бывшего полицейского. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 94).

«Справка Р.С.Ф.С.Р. Пермская Губернская
Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией,
спекуляцией и преступлениями по должности

Дана от Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии гражданке Екатерине Ивановне Гладких в том, что муж ее, Василий Иванович Гладких, по постановлению таковой, как бывший полицейский, расстрелян.

Заведующий отделом Воробцов».

Свидетельские показания Эмилия Федоровича Биркель, проживающего в Перми по Большой Ямской улице в доме 21, квартире 1, от 17 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 83). Печатается с сокращениями.

«Мой племянник, Феликс Клементьевич Гантерт, германский подданный, отправился к председателю Пермского Губернского Исполкома Сорокину, чтобы испросить у него разрешения вывезти свое имущество из Верхней Курей. Сорокин высказал уверенность в том, что племянник фиктивно приобрел это имущество от моего тестя Банковича с тем, чтобы спасти его от реквизиции, и там же арестовал моего племянника. Он сразу был помещен в арестный дом. В течение 4 дней я носил ему пищу, но на 5-й день в арестном доме сказали, что он накануне вечером освобожден. Только наряду с этим какой-то сторож сообщил, что моего племянника ночью куда-то увезли.

Воробцов подтвердил, что мой племянник действительно освобожден по его предписанию. Он дал мне официальную справку, и по этой справке я нашел в арестном доме и подлинную бумагу Воробцова о его освобождении, но сам племянник бесследно исчез, и все розыски его в Перми при участии Германской миссии и шведского консула ни к чему не привели.

Через несколько дней после этого мне окольными путями удалось узнать, что мой племянник в ночь на 1 июня 1918 г. был неизвестно зачем и неизвестно кем увезен в Екатеринбург. Поехавшим туда моим родным не удалось разыскать его. В местных газетах от 7 июня 1918 г. была помещена заметка о найденном на Верхне-Исетском шоссе, в 4 верстах от Екатеринбурга трупе неизвестного человека, описанные приметы которого подходили к моему племяннику. Впоследствии врач Верхне-Исетской заводской больницы сообщил моим родным, что труп вышеупомянутого человека был привезен в больницу тюремным комиссаром и им же был увезен оттуда. Описанные врачом приметы вполне подходили моему племяннику, да и судя по оставленным после покойного вещам, это был действительно он.

По словам того же врача, у племянника была разбита и прострелена голова. Участников его убийства и дальнейших подробностей этого я не знаю».

Свидетельские показания Марии Георгиевны Яковлевой, живущей в Перми по Екатерининской улице в доме № 127, от 17 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 83–84). Печатается с сокращениями.

«К нам 9 марта 1918 г. явились несколько неизвестных мне человек. Они предъявили мандат от Чрезвычайной Комиссии и произвели обыск, после которого арестовали моего мужа, Василия Николаевича Яковлева, по их словам, якобы за то, что прежде он служил уездным военным исправником. При этом один из арестовывавших его лиц сказал: "Когда ты был исправником, ты меня однажды арестовал, а вот теперь я тебя арестую".

Вечером того же дня я пошла в Чрезвычайную Комиссию, и там член этой Комиссии, Малков, сказал, что муж мой уже расстрелян, но от нанесенных ран еще не умер и находится в Александровской больнице. Я немедленно отправляюсь туда, но там его не нашла. Однако через некоторое время какие-то красноармейцы при мне привезли в анатомический покой его труп, сказав, что он расстрелян где-то за Сибирской заставой. По наружному виду трупа моего мужа можно было судить, что, прежде чем его убить, его достаточно сильно истязали и били, вероятнее всего прикладами ружей, а все лицо и тело покойного было исколото штыками и покрыто синяками, под которыми на голове замечались вдавления костей черепа. Огнестрельная рана была только одна — в груди, навывлет, по словам врача, от разрывной пули. Фамилии участников убийства своего мужа я не знаю».

Свидетельские показания Евгении Герасимовны Дозморовой, 28 лет, крестьянки деревни Кутилово Усть-Сгаровской волости Пермского уезда, от 18 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 85). Печатается с сокращениями.

«Я 10 лет сожительствовала с полицейским надзирателем 1-го участка города Перми Николаем Федоровичем Спиридоновым.

С марта 1918 г. Спиридонов служил чернорабочим на железной дороге в Перми в ремонте. Но там узнали, что он раньше служил в полиции, и его в августе 1918 г. уволили. Ему удалось поступить на службу в Городскую Управу в Перми курьером. Однако в начале сентября там опять узнали о его службе в полиции, и он был арестован, а 4 октября по новому стилю — расстрелян здесь, в Перми, о чем я узнала из № 198 "Известий Пермского Губернского Исполнительного Комитета" от 9 октября 1918 г.».

Свидетельские показания Егора Семеновича Костырева, 41 года, крестьянина Замараевского общества Верхне-Мулинской волости

Пермского уезда, проживавшего в Перми, от 24 февраля 1919 г. Добровольно явившийся Костырев давал показания товарищу прокурора Пермского Окружного суда О.Д. Заварицкому. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 87, 88).

«Я служу кочегаром в Пермской Александровской больнице. В начале августа 1918 г. жена моя узнала от Александры Андреевны Новиковой, что дня за 2 большевики арестовали в Усолье сына Новиковой, отставного капитана Виктора Ивановича Новикова, и зятя Новиковой, бывшего делопроизводителя Соликамского военного начальника, Георгия Петровича Безенковича, и привезли в Пермь. Мой знакомый Елисей, вхожий к большевикам, сказал, что Новиков и Безенкович расстреляны на 6-й версте на отвале по Сибирскому тракту. Я в тот же день отправился на отвал, или свалку нечистот, на поиски тел. На свалке жил знакомый сторож, он подтвердил, что, судя по приметам (у капитана Новикова не было левого глаза, он лишился его на войне), разыскиваемые нами были расстреляны на свалке и брошены здесь, а имущество их было разделено красноармейцами. В указанном месте мы нашли трупы Новикова, Безенковича и невесты Новикова, оренбургской барышни Евгении».

Отрывок из свидетельских показаний Аграфены Андреевны Наумовой, крестьянки Верхне-Мулинской волости Пермского уезда, живущей в Старой Слободке Перми, от 26 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 89).

«Сын мой, Константин Андреевич Наумов, бывший солдат Корниловского ударного полка, 10 июля 1918 г. был расстрелян большевиками. За что его арестовали в Перми, а затем расстреляли, я не знаю».

Протокол допроса свидетельницы Екатерины Александровны Вершининой, проживающей в Перми, который был произведен товарищем прокурора С.А. Алешинским 4 марта 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 2). Печатается с сокращениями.

«Мой муж, Валериан Анатольевич Вершинин, служивший ранее околоточным надзирателем в Мотовилихе, в последнее время служил начальником почтового отделения в селе Серьгах Пермского уезда. В прошлом году, 8 сентября по старому стилю, мой муж был арестован членами Мотовилихинской Чрезвычайной Комиссии Кузнецовым и военным комиссаром Корниловым за свою прежнюю полицейскую службу и, как потом я слышала, по доносу своего серьгинского почтальона, Андрея Ходяшова.

Однажды, когда я особенно настоятельно требовала в Чрезвычайке указать мне местонахождение моего мужа и когда я неодобрительно отозвалась о большевицком правительстве, меня поставили к стенке, навели на

меня револьверы, но затем отпустили. Таким образом, до сего времени мне не удалось узнать, где находится мой муж. По слухам, он расстрелян большевиками на Липовой Горе».

Официальный документ Мотовилихинской ЧК об аресте и расстреле Вершинина (содержание и стиль сохранены полностью). Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 73).

«Р.С.Ф.С.Р. Мотовилихинский отдел Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности октября 1918 г.

В Пермский губкомпочтель

На телеграмму за № 10395 об аресте заведующего Сергинским Почтовым Отделением. Причина его ареста: Вершинин арестован как бывший околоточный, служивший в заводе Мотовилихи и принесший вред в свое время рабочим нелегальным организациям. Мотовилихинская Чрез-Комиссия, считая, [что Вершинин] не у дела [и] тем более [не может] занимать пост заведующего почтового отделения, и как бывшего околоточного в заседании своем [его] решено расстрелять, что и было исполнено в ночь на 29 сентября.

Председатель Комиссии Завьялов».

Извещение о смерти арестованного большевиками бывшего полицейского Вершинина. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 14).

«Начальник Пермского Почтово-Телеграфного округа, Отделение Административный стол I, 5 марта 1919 г. № 2815, город Пермь.

Извещаю Е.А. Вершинину, что, как оказалось по наведенным справкам, муж ее, бывший начальник Сергинского почтового пункта Валериан Вершинин, был расстрелян Мотовилихинской Чрезвычайной Комиссией в ночь на 29 сентября минувшего года».

Протокол допроса свидетельницы Домны Григорьевны Чижовой, проживающей в Перми, от 6 марта 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 3).

«Муж мой, Андрей Платонович Чижов, раньше в течение 18 лет служил в полиции, а в последнее время, до войны с Германией, был откомандирован надзирателем в город Пермь. Побывав затем на фронте, он вернулся домой к празднику Святой Троицы прошлого года. В это время уже, в августе, были случаи расправы большевиков со служившими ранее в полиции. Поэтому муж мой поселился на своей родине, в деревне Новинке, где и проживал до сентября, где и был арестован 18 числа, а 20-го был привезен вниз по реке в Мотовилиху и заключен под стражу.

Впоследствии от одного из арестованных я слышала, что при допросе муж был обвинен Чрезвычайкой в каком-то преступлении, и ему пригрозили, что из нее он больше не выйдет. Слышала также, что в те дни ночью моего мужа увели в числе 14 человек по Сибирскому тракту и расстреляли».

Протокол допроса свидетельницы Анны Александровны Топорковой, вдовы чиновника, проживающей в Перми, от 6 марта 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 127). Печатается с сокращениями.

«Муж мой, Александр Васильевич Топорков, до Октябрьской революции служил в городе Воронеже помощником полицеймейстера. Службу он эту оставил в последних числах июня 1917 г. и уехал в Пермь, где устроился на службу в одной из районных рабочих артелей. О том, что мой муж ранее служил в полиции, на заводе он никому не говорил, и знакомых, которые знали бы это, у него там не было. Только служивший там же некто Старков не раз допытывался у мужа, “из каких он был”. Но тот говорил, что и раньше служил в артели, умалчивая о службе в полиции. Об этом, впрочем, можно было догадаться по светлым брюкам с красными кантами, которые носил мой муж.

Однажды, в час дня 28 августа 1918 г., муж мой пришел расстроенный. С ним был милиционер, а на улице дежурил какой-то латыш. Он был арестован и отправлен в Чрезвычайный Комитет. В “чрезвычайке” мне сказали, что он, бывший полицейский, отправлен на общественные работы в Кизель. Это подтвердил и Малков, председатель “чрезвычайки”, но в ноябре прошлого года я узнала, что мой муж расстрелян в числе других 37 человек».

Выдержка из свидетельских показаний Анны Ивановны Шавриной, живущей в деревне Новой Пермского уезда, от 6 марта 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 128). Печатается с сокращениями.

«Муж мой, Василий Андреевич Шаврин, служил около 10 лет в жандармском управлении. Последнее время, до революции, он был писарем Ново-Лытвенского жандармского управления. Во время большевицкой власти он скрывался в деревне Похняповой Рождественской волости. В сентябре ему было велено явиться в Усолье, где он и был арестован и 18 сентября 1918 г. привезен в Пермь.

В октябре прошлого года, в пермских “известиях” был напечатан список 37 расстрелянных, в числе которых оказался и мой муж».

Свидетельские показания Анны Ивановны Шавриной, 35 лет, гражданки деревни Поздняковой Рождественской волости Соликамского

уезда, проживающей около Перми в деревне Новая Деревня, от 2 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 235). Печатается с сокращениями.

«Мой муж, Василий Андреевич Шаврин, в течение 10 лет служил в Перми в жандармской железнодорожной полиции и занимался в канцелярии. В последнее время, до упразднения полиции, он служил в канцелярии Ново-Лысьвенского управления. В начале сентября 1918 г. по новому стилю мой муж приехал сюда и заявил мне, что у них потребовали явки всем бывшим полицейским в тогдашний завод Усолье к 8 сентября. Я и многие наши знакомые советовали мужу туда не ездить, но он не чувствовал за собой никакой вины и решил поехать. В Усолье его арестовали и через 10 дней отправили в Пермь в распоряжение “Чрезвычайки”. Никакого обвинения моему мужу в Усолье предъявлено не было, его лишь спросили, сколько лет он служил жандармом.

В понедельник 23 сентября, я пошла в “Чрезвычайку”, где служащая женщина высокого роста в очках, грубо мне заявила: “Ваш муж 20 сентября расстрелян”. На вопрос о причинах казни она ответила: “А вот за то, что был жандармом”.

Читая Ваши протоколы освидетельствования трупов за 11 мая сего года, я нахожу, что по Вашему описанию труп № 5 вполне походит на моего мужа как по наружному виду, так и по гимнастерке без карманов».

Заявление прокурору Пермского Округного Суда П. Шамарину от гражданки Ольги Францевны Яновой, проживавшей на Данилихе в Перми, от 6 марта 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 129–130). Печатается с сокращениями.

«Имею честь заявить, господин прокурор, что 7 сентября 1919 г. в 11 часов ночи к нам пришли из Чрезвычайной Комиссии трое, 2 красноармейца и во главе их — член “чрезвычайки” Падучев, вооруженные винтовками. Они сказали моему мужу, Семену Даниловичу Янову, чтобы он собирался, грубо и невежливо.

Получивши записку от мужа из Чрезвычайки о том, что его предадут военно-полевому суду, мы тотчас же с сыном пошли к Малкову. Я спросила: “Что, Янова будут судить?” Он мне ответил: “А что, разве Янова еще не расстреляли?” На это я спросила: “За что его расстреливать?” Тогда Малков сказал: “Таких людей, как он, надо всех перестрелять, кровопийцев народа, палачей-полицейских”. От этого я со слезами пошла домой.

Потом я пошла к Падучеву, и он мне сказал, что сегодня ночью, на 8 октября 1918 г., Янов расстрелян, с язвительной усмешкой. Я помню, что тут же упала без чувств. Когда же я пришла в себя, то спросила, где он был убит и где сейчас его тело. Он ответил: “Оно и без тебя зарыто, что мы всяких палачей, кровопийцев полицейских будем отдавать!” Тут все

работники “чрезвычайки” захохотали. Сколько их там было, все они с руганью проводили меня с сыном из комнаты. Оттуда мы пошли к Председателю съезда профсоюзов Бабушкину, чтобы он устроил моего сына хотя бы рассыльным, но его прошение пошло в Чрезвычайный Комитет. Там нам сказали, что “дети расстрелянных отцов не могут служить у Советской власти как контрреволюционеры”.

Если же эта власть продолжалась бы еще с неделю, то я думаю, что меня и моего сына давно бы не было в живых».

Выдержка из протокола допроса свидетельницы Ольги Францевны Яновой от 14 мая 1919 г. (с дополнениями). Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 182–183). Печатается с сокращениями.

«При обыске у нас было взято несколько писем, не заключающих в себе ничего особенного, фотографическая карточка бывшего полицейского исправника Румынского, расстрелянного большевиками в Екатеринбурге.

В помещенном в газете списке расстрелянных я нашла фамилии некоторых знакомых, как Топорков Александр, бывший помощник воронежского полицмейстера, Пивоваров Александр Иванович и другие».

Свидетельские показания Ивана Степановича Мальцева, 37 лет, проживавшего в Перми, от 22 марта 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 86).

«До лета 1918 г. я жил в одной квартире со своим зятем, Борисом Афанасьевичем Кобелевым. Летом прошлого года к нам в квартиру большевиками был насильно вселен секретарь Пермской Чрезвычайной Комиссии Станислав Кулешинский с семьей, женой и ее сестрами, по фамилиям Кох и Дроздовская. Зять мой был человек молодой и горячий. Однажды в первых числах августа, когда по улице проходила после смотра красная армия, зять мой, стоявший на улице рядом с женой Кулешинского, громко назвал эту армию “бандой”. Затем, по словам соседней, он у нас во дворе горячо спорил с Кулешинскими о “Советской власти”, причем резко порицал ее. После этого он куда-то исчез. Кулешинского я об этом не спрашивал, т.к. презирал его как большевика и секретаря “Чрезвычайки”, насильно ко мне вселенного, не желая с ним разговаривать. При наведении справок в Бюро Уголовного Розыска мне удалось узнать, что зять мой был арестован Чрезвычайной Комиссией и, вероятно, ею же был расстрелян. В Пермском Исправительном Арестантском Отделении я узнал, что 11 августа к ним поступил арестант, по приметам подходившим к моему зятю. Рано утром через день он был увезен оттуда агентами Чрезвычайки и больше не возвращался.

Наша соседка Кержинцева сказала моей жене, что, по словам Кох, зятя моего застрелил лично сам Кулешинский. Она потому раньше ничего не

говорила об этом и о том, где скрываются сестры Кулешинского, что боялась большевиков».

Выдержка из рапорта старшего милиционера 2-го участка Манкевича начальнику этого участка по Пермской городской милиции об убийстве большевиками гражданина Скуева, от 27 марта 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 58). Печатается с сокращениями.

«Исправник Скуев во время красного террора скрывался в Екатеринбургской волости Оханского уезда у своего зятя, учителя Фастова, которого я не знаю. В первых числах сентября 1918 г. Скуев был задержан и отправлен в город Пермь. Место пребывания Скуева выдал бывший урядник Даниил Федорович Анферов. Последний состоял в партии большевиков-коммунистов и был организатором красной армии в городе Оханске с 1 февраля по 1 июня 1918 г. Затем он переехал на жительство в село Сиву Оханского уезда к своему тестю, где тоже был организатором партии коммунистов.

Супруга Скуева, узнав об аресте мужа, психически расстроилась и была отправлена на лечение в город Пермь. Где она в настоящее время находится, неизвестно. Детей у Скуевых не было, за исключением 2 приемных дочерей, которые вышли замуж, одна за офицера, а другая за учителя. Более подробные сведения можно получить у жены бывшего помощника исправника при Скуеве — Казюревой, проживающей в городе Оханске по Андреевской улице в доме Красильникова № 13. Муж последней весной 1918 г. был казнен большевиками в заводе Мотовилихе вместе со своими сослуживцами, приставами, семьи которых проживают в городе Оханске».

Выдержка из протокола показаний мобилизованного в Пермскую ГубЧК, в отдел по борьбе со спекуляцией и пьянством, бывшего члена Семипалатинского Окружного суда Леонида Александровича Кудрявцева, от 7 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 103–104). Печатается с сокращениями.

«Из агентов своего отдела я помню по фамилии татарина Апаева, русского Ромашова и латыша Паписто или Папусто. Я отметил, что Апаев задержал больше всего спекулянтов-татар. Был в этом отделе и 4-й агент, но фамилию его не помню. Отделом разведки заведовал Кузнецов, иногородним — Шленов. В отделе по борьбе со спекуляцией был следователь Скруп, латыш; в отделе по борьбе с преступлениями по должности — следователи Михалаш и Эптингер, в отделе по борьбе с контрреволюцией — Белов, был в этом отделе еще следователь, но фамилии его я не знаю.

Добавляю, что после занятия Перми сибирскими войсками я услышал, что заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией Воробцов был или убит, или покончил с собой и что труп его находится в анатомическом покое.

Об этом я узнал около 11 или 12 января 1919 г. от начальника исторического отдела Верховного Правителя».

Протокол допроса товарища прокурора Пермского Окружного суда Сергея Александровича Алешинского, 1878 г.р., от 7 апреля 1919 г. Он как юрист, в числе других бывших работников юстиции, был мобилизован большевиками в Пермскую ГубЧК. Интересно отметить, что после этого Алешинский продолжал работать на высоких должностях у белых, в том числе и по расследованию злодеяний большевиков. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 105–107). Печатается с сокращениями.

«Когда нас вызвал и собрал в Чрезвычайке комиссар Маталаев, судебный следователь Фрейтас сообщил собранию, что Маталаев сказал ему, что нам придется или служить Советской власти, или сидеть в тюрьме. Это было приблизительно числа 10–12 января 1919 г. К тому же времени большевиками уже были начаты частичные расстрелы на Каме разных лиц, и на митингах открыто говорилось, что в 1-ю очередь надо уничтожить полицию и прокурорский надзор, тогда же начались и аресты.

К 11 сентября я был переведен в следственную комиссию 1-го участка Пермского уезда. К тому времени в Перми уже происходили массовые аресты и расстрелы, некоторые из моих сослуживцев уже были расстреляны, другие — арестованы. Мое положение как товарища прокурора и члена местной белогвардейской организации становилось все более опасным.

Числа 15 или 17 ноября я получил письменное предписание отправиться немедленно в распоряжение Губернской Чрезвычайной Комиссии для оказания юридической помощи по некоторым специальным вопросам тамошним следователям. Воробцов отправил меня в распоряжение следователя его отдела Белова и открыто заявил, что мне, как беспартийному, полного доверия не может быть и что я им нужен только для того, чтобы научить их следователей, по какой форме должны вестись протоколы, в какой форме допрашивать свидетелей и обвиняемых и как формулировать обвинения.

Из числа находящихся у меня дел я помню дела о 102 белогорских монахах, обвинявшихся в контрреволюционной агитации, которые тогда были на принудительных работах. Помню дело об офицерах Петухове, Белозерове и Сукало, обвинявшихся в белогвардействе, причем все 3 были мною освобождены, и Сукало находится теперь председателем Военно-Следственной Комиссии в Кунгуре. Было дело о пермском нотариусе Козакевиче, обвинявшемся в организации белогвардейского восстания в деревне Конец Бора и в убийстве агентов Чрезвычайки Третьякова и, кажется, Малиева. Это дело обратило на себя особенное внимание, т.к. в списке дел, имевшихся у Белова, против этого дела стоял крест, что означало, что Козакевичу грозит неминуемый расстрел. Белов с пеной у рта доказывал, что по

этому делу нечего спрашивать свидетелей, допросили только “для проформы” самого Козакевича, и дело поскорее отдали Белову для доклада в Президиум Чрезвычайки. Мне невероятными усилиями удалось доказать необходимость допроса свидетелей. Таким образом удалось добиться того, что дело Козакевича не попало в Президиум до взятия Перми сибирскими войсками, и он остался, благодаря чуду, жив, а семья его была освобождена.

Председателем отдела по борьбе со спекуляцией тогда был Лобов, ведущим хозяйственным отделом — Трофимов, начальником контрразведки — Кузнецов. Из агентов чрезвычайки я видел только 2 человек — какого-то латыша и интеллигентную на вид барышню, смуглую брюнетку лет 17–18, фамилии которых не знаю. В отделе охраны коменданта Чрезвычайки русских красноармейцев почти совсем не было: все это были латыши, которых впоследствии сменили финны».

Показания свидетеля Н. Мурашева, бывшего инженера-техника и управляющего Юго-Камским заводом об учиненных там большевиками убийствах, от 8 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 63). Печатается с сокращениями.

«Что касается Крупского, то мне кажется, что он пострадал из-за своей привычки зло вышучивать; особенно резкие разговоры у него были с членами Совдепа и некоторыми коммунистами. Вообще он, а также Мартини и Кобяков, пострадали, главным образом, из-за своей неосторожности, раззадоривая и вышучивая лиц, кои в то время стояли у власти или имели большое влияние на власть.

Расследование дела по обвинению Мартини производил председатель Оханской чрезвычайки Болотов.

Насколько известно, Болотов приказал арестовать управляющего завода, т.е. меня, но, выяснив дело по обвинению меня в организации чехословацких отрядов и другие, подобного рода обвинения, в том числе по спекуляции, освободил.

После допроса бывшего служащего конторы Д.М. Ужегова обвинение было направлено против Кобякова, Мартини и Крупского. Между этими людьми и Ужegovым были распри личного характера, а также корпоративно-го. Дело в том, что профессиональная организация служащих объявила бойкот Кобякову и Мартини.

Кроме Ужегова, против Кобякова и Мартини показывал также конторский служащий В.В. Чазов. Я слышал содержание обвинительного акта. Акт написан с твердой целью во что бы то ни стало обвинить вышеуказанных лиц. В нем содержится масса передержек, ничего общего с сутью дела не имеющих.

Мартини, Кобяков и Крупский были арестованы 19 июля 1918 г. по старому стилю и препровождены под конвоем в Оханскую тюрьму.

Через неделю, по слухам, они были отправлены в город Пермь. От красноармейца, бывшего военнопленного, работавшего в Юго-Камском заводе, мадьяра Яноса Сегедче, я слышал, что расстрел был произведен в заводе Мотовилиха».

Выдержка из протокола допроса Александры Ивановны Безенкевич как свидетеля по делу убийства ее мужа большевиками 16 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 65). Печатается с сокращениями.

«Мой муж, Георгий Петрович Безенкевич, служивший ранее делопроизводителем в Красноуфимске и Соликамске в Управлении Военного Начальника, поступил в феврале 1918 г. в селе Услым на службу к большевикам по военному ведомству в качестве заведующего учетным отделом. Неожиданно в нашу квартиру явились 4 неизвестных мне красноармейца под начальством некоего Морозова и произвели у нас обыск. В это время пришел со службы мой муж, которого Морозов тогда же арестовал и увел в сопровождении красноармейцев в арестный дом. Одновременно с мужем были арестованы мой брат, Виктор Иванович Новиков, служивший ранее воспитателем в Оренбургском кадетском корпусе, и его невеста, Евгения Ивановна Иванова, проживавшие тогда в одной квартире с нами. На другой день мой муж, брат и Иванова были увезены в Пермь и были помещены там в арестный дом.

В Перми я с братом, мужем и Ивановой не виделась, т.к. на свидание с ними мне не дали в Чрезвычайной Комиссии пропуска. Мне сказали в названной комиссии 23-го августа, что они отправлены на фронт, якобы на принудительные работы.

Спустя дня 3 после того я по слухам от одного из служащих в Пермской Чрезвычайной Комиссии, узнала, что все они расстреляны. По этим данным, это произошло на 7-й версте по Сибирскому тракту от города Перми. Затем это было напечатано в газете «Известия Пермского Исполнительного Комитета» от 11 сентября».

Протокол допроса свидетеля по делу о красном терроре против мусульман от 22 апреля 1919 г. В этом отношении документ представляет особую ценность. Хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 152–154). Печатается с сокращениями.

«Я, Мангулла Зарапов, 43 лет, магометанин, живу в Перми. Показываю: у меня был брат Вафа Зарапов, которому в 1918 г. было 35 лет. Он участвовал в Германской войне, но через 5 месяцев после уезда на фронт вернулся по болезни и после этого занялся мелочной торговлей.

Вафу арестовали 24 или 25 января прошлого, 1918 г. часов около 4 вечера на рынке, куда он пришел покупать гири. Арестовал его русский мужик,

не знаю, милиционером он был или красноармейцем, но он все время тогда ходил по толчке с револьвером.

Я не знал, куда посадили моего брата. Я ходил безрезультатно в Губернаторский дом, где правили большевики. Потом мне посоветовали справиться по тюрьмам, не сидит ли он там, и я ходил туда. Был я в тюрьмах на Сибирском тракте и в Разгуляе, потом в милицию и во все участки, но брата не нашел. После этого я опять пришел в Губернаторский дом, но там какой-то толстомордый служащий сказал: «Зови муллу и молись за него, он теперь на том свете рыбу ловит», — а затем пригрозил, что если я буду надоедать, то и мне тоже будет. Такие же заявления толстомордый сделал и русской бабе, муж которой был одновременно арестован с моим братом.

Арест произошел при следующих обстоятельствах: тогда вернулся из плена один солдат-татарин Султан, фамилии не знаю, который продавал на толчке свои солдатские вещи. За это его арестовал упомянутый русский долгий мужик. Мой брат, человек очень смирный, заступился за арестованного, сказав, что, может быть, он продает эти вещи потому, что у него хлеба нет. За это «красный милиционер» арестовал моего брата. Тогда за последнего заступился русский торговец Алексей Зеленин. Длинный мужик и его арестовал.

Когда их вели, то арестованному Султану удалось бежать, и он дал знать об этом мне. Впоследствии я слышал, что моего брата и Зеленина в тюрьму не отправляли, а в ту же ночь «кончили».

Месяц тому назад упомянутый Султан встретил того «красного милиционера», который арестовал моего брата и задержал его. Теперь он сидит в тюрьме. Говорят, что в тюрьме он сидит уже 6-й раз».

Информационная записка судебному следователю Пермской губернии по важнейшим делам от товарища прокурора Д. Тихомирова, от 25 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 112).

«В. Срочно!

Препровождая на Ваше распоряжение прилагаемую переписку, сообщая, что 13 трупов неопознанных лиц, расстрелянных советскими властями и обнаруженных на 4-й версте по Сибирскому тракту, помещены в анатомическом покое».

Заключение медицинского эксперта, пермского городского врача Шнееровой относительно осмотра найденных трупов 13 человек, расстрелянных большевиками. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 120). Печатается с сокращениями.

«На основании вышеописанных данных судебно-медицинского осмотра и вскрытия трупов я прихожу к заключению, что все 13 неизвестных мужчин были расстреляны: № 1 — одним слепым выстрелом в голову; №№ 2, 8, 9 — сквозными выстрелами в голову; № 3 — выстрелами в голову, грудную и брюшную полость; №№ 4 и 6 — слепыми выстрелами в голову и грудь; № 5 — сквозным выстрелом в правую грудную область; № 10 — одним выстрелом в голову, навывлет и 2 слепыми в подмышечную область револьверными выстрелами; №№ 11–13 — разрывной пулей в голову, а № 11 и в грудь. Прижизненных следов мучения на трупах не замечено, но имеются посмертные ранения, а именно: № 3 — перелом плеча правой руки; № 6 — штыковая рана в грудь и в область левой ключицы; № 11 — штыковые раны в область живота и обоих бедер; № 13 — пулевые ранения в правый плечевой сустав, 3 раны в грудь и 1 в живот. Ввиду разложения трупов нахожу необходимым предать их земле немедленно».

Записка товарища прокурора Пермского Окружного суда Тихомирова судебному следователю по важнейшим делам Пермской губернии Короновскому, от 30 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 138).

«По Сибирскому тракту на 4-й версте, близ места свалок, на опушке леса, было произведено разрытие одной из могил лиц, расстрелянных Пермской Чрезвычайной Комиссией. Могила представляла собой четырехугольник длиной 3,5 аршина и шириной около 2 аршин. Вблизи могилы найдены коробка от консервов и разбитая бутылка.

На глубине около 1 аршина в глине было обнаружено 8 трупов мужчин, переплетавшихся друг с другом руками и ногами, в разнообразных положениях. Среди трупов обнаружен 1 ремень и 1 веревка. На большинстве трупов имелись золотые кресты. Присутствовавшими со мной при разрытии могилы врачами Уткиным и Ляпустиным на некоторых трупах были обнаружены кровоподтеки; 1 из трупов мною опознан — это бывший оханский уездный исправник, Матвей Матвеевич Скуев.

Трупы, вместе с веревкой и ремнем, мною отправлены в Городской анатомический покой, о чем сообщаю Вам на распоряжение».

Заключение судмедэксперта, городского врача Перми Шнееровой о смерти восьми человек, трупы которых найдены 30 апреля 1919 г. Б. Тихомировым. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 141).

«На основании данных судебно-медицинского осмотра и вскрытия 8 трупов я прихожу к заключению, что все 8 мужчин были расстреляны из огнестрельного оружия, из револьвера: №№ 1–8 — по 1 выстрелу в голову, преимущественно в висок. Полагаю, что выстрелы производились в упор. Каких-либо прижизненных истязаний за гнильностью трупов

установить не удастся. Трупы, за гнильностью их, должны быть немедленно преданы земле».

Докладная записка об обнаружении новых жертв красного террора. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 142, 143). Печатается с сокращениями.

«В. Срочно. Судебному Следователю Пермского Окружного Суда по важнейшим делам.

Наблюдающий за раскопками и розысками трупов расстрелянных большевиками заложников товарищ прокурора Д.С. Тихомиров сообщил мне по телефону, что 1 мая 1919 г. на месте свалки нечистот обнаружено 9 новых трупов. Из числа их 1 труп бывшего полицейского пристава Безенковича, опознанный раскапывающими людьми. В отдельной яме найдено 4 женских трупа. Из них 1 — в корсете и клетчатой кофточке, сохранился лучше других. Из остальных трупов в кофточке — лишь один, но без нижнего белья. Два других трупа — без одежды. Присутствовавший при раскопках врач Уткин, служивший при Советской власти тюремным врачом, заявил, что найденные трупы женщин очень похожи на увиденных им в тюрьме графиню Гендрикову, баронессу Менгден и гоф-ллектрису Шнейдер.

Близ канавы, на границе поля на глубине в четверть аршина найдены 3 трупа мужчин и 1 — женщины. Мужчины одеты в белье, женщина — без одежды.

Трупы с места раскопок перевезены в анатомический покой при Пермской Губернской Земской больнице.

Товарищ прокурора 1-го Пермского участка, 2 мая 1919 г.».

Заключение судмедэксперта, пермского городского врача Шнееровой о причине смерти найденных 1 мая 1919 г. останков 9 людей. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 146 об).

«На основании данных судебно-медицинского осмотра и вскрытия трупов 5 женщин и 4 мужчин я прихожу к заключению, что все 9 человек были убиты: №№ 1–4 — выстрелами из огнестрельного оружия и добиты в голову каким-то тупым орудием, очевидно прикладом винтовки, с приложением большой силы; №№ 5–9 — убиты таким же орудием, как вышеописанные, ударом в голову. Следов прижизненного истязания, за сильной гнильностью трупов, установить, как и других повреждений, невозможно. Трупы должны быть немедленно преданы земле ввиду их сильной гнилости».

Рапорт генерала Дитерихса Колчаку о расследовании им фактов убийства представителей Императорского Двора и красного террора на Урале. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 341. Оп. 1. Д. 52. Л. 34–36).

«Генерал-лейтенант Дитерихс, 17 мая 1919 г. № 43.
Ваше Высокопревосходительство, Александр Васильевич!»

16 сего мая, в г. Перми мною, в присутствии Товарища Прокурора Пермского Окружного Суда Д. Тихомирова и Начальника Пермской городской милиции П. Данилова, было совершено погребение тел фрейлины, Графини Анастасии Гендриковой и Гоф-лестрисы Екатерины Шнейдер.

Обе названные придворные дамы были 10 мая 1918 г., вместе с Великими Княжнами Ольгой, Татьяной и Анастасией Николаевнами и будущим Наследником Цесаревичем, доставлены из Тобольска в Екатеринбург и непосредственно с вокзала отправлены в Екатеринбургскую тюрьму, где и содержались до 20 июля того же года. При этом заключении все вещи у них были отобраны, и они остались только в том, в чем были одеты при переезде.

20 июля, вместе с Княгиней Еленой Петровной (Сербской), Графиня Гендрикова и Екатерина Шнейдер были отправлены в особом вагоне под усиленной охраной в г. Пермь, где, по прибытии, были заключены в Пермскую Губернскую Тюрьму. Одновременно с ними был перевезен туда же и камердинер Алексей Волков.

В ночь на 4 сентября (все числа по новому стилю) Графиня Гендрикова, Екатерина Шнейдер, Алексей Волков и еще 8 других лиц, по постановлению Пермской Чрезвычайной Комиссии, были взяты из тюрьмы и отведены в Арестный дом. Оттуда, в ту же ночь, они были выведены по Сибирскому тракту за 4 версты от города на поля орошения (выброса нечистот) и там, в канаве, убиты. По дороге Алексею Волкову удалось бежать.

2 мая сего года особой комиссией, в присутствии Товарища Прокурора Д. Тихомирова, трупы были открыты, подвергнуты судебно-медицинской экспертизе и опознанию сведущими лицами и, до моего приезда, временно погребены в общей братской могиле.

14 сего мая я посетил место убийства и первоначального погребения названных лиц большевиками. На 4-й версте от Сибирского тракта отделяется вправо бревенчатая дорога, разделяющая громадное поле орошения, залитое ассенизационными нечистотами. С левой стороны этой бревенчатой дороги имеется канава, глубиной в пол-аршина, с валиком, ограждающим дорогу от залива нечистотами. В этой-то канаве, посередине поля орошения, и была произведена казнь, и там же трупы и были зарыты, для чего сделали выемку земли в одну четверть аршина глубиной, трупы свалили в кучу по 4 и засыпали сверху землей, тоже на одну четверть аршина. С трупов была снята вся верхняя одежда, чулки и башмаки.

16 сего мая на перепогребение мною были приглашены также чины тюремной администрации, несшие свои обязанности и при большевиках в Пермской губернской тюрьме, для опознания жертв.

По их показаниям, Княгиня Елена Петровна, Графиня Гендрикова и Екатерина Шнейдер содержались в одной из комнат тюремной больницы и заботами начальника тюрьмы (расстрелянного большевиками на другой день) были обставлены насколько возможно лучше, в том смысле, что кроме хлеба и щей им иногда покупали, за их счет, молоко.

При моем осмотре трупов Графини Гендриковой и Екатерины Шнейдер я вполне согласился с первоначальным их опознанием тюремным врачом и фельдшером, которые их пользовали в тюрьме. Опознали их также при мне Помощник Пермского Губернского Тюремного Инспектора Н. Грацинский и Помощник Начальника Губернской тюрьмы Н. Бехтерев; подтвердил свое первоначальное показание и вызванный мною тюремный фельдшер г. Мешковский.

Благодаря тому что зимой трупы сильно промерзли, они, сравнительно ко времени моего осмотра, сохранились хорошо. Я сделал с них несколько снимков, а Товарищем Прокурора был составлен законный акт.

В настоящее время тела помещены мною в более прочные гроба (гроб Графини Гендриковой — оцинкованный, а другого такого же достать не удалось) и деревянный склеп, в особой могиле на Новом Вознесенском кладбище, в Перми. Могилы обнесены загородкой и поставлено 2 белых креста с наименованием покойниц. Гробы, склеп, загородка, кресты и перепогребение стоили всего 4 тысячи рублей, причем на 3650 рублей у меня имеется счет Похоронного бюро, устраивавшего гробы, склеп, загородку и кресты; 250 рублей уплачено старшему милиционеру для вознаграждения работавших чинов и людей и 100 рублей — возчикам и извозчикам.

Ваш покорный слуга и глубоко преданный Михаил Дитерихс».

Выдержка из протокола опроса свидетеля Георгия Александровича Мечиковского по делу об обнаружении 1 мая того же года 9 трупов, включая женские, от 4 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 155 об). Печатается с сокращениями.

«Я служил при Пермской Губернской тюрьме фельдшером и там, в особой палате, содержались 5 женщин, похожих на тех, чьи трупы были найдены на свалке. Это были Королева Елена Петровна, Соманова, графиня Гендрикова, Шнейдер и учительница-француженка».

Письмо от 3 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 147).

«Господину судебному следователю Пермского Окружного Суда по важнейшим делам.

Вследствие отношения от 28 апреля за №164 имею честь при сем препроводить заявление Анатолия Вологодина с протоколом районного наблюдателя Чудинова об опознании в числе 13 трупов сына Вологодина — Александра, и протокол за 30 апреля старшего милиционера Каллистратова по заявлению Серебренникова об опознании в числе трупов Михеля Когана.

Начальник 2-го участка
Пермской Городской милиции».

Протокол допроса свидетельницы Татьяны Григорьевны Шистеровой, 35 лет, гражданки деревни Уварово Средне-Егвинской волости Пермского уезда, от 5 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 157–158). Печатается с сокращениями.

«Я явилась на розыски тела моего мужа, Александра Ермиловича Шистерова, который, как у нас прочитали из газеты в прошлом году, в октябре месяце был расстрелян в Перми большевиками. Мужу моему было 46–47 лет, детей у нас 7. Занимались мы земледелием и немного торговали хлебом. Кажется, в сентябре прошлого года большевиками была объявлена мобилизация мужчин. Муж мой поступлению в войска не подходит, да он и раньше солдатом не был. После объявления мобилизации мужчины нашей волости собрались в селе Средней Егве и обсуждали вопрос, надо ли поступать на военную службу, и решили его отрицательно. Мой муж в тот день был в Средней Егве случайно. Он повел туда для военных надобностей, по требованию большевиков, лошадей. Не особенно много времени спустя после этого мой муж был неожиданно вызван в наш исполком, где он был оштрафован на 500 рублей за то, что будто бы на названном выше собрании мобилизованных он агитировал не поступать на военную службу. По словам моего мужа, донос на него и иных сделал гражданин нашей же волости деревни Бадки Александр Семенович Реутов. Мой муж об этом узнал случайно и упрекнул Реутова, а тот на упреки отозвался: “Не надо было говорить и агитировать”. Мой муж говорил, что вместе с Реутовым донос сделал и наш сосед, который по приходе белых был расстрелян как коммунист.

После этого мой муж пробыл дома одни сутки, и снова его вытребовали в волостной исполком, где он был арестован. Через 3 дня после этого был арестован находившийся на службе в селе Средне-Егвинском, в качестве военного руководителя, наш старший сын Иван. Его продержали 2 с половиной недели и, постановив оштрафовать его на 500 рублей, освободили, после чего опять призвали на военную службу.

С приходом белых Реутов был арестован начальством сибирских войск, а потом почему-то был освобожден и скрылся. По одному с делом моего мужа одновременно были арестованы граждане одной с нами волости, но разных деревень Никифор Тимофеевич Пигилев и Дорофей Федулович Мокрушин. Некоторое время раньше этого был арестован еще гражданин нашей волости, Антон Дмитриевич Зубакин. Он в свое время служил в Перми, и большевики за эту службу его арестовали. В одном списке расстрелянных большевиками значились мой муж, а также Пигилев, Мокрушин и Зубакин. Мокрушину было лет 30, он был холостым, а Зубакин был женат. Кроме 4 названных мужчин, в нашей волости я не слышала, чтобы кто-то был расстрелян большевиками».

Протокол свидетельских показаний Марии Никифоровны Пигалевой, 20 лет, гражданки деревни Колобки Средне-Егвинской волости Пермского уезда, от 5 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 158). Печатается с сокращениями.

«Мы занимались земледелием, а отец, Никифор Тимофеевич Пигалев, еще торговал мясом, рыбой, хмелем. Отцу было 55 лет. В прошлом году он служил десятником и часто бывал на дежурствах в нашем совдепе. Как-то раз летом прошлого года он пришел из совдепа домой и сказал, что был арестован, но через 3 часа выпущен. За что он был арестован, ему известно не было. На следующий день отец ушел по службе опять в село и более домой не возвращался.

Старший мой брат Николай, находящийся теперь в Народной армии на Осинском фронте, ездил впоследствии, еще при большевиках, в Пермь. Причем в 1-й раз ему в “Чрезвычайке” сказали, что нашего отца скоро освободят, во 2-й раз — что он отправлен на окопные работы, а в 3-й — что он приговорен в окопы на 100 лет.

Впоследствии мы узнали из газеты, что он был убит. За что расстреляли моего отца, я не знаю».

Протокол досмотра следователем по важнейшим делам Короновским найденных белогвардейцами в Пермской ГубЧК орудий пыток, от 5 мая 1919 г. Документ является важным источником по истории красного террора. Хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 160).

«Судебный следователь Пермского Окружного Суда по важнейшим делам, в присутствии ниже подписавшихся понятых, производил в музее Пермского Военного Контроля осмотр хранящихся там, обнаруженных в помещении бывшей Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии, орудий пыток и насилия, причем оказалось:

1. Кусок белой резины четырехгранной формы длиной 42,5 сантиметра шириной 3,5 сантиметра и толщиной немногим более 2 сантиметров весом около 1,5 фунта. По бокам этот кусок разный, у одного конца его имеются следы гвоздей, и в одном месте — 2 сохранившихся гвоздя, коими, очевидно, была к нему прикреплена особая ручка-рукоятка. Резина — довольно упругая, местами потрескавшаяся. Особенных следов на ней, и в частности следов крови, на ней не видно.

2. Прямой железный прут круглой формы, диаметром около 1,5 сантиметров и длиной около 130 сантиметров. Прут выкрашен белой масляной краской, которая местами облезла, и на этих местах просвечивает гладкая лоснящаяся поверхность, иногда покрытая ржавчиной. Но на некоторых местах, и на краске, и на свободной от нее поверхности, имеются темно-красные пятна, напоминающие следы крови.

3. Кистень, по устройству напоминающий цепь для молотьбы и состоящий из деревянной рукоятки — круглой палки толщиной в 4 сантиметра и длиной 80 сантиметров — и подвешенной на рукоятке железной гири, весящей больше 1 фунта, на толстых, продолговатых кольцах. Сама железная цепь прикреплена к рукоятке посредством железной втулки с отверстием на конце, одетая на 1 конец рукоятки. У противоположного конца рукоятки имеется продетый через отверстие толстый шнур для надевания на руку. Каких-либо особых следов, в частности следов крови, на кистене не видно.

4. Кандалы обыкновенные железные, 19 штук, с замками для надевания на обе руки. Каких-либо особенных следов на кандалах не заметно.

Иных указанного рода предметов в музее не найдено.

Поняты: Константин Мучнеев, Дягилев
Исполняющая должность судебного следователя Воронова».

Выдержка из докладной записки прокурора Пермского Окружного суда Шамарина следователю по важнейшим делам Пермской губернии Короновскому от 8 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 166). Печатается с сокращениями.

«По полученным мною сведениям от Пермского Губернского Тюремного Инспектора, начальник Пермской губернской тюрьмы Бурмакин расстрелян большевиками в сентябре 1918 г. и похоронен на земском кладбище за городом».

Выдержка из докладной записки судебному следователю Пермского Окружного суда по важнейшим делам об обнаружении новой могилы с уничтоженными большевиками людьми от 9 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 167–171). Печатается с сокращениями.

«По Сибирскому тракту 8 сего мая на 4 версте от города Перми на свалке нечистот в присутствии товарища прокурора Н.Ф. Суцевич вырыты из земли 8 трупов. Из них 7 — духовного звания и 1 — светского. Эксперты и другие, присутствовавшие при эксгумации трупов, отметили то, что черепа у всех этих трупов были разбиты. Трупы эти перевезены в Пермский Городской анатомический покой для опознания родными и знакомыми».

Заключение судмедэкспертов относительно причин смерти найденных 9 мая 1919 г. 8 трупов, от 11 мая 1919 г. Интересно, что, хотя головы убитых разможены, врач пишет, что в большинстве случаев люди были убиты выстрелами. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 173 об).

«На основании данных освидетельствования 8 трупов мужчин я прихожу к заключению:

Мужчины под номерами 1 и 3-й убиты либо выстрелами из огнестрельного оружия разрывными пулями, или сильными ударами по голове твердым тупым орудием вроде обуха топора или приклада винтовки и тому подобному.

Все остальные 6 мужчин были убиты выстрелами из огнестрельного оружия обыкновенными пулями, причем № 2 — 2 выстрелами, № 5 — 5 выстрелами, а остальные 4 — 1 выстрелом. Все ранения, каждое в отдельности, — смертельные. Признаков истязания на всех трупах не обнаружено.

Врач, фамилия неразборчива».

Протокол допроса свидетельницы Анны Софроновны Скуевой, 57 лет, вдовы коллежского асессора, проживающей в Оханске, от 12 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 174). Печатается с сокращениями.

«Я приехала в Пермь из Оханска для розысков тела моего мужа, Матвея Матвеевича Скуева, расстрелянного в начале сентября прошлого, 1918 г. в Перми большевиками. Покойный муж мой по окончании военной службы поступил служить в полицию и прослужил так около 30 лет. Всего ему было 55 лет. Последние 10 лет покойный служил в Оханске уездным исправником, а со времени революции ни на какой службе не состоял, и жили мы в том же Оханске на прежние свои сбережения. Детей у нас своих не было, но мы воспитали 3 сирот — племянницу мужа Марию, Екатерину и Ольгу Феодосьевен Скуевых. В Оханске при большевиках мы жили сравнительно спокойно, хотя несколько раз у нас производились обыски, но ничего особенного не находили, правда, некоторые вещи при этом у нас были похищены, всего тысяч на 10. Как-то в мае прошлого года к нам явился с мандатом местного Совдепа бывший сторож, ныне высший начальник училища, и потребовал моего мужа в здание Земской Управы, где заседал Совдеп. Там мужу объявили, что он требуется в Пермскую Чрезвычайку для допросов, и арестовали. Одновременно были арестованы: бывший осинский становой пристав Степан Афанасьевич Палкин, бывший начальник милиции Федор Терентьевич Железняков и бывший стражник Егор Петрович Аликин. Палкин и Аликин были в Оханске убиты большевиками, а Железняков скрылся и служит теперь у нас в Военном Контроле».

Протокол допроса свидетельницы Ольги Ефимовны Гусевой, 34 лет, гражданки Очерского завода и Очерской волости Оханского уезда, от 12 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 175 об. — 176). Печатается с сокращениями.

«Я приехала сюда несколько дней тому назад разыскивать тело своего мужа, Александра Ивановича Гусева, убитого здесь большевиками. На днях

в здешний Анатомический покой привезли с 4-й версты по Сибирскому тракту 8 трупов мужчин, и среди них я узнала своего мужа.

До упразднения полиции мой муж служил в ней в течение 11 лет. В последние 2 года был урядником в селе Сепычах Оханского уезда. С этой службы он был взят на войну и возвратился домой в декабре 1917 г., после чего он работал в Очере в качестве слесаря. Детей у нас не было. Никто к нам в Очере долгое время не придирался и не беспокоил. Вдруг утром 12 сентября 1918 г. к нам в дом явились 2 незнакомых вооруженных красноармейца, которые потребовали моего мужа в местный Комиссариат, где он и арестован. В этот день у нас было арестовано 18 человек мужчин, преимущественно "буржуев", а из бывших полицейских был еще арестован служивший ранее стражником Амос Иванович Печенкин. Арестованные "буржуи" впоследствии все были освобождены, а мой муж и Печенкин погибли. В тот же день арестованных отправили в Пермь. Кое-как мне удалось получить с мужем свидание, но на месте его я уже не застала. Какая-то молодая женщина лет 25 в Губернской Тюрьме, работавшая в Чрезвычайке, навела справки и заявила, что мой муж, Гусев, 20 сентября расстрелян за то, что служил Николаю Романову. Где и при каких обстоятельствах мой муж был расстрелян, эта женщина мне не объяснила и добавила, что мне может быть то же самое, если я буду разыскивать его тело.

Как потом рассказал мне освободившийся от большевиков дядя мужа, Павел Александрович Гусев, всех их вместе с Гавриилом Федоровичем Левиным вытребовали в Чрезвычайку, потом в Губернскую Тюрьму, откуда они уже не возвращались.

Впоследствии мне говорили: "Вини в смерти мужа Василия Сидоровича Кондакова и Михаила Павловича Бессонова". Оба последних служили у нас в Совдепе, но какую они сыграли роль в отношении моего мужа, я не знаю. Знаю, что жена Печенкина убежала вместе с красноармейцами, оставив даже своего маленького сына».

Протокол допроса свидетеля, Андрея Петровича Знаменского, 55 лет, протоиерея, настоятеля Теремно-Скорбященской церкви при Пермской губернской тюрьме, от 14 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 180). Печатается с сокращениями.

«Я — двоюродный брат погибшего здесь от руки большевиков священника, протоиерея Соликамской Богоявленной церкви Александра Николаевича Шкляева.

Во 2-й половине августа 1918 г. я узнал, что в городе Соликамске был арестован по распоряжению "Чрезвычайки" священник Шкляев, которого доставили в Пермскую "Чрезвычайку" и расстреляли. Никаких подробностей о причине ареста Шкляева и обстоятельства его расстрела мне не известны...

На днях я узнал, что в местный городской Анатомический покой доставлено с 4-й версты по Сибирскому тракту несколько трупов мужчин, расстрелянных большевиками, причем в числе их признаны священники. Трупы эти освидетельствованы Вами 11 мая. В одном трупе, помеченном № 3, я со всей уверенностью признаю своего двоюродного брата Шкляева.

Из иных лиц духовного звания в Губернской тюрьме содержались Сабуров, Яхонтов, Пьянков, которые были расстреляны, и оставшийся в живых Дмитриев. Про первых 3 я слышал от помощника начальника тюрьмы Григорьева, что их увели из тюрьмы в ночь на 4 декабря и будто бы утопили в реке Каме».

Протокол допроса свидетеля Александра Михайловича Дмитриева, 34 лет, священника Градо-Пермской Сергиевской церкви, от 15 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 184—187). Печатается с сокращениями.

«В 12 часов дня 8 декабря 1918 г. мы трое, а именно протоиерей Яхонтов, я и протоиерей М. Попов, вышли на Обвинскую улицу после литургии и стали разговаривать о приходских делах. Между прочим, я говорю, что сегодня на литургии было мало молящихся, а протоиерей Яхонтов отвечает: "Время теперь тревожное, все сидят по своим квартирам, замкнувшись, как улитки в свои раковины. — А затем добавляет: — Говорят, что напротив Мотовилихи выставлены пушки". В это время нас обгоняет какой-то пожилой человек в солдатской форме. Услышав слово "пушки" из разговора протоиерея Яхонтова, он останавливает его и спрашивает: "Какие пушки? Где пушки?" Яхонтов начинает объяснять, но человек в солдатской форме говорит: "Что вы, попы, агитируете против Советской власти? Как ваша фамилия?" О чем он его еще спрашивал, я не знаю, т.к. мы с Поповым продолжили путь дальше. У самого храма нас догоняет Яхонтов. Он посидел с нами и ушел.

Спустя полчаса к нам приходит тот человек, который привязался к слову "пушки", оказавшийся железнодорожным агентом "Чрезвычайки", и начинает спрашивать у нас, о чем мы все трое разговаривали. Мы сказали, что о приходских делах. Тогда этот железнодорожный агент говорит: "Раз не хотите сознаться, о чем вы разговаривали, я вас арестую", — и он предъявил мандат, из которого следовало, что он имеет право производить обыски и аресты. Я и Попов пошли арестованные, под конвоем этого агента, в "Чрезвычайку". Так дошли мы до немецкой кирхи. Агент в это время говорит: "Вы ступайте в 'Чрезвычайку' одни, а я пойду арестовывать Яхонтова". Там, 9 декабря, в 7 часов вечера, нам объявили, что мы препровождены в губернную тюрьму, где я содержался до прихода наших освободителей белых, до 24 декабря 1918 г.

Нас вызвала на допрос 16 декабря 1918 г. чрезвычайная Смешанная Комиссия (так в тексте. — С.Б.) по разгрузке тюрем. Председателем этой комиссии был Харитонов, в числе этой же комиссии был Воробцов, остальных не знаю. Состав этой комиссии был человек из 15. Первым допрашивали Яхонтова, но только он успел войти в комнату, как послышался крик Воробцова. Он затопал ногами и закричал на Яхонтова: "Сын твой — изменник Советской власти, а ты точно так же ведешь против нее борьбу путем агитации! — И тут он со злостью выкрикнул: — Вон отсюда!"

Наконец комиссия вызывает меня. Председательствующий Харитонов спрашивает, как я смотрю на отделение церкви от государства. Я ему отвечаю: "Церковь и ее служители делают свое святое дело, совершают богослужения, учат истинам Веры Христовой своих духовных чад. Кто хочет слушать эту истину, слушает и живет по ней, а кто не желает, тот не слушает, святая церковь никого не насилует в этом". Один из членов этой комиссии говорит: "Для чего нам эта поповская мораль, я думаю, этого достаточно. Ступай обратно в камеру". В чем состояли показания Попова, я затрудняюсь сказать.

После этого в тот же день, часов в 10 вечера, слышим, выкликают фамилию Попова и объявляют ему, что он свободен и может уходить домой; после этого я лег спать. Полтретьего утра 17 декабря слышим крики и переключку. Кто-то делал это, говоря фамилии с иностранным акцентом, с ударением на последнем слоге: "Яхонтов, Пьянков, Сабуров", а 4-ю фамилию я не помню. Около нашей камеры стоял, одетый в черную доху, с папироской в зубах, Воробцов и делал распоряжения вооруженным бомбами, кинжалами и ружьями красноармейцам. Как он выразился, "их вызывают на допрос в военный комиссариат". Тогда Яхонтов обращается к одному из стражей и говорит: "Что, меня расстреливать повезут?" Тот ему не отвечает, а обращается к надзирателю Попову: "Яхонтов догадался". В это время один вооруженный человек говорит, чтобы Яхонтов не разговаривал с ним и со мной: "Бесполезно, т.к. на днях за ним придут и увезут, твоих поручений он не успеет исполнить".

Дверь камеры затворилась. Когда все утихло, надзиратель Иван Зотович Метелев сказал мне, что их увезли на Каму.

Протокол допроса свидетельниц преступлений большевиков, от 20 мая 1919 г. Показания дали: Фекла Титовна Казакова, 36 лет, гражданка села Бигичи Вильгортской волости Чердынского уезда, живущая в Екатерининском поселке Балашовского лесопильного завода Пермского уезда, и Наталья Тимофеевна Федосеева, 49 лет, гражданка села Сепичи Сепичевской волости Оханского уезда, живущая в Екатерининском поселке Пермского уезда. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 189). Печатается с сокращениями.

Казакова:

«Я узнала, что о совершенных большевиками расстрелах людей нужно сделать Вам заявление и дать объяснение, почему я с этой целью и являюсь к Вам вместе с соседкой, Натальей Тимофеевной Федосеевой, т.к. большевиками были расстреляны наши мужья. Мой муж, Иван Михайлович Казаков, лет 14 служил в железнодорожных казармах. Затем он был призван на фронт, откуда, при достижении 43-летнего возраста, вернулся домой. По возвращении мой муж поступил в завод десятником при выделке шпал.

В субботу 7 сентября 1918 г. к нам утром явился милиционер и вызвал мужа в местный Совдеп, куда в тот день было вытребовано человек 10, и в том числе бывшие жандармы Кузнецов Петр Егорович, Федосеев Иван Афанасьевич и Дробинин Андрей Кузьмич, а также живший неподалеку беженец-латыш Клуш Иона Андреевич. У нас был обыск, найденные бумаги и письма были изорваны с руганью и угрозами.

Задержанных в тот же день отправили в Пермь, в "Чрезвычайку". На следующий день я пошла туда, где находилось множество арестованных накануне людей, причем говорилось о 700 арестованных. На следующий день в газете "Известия" были напечатаны списки расстрелянных, где значилась и фамилия Казакова. Я пошла в "Чрезвычайку" просить выдать мне труп моего мужа для погребения, но, добравшись лишь до одной служащей в очках, услышала от нее только грозный окрик: "Уходите, пока с Вами не случилось то же!"

После Клуша, также расстрелянного, осталась его вдова, как и у Кузнецова и Дробинина».

Федосеева:

«Мой муж, Иван Афанасьевич Федосеев, служил лет 23 — 24 в железнодорожных жандармах на Пермской железной дороге. Детей у нас не было. После упразднения жандармской полиции муж по старости (ему было за 50 лет) ничем не занимался. В воскресенье 1 сентября 1918 г. я ушла в церковь и по приходе от соседей узнала, что мой муж за время моего отсутствия был арестован и увезен в местный Совдеп, а оттуда направлен в Пермскую "Чрезвычайку". Я — женщина болезненная, крайне нервная, узнав об аресте моего мужа, я потеряла сознание и одна пролежала дома без чувств.

Уже во вторник в газете "Известия" были помещены списки расстрелянных, и в них была фамилия моего мужа».

На основании «скорбного листа» Пермской губернской земской Александровской больницы можно судить о том, что произошло дальше с виднейшим членом Пермской ГубЧК Воробцовым. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 194). Печатается с сокращениями.

«Имя, отчество, фамилия: Григорий Воробцов
Занятие: Председатель Чрезвычайной Комиссии
Доставлен: фельдшерницей Ольгиной
Время поступления в больницу: 24 декабря
Умер: 24 декабря 1918 г. в 7 часов 40 минут утра.

Анамнез

В 7 часов 20 минут утра больной был доставлен по поводу огнестрельного ранения в область шеи и левой внутренней пяточной области.

Больной был привезен в бессознательном состоянии и без пульса, причем на одежде было большое количество крови.

По словам доставившей его, больной пострадал от разорвавшейся ручной бомбы. Когда больного привезли, он еще дышал, причем были слышны на расстоянии хрипы в легких...

Шустер

Исполняющий обязанности старшего врача Пономарев».

Секретное отношение помощника начальника военного контроля белых по Перми и Пермскому уезду и коллежского асессора Петелина судебному следователю по важнейшим делам в Пермской губернии Короновскому о смерти виднейшего пермского чекиста Воробцова от 24 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 195). Печатается с незначительными сокращениями.

«Секретно. На отношение Ваше от 7 мая сего года за № 174 сообщаю, что Воробцов получил смертельное ранение от бомбы, с которой он упал, случайно поскользнувшись в суматохе, которая поднялась в то время, когда на "Чрезвычайку" напали организаторы белого восстания. Восстание было поднято в городе в ночь взятия Перми и красных артиллерийских казарм войсками Народной армии. Кроме ранения от бомбы, Воробцов получил рану в шею от ружейного выстрела, произведенного кем-то из вышеуказанных белогвардейцев. После ранения Воробцова инженер Белобродский вынул из его кармана документы. Какая-то сестра милосердия отвезла раненого Воробцова в Александровскую больницу. Там, с ведома прокурорского надзора, были вынуты из внутреннего кармана надетого на него жилета документы. Эти документы были переданы впоследствии товарищем прокурора Тихомировым инженеру Белобродскому. Труп Воробцова был предан земле по распоряжению упомянутого товарища прокурора.

Сведения эти даны инженером Белобродским, служащим в настоящее время помощником начальника военного контроля города Перми».

Выдержка из прошения на имя прокурора Пермского Окружного суда от поверенного Матвея Тарасовича Гуляева и присяжного

поверенного Николая Владимировича Павлова от 27 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 204). Печатается с сокращениями.

«Степан Тарасович Гуляев, крестьянин Вятской губернии, Уржумского уезда Рождественской волости, проживал в Перми, где имел свой дом. В конце сентября или в начале октября 1918 г. по распоряжению Чрезвычайной Комиссии бывших тогда у власти большевиков у Гуляева был произведен обыск, и он был арестован и посажен в арестантские роты, которые находятся в Перми по Сибирскому тракту.

Через несколько дней после этого в арестантских ротах уведомили, что Степан Тарасович Гуляев по распоряжению Пермской Чрезвычайной Комиссии расстрелян. Расстрелян он был, очевидно, в окрестностях Перми».

Протокол допроса свидетельницы Клавдии Амвросиевны Степановой, начальницы Пермской женской учительской семинарии, 55 лет, от 30 мая 1919 г. Документ представляет особый интерес, поскольку он связан с судьбой великого князя Михаила Романова. Хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 200–203). Печатается с сокращениями.

«В середине мая 1918 г. я получила из Москвы от своей подруги, Андреевой Любови Павловны, письмо, в котором было вложено письмо на имя Знамеровского Петра Людвиговича, высланного вместе с Великим Князем Михаилом Александровичем в Пермь.

Просьба Андреевой прийти на помощь Петру Людвиговичу Знамеровскому и начавшееся тогда вселение в квартиры большевиков были побудительной причиной, почему я предложила Знамеровскому свою столовую. Семейство Знамеровских, с женой и 5-летним сыном, приехало из Петрограда 5 июня 1918 г. и поместилось у меня на квартире.

Так обстояло до 13 июня по новому стилю, когда в ночь с 12 на 13 июня исчез Великий Князь Михаил Александрович. Исчезновение Великого Князя ошеломило Знамеровского. Он узнал об обстоятельствах его исчезновения от слуг Великого Князя — Петра Борунова и Василия Чельшева, что я и передаю: "В 11 – 11.30 в Королевские номера вошли трое. Один из них спросил: 'Который из вас Романов?' Михаил Александрович находился с Джонсоном, его личным секретарем. Получив ответ, спрашивающий сказал: 'Одевайтесь, именем закона вы арестованы'. На просьбу Джонсона показать на это ордер, на него был направлен револьвер с заявлением: 'Вот вам ордер'. На протест Михаила Александровича, что он слаб, т.к. долгое время пролежал в постели, один из тех троих взял его грубо за руку. Михаил Александрович тогда сидел на стуле, с которого тот человек его сдернул, сказав поскорее одеваться. Когда Великий Князь был готов, его вывели и посадили на извозчика, причем Джонсон захотел поехать с ними, но его не

пускали. Несмотря на 1-ю неудачную попытку, 2-я попытка увенчалась успехом».

На другой день, 14 июня, в 9 часов утра, ко мне в квартиру пришли трое, в форме солдат, произвели обыск и арестовали Петра Людвиговича Знамеровского. Жена Знамеровского, В.М. Знамеровская с ребенком, и Серафима Семеновна Лебедева зашли в Чрезвычайный Комитет с просьбой разрешить передать обед Знамеровскому. Вместо разрешения, Знамеровской объявили, что и она с Лебедевой арестованы.

Желая переговорить с В.М. Знамеровской, удовлетворена ли она обедом, а главное, соответствует ли стол организму ее болезненного ребенка, который был арестован вместе с матерью, я стала добиваться с ней свидания.

Знамеровская обратилась с просьбой, чтобы я брала ребенка к себе ежедневно с утра и вечером приводила обратно в Арестный дом. За разрешением брать Костю из Арестного дома я обратилась в Чрезвычайный Комитет. Мне было отказано на том основании, что уже развитый ребенок может служить связующим звеном между заключенными и внешним миром и ребенка при его возвращении придется ежедневно обыскивать с головы до ног. Я обратилась вторично в Чрезвычайный Комитет с прошением взять совсем ребенка из Арестного дома. Это разрешили.

Прочитав в № 198 за 9 октября 1918 г. "Известий рабочих, солдатских и крестьянских депутатов" в числе расстрелянных имена Знамеровских, мужа, жены, и Серафимы Семеновны Лебедевой, я задаюсь вопросом: "за что?" Но мне этого так и не удалось узнать».

Рапорт товарища прокурора Пермского Окружного суда Тихомирова судебному следователю по важнейшим делам Короновскому от 30 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 224).

«Сего числа мною произведено разрытие 2 могил лиц, расстрелянных большевиками. Могилы эти находятся на 5-й версте от города по Сибирскому тракту, близ свалочных мест, на опушке леса, на месте епархиального свечного завода.

В 1-й могиле оказалось 13 трупов, в том числе 4 женских, на одном — ручные кандалы. Во 2-й могиле было 7 мужских трупов, на одном из которых оказались кандалы.

Все трупы помещены в Городском Анатомическом покое, о чем имею честь сообщить Вам на распоряжение».

Мнение судмедэксперта, пермского городского врача Шнееровой относительно причин смерти найденных дополнительно трупов 20 человек, уничтоженных большевиками (номера 17, 19 и 20 — женщины). Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 225–230). Печатается с сокращениями.

«При трупе № 1 найдено письмо от "матери его, Марии Крыласовой". Обе челюсти — раздроблены. Номер 2 имеет раны в грудь и голову. У номера 3, имеющего огнестрельную рану в грудь, найдена печатная книжка на татарском языке. Номер 4 имеет штыковые раны в спину. Номер 5 имеет штыковые раны в грудь, сломана левая бедренная кость, выше также штыковая рана. У номеров 6 и 7 — огнестрельная рана в голову. Номер 8 обнаружен в кандалах, также имеет огнестрельную рану в голову. У номера 9 раздроблена голова и левая бедренная кость, еще при жизни на ней были разрушены мягкие ткани. Номер 10 при себе имеет документы на имя Зенкова от уездного военного начальника об отпуске по болезни и обязанность явиться на освидетельствование 4 марта 1918 г. и "удостоверение на имя солдата 1-го ударного батальона Павла Зенкова". Нижняя челюсть раздроблена, левая плечевая кость в верхней трети — разломлена.

Номер 11 имеет штыковые раны, нанесенные сбоку. Явившаяся для опознания гражданка Лобановской волости Пермского уезда Татьяна Михайловна Субботина заявляет, что в трупе она узнает своего сожителя, гражданина Покрово-Слободской волости Покровского уезда Владимирской губернии Филиппа Дмитриевича Хрусталева, служившего солдатом в 107-м запасном полку.

У номера 12 имеются огнестрельные раны в спину. Номер 13 имеет огнестрельные раны в голову. На номере 14 имеются кандалы, имеет штыковую рану в грудь. У номеров 15, 16 и 17 — огнестрельные раны в голову. Номер 18 имеет огнестрельную рану в грудь.

Номер 19 имеет огнестрельную рану в голову. Явившаяся для опознания гражданка Лобановской волости Пермского уезда, проживающая в городе Перми, Клавдия Егоровна Субботина заявляет, что в трупе она по наружному виду, одежде и обуви узнает свою племянницу, девицу Анну Николаевну Налимову, происходящую из Вильгорской волости Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии.

У номера 20 нижняя челюсть с зубами раздроблена ударом непонятного орудия в подбородок. На теле и в голове имеются огнестрельные раны.

На основании данных судебно-медицинского вскрытия и осмотра 20, я прихожу к заключению, что все 20 неизвестных человек частью были расстреляны, частью — заколоты. Расстреляны в голову номера 6–9, 13, 15–17, 19, 20. Номера 3 и 18 расстреляны в грудь. Номера 2, 4, 5, 11, 14 заколоты, по-видимому, штыком. Номера 1 и 10 убиты ударами каким-либо тупым орудием в голову. Кроме ранений, нанесенных штыком, № 12 имеет огнестрельные раны в живот. У № 9, кроме огнестрельного ранения, раздроблена левая бедренная кость. За сильной гнильностью трупов установить прижизненные истязания и другие повреждения не является возможным».

Протокол допроса свидетельницы Натальи Михайловны Стабниковой, 47 лет, вдовы священника, проживавшей в Юговском заводе, от 30 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 210–211). Печатается с сокращениями.

«Мой муж, протоиерей Алексей Григорьевич Стабников, последние 6 лет служил настоятелем Юговского собора. Семья наша состояла из нас двоих и 4 детей — 3 сыновей и дочери. Младшему сыну — 14 лет, а остальные постарше.

Когда власть в государстве была захвачена большевиками и когда их притеснительная тактика начала давать себя чувствовать духовенству, муж в своих проповедях открыто порицал действия нового правительства. Свои проповеди он писал на пишущей машинке и провозглашал их в церкви уже с готового листа, который потом у него сохранялся. Почему-то мой муж уничтожить свои сочинения не желал, хотя, может быть, предвидел, что при 1-м обыске они попадут в руки большевиков. Когда после ареста в Перми Архиепископа Андроника здесь и в Мотовилихе прекратились богослужения, у нас, в Юговском заводе, церковная служба продолжалась, но священники были обязаны подпиской прекратить проповеди и службы вне церкви. Очевидно, что мой муж был у большевиков на виду, потому что ходила молва, исходившая от дьякона Анисима Решетникова, расстрелянного сибирскими войсками за явное сочувствие большевикам, о том, будто бы мой муж был председателем «Союза Русского Народа» и вообще контрреволюционером.

Как-то в августе 1918 г. наше духовенство получило от председателя сформировавшейся к тому времени в Юговском заводе Чрезвычайной Комиссии, некоего Синякова, который, как говорили, приехал из Москвы, разрешение на крестный ход. После крестного хода священники пошли с крестом в частные дома, за что были вызваны в «Чрезвычайку» и там получили внушение. После праздника Воздвижения, 28 сентября, около полудня, совершенно неожиданно ко всем 4 священникам вдруг явились одновременно члены «Чрезвычайки» с вооруженными красноармейцами для совершения обысков. К нам явился сам Синяков с 3 незнакомыми красноармейцами. В столе у моего мужа оказались листы с проповедями мужа, листки какого-то «общества ревнителей православной веры». После обыска мой муж был арестован и отправлен в «Чрезвычайку». В тот же день были арестованы священники Алексей Лебедев и Александр Селивановский и несколько местных обывателей. Среди них был старик Желнин, на самом деле бывший председателем «Союза Русского Народа»; Павел Наумов, 4-й священник, был оставлен на свободе для отправления треб, но и он впоследствии был арестован. Из наших священников погиб только мой муж, остальные же были освобождены и отделались лишь уплатой денег и принудительными работами. В ночь на 1 октября 1918 г. арестованных, в том числе и моего

мужа, увезли в Пермь. В Пермской «Чрезвычайке» мне удалось узнать, что дело о моем муже находилось в производстве следователя Микалаша. Мне удалось встретиться с Микалашем, и на мой вопрос, в чем обвиняют моего мужа, он ответил, что он обвиняется в серьезном преступлении, что по его проповедям он — явный контрреволюционер, да еще и председатель «Союза Русского Народа», и что он будет расстрелян. Вскоре я узнала, что моего мужа перевезли из тюрьмы в саму «Чрезвычайку».

Потом я посылала в «Чрезвычайку» дочь с ее гражданским мужем Данцигером. Там Данцигер с возмущением отозвался, что большевики только арестуют да грабят, его тут же арестовали и затем угнали на работы и продержали на них около 3 месяцев...

Во 2-й половине ноября 1918 г. я пошла опять в «Чрезвычайку», где мне выдали удостоверение, выданное по отделу по борьбе с контрреволюцией от 19 ноября 1918 г. за № 6437 такого содержания: «Удостоверение. Выдано от Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии гражданке Стабниковой в том, что муж ее по постановлению Губчрезкомиссии от 4 октября сего года расстрелян. Заведующий отделом Воробцов».

Служившие в Юговской «Чрезвычайке» все разбежались и скрылись. Я помню только служившую здесь Зинаиду Мальцеву, дочь дьякона Анисима Лидию Решетникову, какого-то Ягодина, а иных не помню. Поясняю еще, что скорый расстрел моего мужа последовал, очевидно, потому, что за несколько дней перед этим здесь, на Кунгурской улице, была кем-то брошена бомба под автомобиль, в котором ехали члены «Чрезвычайки».

Рапорт товарища прокурора Пермского Окружного суда Тихомирова судебному следователю того же суда по важнейшим делам Коронновскому, от 2 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 232).

«Сего числа на 5-й версте по Сибирскому тракту за местами свалки мною было произведено разрытие могил лиц, убитых большевиками. На опушке леса в граненой яме оказалось 13 трупов мужчин, у большинства которых разбиты черепа, на 3 надеты ручные кандалы.

Во 2-й могиле, находящейся на 4-й версте слева от тракта, в лесу, на опушке, в четверти аршина от поверхности оказались 2 трупа мужчин с разбитыми черепами.

Трупы помещены в Городской Анатомический покой, о чем имею честь доложить на Ваше распоряжение».

Протокол допроса свидетельницы Анны Яковлевны Левиной, 39 лет, гражданки села Левино Больше-Сосновской волости Оханского уезда

Пермской губернии, от 2 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 233–234). Печатается с сокращениями.

«Мой муж, Гавриил Федорович Левин, в течение 12 лет служил в полиции вплоть до ее упразднения, причем первые 2 года он служил стражником в городе Оханске, а затем старшим стражником на станции Верещагино. Хотя мой муж был стражником, все считали его урядником. Семья наша состояла из 3 человек — нас двоих и сына Владимира, коему ныне 8 лет. После переворота мой муж поступил на службу на железную дорогу и занимался на станции Верещагино приемом прибывающих грузов и перевозкой их в склады. Большевики нас долгое время не трогали, хотя на станции Верещагино довольно рано сформировался свой Совет Депутатов, а потом и Чрезвычайный Комитет. Главными деятелями в этом комитете был крестьянин Вознесенской волости Михаил Григорьевич Мяслицын, впоследствии сам расстрелянный за присвоение денег, крестьянин Верхне-Очерской волости деревни Сосновки Яков Николаевич Бурдин и живший издавна на станции, занимавшийся ранее пастьбой скота Васильев.

Как-то раз днем, в середине сентября 1918 г., к нам явились 6 вооруженных красноармейцев, которые заявили, что моего мужа требуют в Совет.

Через некоторое время я от людей узнала, что мой муж после ареста посажен в арестантский вагон, стоявший на станции. В то время наши большевики устраивали на находившейся неподалеку мельнице тюрьму, куда через 2 дня и посадили моего мужа вместе с задержанным тогда же на станции очерским судебным следователем Бенеманским. Через сутки их, вместе с привезенными из Очера 36 арестантами, увезли в Пермь. За что мой муж был арестован, мне никто не сказал.

Спустя 2 дня я прибыла в Пермь и застала мужа и Бенеманского в арестном помещении, в полуподвале дома на углу улиц Петропавловская и Оханская, где на верхнем этаже находились большевицкие следователи и канцелярии. В другом доме, с садом на другом углу, помещалась пермская «чрезвычайка», которая в то время начала переезжать в дом Крестьянского Банка по Петропавловской же улице. Мой муж был в подавленном настроении и ожидал расстрела.

Вскоре я уехала домой, где местные большевики начали отбирать у нас имущество: лошадь, телеги, сбрую и прочее, а потом и меня из квартиры выселили.

В одном из номеров «Известий» оказался список расстрелянных в Перми большевиками лиц, в котором значился и мой муж.

Потом один из молодых работников «чрезвычайки» сказал мне, что моего мужа к смерти приговорили Мяслицын, Бурдин и Васильев. Когда я спросила, нельзя ли получить одежду мужа и его вещи, то он отозвался, что все лучшее продается и родственникам и друзьям не выдается, а на моем муже

было 2 хороших пиджака, порядочные сапоги и иные вещи. Молодой человек из «чрезвычайки» еще сказал мне, что муж мой казнен просто за службу по полиции.

Вы мне читаете протокол освидетельствования медицинского осмотра и вскрытия 8 трупов от 11 мая, и вот, труп № 7 по описанию совершенно похож на моего мужа».

Данные, взятые из выдержки протокола осмотра и вскрытия трупов, обнаруженных 3 июня 1919 г. на 5-й версте по Сибирскому тракту, от 10 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 247–249).

Номер 1 — штыковые раны в шею и грудь. Номер 2 — разбиты кости черепа. Номер 3 — огнестрельная рана в голову. Номер 4 — разбита в осколки голова так, что отлетела нижняя челюсть, рана такая, что «шея обнажена до позвоночника, верхняя часть грудной полости совершенно отсутствует». Номер 5 — огнестрельное ранение в голову. Номер 6 — огнестрельная рана в голову и штыковая рана в грудь. Номера 7 и 8 — разбиты кости черепа. Номер 9 — огнестрельная рана в голову. Номер 10 — огнестрельная рана в затылок. Номер 11 — 8 штыковых ран в шею, грудь и спину. Номер 12 имеет штыковые раны в грудь, бок и шею. Номер 13 имеет огнестрельную рану в висок.

Заключение эксперта, городского врача Перми Шнесеровой относительно причин смерти лиц, убитых большевиками, чья могила была обнаружена 3 июня 1919 г. на 5-й версте по Сибирскому тракту. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 250).

«На основании вышеописанных данных судебно-медицинского осмотра вскрытия 13 трупов, я прихожу к заключению, что все 13 человек убиты: номера 1, 11, 12 — заколоты штыками; номера 2, 4, 7, 8 — убиты, по-видимому, ударами тупым орудием с большой силой в голову. Номера 3, 5, 6, 9, 10, 13 — выстрелом в голову; номер 6, кроме ранения в голову, имеет смертельную штыковую рану в грудь. Следов прижизненного истязания, а также других каких-либо повреждений установить за сильной гнильностью трупов невозможно».

Протокол допроса свидетельницы Аграфены Андреевны Наумовой, 57 лет, гражданки Верхне-Мулинской волости Пермского уезда, живущей в Перми, от 3 июня 1919 г. Надо отметить, что эта расправа, произведенная над целой группой людей, произошла задолго до его официального объявления... Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 236–237). Печатается с сокращениями.

«Я — незамужняя женщина, служу в Александровской больнице. У меня было 2 детей — дочь Александра, по мужу Ермакова, и сын Константин, которому был бы сейчас 21 год. Сын Константин до войны работал здесь, на заводе Леснера. Оттуда он был мобилизован в армию, где записался солдатом в Корниловский ударный полк.

После возвращения с войны, чтобы не быть мобилизованным в красную армию, Константин никуда на работы не поступал и занимался поденным трудом в разных местах. Жил он первоначально по своим воинским документам, но летом 1918 г. ему надо было старые документы переменить на советские. Когда Константин пошел однажды, в мае прошлого года, в участок милиции, его там почему-то задержали.

На свиданиях Константин высказывался о том, что его расстреляют, т.к. в “Чрезвычайке” ему заявили: “Корниловцев мы истребим”. Просидел Константин в тюрьме до 9 июля. В этот день я пришла в тюрьму с хлебом для передачи ему, но писарь в тюремной конторе сказал мне, что примерно за час ранее до моего прихода моего сына и еще 12 человек увели в “Чрезвычайку”, на расстрел. Он читал список, но я запомнила лишь Санникова, с матерью которого, Евфимией Алексеевной, мы познакомились у тюрьмы.

В помещении “Чрезвычайки” никого не пускали, а стоявший у входа तो ли красноармеец, то ли милиционер, когда я заявила, что мне нужно пройти к комиссару Лишанову, грубо заявил: “Убирайся, а то и тебя арестуем!”

Зайдя тогда в театральный садик, я остановилась и стала оттуда наблюдать за “Чрезвычайкой”. Прошло немного времени, как со двора повели группу арестантов, соединенных попарно кандалами по рукам. Всего их было немногим более 10 человек. С краю, в конце, шел и мой сын. Увидевши его, я громко закричала, и он меня услышал, повернувшись ко мне. В это время окружившие группу арестантов конные вооруженные красноармейцы разгоняли публику и близко к ним никого не подпускали. Я шла вслед за ними по Сибирской улице. Когда подошли к заставе, 1 красноармеец, по-видимому старший, приказал публике дальше не идти, но я, переждав немного, пошла вперед в надежде, что арестантов поведут в расположенное дальше по Сибирской улице или тракту Арестантское отделение. Однако арестантов повели мимо него. Публика издали начала кричать: “Ведут на расстрел!”

Желая дальше следовать за сыном, я побежала от Арестантского отделения по Мещанской улице на Оханскую, в квартиру дочери, жившей в одном из последних домов. Ее дома не было, тогда я пробежала на Сибирский тракт по следующей улице, где попадавшиеся мне люди на расспросы, куда повели арестованных, поскольку их на тракте не было, заявили: “Увели обратно”.

Я немного успокоилась и пошла ночевать к дочери. Всю ночь я не спала. Почти ровно в половине 3-го часа утра вдруг в стороне леса раздался

сильный звук однократного залпа. Кое-как я дождалась рассвета, ночь была лунная, светлая, и побежала по направлению звука раздавшегося залпа. Я шла по прямой дороге через Базановскую заимку. Верстах в 5 за городом, с правой руки от тракта, мне одна женщина показала у ближайшего лога в лесу 2 несвежие могилы, в которых, по ее словам, зарыты были ранее расстрелянные люди, и посоветовала искать дальше в лесу свежую могилу. Пройдя порядочное расстояние в сторону тракта, я на опушке леса, саженях в 200 от тракта, возле проходящей на деревню Бахареву дорожки, натолкнулась на свежую заровненную сверху яму, показавшуюся мне как раз свежей могилкой.

Сказанную могилку разрыли 31 мая сего года и нашли в ней трупы 13 мужчин, в одном из которых, найдя большое сходство, я опознала своего сына Константина».

Протокол допроса матери убитого большевиками солдата-корниловца Евфимии Алексеевны Санниковой, 38 лет, гражданки села Мало-Сосновое Сосновской волости Оханского уезда, живущей в Перми, от 3 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 238). Печатается с сокращениями.

«У меня было 2 внебрачных детей, замужняя дочь, вышедшая замуж за иностранца, и сын Александр, которому был бы сейчас 21 год. Александр был на войне и служил в Корниловском полку. С войны он поступил на поденные работы в городское самоуправление. Рабочие 1 мая 1918 г. были освобождены от работ. Александр пошел тогда погулять и попался в облаву, во время которой и был задержан.

Целый месяц или даже больше я не имела никаких сведений об Александре и только из присланного им письма узнала, что он содержится в заключении при Управлении городской милиции. Я получила от комиссара суда объяснение, что обвинения ему никакого не предъявлено, а задержан он лишь как корниловский солдат. Потом там сказали, что он взят “Чрезвычайкой”.

В тюрьму я зашла уже лишь за получением одежды сына. Особенно хороши у него были шинель и сапоги с калошами, но ничего этого добиться я так и не смогла».

Выдержка из протокола осмотра и вскрытия трупов 15 человек, казненных большевиками и найденных в двух могилах, от 6 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 240–243).

У трупа № 1 из-за его гнилости точного места поражения и причины смерти обнаружить не удалось. В этом трупе опознан Аграфеной Андреевной Наумовой ее сын, солдат Корниловского полка Константин Наумов. У трупа № 2 кость нижней челюсти сломана, огнестрельная рана в

височной области. В нем Клавдия Егоровна Субботина опознала своего мужа, Всеволода Михайловича Субботина. У трупов № 3 и 4 разбиты кости черепа. Труп № 5 имеет огнестрельную рану в висок. У трупа № 6 отмечен перелом правой бедренной кости и разбиты в осколки кости черепа. Труп № 7 имеет 3 штыковые и огнестрельные раны, в том числе в живот. Труп № 8 обнаружен с разбитыми костями черепа. Причину смерти при обследовании трупа № 9 не удалось констатировать из-за его сильного разложения. Труп № 10 обнаружен с пробитой головой, причем рана неправильной формы, возможно от штыка. У трупов № 11, 12 и 13 разбиты кости черепа. Труп № 14 имеет огнестрельные и штыковые раны в грудь и голову. Труп № 15 имеет огнестрельную рану в голову».

Мнение судмедэксперта, пермского городского врача Шнееровой о причинах смерти осматриваемых 6 июня 1919 г. лиц, убитых большевиками. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 243).

«На основании вышеописанных данных судебно-медицинского вскрытия и осмотра 15 трупов, я прихожу к заключению, что все 15 человек были убиты. Номера 1 и 9 — причин смерти установить не представляется возможным за сильной гнильстью трупов. Номера 2, 5, 10, 14 и 15 — выстрелами простой пулей в голову. Номера 3, 4, 6, 8, 11–13 — выстрелом разрывной пули в голову. Номер 7 — выстрелом в левый бок и штыковыми ударами. У номеров 2, 4, 7 и 14, кроме огнестрельных и прочих ранений, разбита ударом твердым тупым орудием нижняя челюсть. Каких-либо прижизненных истязаний и других повреждений за сильной гнильстью трупов установить невозможно».

Рапорт товарища прокурора Пермского Окружного суда Тихомирова судебному следователю по важнейшим делам в Пермской губернии Короновскому об обнаружении новых могил людей, убитых большевиками, общим числом 11 человек, от 5 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 239).

«Сего числа мною было произведено разрытие могил лиц, убитых большевиками. Могилы были обнаружены на 5-й версте по Сибирскому тракту с левой стороны от Перми, в лесу, в разных местах, на небольшом расстоянии одна от другой. Всего 9 могил. В 1-й могиле оказалось 2 трупа, во 2-й могиле — 1 труп, в 3-й — 2 трупа. В могилах с 4-й по 7-ю — по 1 трупу, в 8-й — 3 трупа, в 9-й — 1 труп.

Очевидцем этих расстрелов является бывший лесник, проживающий поблизости на кордоне № 8, Леонид Ананьевич Волков, в настоящее время мобилизованный на бронированный поезд и находящийся на отдыхе в заводе Мотовилиха.

Трупы помещены в Городской Анатомический покой, о чем имею честь сообщить на Ваше распоряжение».

Рапорт помощника прокурора Пермского Окружного суда Тихомирова судебному следователю по важнейшим делам Пермской губернии Короновскому о новом обнаружении трупов убитых большевиками людей, от 9 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 251).

«Сего числа на 5-й версте по Сибирскому тракту за местом свалок в лесу мной было произведено разрытие могилы лиц, убитых большевиками. Могила представляет собой четырехугольник размером 7 на 6 аршин; на глубине 5 четвертей найдено 6 трупов мужчин, у одного из которых — длинные волосы, на 2 трупах — золотые кресты. Двое из убитых опознаны офицерами Семеном Павловичем Богдановичем и Виктором Степановичем Кожуро.

На самом месте свалки у канавы разрыта еще 1 могила, в которой найден 1 труп неизвестного мужчины. Все трупы помещены в Городской Анатомический покой, о чем имею честь сообщить на распоряжение.

При этом прилагаю карточку "Г.Н. Христофоров и Ко", найденную в большой могиле».

Выдержка из протокола осмотра и вскрытия трупов которые были найдены 9 июня 1919 г., от 10 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 252–254).

«Труп номер 1 — весь череп полностью разбит, нижняя челюсть сломана. В нем Нина Константиновна Богданович и опознала своего мужа, Семена Павловича Богдановича. У трупа номер 2 — штыковая рана в грудь и огнестрельная в голову. У трупа номер 3 раздроблен череп. Труп номер 4, по виду военный, череп полностью разбит. Номер 5 — обе челюсти разбиты, большая часть черепа с виском разбита. Нина Константиновна Богданович заявила, что это — Кожуро, убитый большевиками вместе с ее мужем. Номер 6, по одежде военный, череп разбит. Номер 7 — в осколки разбиты обе челюсти, нижняя часть лица — сплошная масса осколков, череп разбит».

Заключение судмедэксперта, пермского городского врача Шнееровой о причинах смерти людей, трупы которых найдены 9 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 252 об).

«На основании вышеописанных данных судебно-медицинского осмотра и вскрытия 7 трупов, я прихожу к заключению, что все 7 человек были убиты: №№ 1, 5–7 — ударами с большой силой твердым тупым орудием в

голову; №№ 2—4 — выстрелами из огнестрельного оружия в голову, в том числе разрывными пулями. Следов прижизненного истязания, а также других каких-либо повреждений установить из-за сильной гнилости трупов невозможно».

Протокол допроса свидетельницы Алевтины Ивановны Будриной, 34 лет, жены чиновника, от 12 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 212). Печатается с сокращениями.

«Я — уроженка города Перми. Мой отец — Иоанн Петрович Пьянков, был здесь настоятелем Градо-Пермской Воскресенской церкви. Как мне удалось узнать, мой отец 17 декабря 1918 г. был увезен вместе со священниками Сабуровым и Яхонтовым, а также с двумя светскими людьми на Каму, где их вязали попарно веревками и погружали в воду, доколе совсем не утопили.

В Пермской “Чрезвычайке” на моего отца было дело. При этом его обвиняли в хранении в окладе под церковью оружия, то есть 1 обнаруженной винтовки, да и то подброшенной. Но отец мой в этом, конечно, виноват не был».

Протокол свидетельских показаний Натальи Яковлевны Клуш, 42 лет, гражданки Стернянской волости Режицкого уезда Витебской губернии, проживающей в Екатерининском поселке на Балашовском заводе, около Перми, в 5-м заводском бараке, от 12 июня 1919 г. Документ свидетельствует, что далеко не все латыши шли в красные каратели даже под страхом смерти и предпочитали гибель пролитию крови тех, кто не нравился большевикам. Хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 213—214). Текст печатается с сокращениями.

«В городе Риге 17 лет тому назад я вышла замуж за торгового приказчика Иону Андреевича Клуш, латыша по национальности. У нас было 2 детей — дочери 16 и 14 лет. В Пермский уезд мы приехали по приглашению, что здесь достаточно хлеба и можно найти работу. В Балашовском заводе муж получил в конторе службу, и мы спокойно прожили с осени 1917 г. около года. В Балашовском заводе служило и работало много латышей, некоторые из них записались в партию коммунистов. В качестве главного комиссара на заводе был также латыш, по фамилии Тобис. Именно этот Тобис неоднократно уговаривал мужа записаться в партию коммунистов, обещая ему всякие преимущества, в особенности гарантию в получении жизненных продуктов, но, несмотря на их усилившийся недостаток, муж отказывался. Тобис в конце концов отозвался на это: “Ну, пеняй потом на себя!”. В Балашовском заводе коммунисты прямо ходили по домам и заставляли

служащих и рабочих записываться в их партию, а если кто не записывался, то грозили дурными последствиями. Не прошло и 2 недель после сказанной Тобисом угрозы, как мой муж утром 8 сентября по пути в парикмахерскую был арестован и посажен в Совдеп. В указанный день у нас было арестовано много людей, которых увезли в Пермь, в “Чрезвычайку”.

Во время обыска у нас комиссары спросили, служил ли мой муж становым приставом или полицейским вообще. На это я ответила отрицательно, но в то же время подумала, что, быть может, кто-то по ошибке сказал, что мой муж служил в полиции. Я объяснила, что не он, а его дядя служил в полиции приставом в Смоленской губернии.

Потом я спрашивала комиссаров, где мой муж, а они сказали, что он арестован за то, что служил становым приставом. Дня через 3 я узнала по газетам, что мой муж расстрелян. Арестованная одновременно с моим мужем жена табельщика Варвара Афанасьевна Александрова, вскоре после этого освобожденная, говорила, что моего мужа ночью в “Чрезвычайке” ото всех отделили и поместили вместе с бывшими жандармами Кузнецовым, Казаковым, Дробининым и Федосеевым. Их потом посадили в автомобиль и куда-то увезли для расстрела. Муж мой в списке расстрелянных значился помощником станового пристава. Думаю, что кто-нибудь сказал большевикам о том, что муж служил в полиции. Это мог сделать бывший квартирант нашего дома, служивший чем-то вроде комиссара, Иван Филиппович Поскребышев, при котором мы когда-то говорили, что дядя моего мужа служил приставом.

После этого я несколько раз ходила в “Чрезвычайку” с просьбой отдать мне паспорт, одежду, бывшие при нем 48 рублей и его тело. Мне после долгих хождений отдали лишь паспорт и 40 рублей, а про остальные 8 рублей сказали, что их удержали на автомобиль, а тело зарыли на месте его расстрела, и что одежда моего мужа осталась на нем.

Три племянника моего мужа вскоре после ареста его уехали на родину, потому что от Тобиса они по секрету узнали, что и они считаются кандидатами на расстрел, как не записавшиеся в партию большевиков».

Выдержка из протокола свидетельских показаний Ивана Филипповича Шатунова, 52 лет, гражданина Аряжской волости Осинского уезда, проживавшего в Перми, от 12 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 214). Печатается с сокращениями.

«У меня в начале сентября прошлого, 1918 г. был расстрелян 22-летний сын Василий. Он служил ранее счетоводом в Пермской Казенной Палате. Когда большевики захватили власть, то Василий, не желая им служить, ушел со службы и остался без дела. Другой мой сын, помоложе, Николай, служил тогда милиционером в Данилихинском участке. Туда потом поступил в младшие милиционеры и Василий. К Советской власти они относились враждебно и мечтали поступить на военную службу к кубанским казакам.

Очевидно, они принадлежали к какой-то белой организации, потому что Василий об этом поговаривал.

В милиции Василий прослужил спокойно 3 месяца, и вдруг ночью на 4 сентября 1918 г. к нам явился неизвестный мне агент "Чрезвычайки" с несколькими красноармейцами и арестовал Василия.

Потом незнакомый мне "товарищ комиссар" сказал, что у моего сына Василия при обыске было найдено в кармане пальто письмо на имя генерала Осташова, в коем он просился к нему на службу, и что за это он будет казнен. Дня через 2–3 спустя мы прочитали в газетах списки расстрелянных, где была помещена фамилия и моего сына. Другой мой сын, Николай, ходил в "Чрезвычайку" спрашивать, почему по опубликованному тогда списку Василий считается офицером, и ему объяснили, что это — ошибка, простой недосмотр. Из наших управских служащих был позднее расстрелян Виктор Михайлович Смирнов, фамилия коего уже помещена в подобном же списке за 9 октября 1918 г.».

Рапорт № 36 судебному следователю по важнейшим делам Пермской губернии Короновскому от товарища прокурора Пермского Окружного суда Тихомирова, от 13 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 215).

«Сего числа по Казанскому тракту, справа от дороги, на краю леса, против верстового столба, 7 верст от города Перми, мною произведено разрытие 2 могил лиц, убитых большевиками. В 1-й могиле оказалось 3 трупа мужчин, на 2 имеются кресты на серебряных цепочках. Все 3 — только в нижнем белье. Третий труп опознан как штабс-капитана Самарцева.

Во 2-й могиле оказались набросанными в беспорядке 8 трупов мужчин, на некоторых — золотые кресты. Все трупы помещены в Городской Анатомический покой, о чем имею честь сообщить Вам на распоряжение».

Фрагмент медицинского освидетельствования 11 человек, убитых большевиками и найденных 13 июня 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 217–219а). Печатается с сокращениями.

«Гражданка Перми Ирина Гурьевна Субботина узнала в 3-м трупе штабс-капитана Леонида Викторовича Самарцева, убитого выстрелом в голову.

Екатерина Ивановна Гладких во 2-м узнала своего мужа. Труп имеет 2 раны неправильной формы в горло. У № 3 точных следов ранения, приведшего к смерти, за гнильностью трупа, установить не удалось. Номер 4 убит выстрелом в голову, сломана верхняя челюсть. Номер 5 убит ударом приклада винтовки или другого тупого орудия по голове, кости черепа разбиты. Номер 6 заколот ударами штыком, номер 7 убит выстрелом в голову. У номеров 8 и 9 череп раздроблен на куски, очевидно из-за выстрела в голову

разрывной пулей; номер 10 убит выстрелом в голову; номер 11 убит несколькими ударами штыка».

Докладная записка из Пермского Окружного суда в судмедэкспертизу о необходимости освидетельствования новых трупов людей, расстрелянных большевиками, от 19 июня 1919 г. Надо обратить внимание на то, что органы власти белой юстиции продолжали напряженно работать, хотя Пермь уже готовилась к эвакуации, так как к ней приближалась красная армия. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 219). Печатается с сокращениями.

«Госпоже Р. Шнееровой Пермскому Уездному Врачу по городу Перми. В Пермский Городской Анатомический покой доставлено сего числа с Казанского тракта 17 трупов людей, убитых большевиками».

Предписание прокурора Пермского Окружного суда Шамарина следователю по важнейшим делам Короновскому, от 11 января 1919 г. Документ свидетельствует о начале комплексной работы правоохранительных органов правительства Колчака по расследованию фактов красного террора. Хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

«Город Пермь. В сентябре месяце 1918 г. в городе Перми большевицкой Чрезвычайной Комиссией были убиты прокурор Вятского Окружного Суда, заведующий административным отделением Александр Александрович Гильков и другие, в числе 36 человек, согласно № 174 большевицкой газеты "Известия Пермского Губернского Исполнительного Комитета Совета Рабочей Армии и Крестьянских Депутатов".

Сообщая о сем, на основании 28/1 статьи устава уголовных судов предлагаю Вам, господин судебный следователь, приступить к производству предварительного следствия по признакам преступления, предусмотренного 2 частью 1453 статьи уложения о наказаниях.

Наблюдение за производством следствия мною поручено товарищу прокурора 1-го Пермского уездного участка Георгию Владимировичу Бирону».

Выписка из газеты «Известия Пермского Губернского Исполнительного Комитета Совета Рабочей Армии и Крестьянских Депутатов» № 174 от 10 сентября 1918 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 4).

«Расстрел заложников

В ответ на убийство товарища Урицкого и покушения на товарища Ленина Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссией расстреляны следующие лица:

1. Приемских Николай Николаевич
2. Шардаков Николай Афанасьевич
3. Мартыни Тадуэли
4. Крупский Сгибней
5. Кобяков Степан
6. Рейнек
7. Бурмакин Дмитрий Андреевич
8. Шалковский Петр Иосифович
9. Спешиллов Александр Леонтьевич
10. Лубяненко Михаил Петрович
11. Пашкин
12. Чердынцев Анатолий
13. Егоров, жандармский полковник
14. Токачев, охранник
15. Атдедербянец
16. Казубенко
17. Венштейн
18. Безенкович
19. Новиков
20. Иванова
21. Ивачев
22. Харламов
23. Фадеев Иван
24. Челышев
25. Волков
26. Шнайдер
27. Гендрикова
28. Шалунов
29. Ниголь
30. Клуш
31. Кузнецов Петр Егорович
32. Казаков Иван Михайлович
33. Гильков Александр
34. Дробнин Андрей Кузьмич
35. Федосеев Иван Афанасьевич
36. Скуев».

Выписка из газеты «Известия Пермского Губернского Исполнительного Комитета Совета Рабочей Армии и Крестьянских Депутатов» № 175 от 11 сентября 1918 г. Документ служит дополнением к вышеприведенному списку расстрелянных заложников. Хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 6).

«К расстрелу заложников

В редакцию доставлен следующий дополнительный и с более подробными сведениями список заложников, расстрелянных по постановлению Губернской Чрезвычайной Комиссии:

1. Лебель Георгий Сигизмундович, бывший штаб-ротмистр
2. Приемских Николай Николаевич, горный инженер
3. Шардаков Николай Афанасьевич, служащий железной дороги
4. Мартыни Тадуэли Леонардович, инженер-технолог, помощник управляющего Юго-Камским заводом
5. Крупский Сгибней Андреевич, помощник управляющего Юго-Камским заводом, горный инженер
6. Кобяков Степан Степанович, заведующий мартеновским цехом Юго-Камского завода
7. Рейнек Эндель, бывший офицер, командир 4-й роты Эстонского полка
8. Бурмакин Дмитрий Андреевич, бывший начальник Кизеловской каторжной тюрьмы
9. Шелковский Петр Иосифович, чиновник военного времени
10. Спешиллов Александр Леонтьевич, приказчик
11. Лубяненко Михаил Петрович, бывший прапорщик
12. Пашкин Виктор Павлович, помощник начальника тюрьмы
13. Чердынцев Анатолий Никандрович, бывший подполковник
14. Егоров Федор Николаевич, бывший жандармский полковник
15. Токачев Егор Еремеевич, охранник Котласской охраны
16. Атдерьянец Григорий Авдеевич, бывший офицер
17. Козубенко Михаил Андреевич, начальник станции Лысьва
18. Венштейн Александр Александрович, приказчик
19. Безенкович Георгий Петрович, бывший пристав Усоля
20. Новиков Виктор Иванович, бывший подпоручик
21. Иванова Евгения Ивановна, учительница, сестра милосердия у Дутова
22. Ивачев Николай Дмитриевич, бывший прокурор суда
23. Харламов Владимир Иванович, начальник тюрьмы
24. Фадеев Иван Осипович, бывший урядник
25. Челышев Василий Федорович, монах, слуга Царской Семьи
26. Волков Алексей Андреевич, слуга Николая II
27. Шнайдер Екатерина Адольфовна, не указано
28. Гендрикова Анастасия Васильевна, графиня
29. Шатунов Василий Иванович, бывший офицер
30. Ниголь Август Карлович, эстонский пастор
31. Клуш Иона Андреевич, помощник пристава
32. Кузнецов Петр Егорович, бывший жандарм
33. Казаков Иван Михайлович, бывший жандарм

34. Гильков Александр Александрович, бывший прокурор суда
35. Дробнин Андрей Кузьмич, бывший жандарм
36. Федосеев Иван Афанасьевич, бывший жандарм
37. Скуев, бывший исправник
38. Федотов Федор Павлович, бывший охранник и жандарм Петрограда
39. Сипягин Владимир Васильевич, правый эсер
40. Сипягина Анфиса
41. Дюпин Матвей Петрович, правый эсер
42. Дюпина Екатерина Павловна
43. Пенчук Вацлав Семенович, инженер
44. Аландер Георгий Петрович, помощник начальника тюрьмы».

Выписка из газеты «Известия Пермского Губернского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов» № 198 от 9 октября 1918 г.

«В ответ на покушение

Из Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности нам сообщают:

По постановлению Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности расстреляно 37 заложников, одни — за их явную контрреволюционную деятельность, другие — в ответ на покушение на членов Чрезвычайной Комиссии. Расстреляны следующие лица:

1. Знамеровский Петр Людвигович, бывший жандармский полковник
2. Знамеровская Вера Михайловна, его жена
3. Лебедева Серафима Семеновна, служащая Петроградской центральной электрической станции, соучастница в побеге Михаила Романова
4. Смирнов Виктор Михайлович, бывший губернский земский служащий
5. Мальцев Андрей Егорович
6. Борунов Петр Яковлевич, бывший слуга Михаила Романова
7. Колокольцев Сергей Васильевич
8. Порошин Василий Денисович, бывший пристав
9. Топорков Александр, бывший помощник полицмейстера
10. Зубакин Антон Дмитриевич
11. Гладких Василий Иванович, бывший полицейский надзиратель, активный участник при повешении социалистов в 1907 г.
12. Пепеляев Александр Иванович, правый эсер, ярый контрреволюционер, секретарь Ильинского совдепа

- 13, 14 и 15. Шистеров Александр Ермолович; Пигилев Никифор Тимофеевич; Мокрушин Дорофей Федулович — деревенские кулаки, организаторы контрреволюционного собрания в селе Средне-Егнинском, на котором было решено не идти на мобилизацию и было решено разоружить Военный Комиссариат
16. Левин Гавриил Федорович, бывший полицейский урядник
17. Гусев Александр Иванович, бывший полицейский урядник
18. Печенкин Аммос Иванович, бывший стражник
19. Неверов Василий Григорьевич, тоже
20. Шаврин Василий Андреевич, бывший жандарм
21. Горляев Семен Григорьевич, священник-черносотенец
22. Шкляев Александр Николаевич, священник
23. Алешкин Александр Никифорович, заведующий типографией и распространяющий литературу погромного содержания
24. Терешко Михаил Васильевич, бывший жандарм на станции Балезино
25. Самарцев Леонид Викторович, бывший штабс-капитан отдельного корпуса жандармов
26. Пивоваров Александр Иванович, бывший полицейский
27. Некрасов Николай Степанович, бывший жандарм Ковенской крепости
28. Стабников Алексей Григорьевич, священник-монархист, председатель «Союза Русского Народа»
29. Спиридонов Николай Федорович, бывший полицейский надзиратель
30. Янов Семен Данилович, бывший пристав
31. Кожуро Виктор Степанович, бывший офицер, ярый контрреволюционер
32. Богданович Семен Павлович, бывший жандарм
33. Губанов Сергей Матвеевич*
34. Утробин Николай Иванович, бывший становой пристав
35. Пономарев Николай Петрович
36. Лякомцев Денис Афанасьевич, бывший пристав
37. Широкинский Константин Григорьевич, священник.

Чрезвычайная Комиссия предупреждает, что в случае дальнейших покушений на советских работников, в случае контрреволюционных выступлений остающиеся заложники будут беспощадно расстреливаться».

Показания Гильковой, жены одного из названных в расстрельном списке человек, проживавшей на момент репрессий в Перми. Документ

* В документе карандашом стоит отметка «жив».

хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–13). Печатается с сокращениями.

«Возвращаясь около 9 часов вечера 8 сентября 1918 г. домой, на улицах я видела толпы народа, окруженные солдатами. Оказывается, в городе были облавы, и в результате их была масса арестованных, в том числе и мой муж... Сестра моя отправилась в Чрезвычайный Комитет в надежде что-нибудь узнать про моего мужа. В Чрезвычайном Комитете она попала к следователю. Он сказал, что мой муж был арестован вчера вечером и вчера же отправлен на Кунгурский фронт на общественные работы и что мы его больше не увидим. Тогда сестра спросила, в чем же он обвинялся, и получила ответ: "В побеге Великого Князя Михаила Александровича".

Конечно, обвинение было ложным, никакого участия мой муж в побеге принимать не мог, и это мог подтвердить и удостоверить каждый, кто его знал.

Тогда мы пошли к следователю вдвоем с сестрой и предложили, чтобы моего мужа выпустили, но что если будет доказано, что он действительно виноват, то мы с сестрой готовы также отдать здесь свои жизни. На это следователь возразил: "Ваши жизни нам не нужны, а если они нам понадобятся, то мы Вас об этом не спросим!"

Тогда мы пошли к коменданту Чрезвычайной Комиссии, Малкову, который отвечал, что самое живое участие в судьбе моего мужа принимал Н.Н. Плотников, занимавший видное положение в большевицком руководстве, который настаивал так решительно на пересмотре всего дела, что мог в это же время ответить также своей жизнью. Малков сказал, что никакого обвинения моему мужу не предъявлено и что он — жертва красного террора, который объявлен за смерть товарища Урицкого и за покушение на жизнь Ленина, что мой муж арестован как бывший прокурор. Поскольку он человек незаурядный, то для них — опасный, что если будет переворот, то мой муж будет обязательно у власти и их всех расстреляет.

После этого я подавала прошение в Чрезвычайный Комитет о том, чтобы мне выдали тело моего мужа, но в этом мне было отказано. Просила я еще выдать хотя бы мое обручальное кольцо, что мне разрешили, но, к сожалению, я его не могла найти среди предъявленных мне золотых вещей».

Из рапорта судебному следователю Пермского Окружного суда по важнейшим делам от начальника Пермской губернской тюремной инспекции, от 28 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 14 об. — 15).

«В инспекции стало известно, что Харламов, Бурмакин и Пашкин расстреляны большевиками, но никаких официальных данных об этом не имеется».

Показания свидетелей, имеющие отношение к расстрелу большевиками заложника Ивачева. Документы хранятся в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 18, 20). Печатается с сокращениями.

«В своих показаниях брат Ивачева сообщил: "Николай Дмитриевич был арестован работниками Чрезвычайной Комиссии, латышами. Мы не принимали никаких мер к тому, чтобы выяснить, за что именно, по чьему приказанию расстрелян Николай Дмитриевич, где расстрелян, кем, при каких обстоятельствах и где его тело. Собрать эти сведения было в то время не только бесполезно, но и небезопасно".

По поводу гибели Ивачева гражданка Хомякова сказала: "Были слухи, что Ивачев, вместе с другими приговоренными 'чрезвычайкой', как казалось, был уведен по тракту на какую-то версту и там расстрелян!"»

Фрагмент протокола допроса гражданки Александры Григорьевны Конторской относительно гибели заложника Харламова, ее племянника. Служивший чиновником Государственного Банка в Петрограде, Харламов взял в жены 19-летнюю петроградскую проститутку. С ней он прожил 22 года, в том числе во время его работы в тюремной инспекции Ярославля. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–24). Печатается с сокращениями.

«С Владимиром Харламовым я долгое время в переписке не была и даже порвала с ним знакомство из-за его женитьбы на простой женщине легкого поведения, имевшей порочное прошлое. В конце 1917 г. я неожиданно получила от него письмо из Перми с просьбой переехать к нему жить, заведовать хозяйством и заниматься воспитанием его 6 детей. Как оказалось, жизнь его с женой, Анной Ивановной, сложилась крайне неблагополучно.

Он умолял меня приехать к нему и спасти не только его, но и жизнь детей, уже до крайности развращенных матерью... Харламов был в это время наполовину парализован параличом и едва мог двигаться по комнате.

Я на это согласилась и переехала в Пермь. Второй сын его, Борис Харламов, служил в красной армии. Он и старший сын Петр-гимназист, были настроены явно враждебно к отцу. Анна Ивановна перешла на жительство в другую квартиру и увлекла за собой сына Бориса, но снова возвратилась в квартиру мужа. С этого времени к ней начали приходить красноармейцы, с которыми она явно весело проводила целые дни. Первым стал являться красноармеец Василий Васильевич Давыдов, затем появился новый военный, какой-то комиссар Коровин, после него красноармеец, служивший в Чрезвычайном Комитете, Алексей Иванович Иванищев, и, наконец, 2 латыша из Военного Комиссариата.

Иванищев постоянно старался остаться в комнате моего племянника Харламова и, по-видимому, следил за ним. В квартире пошли обыски, в

которых всегда участвовал Иванищев, в результате которых забрали много моих вещей — одежду, белье, много золотых монет. Странно было то, что при обысках не разыскивали по разным хранилищам, а прямо шли то к письменному столу, то в оттоманку или к моему комоду. Анна Ивановна только улыбалась, когда отбирали наше имущество.

Она летом 1918 г. начала говорить своему мужу, что его считают контрреволюционером. Вскоре Харламов был арестован и увезен.

Анна Ивановна на мои расспросы лишь отозвалась: «Собаке собачья смерть!» Я знаю, что его ходил арестовывать Иванищев и что ночью его увезли на автомобиле на Липовую гору и там расстреляли. Это говорил красноармеец, принимавший участие в расстреле.

Еще раньше покойный племянник мне говорил, что его место в тюремной инспекции занял Грацинский, ранее служивший там маленьким чиновником (впоследствии он записался в партию коммунистов и выдвинулся на 1-е место), и что этот Грацинский признанное для Харламова пособие на лечение в 1,5 тысячи рублей обратил в пользу Анны Ивановны, которая и получала эти деньги».

Показания жены Харламова, Анны Ивановны. На момент допроса ей был 41 год. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–26). Печатается с сокращениями.

«В марте 1918 г. Харламов был уволен со службы, причем ему не была выдана часть жалования. Почему мой муж был уволен, мне неизвестно, но он и сам не желал оставаться на службе у большевиков. После увольнения мой муж подыскивал себе частную службу, но ничего подходящего найти не мог, и мы вскоре оказались без средств существования.

Около Пасхи прошлого, 1918 г., вследствие недостатка средств, мы сдали комнату одному незнакомому молодому человеку лет 20, Алексею Ивановичу Иванищеву, который занимался какой-то торговлей. В июне месяце Иванищев поступил добровольцем в красную армию, но некоторое время жил у нас. Больше никого из служивших большевикам посторонних лиц у нас не было. Никаких отношений с Иванищевым мы не имели, тем более что тогда же произошло недоразумение, связанное с кражей Иванищевым альбома с марками моего мужа Харламова, в чем исключительно был виноват сам Иванищев.

Вскоре Чрезвычайной Комиссией мой муж был арестован, причем Иванищев хвастался, что он сам вывел на расстрел моего мужа и что его просто расстреляли на 7-й версте по Сибирскому тракту как тюремщика.

Недавно меня вызывали в Военный Контроль на допросы по делу о расстреле моего мужа, причем вызывали потому, что я на улице встретила Иванищева и указала на него солдатам как на бывшего красноармейца, причем солдаты Иванищева арестовали».

На допросе в белой контрразведке Алексей Иванищев опроверг показания Анны Ивановны Харламовой, будто кроме него к ней никто из большевиков не ходил. По его словам, ее навещал «молодой чекист Гриша». В отношении происходивших в Перми событий в конце декабря 1918 г. он сказал, что 6-я рота из батальона охраны Пермской ЧК сдалась белым без боя, а большинство чекистов скрылись и до апреля 1919 г. нелегально проживали в Перми. Иванищев выразил готовность их выдать, надеясь на снисхождение. (Документ хранится : ГА РФ. Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 47).

Протокол допроса сына убитого чекистами Владимира Харламова Виктора, 14 лет, от 22 марта 1919 г. Он подтвердил показания своей матери, Анны Ивановны Харламовой. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 40). Печатается с сокращениями.

«Впоследствии, после того, как папу увезли и он больше не появлялся, я играл на улице и увидел проезжавшего верхом на лошади Алексея Иванищева. Я его спросил, где наш папа. Алексей Иванищев на это ответил: «Твой папа в Могилевской губернии, когда я в него нацелился, а он зубами заскрипел и заплакал». Ничего больше Алексей не говорил и уехал».

Показания Елены Николаевны Пашкиной, 30 лет, жены расстрелянного чекистами бывшего офицера, помощника начальника тюрьмы и конторского служащего при Советской власти. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–28). Печатается с сокращениями.

«Муж мой был неожиданно арестован Чрезвычайной Комиссией, и я не могла там получить сведения о его дальнейшей судьбе, но потом узнала, что он расстрелян в числе других заложников.

После освобождения Перми Сибирскими войсками мне потом кто-то посоветовал пойти в Городской Анатомический покой, куда складывались трупы расстрелянных большевиками заложников, которые были найдены весной сего года. Я ходила туда, там было много трупов расстрелянных большевиками, но тела своего мужа я не нашла.

По словам Вейерсбергера, который знал моего мужа и находился в Чрезвычайном Комитете на починке звонков, когда его привели туда. Как он мне говорил, после допроса мой муж был выведен из комнаты в сад, где вскоре раздался выстрел.

Недавно мне рассказывал офицер Яков Иванович Ивайков с бронированного поезда на станции Пермь-2, что от своего бывшего сослуживца, некоего Краузе, служившего в канцелярии коменданта вместе с моим мужем, что как-то раз туда явился какой-то матрос и 2 раза просил у моего мужа папиросу, причем 2-й раз мой муж дал ему папиросу со злостью, на что

матрос заметил: "Теперь не прежнее время, погань, мы тебя давно ищем и расправимся с тобой". Кем был матрос, неизвестно, но возможно допустить, что в печальной судьбе моего мужа сыграл главную роль тот же матрос. Его фамилия, по словам Краузе, была Ивайков, и он передавал ему, что мой муж в числе 25 человек был выведен за город по Сибирскому тракту и там расстрелян.

Записка одного из руководителей Пермской ЧК Воробцова жене Пашкина о смерти ее мужа. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 95).

«Пашкин расстрелян, труп его можно выдать жене.

Воробцов, 13 июля 1918 г.».

Выписка из протокола допроса свидетелей в Мотовилихе. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 30). Печатается с сокращениями.

«Дежурный товарищ прокурора Пермского Округного Суда С.А. Алешинский февраля 10 дня 1919 г., вследствие личного предписания господина прокурора, опрашивал нижепоименованных, явившихся в канцелярию прокурора, и они показали следующее:

«Я Герасим Логинович Бородулин, проживаю в городе Перми по Ильинской улице, дом № 4.

Летом и осенью 1918 г. я служил машинистом на принадлежавшей Мотовилихинскому заводу и его управлению моторной лодке 'Шрапнель'. С половины сентября и по 6 октября я 4 раза получал от своего начальства, заведующего хозяйственной частью Мотовилихинского завода Глинкова предписание предоставить 'Шрапнель' в распоряжение Мотовилихинской Чрезвычайной Комиссии, которая брала мою лодку всего 4 раза. В какие числа это было, я теперь не помню, но в последний раз это точно было 6 октября. Обыкновенно лодка требовалась или поздно вечером или рано утром, как это было 6 октября. Вооруженный конвой, человек из 15 солдат, имевший при себе, кроме ружей, еще и лопаты, сажал в лодку также человек по 15 арестованных, коих мы и отвозили к острову, находящемуся напротив склада Нобель, повыше Мотовилихи. Там мы становились на якорь в некотором расстоянии от берега, после чего арестанты увозились на остров по 2 в гребной лодке. На берегу, спустя некоторое время, слышались 2 выстрела, после чего лодка возвращалась за новыми жертвами. Все расстрелянные оставались на том острове, и, вероятно, их зарывали расстреливавшие. Назад расстрелянных мы уже не увозили. Среди расстрелянных таким образом 46 человек за все мои 4 поездки были люди, судя по наружному виду, разных сословий. Были и интеллигентные, были и крестьяне, но духовенства и женщин не было. Из Перми мы никого

не возили. Посадки в лодку арестантов всякий раз делались в Мотовилихе. Из расстреливавших арестантов я знаю только Ивана Васильевича Зенкова, бывшего председателя Мотовилихинской 'чрезвычайки', потом ставшего начальником мотовилихинской милиции. Красноармейцев из этой команды я не знаю никого. Из расстрелянных я также никого по фамилии не знаю».

«Я Павел Федорович Гомзиков, живу в Мотовилихе по 1-й Луговой улице в доме № 9.

Я служу рулевым на той же моторной лодке 'Шрапнель', на которой служит машинистом Бородулин. Прочтя протокол его допроса, вполне подтверждаю показания Бородулина. Из сопровождавших арестантов лиц я могу указать лишь председателя Мотовилихинской Чрезвычайной Комиссии Ивана Васильевича Зенкова. Из расстрелянных также никого не знаю, только обратил внимание на одного высокого черного сутуловатого человека в очках, котелке и черном драповом пальто. Он был в первой поездке в сентябре. Помню также, что, помимо его сутуловатости, у него была еще несколько отвисшая нижняя губа. Больше ничего добавить не могу».

Протокол

В здании Пермского Округного Суда, 1919 года, февраля 10 дня, товарищ прокурора названного суда С.А. Алешинский предъявил допрошенным из сего числа гражданам Герасиму Логиновичу Бородулину и Павлу Федоровичу Гомзикову фотографическую карточку расстрелянного большевиками в сентябре месяце 1918 г. товарища председателя Пермского Округного Суда Александра Александровича Гилькова.

При этом оба они признали по ней того сутуловатого высокого черного человека, который был, по показаниям Гомзикова, расстрелян в 1-ю их поездку в сентябре месяце».

Отрывок из протокола дознания Герасима Логиновича Бородулина, 35 лет, от 16 апреля 1919 г. Он подтвердил ранее сказанное, прибавив некоторые сведения. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 20 об).

«При поездках на "Шрапнели" к острову мне в разговоры вступать как с арестованными, так и с конвоирами не приходилось, ибо около меня стоял часовой с револьвером в руке и следил за каждым моим движением. Только в одной из поездок, а именно в третьей, по доставлении на остров арестованных, там у конвоиров был переполох и беспорядочная стрельба. При этом они даже брали со "Шрапнели" сигнальный маячковый фонарь и искали кого-то на острове, а при возвращении конвоя обратно в Мотовилиху можно было понять из разговора, что у них убежали арестованные, но сколько, сказать не могу, во всяком случае не больше 3 человек, т.к. это было во 2-й рейс гребной лодки от стоявшей на якорю "Шрапнели"».

Отрывок из протокола дознания Павла Федоровича Гомзикова, 30 лет, бельского обывателя завода Мотовилиха, от 16 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 20 об).

«Я служу рулевым на лодке “Шрапнель” и, по прочтении протокола допроса Бородулина, вполне подтверждаю его показания. В дополнение к показаниям Бородулина присовокупляю, что мне приходилось в одну из поездок наблюдать, как, кроме выше описанного им побега, была еще одна попытка арестованных убежать. Я видел из штурвальной рубки следующее: когда мы подплыли к острову и стали на якорь, то, как всегда, конвоиры приступили к перевозке арестованных в гребной лодке на остров. В один из таких рейсов, когда лодка с арестованными и конвоирами уже подходила к берегу, один из заключенных выскочил в воду с намерением скрыться, но конвоиром был ранен, извлечен из воды и уведен в лощину острова под руки. В разговоры вступать как с арестованными, так и с конвоирами мне не приходилось, т.к. около меня стоял часовой с револьвером в руке. Место стоянки на якоре лодки “Шрапнель” я хорошо заметил и могу указать. Больше ничего добавить не имею».

Фрагмент протокола допроса свидетеля Герасима Логиновича Бородулина, участвовавшего в перевозке заключенных к месту расстрела большевиками, от 22 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 54).

«Уже 5-ю навигацию я служу машинистом на “Шрапнели”. Однажды из “Чрезвычайки” поступило требование подготовить лодку к выходу. Вскоре привели партию арестантов в различных одеждах, преимущественно с виду крестьян, но были с ними мужчины в одеждах и лучше. Были при этом 2 особых случая, когда 1 из арестантов бросился в воду. Однако его подстрелили и увели добывать. А в другой раз убежали сразу 2 или 3 человека».

Рапорт об обнаружении на вышеописанном острове трупов людей, уничтоженных большевиками. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 23).

«Начальник Милиции Мотовилихинского завода Пермского уезда.

Экстренно. 19 апреля 1919 г. № 1632.

Судебному Следователю Пермского Окружного Суда по важнейшим делам

На основании 250 статьи, 4 статьи Уголовного Суда, сообщаю, что сего числа, на острове, вблизи керосинового склада братьев Нобель, при раскопках, из 2 ям было извлечено 18 неизвестных трупов людей, убитых большевиками. Трупы в настоящее время находятся в анатомическом покое при кладбище Мотовилихинского завода».

Фрагмент медицинского освидетельствования найденных 19 апреля 1919 г. трупов людей, убитых большевиками. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об).

«Присутствовавший при экспертизе пленный красноармеец Степан Никитич Гилев, из крестьян Воробьевской волости Оханского уезда, помогавший воровать трупы, заявляет, что, судя по строению тела и волосам, труп № 18 представляет бывшего околоточного надзирателя 2-й части города Перми Андрея Платоновича Чижова».

Рапорт начальника милиции Мотовилихинского завода Пермского уезда судебному следователю Пермского Окружного суда по важнейшим делам об обнаружении новой жертвы красного террора. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 24).

«На основании 250 статьи Устава Уголовных Судов сообщаю, что 21 сего апреля из реки Камы, около Малой Язовой, извлечен труп неизвестного человека, мужского пола, убитого большевиками. Труп помещен в анатомический покой при кладбище Мотовилихинского завода».

Протокол осмотра выловленного 21 апреля 1919 г. трупа неизвестного человека, убитого большевиками. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л.).

«Районный надзиратель Мотовилихинского завода Колмогоров, вследствие личного поручения начальника милиции Мотовилихинского завода и на основании 258 статьи Устава Уголовного Судопроизводства, в присутствии понятых граждан: Андрея Макаровича Порошина и Николая Николаевича Таранжина, — производил осмотр трупа мужчины, всплывшего на реке Каме около Малой Язовой, убитого по распоряжению Мотовилихинской Чрезвычайки, причем труп одет в рубашку и кальсоны, руки связаны сзади. Заметна огнестрельная рана в рот, пуля вошла в голову. По-видимому, нос обрублен каким-то острым орудием».

Заключение судебно-медицинской экспертизы относительно причины смерти 19 человек, уничтоженных большевиками на острове и найденных 19 апреля 1919 г. Труп 19-го человека был выловлен в том месте, где, как показали очевидцы, чекисты топили людей. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 33).

«На основании данных судебно-медицинского осмотра и вскрытия трупов за №№ 1–19 включительно (19-й выловлен в реке Кама и присовокуплен сюда) я прихожу к заключению:

№ 1 убит 1 выстрелом из огнестрельного оружия.

№№ 2–8, 11–13, 17 и 19 убиты от ударов, причиненных по голове каким-то тупым предметом, причем представляющим крайнюю степень нечеловеческих мучений.

№№ 9 и 10 были перед смертью неоднократно биты, а затем задушены.

№ 14 убит разрывной пулей.

№№ 15, 16 и 18 убиты огнестрельным оружием, причем №№ 15 и 18 в подлобечную область, а № 16 — в спину и грудь.

Все трупы крайне разложились и могут служить причиной заразы, ввиду чего их необходимо немедленно предать земле.

Пермский уездный врач Уткин».

Фрагмент протокола опроса родственников людей, убитых большевиками, от 28 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 64).

«Районный надзиратель Мотовилихинского завода Колмогоров опрашивал родственников лиц, пострадавших от большевиков, о неизвестных трупах людей, расстрелянных Мотовилихинской «Чрезвычайкой». Среди расстрелянных оказался труп гражданина Оханского уезда Посадской волости села Тараканова Павла Алексеевича Масалкина, 43 лет, который ранее, при старой власти, служил с 1914 по 1915 г. 8 месяцев младшим городовым в Управлении пристава Мотовилихинского завода. Родной брат его, Михаил Алексеевич Масалкин, сказал: «Арестован мой брат был 4 июня 1918 г. Мотовилихинской «Чрезвычайкой» как участвовавший при арестах».

Фрагмент протокола допроса свидетельницы Феодосии Матвеевны Бушуевой, 50 лет, живущей в Новой деревне около Перми. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 75–76).

«Я со своим мужем, Федором Ивановичем Бушуевым, 10 лет жила в Мотовилихинском заводе.

В 1915 г. в нашем доме снял квартиру плотник Иван Клементьевич Шалыгин, где поселился со своей сожительницей Мариной Агафоновной Сердковой, бросившей своего мужа. Вскоре после этого я стала замечать, что у моего мужа с Сердковой завязались близкие отношения. Дело кончилось тем, что вскоре мне пришлось покинуть свой дом, т.к. мой муж начал меня притеснять. Уступить пришлось и Шалыгину.

С появлением большевиков и переходом власти к ним Шалыгин записался в их партию и сделался в Мотовилихинской «Чрезвычайке» чуть ли не комиссаром. В августе месяце 1918 г. Сердкова, очевидно, считаясь со служебным положением Шалыгина, заманила его жить к себе, на квартиру

моего мужа, который к тому времени, дней за 10 до того, был арестован и расстрелян.

В деле убийства моего мужа сыграл, без сомнения, главную роль Шалыгин вместе со своей любовницей Сердковой. За что могли расстрелять моего мужа, я не знаю: он был человек неграмотный, пожилой и никакой политикой не занимался, но он был помехой Шалыгину в отношении с Сердковой, почему Шалыгин, видимо, и сделал на него какой-нибудь донос.

Шалыгин и Сердкова после этого некоторое время проживали в доме моего мужа, а потом — в селе Усть-Бубинском. Они бежали оттуда с приходом сибирских войск, не успев захватить с собой своего сундука, в котором оказались, между прочим, сберегательные книжки моего мужа».

Рапорт об опознании одного из трупов, обнаруженных 19 апреля 1919 г., от 30 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 43). Печатается с сокращениями.

«Срочно. Господину Судебному Следователю Пермского Округного Суда по важнейшим делам. На отношение Ваше от 24 апреля 1919 г. № 16 сообщаю, что среди трупов опознан родственниками бывший городской Мотовилихинского завода из граждан Оханского уезда Посадской волости деревни Таракановой Павел Алексеевич Масалкин, 43 лет».

Прошение на имя товарища прокурора Пермского Округного суда Тихомирова от гражданки села Левшино Краснослудской волости Пермского уезда Евгении Егоровны Меньшиковой, от 1 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 44). Печатается с сокращениями.

«Честь имею покорнейше просить Господина Товарища Прокурора разрешить мне разрыть 5 могил на Мотовилихинском кладбище, в которых погребены тела неизвестных граждан советскими властями, т.к. мужа моего, Ивана Карповича Меньшикова, арестовали в Левшино большевики 28 июля прошлого года и отправили в Мотовилиху. Оттуда он ночью 30 июля прошлого года был отправлен неизвестно куда, и до настоящего времени его нигде не оказалось».

Протокол осмотра помещения Мотовилихинской Чрезвычайной Комиссии представителями правоохранительных органов правительства Колчака, от 23 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 25 — 25 об). Печатается с сокращениями.

«Исполняющий должность судебного следователя Пермского Округного Суда по важнейшим делам А.О. Короновский при нижепоименованных

понятых, в присутствии товарища прокурора Н.Ф. Струвича, на основании 319 статьи Уголовных Наказаний производил в Мотовилихинском заводе осмотр надворных построек при доме № 4 по Большой улице. Там при существовании Советской власти помещалась Чрезвычайная Мотовилихинская Комиссия. При этом оказалось следующее: во дворе за домом, напротив ворот, находится конюшня, разделенная перегородкой на 2 стойла. Задняя бревенчатая стена в ней имеет в нескольких местах пулевые отверстия, на стене в разных местах видны брызги и мазки крови. Вправо от конюшни расположен навес и каретник, бревенчатая стена навеса на высоте около 2 аршин от земли во многих местах имеет отверстия, судя по величине, от револьверных пуль. Около отверстий видны потоки, брызги и мазки засохшей крови. Влево от входа в каретник расположены 2 предназначенные для жилья комнаты. В первой от входа комнате, на стенке против дверей, в нескольких местах имеются отверстия, судя по величине, от винтовочных пуль. На протяжении всей стены — потоки, брызги и мазки крови, в правом углу — засохшие лужи крови. Вблизи от этого места на стене имеется на штукатурке овальной формы царапина, как бы от удара плашмя шашкой.

Во второй комнате на стене напротив дверей на уровне около 2 аршин от пола находятся 3 отверстия: 2 отверстия — рядом, судя по величине, от револьверных пуль. Одно отверстие, навывлет, большее, чем эти 2, видимо, от винтовочной пули, находится под ними. Под всеми отверстиями — брызги и мазки крови».

Протокол свидетельских показаний Марии Леонтьевны Зубовой, гражданки Кувленского завода Соликамского уезда Пермской губернии, проживающей в Перми, от 11 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 10). Печатается с сокращениями.

«Мой муж, Александр Григорьевич Зубов, до войны лет 6 работал в качестве молотобойца в главных железнодорожных мастерских в Перми. И хотя уже поэтому он мог быть освобожден от призыва на военную службу, но пошел добровольно в 1915 или 1916 г. во флот, где раньше состоял на действительной службе. Когда его год службы был отпущен, то мой муж вернулся оттуда в первых числах мая 1917 г. и 20 мая того же года поступил на Мотовилихинский завод рабочим орудийно-замочного цеха.

Какой-то рабочий Мотовилихинского завода по фамилии Мельников 20 октября 1918 г. донес Чрезвычайной Следственной Комиссии на моего мужа, будто бы он, в бытность его на службе матросом, бросал большевиков в топку. По этому доносу мой муж был арестован 1 ноября прошлого года по новому стилю. Об обстоятельствах этого ареста мне стало известно на свидании. Бывший при нашем свидании ключник, как его зовут, не знаю, пояснил, что по доносу Мельникова было арестовано еще 5 рабочих нашего завода. При втором свидании мой муж уже ничего не говорил, т.к. был

сильно расстроен. Он жаловался, что ничего не видит, т.к. его содержали все время в темном помещении, и поэтому он не был в состоянии даже написать мне доверенность на получение жалования.

Мой муж просидел так 1 месяц и 12 дней, а 13 декабря 1918 г., в ночь с пятницы на субботу, был расстрелян. Когда я 15 декабря прошлого года снова пришла на свидание, то ключник сообщил, что моего мужа в ночь на субботу увели из тюрьмы с двумя Темниковыми, Кушилкиным, Дорониным и Шандаковым и, несомненно, расстреляли.

В «Известиях Уральского Областного, Пермского Губернского и Пермских уездных Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов» № 149 (256) от 18 декабря 1918 г. нашлось подтверждение сведениям о смерти моего мужа».

Фрагмент повторного допроса свидетельницы Марии Леонтьевны Зубовой, 39 лет, гражданки Кувинского завода и Кувинской волости Соликамского уезда, живущей в Перми, от 14 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 52–53).

«Мой муж, Александр Григорьевич Зубов, служил в течение нескольких лет слесарем в железнодорожных мастерских на станции Пермь-1. После службы на Северном флоте его обратно не взяли, и он устроился на завод. Мой муж не был большевиком, а на заводе, как он говорил, большевиком было много. Они стремились перетянуть его на свою сторону, но он отказывался от вступления в их партию, ссылаясь на свои годы. Мой муж был на год моложе меня.

Совершенно для меня неожиданно, днем 1 ноября прошлого года ко мне на квартиру явились 2 красноармейца и заявили: «Ваш муж арестован, он был взят прямо с работы, а нам поручено произвести у вас обыск».

Только через одного заводского рабочего, товарища моего мужа, мне удалось узнать, что его обвинили в том, что будто бы он в Кронштадте хотел в свое время захватить Ульянова-Ленина, а когда это не удалось, то кидал в печь иных попадавших в руки большевиков. Конечно, это была ложь, и на моего мужа кто-то наклеветал.

Когда я пришла 15 декабря в тюрьму, то там ключники заявили, что моего мужа и обоих Темниковых, Доронина, Кушилкина и Шардакова в ночь на субботу большевики увели «под пулю». Темников был в Мотовилихе горным начальником, с ним сидел его сын. Доронин был служащим заводского управления, а Кушилкин и Шардаков — бывшие полицейские стражники».

Фрагмент протокола допроса свидетельницы Ирины Дмитриевны Плюсниковой, 33 лет, гражданки Сенькинской волости Пермского уезда,

жившей в Чермозском заводе, от 26 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 62–63).

«Покойный мой муж служил в течение 11 лет мастеровым в литейном цехе в Полазнинском заводе, а затем перешел в Мотовилихинский завод и служил там кладовщиком.

Более 8 лет тому назад однажды вечером нам в окно была брошена бомба, к счастью, не взорвавшаяся. По этому делу было приговорено к 4-годичной тюрьме (и это за террористический акт против представителя власти!) 5 человек. Среди них, между прочим, был рабочий Петр Плотников. Все 5 подсудимых на суде объявили, что бомбу они бросили по пьяному делу из-за налагаемых на них и других рабочих моим мужем штрафов.

И вот 1 сентября прошлого года моего мужа арестовали, как он сам сказал, из-за Петра Плотникова. На мои расспросы комиссар Жужгов объяснил, что мой муж сослал в тюрьму 5 рабочих за борьбу, а теперь его самого арестовали по требованию Петра Плотникова, и что будет он сидеть долго, а об освобождении его не может быть и речи.

На 21 сентября по новому стилю моего мужа куда-то повезли на лодке к острову на Каме. Моя мать, видевшая это, смогла спросить его, куда его ведут, на что он ответил незнанием. За это моего мужа красноармеец-конвоир ударил прикладом так, что он свалился. Как оказалось, его вели на расстрел.

Я пошла в “Чрезвычайку” и настаивала на том, раз мой муж убит, чтобы они отдали мне 250 рублей, бывших при нем. Я долго препиралась со служащими “Чрезвычайки”, один из которых в конце концов принес горсть бумажек и бросил их мне на колени, приказав караульному солдату вздуть меня прикладом. Солдат меня ударил так, что я выронила из рук ребенка.

Я не присутствовала на опознании 24 апреля найденных на острове трупов, но заявляю, что описываемый Вами труп № 13, без всякого сомнения, принадлежит убитому моему мужу».

Протокол допроса свидетельницы Анны Александровны Теребехиной, 45 лет, вдовы, проживавшей в селе Левшино Пермского уезда, от 11 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 11). Печатается с сокращениями.

«Мой муж, Николай Николаевич Теребехин, последнее время служил полицейским урядником Крынослудской волости. Он был арестован членами Мотовилихинского Чрезвычайного Комитета 1 апреля 1918 г. и увезен в завод Мотовилиха, где его содержали под стражей. Арестован мой муж был красногвардейцами, фамилии которых я не знаю. Председателем же Мотовилихинского Комитета в то время был Лыков. Числа 10-го апреля муж мой исчез, а когда я пыталась узнать, где он, то мне говорили, что он отправлен на Дутовский фронт. Потом говорили, что он отправлен за рыбой в Ашеръехин. Однажды там меня спросили, служил ли мой муж в 1905 г.

Когда я ответила утвердительно, то мне посоветовали больше о моем муже не справляться.

Только летом прошлого года я узнала от своего квартиранта, Федора Елизаровича Карабейникова, который и сейчас живет у меня, что мой муж был расстрелян большевиками, а труп его бросили в реку Каму. Об этом Карабейникову рассказал его знакомый комиссар, фамилии которого он не слышал. Тот рассказывал лишь, что мой муж был убит 3 пулями».

Протокол свидетельских показаний Софьи Вильгельмовны Пашковой, проживавшей в Перми, от 22 февраля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 12). Печатается с сокращениями

«Мой муж, Александр Алексеевич Пашков, летом 1918 г. служил в селе Левшине заведующим керосиновым складом Стахеева. В ночь на 12 августа он, неизвестно за что, был арестован красноармейцами в количестве 25–30 человек, предъявившими ордер на арест мужа, выданный местным Военно-Революционным Комитетом. В то же утро моего мужа из Левшино увезли в Мотовилиху, а оттуда, из арестного помещения, в ночь на 13 августа, его куда-то увели и, по слухам и по моим догадкам, расстреляли.

У нас в Левшино носятся слухи о том, что на моего мужа донес левшинский большевик, тайный агент, машинист керосинового склада “Общества Волга” Семен Никанорович Евсеевич, хотя у него никакой вражды, по-видимому, с моим мужем не было».

Свидетельские показания Софьи Вильгельмовны Пашковой судебному следователю Пермского Округного суда по важнейшим делам Короновскому, от 8 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 45). Печатается с сокращениями.

«В ночь с 11 на 12 августа прошлого года в селении Левшино были арестованы заведующие керосиновыми складами Александр Алексеевич Пашков со склада Ивана Ивана Стахеева; Михаил Максимович Габеев со склада “Каспийского Товарищества”, Иван Иванович Самарин со склада Товарищества “Волга”, а также торговец Иван Карпович Меньшиков и неизвестный мне Панчин. На утро их увели в Мотовилиху, а оттуда, в ночь с 12 на 13 августа, они были неизвестно куда уведены, и по сей день никто ничего не знает о них. Однако кладбищенский сторож сообщил Евгении Егоровне Меньшиковой, что он был уполномочен выкопать на кладбище подле мертвецкой 5 могил и что в одной из них погребены тела вышеуказанных 5 лиц. Ввиду вышеизложенного покорнейше прошу Вас разрешить нам раскопать вышеуказанные могилы, чтобы отыскать наших мужей».

Фрагмент прокола допроса свидетельницы Надежды Тимофеевны Патокиной, 31 года, гражданки Стряпунинской волости Оханского уезда,

проживавшей в Перми, от 14 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 51).

«У меня большевики убили мужа. Покойный служил 12 лет стражником в Пермской уездной полиции. По упразднению полиции мой муж был призван на военную службу и отправлен на фронт. В позапрошлом году летом он возвратился домой контуженный и ничем заниматься не мог.

В середине сентября прошлого года к нам приезжал верхом какой-то красноармеец из Мотовилихи с мандатом, арестовал моего мужа и увел в Мотовилихинскую “Чрезвычайку”.

Когда я справлялась о нем, то там мне ответили: “Отправлен на работы”. Все этот ответ понимали в том смысле, что люди уведены на расстрел. Я уверена, что мой муж был в Мотовилихе расстрелян».

Протокол допроса свидетеля Ивана Фомича Гущина, 52 лет, проживавшего в Мотовилихинском заводе. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 49). Печатается с сокращениями.

«Почти до самой Пасхи нынешнего года я служил в течение 3 с половиной лет сторожем при Мотовилихинском кладбище. Летом прошлого года, в течение не менее 2 месяцев, вплоть до осени прошлого года, ко мне являлись на дом, всегда днем, неизвестные мне молодые люди с требованием приготовить за данный день и ночь яму для погребения трупов. Люди эти всегда были вооружены револьверами. При предъявлении требования об этом они всегда держали их в руках, приказывая никому ничего не говорить, угрожая в противном случае расстрелять всю мою семью. С такими требованиями неизвестные люди являлись ко мне за лето раз 6 или 7, причем заставляли рыть ямы, рассчитанные на количество трупов от 3 до 7».

Протокол свидетельских показаний Матрены Борисовны Симоновой, 27 лет, гражданки Оханского уезда Черновской волости, живущей в деревне Кисловке Сергинской волости Пермского уезда, от 15 марта 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 13). Печатается с сокращениями.

«Мой муж, Константин Васильевич Симонов, служил ранее в селе Левшине полицейским стражником, за что и был арестован большевиками в селе Сергинском 23 сентября по старому стилю прошлого, 1918 г.

Я навещала его 22 декабря по новому стилю утром, а когда пришла к нему вторично, часов около 7 вечера, меня к нему не допустили, и я его больше не видела. Через неделю после этого сторожиха из Мотовилихинской Чрезвычайной Комиссии, имени и фамилии ее я не знаю, сказала мне, что мой муж был расстрелян в Чрезвычайной Комиссии в ночь на 23 декабря. Труп моего мужа до сего времени мне найти не удалось, и кто его

расстрелял, я не знаю. В настоящее время я осталась буквально без всяких средств к существованию».

Выдержка из заявления на имя прокурора Пермского Окружного суда Парасковьи Ильиничны Кандаковой, гражданки Сергинской волости Пермского уезда, от 26 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 42).

«Имею честь заявить господину Прокурору, что мужа моего, Анания Кандакова, большевики арестовали 27 сентября 1918 г. за то, что он ранее служил в полиции стражником, и отправили в завод Мотовилиху. Я приезжала туда и справлялась о нем, но сторожа “Чрезвычайки” сказали: “Едва ли твой муж жив”.

Покорнейше прошу оказать законное содействие, имею 3 малолетних детей: Антонину 7 лет, Аркадия 4 лет, Любовь 1 год. Средств к существованию совершенно никаких нет».

Список членов, служащих и агентов Чрезвычайной Следственной Комиссии Мотовилихи на конец 1918 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 3. Л. 39–41).

1. Артамонов Игнатий, член комиссии, конюх, отстранен от должности 20 сентября
2. Александров Георгий Николаевич, агент, коммунист с 1917 г.
3. Борисова Татьяна, машинистка
4. Безукладников Петр Павлович, агент, коммунист с 1917 г.
5. Васильев Сергей Макарович, секретарь, коммунист с 1917 г.
6. Вахрина, регистраторша, беспартийная
7. Васев Иван Макарович, агент, коммунист с 1917 г.
8. Вахрина Мария Петровна, взята со списка застрахованных Чрезвычайной Комиссией
9. Воробьев Николай Иванович, комиссар Добрянской волости
10. Глумов Петр Иванович, член комиссии
11. Дубровина, секретарь Мотовилихинского коммунистического органа
12. Добрынин Иван, караульный Мотовилихинской Чрезвычайной Комиссией, коммунист с 1917 г.
13. Екимов Николай, рассыльный
14. Жданов Семен, караульный, коммунист с 1917 г.
15. Жемчужников Вячеслав, караульный, коммунист с 1905 г.
16. Завьялов Николай Семенович, председатель, коммунист с 1903 г.
17. Зенков Иван Васильевич, член комиссии, взят со списка застрахованных Чрезвычайной Комиссией
18. Зырянов Николай, караульный, коммунист с 1917 г.
19. Зуев Петр, то же

20. Коковьякин Павел, заведующий по конной разведке и спорту
21. Кондратьев Петр, конюх
22. Киселева Анна, сторожиха
23. Колчанова Анна, то же
24. Кузнецов Степан Васильевич, агент, коммунист с 1918 г.
25. Костылев Александр Павлович, коммунист с 1917 г.
26. Кибанов Михаил, то же
27. Кержиков Владимир Федорович, взят со списка застрахованных
Чрезвычайной Комиссией
28. Кукушкин Григорий Иванович, начальник отряда охраны
29. Катаев Петр Матвеевич, комиссар
30. Кабецкий Станислав, член судебного следственного отдела
охраны железной дороги
31. Кузнецов Яков, караульный, коммунист с 1917 г.
32. Кукушкин Егор, караульный, коммунист с 1903 г.
33. Кривошеков Иван, коммунист с 1914 г.
34. Леденцов Александр Осипович, агент, коммунист с 1917 г.
35. Мишарин Василий, рассыльный
36. Мишарин Гавриил Васильевич, агент, коммунист с 1918 г.
37. Мишарин Константин Васильевич, то же
38. Муромцев Михаил Лазаревич, коммунист с 1917 г.
39. Максимов Александр Тимофеевич, по арестам и обыскам
40. Мальцев Валентин, караульный, коммунист с 1913 г.
41. Морозов Александр, караульный, коммунист с 1904 г.
42. Новожилов Александр Алексеевич, агент, коммунист с 1918 г.
43. Павленина Мария, машинистка
44. Пермьяков Павел, заведующий хозяйственной частью
45. Пермьяков Захарович, агент, коммунист с 1917 г.
46. Пластинин Василий Сергеевич, агент, коммунист с 1918 г.
47. Панков Николай Иванович, начальник отряда охраны
48. Семенов Николай, делопроизводитель хозяйственной части
49. Терехин Михаил Семенович, товарищ председателя, коммунист с
1905 г.
50. Тежельников Филипп Егорович, агент, коммунист с 1917 г.
51. Тюрин Антон Степанович, краснослудский и усть-сылвинский
военный комиссар
52. Тебеньков Павел, караульный, коммунист с 1905 г.
53. Тебеньков Илья, коммунист с 1903 г.
54. Упольников Степан Емельянович, член комиссии
55. Федотовских Василий Никитич, агент, коммунист с 1917 г.
56. Фоминых Егор, взят со списка застрахованных Чрезвычайной
Комиссией
57. Чазов Михаил Петрович, агент, коммунист с 1917 г.

58. Шамикурин Иван Максимович, агент, коммунист с 1918 г.
59. Шершнеф Тимофей Семенович, то же
60. Шалыгин Иван Дементьевич, то же
61. Шадрин Степан Андреевич, член комиссии
62. Шишкин Александр, караульный, коммунист с 1917 г.
63. Ярмаков Григорий, караульный, коммунист с 1918 г.

Члены мастерской бомб "коммунист"

64. Алексеев Антон Егорович, инструктор по приготовлению ручных
гранат, коммунист с 1917 г.
65. Баинцев Яков Яковлевич, инструктор по начинке гранат,
коммунист с 1917 г.
66. Быков Иван Осипович, начинщик гранат, коммунист с 1918 г.
67. Кунгурцев Василий Иванович, то же
68. Мельников Николай Алексеевич, начинщик гранат, коммунист с
1911 г.

Сборщики гранат

69. Након Николай Сергеевич, коммунист с 1917 г.
70. Овчинников Михаил Петрович, то же
71. Раскопин Анатолий Николаевич, подручный мальчик
72. Чазов Василий, то же
73. Шуралов Александр, то же, коммунист с 1917 г.

Ремонтники оружия

74. Балмашев Василий Егорович, коммунист с 1917 г.
75. Ворганинов Петр Лукич, коммунист с 1905 г.
76. Коковьякин Павел Петрович, коммунист с 1907 г.
77. Михайлов Василий Васильевич, коммунист с 1917 г.
78. Митрофанов Яков Григорьевич, коммунист с 1918 г.

Агенты железнодорожного отдела Мотовилихинской Чрезвычайной Комиссии

79. Азанов, руководитель
80. Гудовский С., следователь
81. Габов, агент
82. Манин, то же
83. Шавлин, то же
84. Шихалин, то же».

Донесение начальника Пермской тюремной инспекции прокурору Пе-
рмского Окружного суда, 29 марта 1919 г. Документ хранится в ГА РФ
(Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 48). Печатается с сокращениями.

«В Пермском исправительном арестантском отделении содержался
Леонид Петрович Оландер, заключенный под стражу согласно отношению
Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии от 12 августа и 9 сентября
1918 г. Тогда же он был передан в названную комиссию согласно

требованию оной. Из отношения Комиссии на имя начальника Пермского Исправительного Отделения от 12 сентября за № 3116 видно, что Оландер, по постановлению Комиссии, расстрелян.

Расстрелян также надворный советник Дмитрий Андреевич Бурмакин, исправлявший с 22 сентября 1917 г. должность начальника Пермской тюрьмы, и арестованный по ордеру Чрезвычайной Комиссии в ночь на 4 сентября 1918 г. Пашкин, служивший офицером в Красной армии».

Террор против священнослужителей

*Луч революции светит,
Счеты свели мы с попом,
Смело, товарищи, в ногу,
Все на борьбу с Колчаком!
(Из красноармейской песни)*

Следующие источники объединены в «Наблюдательном производстве по делу об убийстве в Пермской епархии 55 лиц духовного сана». Документы хранятся в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 847. Л. 1–5, 7–12).

«Господину министру юстиции
Прокурор Казанской Судебной Палаты
14 марта 1919 г.

Рапорт

Представляя при сем список духовников Пермской епархии, погибших от рук большевиков, и копию документов, исходящих от «чрезвычайной следственной комиссии», имею честь донести Вам, господин министр, на основании представленных мне прокурором Пермского Округного суда сведений, что в настоящее время, в ряду других, производится следствие об убийстве архиепископа Черниговского и Нежинского Василия. Он, по поручению Священного Собора, прибыл в город Пермь из Москвы после ареста архиепископа Андроника для выяснения его участи. По имеющимся, но еще непроверенным сведениям, Советские власти допустили архиепископа Василия собрать нужный материал и выехать затем из Перми, но за Камским мостом они остановили поезд и вывели как архиепископа Василия, так и всех его спутников из вагона и изрубили их шашками.

Об участи архиепископа Андроника точных сведений еще не имеется; есть лишь указания, что он был закопан в землю живьем, по-видимому, в Мотовилихинском заводе.

В отношении епископа Феофана имеются определенные сведения, что он, после истязания, был утоплен в проруби реки Камы, по видимости, обычно практиковавшимся большевиками способом — путем многократного погружения в воду.

Необходимо особо отметить, что духовенство вообще подвергалось всевозможным истязаниям и принимало мученическую кончину; многие из священников были в руках «чрезвычайной следственной комиссии», где практиковались пытки».

Предписание председателя и члена Пермской ЧК Воробцова и Костарева, захваченное белыми в конце декабря 1918 г. в Пермской ЧК. Документ свидетельствует, что перед смертью священники были приравнены большевиками к уголовникам и содержались в самых тяжелых условиях. Хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 847. Л. 2).

«Пермский район. Штаб Красной Армии Советов.
Товарищу начальнику арестантских отделений, № 300,
г. Пермь. Пермский Районный Штаб Красной Армии Советов.

Предписываю всех черных воронов, контрреволюционеров, монахов и иеромонахов, не исключая старшего их, Андроника, остричь головы и сравнять их со всеми уголовными арестантами, введя самый строгий тюремный режим».

Список убитых большевиками служителей церкви в Пермской губернии. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 847. Л. 3, 4).

«Имя и ранг; место служения; место убийства

1. Архиепископ Андроник; Пермская епархия; г. Пермь
2. Епископ Феофан; Пермская епархия; то же
3. Епископ Викарий; г. Соликамск; то же
4. Епископ Варлаам; настоятель Белогорского монастыря; то же
5. Епископ Матвей; ректор Пермской семинарии; то же

Протоиереи

6. Пьянков Иоанн; г. Пермь, Воскресенская церковь; то же
7. Сабуров Алексей; то же; то же
8. Яхонтов Николай; то же, Военная церковь Троицко-Сергиевского полка; то же
9. Шкляев Александр; г. Соликамск; то же
10. Преображенский Александр; благочинный 2-го округа, Соликамского уезда, завод Пожарова; г. Кунгур
11. Конюхов Николай; настоятель Чердынского собора близ села Коса, Чердынского уезда
12. Киселев Михаил; завод Майкор, Никитинской волости, Соликамского уезда; завод Майкор

Благочинные

13. Вяткин Петр; село Сретенское Пермского уезда; село Ильинское Пермского уезда
14. Якимов Игнатий; село Чураковское Чердынского уезда; г. Кунгур

Священники

15. Широкинский Константин; г. Пермь, Свято-Троицкая церковь*; г. Пермь
16. Плетнев Евграф; г. Чердынь; то же
17. Горяев Григорий; г. Соликамск, Спасская церковь; то же
18. Бельтюков Николай; село Култаево Пермского уезда; село Култаево
19. Савелов Александр; то же; то же
20. Стабников Алексей; Юговский завод; Юговский завод
21. Малиновский Александр; село Верхне-Суксунское Красноуфимского уезда; г. Красноуфимск
22. Бударин Алексей; г. Красноуфимск; то же
23. Посохин Александр; село Краснокудское; село Левшино Пермского уезда
24. Федосеев Александр; завод Майкор Никитинской волости; завод Майкор
25. Соколов Павел; г. Кунгур, Тихоно-Богородицкая церковь; г. Кунгур
26. Калашников Александр; то же; то же
27. Бояришнов Иоанн; Сепычевская церковь Оханского уезда; неизвестно
28. Белозеров Владимир; г. Кунгур, Благовещенский собор; то же
29. Ключихин Владимир; село Усть-Гаревая; то же
30. Конюхов Симеон; село Воробьевское Оханского уезда; то же
31. Комакин Василий; село Косинское Пермского уезда; то же
32. Колчин Сергей; г. Кунгур; г. Кунгур
33. Наумов Алексей; то же; то же
34. Якимов Игнатий; село Чураковское Чердынского уезда; то же
35. Онянов Николай; село Томанское Соликамского уезда; то же
36. Никифоров Виктор; село Комаровское Осинского уезда; то же
37. Шестаков Яков; то же; село Хохловское Оханского уезда
38. Накаряков Михаил; село Усолье Соликамского уезда; то же
39. Аношкин Павел; Мокинская церковь Оханского уезда; неизвестно
40. Митюхляев Александр; село Григорьевское Оханского уезда; то же
41. Луканин Вениамин; село Новопаинское Оханского уезда; то же
42. Швецов Иоанн; село Хохловское Оханского уезда; то же
43. Махетов Александр; село Ленва Соликамского уезда; то же
44. Миссионер Ершов Лев; Пермская губерния г. Красноуфимск.

* По данным белогвардейской газеты «Освобождение России» № 17 от 23 января 1919 г., где была опубликована выдержка из списка священнослужителей, убитых большевиками, он служил в Слудской церкви Перми и был убит в ответ на попытку подрыва местных чекистов гранатой.

Дьяконы

45. Камин Василий; село Сылвино-Троицкое; г. Кунгур
46. Смирнов Григорий; Макинская церковь Оханского уезда; неизвестно
47. Ипатов Александр; г. Соликамск; то же
48. Воскресенский Василий; то же, Преображенская церковь; то же
49. Иеромонах Илья; Белогорский монастырь; г. Пермь
50. Иеродиакон Евфимий; то же; то же

Монахи

51. Окулов Виссарион Сидорович; то же; то же
52. Банников Матвей Яковлевич; то же; то же
53. Холмогоров Савва Тимофеевич; то же; то же
54. Феофилов Михаил Зотиевич; то же; то же
55. Вотяков Василий Гурьянович; то же; то же
56. Новоселов Иван Андреевич; то же; то же».

Распоряжение прокурору Казанской судебной палаты из 1-го департамента Министерства юстиции правительства Колчака, от 20 марта 1919 г. Документ представляет интерес с точки зрения работы правоохранительных органов белых по исследованию красного террора против священнослужителей. Хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 847. Л. 5).

«Первый департамент Министерства Юстиции просит Вас представить в дополнение к рапорту от 14-го сего марта за № 131 точные данные об источниках сообщенных в этом рапорте сведений, о датах, если они имеются, и происхождении приложенного к рапорту списка убитых священнослужителей».

Информационная записка № 3765 прокурора Пермского Окружного суда в 1-й департамент Министерства юстиции по Уголовному отделению, от 10 мая 1919 г. Записка составлена по просьбе прокурора Казанской судебной палаты в качестве сопроводительного материала к представленному выше документу. Хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 847. Л. 7–10).

«По свержении в городе Перми так называемой «советской власти» и восстановлении деятельности Пермского окружного суда, мною немедленно, по прибытии в Пермь, было поручено товарищу моему по должности Алешинскому собрать и представить сведения об убийствах большевиками лиц духовного сана. Сделано это было ввиду циркулировавших в обществе и печати слухов об истязаниях и убийстве таких лиц большевиками. В частности, слухи касались высокопреосвященных архиепископов Пермского и Кунгурского Андроника и Черниговского* — Василия, преосвященного епископа Соликамского Феофана, ректора Пермской духовной семинарии,

иерарха Матвея, протоиереев Воскресенской церкви города Перми Пьянкова и Яхонтова, а также священников Широкинского и Плетнева.

Из произведенных товарищем прокурора Алешинским и судебным следователем Пермского окружного суда по важнейшим делам дознания и предварительного следствия, усматривается следующее.

I.

В конце апреля 1918 г. архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник вернулся в Пермь из Москвы с Всероссийского церковного собора. Большевицкая власть в Перми в то время стала усиленно проявлять свое враждебное отношение к высшему духовенству, подвергая его обыскам, а церковное и монастырское имущество — конфискациям и реквизициям. Признавая большевиков врагами государства и православной церкви, Архиепископ Андроник мужественно и открыто в своих проповедях неизменно указывал пастве на вред, приносимый большевиками, и особенно возмущался творимыми ими неопишными жестокостями.

Не ограничиваясь проповедью, архиепископ Андроник разослал для приходов 2 воззвания, в которых призывал противодействовать большевикам и не допускать незаконного отбирания ими имущества, принадлежавшего непосредственно церкви.

Смелые проповеди владыки и его отрицательное отношение к большевизму не преминули вскоре повлечь за собой преследования со стороны большевиков. В начале июня 1918 г. он был вызван в качестве обвиняемого в следственную комиссию революционного трибунала, но туда не явился. Вскоре к архиепископу Андронику прибыл один из членов означенной комиссии и предъявил для объяснений постановление от 7 июня 1918 г. о привлечении архиепископа в качестве обвиняемого за нарушение §8 декрета Совета Народных Комиссаров о суде от 24 ноября 1917 г. и статьи I пункта "а" "инструкции революционному трибуналу".

Как видно из сохранившейся копии сего постановления, архиепископу было поставлено в вину следующее:

1. Составление воззвания о том, что всякий, кто осмелится без его, епископа Андроника, благословения захватывать принадлежащее Господу церковное или монастырское имущество, а также священные драгоценности, будет предан строгому суду Всемогущего Всевышнего Бога и проклятию.

2. Составление 2-го воззвания к населению с предупреждением об опасности, исходящей от разбойников, разных захватчиков, готовых посягнуть на святотатство. При этом прихожане предупреждались, что если они допустят насилие над церковью или обителью, то церковь будет закрыта для богослужения и виновные будут отлучены от святого причастия.

3, 4 и 5. Распространение этих воззваний путем печатания их на гектографе и рассылке в приходы, вопреки якобы декрету о свободе совести и отделения церкви от государства.

6. Заявление архиепископа о том, что он и впредь будет призывать православных стоять насмерть в защите религии и церкви и сам готов за это умереть.

7. Контрреволюционная деятельность, агитация и неподчинение власти "рабоче-крестьянского правительства".

8. Присылка отношения, адресованного Губернскому Исполнительному Комитету, с жалобой на незаконные действия Чрезвычайного Комитета, реквизирующего церковное и монастырское имущество.

9. Контрреволюционные проповеди, в которых он указывал, что Русское государство за грехи наказано Богом. Наказанием же является существующая власть, которая под видом свободы и равенства вводит насилие, притеснения и гонения.

Архиепископ Андроник 16 июня 1918 г. был предупрежден одним лицом, случайно слышавшим разговор большевиков о его предстоящем аресте. Тогда на колокольню Кафедрального собора был послан монах Михаил, которому было поручено бить в набат, если будет поднята тревога. Кроме сего, несколько прихожан добровольно явились на дежурство, чтобы быть свидетелями ареста владыки.

В 1-м часу ночи весь квартал, где был расположен архиерейский дом, оцепили большим отрядом красноармейцев. Часть их, взломав входную дверь, ворвалась в покои владыки и арестовала как его самого, так и живших в архиерейском доме архимандрита Пахомия, иеродиакона Евлогия, сторожа Глухих, швейцара Сосовского и рассыльного Калашникова. Все они, за исключением архиепископа Андроника, были увезены в Чрезвычайный Комитет, а оттуда — в тюрьму.

Через некоторое время после отобрания подписки о "нераспространении слухов" о судьбе архиепископа Андроника служившие в архиерейском доме были из-под стражи освобождены. Сам же архиепископ Андроник был посажен в экипаж и увезен мимо губернской тюрьмы по направлению к Мотовилихинскому заводу. Дальнейшая судьба архиепископа Андроника до сего времени в точности неизвестна.

Между тем в печати распространилось несколько версий. Так, в пермской газете "Освобождение России" от 2 января 1919 г. за № 2 была напечатана заметка о том, что, по имеющимся сведениям, архиепископ Андроник был закопан живьем в землю и пристрелен красноармейцем после того, как был завален по грудь. Допрошенный на следствии автор этой заметки, Иванов, объяснил, что сведения эти он получил от корреспондента Российского телеграфного агентства Борисова. По-видимому, эти сведения получены через священника Делекторского. Он показал на следствии, что у него на квартире проживал коммунист, матрос Чернявский. Он говорил ему со слов товарища по службе в Чрезвычайном Комитете, будто бы архиепископу Андронику перед казнью было предоставлено самому избрать способ убийства. И будто бы он сам пожелал быть погребенным заживо,

после чего его положили в вырытую яму и стали закапывать, но присутствовавший при этом член Чрезвычайной Комиссии Воробцов застрелил высокопресвященного из револьвера.

Однако по мнению Делекторского, можно сомневаться в полной справедливости этого рассказа. В "Правительственном Вестнике" № 92 от 16 марта 1919 г. анонимный автор, за подписью "Пермский", категорически утверждал, что архиепископ Андроник из Мотовилихинского завода был отправлен на работы в Губахинские каменноугольные копи и работал там в качестве чернорабочего в шахтах. Он будто бы 13 декабря 1918 г. был снова привезен в город Пермь и с большой партией арестованных проведен по улицам города по направлению к губернской тюрьме.

О том, что сведения, сообщенные анонимным автором, нисколько не соответствуют действительности, а равно и сведения о предполагаемой личности автора были подробно донесены прокурору Казанской Судебной Палаты 5 апреля 1919 г. за № 2924.

Пермской губернской тюремной инспекцией было произведено дополнительное расследование. Выяснилось, что 13 декабря в губернскую или в другую тюрьму Перми арестованные вообще не приводились.

По-видимому, слух о том, что архиепископ Андроник в декабре месяца был жив, возник по следующей причине. В конце ноября 1918 г. в архиерейский дом к архимандриту Хрисанфу явился некий "монах Стефан" и заявил, что владыка Андроник жив и находится в Губахинских каменноугольных копиях, проживает у Штейгера и просит прислать денег, белья, подрясник и бурки. Просившему все необходимое было выдано для передачи архиепископу Андронику, но вскоре обман был обнаружен. При этом выяснилось, что Стефан в действительности является красноармейцем и, по имеющимся сведениям, находится ныне в числе военнопленных. Независимо от сего, дознанием было выяснено, что в Белогорском монастыре был послушник Федор Тюлькин, имевший весьма большое сходство с архиепископом. Тюлькин вместе с другими монахами был арестован и отправлен в город Оса, а оттуда — в Пермь, где его ошибочно могли принять за архимандрита Андроника.

Начальником Пермской городской милиции 14 апреля 1919 г. в камеру был доставлен 12-летний мальчик Тимофей Углицких, который, будучи спрошен по моему поручению товарищем прокурора Суцевичем, рассказал, что он, Углицких, служа в Губернском Совдепе рассыльным, был очевидцем истязаний, совершенных красноармейцами над архиепископом Андроником, которого во время мучений закапывали в снег. Также он якобы слышал после этого разговор комиссаров, что владыка был расстрелян на Каме, а тело его было спущено под лед. Однако при дальнейшем расследовании, произведенном прокурорским надзором, выяснилось, что Углицких очевидцем изложенного события не был и не мог быть. На следующий день после допроса Углицких признался, что ничего по делу не знает.

Наиболее вероятным, по данным следствия, является указание, что Архиепископ Андроник был замучен в Мотовилихинском заводе при участии палача Мясникова и был при этом действительно закопан в землю живьем.

II.

После ареста архиепископа Андроника, в конце июня 1918 г., прибыл для управления епархией епископ Соликамский Феофан. Гонения на церковь не прекращались. Конфискации церковного имущества и обыски в архиерейском доме были обычным явлением. В сентябре 1918 г. к епископу Феофану пришел председатель Соликамской Земской Управы Дмитрий Николаевич Антипин, скрывавшийся от большевиков, и ради спасения своей жизни попросил назначить его куда-либо псаломщиком, на что владыка согласился, и Антипину был выдан определительный указ за подписью протоиерея Шестакова и секретаря Желателева. Антипин поступил на службу, но, к несчастью, был кем-то опознан, и у него были отобраны выданные епископом Феофаном документы, так что протоиерей Шестаков и секретарь Желателев были арестованы Чрезвычайным Комитетом. Опасаясь репрессий против Шестакова и Желателева, епископ Феофан 17 октября 1918 г. по собственному почину лично отправился для объяснения в Чрезвычайную Комиссию, откуда ему уже не суждено было вернуться. Он тогда же был арестован и содержался под стражей в Пермском Арестном Доме, сначала в одиночной камере, а затем в общей, с монахами Белогорского монастыря. Архиерейские покои после ареста епископа Феофана были разграблены.

22 декабря священник Пермской Крестовой церкви 1918 г. Салтурин получил от епископа Феофана письмо, в котором он сообщил о состоявшемся разбирательстве его дела в следственной комиссии, которая тогда определенного решения еще не вынесла. Накануне взятия Перми сибирскими войсками, 23 декабря 1918 г. принесли из арестного дома принадлежавшие епископу Феофану одеяло, подушку, драповую рясу и дарохранительницу и со слов привратника сообщили, что ночью епископ Феофан вместе с другими монахами был куда-то увезен. При расследовании путем опроса начальника Пермского Арестного Дома Смирнова выяснилось, что около 4 часов утра 23 декабря 1918 г. в арестный дом явился конвой красноармейцев и 2 палача, в числе которых был член Президиума Чрезвычайной Комиссии Воробцов. Последний предъявил приказ, подписанный Председателем Чрезвычайной Комиссии по разгрузке мест заключения в городе Перми Харитоновым, ее членами Малковым, самим Воробцовым и секретарем Депсисом, о выдаче 10 арестантов товарищу Варанкину. На обороте приказа был написан список лиц, подлежащих выдаче, причем под номером 1 был записан епископ Феофан и под номером 4 — монах Савва Холмогоров. Пришедшие просили дать им веревок, но таковых не нашлось, после чего епископ Феофан с надетыми на руках стальными поручнями был увезен вместе с другими из арестного дома.

Через несколько дней после прихода сибирских войск в город Пермь на Каме, вблизи мойки, за архиерейским домом кухарка Фотиния Соловьева случайно обнаружила 2 проруби и на краях одной из них — какие-то вещи. Узнав об этом, архимандрит Хрисанф, иеродиакон Георгий и кучер Иванков осмотрели обнаруженные проруби и на краю одной из них нашли примерзшими ко льду 2 священные книги, из которых 1 принадлежала епископу Феофану. Кроме того, была найдена скуфья, принадлежавшая, как выяснилось впоследствии, вышеупомянутому монаху Савве Холмогорову. Тут же оказались примерзшими ко льдине почти целый человеческий мозг и осколки костей. Кругом были многочисленные следы крови.

У проруби лежали колья и сломанная оглобля, испачканные кровью.

При вторичном осмотре проруби 11 февраля 1919 г. судебным следователем по важнейшим делам были обнаружены примерзшими ко льду рукавица из желтой кожи, обрывок шарфа и серая солдатская шапка с ушами.

Таким образом, следует считать, что убийство епископа Феофана и спуск его тела в прорубь достаточно точно установлены данными следствия.

III.

В № 16 газеты "Свободная Пермь" 18 января 1919 г. была напечатана заметка о печальной участи Соборной комиссии, командированной Священным Собором для расследования ареста архиепископа Андроника и последующих церковных событий, состоявшей из архиепископа Черниговского Василия, ректора Пермской Духовной Семинарии, архимандрита Матфея и члена соборного круга Московской губернии Алексея Даниловича Зверева. В заметке сообщалось, что Советская власть дала комиссии возможность произвести следствие и выехать до Пермского железнодорожного моста, но потом, за мостом, поезд был остановлен, члены комиссии были выведены оттуда и убиты.

При производстве предварительного следствия удалось установить следующее: 26 августа члены Соборной Следственной комиссии в указанном выше составе по окончании следствия отбыли на вокзал Пермь-2 для возвращения в город Москва. Членам Следственной Комиссии было обещано в поезде купе 2-го класса. Однако когда они явились на вокзал, то были помещены в вагон 3-го класса, уже наполненного вооруженными красноармейцами, причем провожавшая своего брата, архимандрита Матфея, сестра его Варвара Крашенинникова, обратила внимание на то, что у солдат не было с собой никаких вещей.

После отъезда брата Варвара Крашенинникова узнала, что 12 сентября из Москвы от преосвященной Анастасия была получена телеграмма, в которой была просьба ускорить возвращение Следственной Комиссии. По истечении месяца со дня отъезда Следственной Комиссии вновь были получены сведения, что ее члены в Москву не вернулись. Вместе с тем

распространились слухи об убийстве близ Камского моста членов Соборной комиссии, причем об убийстве передавал какой-то солдат, участник этого убийства, который якобы после этого по ночам не может спать и постоянно видит картину убийства. В дальнейшем было выяснено, что красноармеец-доброволец, служивший при Чрезвычайном Комитете, Конин, накануне Успения пришел домой расстроенный и сообщил хозяину дома, Климашеву, что "был на расстреле 3 водолазов". "Водолазами" красноармейцы называли духовенство, представителей которого обычно замучивали путем многократного погружения в прорубь. Он рассказал, что все "попы", которые были посажены в штабной вагон 3-го класса на станции Пермь-2, были убиты. Когда поезд, пройдя мост, подошел к семафору 1-го разъезда № 37, то он был остановлен, причем "попам" и сопровождавшему их одному мирянину велели выйти из вагона, но едва они оттуда вышли, как были расстреляны. Красноармейцы, покончив с "водолазами", поделили между собой находившееся у них имущество и, закусив найденными в вещах одного из них пирожками с вареньем, зарыли убитых у семафора в землю.

Узнав об этом рассказе, Крашенинникова больше не сомневалась, что в означенном месте и в означенное время был убит ее брат, архимандрит Матфей, т.к. рассказ Конины совершенно совпадал с обстоятельностью, при которых совершался отъезд Соборной Комиссии. При этом рассказ являлся тем более достоверным, что она, Крашенинникова, дала на дорогу своему брату, архимандриту Матфею, пирожков с малиновым вареньем.

Рассказ свой о расстреле "водолазов" Конин повторил в присутствии дьякона Симонова. При этом он дополнил, что после произведенных в них выстрелов духовные лица стали сильно стонать и были приколоты штыками.

С имуществом убитых они поступили таким образом: принимавший участие в убийстве комиссар взял себе деньги и какую-то большую книгу, а красноармейцы разделили между собой снятые с убитых сапоги, а также их личные вещи. Кроме того, они поделили бывшие при церковнослужителях сухари, сахар и пирожки с вареньем.

Это дело было признано очень важным. Однако Судебный Следователь по важнейшим делам Короновский тогда был крайне обременен работой. В его производстве на этот момент имеется, между прочим, 2 следственных дела. Эти дела об убийствах, совершенных членами Чрезвычайной Комиссии в Перми и Мотовилихе. По ним произведена уже масса вскрытий трупов. Поэтому, по моему предложению, на основании примечания 80 статьи 2-й Устава Судебных Учреждений, дальнейшее производство следствия об убийствах Архиепископов Андроника и Василия, Епископа Феофана возложено Пермским Окружным Судом от 15 апреля 1919 г. на члена Окружного Суда П.А. Пьянкова.

О вышеизложенном довожу до сведения по Департаменту Министерства Юстиции. Вследствие его поручения от 26 апреля сего года за № 1917

сообщаю, что сведения по делам производятся в Осинском уезде членами Пермского окружного суда Фоминым и Двужилиным и будут представлены дополнительно.

Прокурор П. Шамарин
Секретарь Мальцев».

Список лиц, подлежащих расстрелу и утоплению и выведенных на казнь 23 декабря 1918 г. Возможно, среди них был епископ Феофан, но под мирским именем. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 2. Л. 51).

«Начальнику Пермского исправительного арестантского отделения

Просим выдать предъявителю сего, товарищу Воробцову, нижепоименованных арестованных, содержащихся под стражей во вверенном Вам отделении, а именно:

1. Плетнева Евграфа Ивановича, священника
2. Плетнева Михаила Евграфовича, бывшего офицера
3. Подкорытова Михаила, иеродиакона
4. Пузанова Ивана Владимировича
5. Панжина Дмитрия Львовича
6. Сарапулова Михаила Петровича
7. Пономарева Василия Евгеньевича, белогвардейца
8. Погодина Макара Дмитриевича
9. Борцова Якова Осиповича
10. Шыврина Михаила Луповича, монаха
11. Тарасова Александра Павловича
12. Захарова Ивана Васильевича
13. Харина Егора Васильевича
14. Пискунова Василия Ивановича
15. Пуршинского Владислава Степановича
16. Волкова Николая Васильевича
17. Есикова Максима Владимировича
18. Мезюлевского Александра Васильевича
19. Кузнецова Василия Алексеевича
20. Васильева, белогвардейца».

(На этом документе оставлена характерная надпись: «Означенных в списке лиц принял 23 декабря 1918 г. Воробцов».)

Рапорт о побеге одного из приговоренных Воробцовым к казни, от 20 февраля 1919 г. Документ служит своеобразным дополнением к предыдущему. Хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 2. Л. 52 об. — 53).
«Судебному следователю пермского окружного суда по важнейшим делам:

Препровождаю копию отношения, что данные лица уведены были по направлению в город и обратно в арестантское отделение не возвращались. Однако в конце декабря прошлого года один из уведенных на казнь, указанный в этом списке под № 12, Захаров, являлся в контору вверенного мне отделения и объяснял, что из отделения их повели к Каме и он решил бежать, выждав удобный для этого момент на углу Покровской и Сибирской улиц. Он побежал и скрылся в ближайшем дворе. Его преследовали и дали по нему несколько залпов, но безрезультатно. Скрываясь по разным дворам, он, Захаров, слышал на реке Каме крики и выстрелы и полагает, что там производилось убийство остальных арестантов, выведенных Воробцовым из отделения».

Фрагмент протокола допроса свидетельниц Анны Яковлевны Гущиной, 29 лет, проживавшей в станционной будке Пермской железной дороги между станциями Пермь-1 и Пермь-2, и Евдокии Афанасьевны Лобовой, от 20 и 21 мая 1919 г. В момент убийства Церковной комиссии архиепископа Василия они находились в непосредственной близости от места казни. Поскольку обе женщины дали одинаковые показания, они приводятся в этом сборнике один раз. Источник хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 2. Л. 128–129).

«Я знаю, что архиерея с 2 его товарищами красноармейцы насильно посадили в моторную лодку и увезли ниже Камского моста, где сидящих в лодке священников били камнями и, после их убийства, выкинули трупы в Каму»*.

Фрагмент протокола свидетельских показаний Василия Степановича Смирнова, 54 лет, надзирателя Пермского арестного дома. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об).

«Преосвященный Феофан месяца 2 находился в нашем Арестном доме: первоначально он сидел в одиночной камере, по соседству с каким-то анархистом и большевиком. Они при каждом удобном случае всячески над ним издевались и этим довели его до сильного нервного расстройства. Потом он был переведен в общую камеру к белогорским монахам, сидевшим там за отказ от принудительных работ, и там он успокоился.

Он был допрошен 22 декабря Чрезвычайной Комиссией и после этого, часов около 4 ночи на 23 декабря прошлого года, в Арестный дом явились конвой и 2 палача, которые и раньше в таких случаях являлись к нам. Фамилий их я не знаю, но, кажется, одним из них был Воробцов. Они что-то упоминали о воде, то есть о реке Кама, и просили дать им веревков. Веревков не

* Другой источник в том же деле показывает, что свидетельницы сильно преувеличили увиденное. По опросу железнодорожной охраны, в лодку сажали не живых священников, а складывали туда их трупы. ГА РФ. Ф. 9440. Оп. 1. Д. 2. Л. 136.

нашлось, и тогда они надели на преосвященного Феофана поручни и увели его вместе с 6 монахами, каким-то офицером-поляком и железнодорожным агентом Маляриным. Всех их увели на казнь. Уходя, преосвященный Феофан благословил всех присутствующих и просил у всех прощения».

Фрагмент протокола допроса свидетеля архимандрита Хрисанфа, настоятеля Соликамского Свято-Троицкого монастыря, 57 лет, от 30 января 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 2. Л. 38).

«В июле прошлого года у нас получено было сведение, что в селе Усолье местными большевицкими властями был лишен жизни священник Михаил Некрасов. Преосвященный Феофан отслужил по отцу Михаилу панихиду в конце того же июля месяца 1918 г. Это послужило для большевиков поводом к тому, чтобы начать преследование Феофана».

Выдержка из протокола дознания в отношении иеромонаха Белогорского монастыря Иосифа Воробьева, 35 лет, свидетеля преступлений большевиков против лиц духовного звания, от 13 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 2. Л. 106–107).

«Общее количество арестованных здесь было около 170 человек. По имеющимся у меня точным сведениям, среди них были монахи: Маркел, Ермоген, Иосиф, Евфимий, Аркадий, Варнава. Послушники: Яков Данилов, Петр Рочев, Александр Арапов, Феодор Белкин, Сергей Ржанников, Василий Ракутин, бывший прапорщик Иван Родин, бывший поручик Андрей Тупицын, Максим Конилов, Симеон Дунаев, Василий Змеев, Пантелеймон Посохин. Все эти лица были расстреляны большевиками в селе Шарашах Осинского уезда за отказ идти на воинскую службу в первых числах октября 1918 г.

За 2 дня до взятия Перми сибирскими войсками были утоплены в Каме следующие:

Иерарх Иоанн, иеродиакон Виссарион, черноризцы: Савва Колмогоров, Василий Вотяков и послушник Михаил.

Расстреляны и замучены в последних числах октября 1918 г. в городе Осе: иерархи Сергей и Илья; монахи: Иоанн Ротнов, бывший казачий офицер, Сергей, Исаакий; черноризцы: Яков Смартцев, Дмитрий Созин(ков); иеродиаконы: Михей (расстрелян осенью 1918 г. в Кунгуре) и Евфимий (расстрелян в городе Перми в Белогорском подворье); черноризец Павел Балабанов — замучен в Юго-Осокинском заводе Осинского уезда.

Среди монахов Белогорского монастыря был один послушник Феодор Корнилов Тюлькин, 42 лет, имевший громадное сходство с архиепископом Андроником, который одновременно с прочими монахами был арестован и

препровожден в город Оса. Оттуда их группой отправили в Пермь, а уже оттуда — в Вятку».

Рапорт прокурора Казанской судебной палаты в Омск министру юстиции правительства Колчака Тельбергу, от 24 мая 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 847. Л. 12).

«В дополнение к рапорту моему от 14 марта сего года представляю при сем Вам, господин министр, дополнительный список духовенства Пермской епархии, погибшего от руки большевиков. Доношу, что как предыдущий, так и этот списки составлены на основании уже имеющихся данных, частью — добавленных предварительным следствием, частью сообщенных Епархиальной властью».

Список духовных лиц, убитых большевиками в Пермской губернии. Список был выслан в Омск министру юстиции правительства Колчака Тельбергу. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 847. Л. 12, 13).

«Священники

1. Попов Антоний, служил на заводе Суксун Красноуфимского уезда, в Воскресенской церкви, расстрелян.
2. Аристов Ананий, служил в селе Сергинском Пермского уезда, расстрелян в городе Перми.
3. Лавров Сергей, служил в селе Пешнигорт, Соликамского уезда, убит.
4. Юрганев Константин, служил в селе Сергинском Пермского уезда, расстрелян в городе Перми.
5. Кузнецов Петр, служил в заводе Павловском Оханского уезда, расстрелян на станции Верещагино Пермской железной дороги.
6. Белов Валентин, служил на заводе Ашап Осинского уезда, изрублен саблями и добит выстрелами.
7. Осетров Александр, служил в селе Телес Осинского уезда, расстрелян и дорублен.
8. Рождественский Никита, служил в селе Черновское Оханского уезда, расстрелян.
9. Антипин Федор, служил в селе Юма Чердынского уезда, расстрелян.
10. Мациевский Николай, служил в селе Юма Чердынского уезда, расстрелян.
11. Алексеев Владимир, служил в Оханском соборе, расстрелян и сброшен в Каму.
12. Орлов Николай, служил в селе Кудымкор Соликамского уезда, увезен неизвестно куда, по частным сведениям, убит.
13. Денисов Михаил, служил в селе Пятигор Чердынского уезда, расстрелян.

14. Решетников Петр, служил в селе Ерши Осинского уезда, расстрелян.
15. Тарасов Константин, служил в селе Гиблое Осинского уезда, расстрелян.

Дьякон

16. Решетников Аркадий, служил в селе Юрла Чердынского уезда, расстрелян.

Псаломщики

17. Петухов Василий, служил в селе Покровское Кунгурского уезда, умер в заключении у большевиков от перенесенных страданий.
18. Жуланов Афанасий, служил в селе Бисертское Красноуфимского уезда, расстрелян.
19. Попов Анатолий, служил в Юговском заводе Пермского уезда, расстрелян в городе Кунгур.
20. Зуев Александр, служил в селе Дивьинское Пермского уезда, расстрелян.

Монашествующие

А) Белогорского монастыря

Иерархи

21. Вячеслав, расстрелян.
22. Сергей, исколот штыками и добит выстрелами.
23. Иосаф, замучен.
24. Иоанн, утоплен.

Иеродиакон

25. Михай, расстрелян.

Монахи

26. Гермоген, расстрелян.
27. Аркадий, расстрелян.
28. Евфимий, расстрелян.
29. Маркел, расстрелян.
30. Варнава, расстрелян.

Черноризец

31. Дмитрий, расстрелян.

Послушники

32. Иаков, расстрелян.
33. Петр, расстрелян.
34. Александр, расстрелян.
35. Феодор, расстрелян.
36. Петр, расстрелян.
37. Сергей, расстрелян.
38. Алексей, замучен.

39. Василий, утоплен.

40. Иоанн, расстрелян.

Б) Серафимского скита

Монахи

41. Сергей, исколот штыками и добит прикладами.
42. Исаакий, исколот штыками и добит выстрелами.
43. Иосиф, расстрелян.
44. Иоанн, расстрелян.

Черноризец

45. Павел, исколот штыками и добит прикладами.

Послушники

46. Григорий, убит большевиками при невыясненных обстоятельствах.
47. Василий, убит большевиками при невыясненных обстоятельствах.
48. Пантелеймон, убит большевиками при невыясненных обстоятельствах.
49. Симеон, убит большевиками при невыясненных обстоятельствах.

В Омске в 1919 г. на основе публикаций в местной прессе и показаний очевидцев и потерпевших «Русским бюро печати» была издана брошюра «Зверства большевиков» (см. с. XX). Приведенные ниже фрагменты открывают ее документальную часть. Следует отметить, что результаты работы следственных комиссий оказались опубликованными во многом благодаря деятельности «главного колчаковского пропагандиста» Устрялова. А после победы большевиков он стал прислуживать тем, о чьей античеловечности как раз и свидетельствует эта брошюра.

«Сад пыток в Перми.

Большого, казарменного вида здание духовной семинарии при Советской власти пермякам всегда казалось хранилищем ужасов, а длинная, высокая каменная стена, окружающая старый сад около него, таила за собой что-то, что мы не раз слышали об этом от жителей, особенно по вечерам избегавших ходить около семинарии. С освобождением Перми от большевиков открылись и ворота семинарского двора. Народ сначала робко, суеверно оглядываясь и вздрагивая, проникал в сад и потом повалил туда целыми толпами.

Народ стоял кучами около отдельных трупов, разбросанных по саду и откопанных из снега. Картина была ужасная, леденящая кровь... раздетые трупы лежали в различных позах с конвульсивно сжатыми и связанными руками, то находящимися позади, то прижатыми к лицу, как будто убитые думали защититься от наносимых ударов. Разбитые черепа с вывалившимися у них мозгами, искаженные невыносимой мукой лица, вывернутые колесом

ноги, лужи и брызги запекшейся крови... Ясно, что люди здесь умирали после долгих страданий и дьявольских издевательств.

Действительно, человека при взгляде на эту картину, работу "наркомов", нервно подергивает, и холодный ужас входит в его сознание... Господи! До чего могли дойти в своей жестокости и зверстве коммунисты, убивавшие и мучившие людей без числа и, главное, без всякой вины, за слово правды, за просьбу лишнего куска хлеба для умиравших и пухнувших от холода детей, в то время как сами комиссары объедались крупчаткой, сахаром и прочими недоступными для народа продуктами... И это было в прославленной на весь мир "свободной коммунистической Совдепии", "в единственной в мире по совершенным формам правления социалистической республике"!... Непостижимо, но весьма поучительно...

Мы видели, как народ плакал, глядя на эти изуродованные трупы, и по мрачным блестящим глазам, глубоко запавшим от продолжительного голодания и тревоги в орбиты, по судорожно подергивавшимся лицам и рукам можно было судить, какие мысли и чувства вызывали у народа по отношению к преступникам-коммунистам убитые ими невинные люди. Тяжелые вздохи, слова, молитвы и родственное участие срывались у народа вместе с проклятиями, полными глубокой, затаенной ненависти, судорожно сжимались кулаки у рабочих. Народ действительно почувствовал теперь всей натурой пережитый ужас первобытного "комиссародержавия", что за благодетели представляли коммунистические советские власти.

"Миленькие, упокой вас Господь! Без вины пострадали!" — плакали женщины, поправляя на трупе крестик.

"Палачи, одно слово — палачи! Будь они анафемой прокляты!" — твердил рядом стоявший мужчина.

"Как не палачи, — подхватила его соседка. — Ведь в Мотовилихе начальника Темникова убили. Сначала руки отрубили, а через сутки только добились из ружья... Как говорят-то мучился несчастенький, плакал все да на коленях просил прикончить его скорее..."

Живущие по соседству с семинарией рассказывают, что приговоренных к казни не всегда расстреливали, а часто прямо убивали и добивали в автомобилях на улице, в ночные глухие часы. Мы слышали о рассказе одного из служащих военного комиссариата, как он решился однажды ночью посмотреть на расстрелы в семинарском саду.

Расстреливали тогда 7 человек, в том числе служащую из отдела снабжения. Выступил комиссар Окулов и, заявив, что ему хочется сейчас попробовать свой "браунинг", убил из него первого из числа приговоренных. Затем вышел, кажется, коммунист Заякин и, помахивая своей шашкой, отрубил в 2 приема другому приговоренному голову. Третий комиссар, не зная, чем бы отличиться от своих товарищей, приказал следующему из осужденных рыть себе могилу. Могила оказалась слишком короткой. Тогда, схватив топор, коммунист отрубил несчастному ноги "по могиле"... Раздались дикие,

нечеловеческие крики... Служащие бросились без памяти из сада и до сих пор дрожат при воспоминании об этом.

Один красноармеец, неоднократно принимавший участие в расстрелах, был однажды поражен мужеством 15-летнего белогвардейца, который по приказанию, отданному в последний момент, стал спокойно раздеваться, смело бросив шапку прямо в лицо комиссару. Удивительное спокойствие и убежденность белогвардейца так поразили красноармейца, что у него тут же явилось сомнение в правдивости кровавого большевизма и, наоборот, зародилась мысль в истинности белогвардейского движения.

Да, много ужасов, казней, пыток, издевательств и крови пришлось видеть семинарскому саду в "рабоче-крестьянского правительства" — этого паразитического гнойника на гигантском мякотелом русском народе.

"Освобождение России"».

«Кошмар.

*"От судьбы не уйдешь".
Народная поговорка.*

Три месяца прошло с того кошмарного дня, когда я, подобно многим заложникам, попал в руки большевиков, а на душе и сейчас какой-то гнет, какая-то тоска, которую не разъешь ни доводами рассудка, ни тщетными попытками отвлечься.

Случилось это так же просто, как и все, что делается у большевиков. Пришли вооруженные красноармейцы и увели. Увели без всякого объяснения причин ареста, без указания на мою виновность, оставив семью в полном неведении и в отчаянии. В "Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией", куда меня привели красноармейцы, мне издали показали "лист обвинительного акта", но прочитать его или узнать содержание, несмотря ни на мои просьбы, ни требования, не разрешили. Те же солдаты отвели меня и в тюрьму.

Длинный, мрачный, разветвляющийся в конце коридор. Втолкнули в последнюю камеру. Огляделся... На полу комнаты сидят и лежат люди, как и я, брошенные сюда большевиками без суда и следствия и ожидающие решения своей участи. Одни спали, положив головы на свои шинели, другие, обняв руками колени, казались замерли в тупом отчаянии. Среди заключенных встретил я местного священника Д. и своего товарища по институту, мобилизованного офицера П. Настроение осужденных как-то помимо воли охватило меня. Исчезли те бодрость и уверенность, с которыми я вошел в эти мрачные стены, а сердце сжалось от боли и за этих затравленных людей, и за поруганное учение Христа. Неужели социальные учения, проникнутые с начала до конца идеями любви, братства и равенства, вылились в такие чудовищные уродливые формы?! Я знаю, что казнили во все эпохи и во всех государствах, но тогда люди, идущие на эшафот, знали, по крайней мере, за что они страдают и во имя чего умирают. Теперь же у них нет даже

этого последнего утешения — они умирают в стране, где нет законов, нет судей, нет справедливости, нет милосердия, а есть только палачи... Одни палачи...

Говорили между собой мы мало. Объясняли на всякий случай план коридора, в конце которого, обыкновенно, производился расстрел. Указывали и на время казни — промежуток между 11 и 12 часами ночи. И теперь большинство заключенных со страхом ожидало рокового часа. Только немногие, утомленные бесконечным ожиданием, спали тут же, на грязном полу.

На городской каланче пробило 10.

Кругом была мертвая тишина, а в голове шумели мысли, беспорядочно роились, перебивая одна другую. В висках стучало. Душа не мирилась с насильем. Мгновенно возникал план бегства, но тут же исчезал при мысли, что расстреливать будут тут же, в здании тюрьмы. Холодный пот выступил по всему телу... Выхода не было...

Прижимаемся висками к холодной каменной стене. Пробило 11 часов... Сердце остановилось. Прислушиваемся — не идут ли? Нет, никого. Опять бесконечные планы, надежда, ожидание... И так без конца.

Прошло минут 20. В конце коридора послышались шаги и голоса приближающихся людей. Около нашей камеры шаги затихли. Щелкнул затвор замка, и в комнату вошли комиссар и 2 красноармейца.

Выкрикнув мою фамилию, комиссар пинком ноги разбудил спавшего П., бросив предварительно несколько грубых острот по адресу спавшего.

П. быстро вскочил... Но вдруг он затрясся, лицо его исказилось, и он завыл, завыл жутко, протяжно... Я метался по камере. В голове засела мысль: "Надеть пальто или нет? Надеть или нет?"

Комиссар окрикнул меня еще раз. Я продолжал ходить, все еще обдумывая: "Надеть или нет?" Пауза длилась минуты 3. Красноармейцы ждали меня.

Наконец, после решительного окрика комиссара "немедленно следовать за ним", в моей голове вдруг созрела мысль: "Надеть", — и я быстро оделся.

Товарищи по несчастью жали нам руки, кто-то что-то говорил.

Священник благословил меня, и я помню, он, сжав голову руками, бесильно опустился на пол.

Выйдя из камеры, мы, по приказанию комиссара, выступили вперед. П. шел машинально, молча, я же не раз инстинктивно, оглядываясь назад и каждый раз видел одну и ту же картину: позади нас, с винтовками наготове, шли солдаты, а сам комиссар с револьвером в протянутой руке, завершал шествие. Оставалось шага 3 до конца коридора, когда вдруг грянуло несколько залпов. П. упал.

У меня мелькнула мысль упасть и притвориться мертвым, но какая-то сила толкнула меня вперед. Я бросился к тяжелой железной двери и под

шум и смятение стрелявших выбежал во двор тюрьмы. Я слышал за собой залпы, видел, как в кошмарном сне, шедшую мне навстречу группу красных с направленными на меня винтовками и потом стрелявшую по мне. Пули свистели над моей головой, решетили развивавшееся пальто. Но я ясно чувствовал одно: что жив, что живу. Добежав до тюремной ограды, представлявшей из себя 2 стены, я быстро перепрыгнул первую из них и упал, и снова вокруг меня посыпались пули. Помню, как одна из них ожгла мне правую ногу. В голове почему-то промелькнула мысль: "Слава Богу". Не обращая внимания на рану, я почти бессознательно перескочил через вторую стену и очутился на улице.

Бежать не было сил. Сердце отказывалось работать. Был момент, когда я был готов отдаться красным, но, как укор за слабость, встал образ убитого П. Я бросился по пустым улицам города, свернул в лес и только тут упал, дав отдых своему уставшему сердцу.

Наскоро перевязав платком раненую ногу, я почти ползком направился к ближайшей деревеньке.

Погоня, как и следовало ожидать, не замедлила последовать. Красноармейцы проехали в нескольких саженьях от меня, но, благодаря какому-то чуду, я не был ими замечен...

Еле передвигая ноги, добрался я еще до рассвета до знакомой деревни. Но она не была моей конечной целью. Оставаться так близко от преследователей я не решился и, расспросив приютившего меня крестьянина о ближайшем пути до местечка К., на другой же день я отправился в дорогу. Но, к моей досаде и удивлению, в конце концов, не найдя пути и проблуждав целый час, я вернулся обратно в деревню...

На другой и третий день повторилось то же самое. Я шел, строго придерживаясь объяснений крестьянина, но оказывался все в том же заколдованном кругу — приходил на одно и то же место. И только четвертый день дал желаемые результаты. Передо мной было село К.

Еще издали увидел я женщину, торопливо уводившую куда-то лошадей. Я сделал беспечное лицо и обратился к ней с вопросом:

— Ну, что, молодка, весело провела вчерашний праздник? Наверное, гости из города приезжали?

— Какие нынче гости, — махнула рукой женщина. — Вот комиссары у нас 3 дня жили, часа 2 как уехали. Ловят, вишь, инженера С. Расстреливали, сказывают, двоих, да один-то сбежал. Всю деревню на ноги подняли.

Пораженный словами женщины, я долго стоял в оцепенении. Чья-то невидимая рука словно охраняла меня и вливала мне новые силы. Я бодро направился к знакомому крестьянину, который, снабдив меня деньгами и необходимыми вещами, на другой же день отвел в лесную

землянку, где, кроме меня, уже жили двое преследуемых большевиками его односельчан.

Рана заживала медленно, а товарищей по несчастью прибавилось: нас было уже 12 человек, когда мы, запасшись оружием и компасом, рассыпались по глухой тайге. Через буреломы и валежник, под дождем и ветром, питаясь одними сухарями, мы продвигались вперед, как никогда, чувствуя себя счастливыми — мы были свободны!

И только один раз, встревоженные внезапным треском, раздавшимся позади нас, мы инстинктивно вздрогнули, вспомнив своих преследователей, и схватились за винтовки. Но, разглядев вдали уходящую фигуру медведя, облегченно вздохнули: «Слава Богу, не человек, а зверь!»

В. Семенов.
«Отечественные ведомости»

«В коммунистической тюрьме
(Записки арестованного)

Темная морозная ночь. На небе блестят звезды. Выхожу из освещенного подъезда.

— Товарищ, товарищ! — окликают меня сзади.

— Что угодно?

Треск невидимого предохранителя, и маленький длинноносый человек подносит к моему лицу блестящий «браунинг».

— Товарищ, вы пойдете со мной в чрезвычайную комиссию.

Эта краткая и выразительная сцена, столь привычная и столь характерная для обитателей Перми, была прелюдией к моему двухнедельному заключению, закончившемуся с приходом сибирских войск, в Пермской губернской исправительной тюрьме.

В тюрьму я был посажен на предмет выяснения, «не имеется ли основания считать меня замешанным в контрреволюционной деятельности». Первая ночь была проведена мной в помещении самой «чрезвычайки», этом, по словам арестовавшего меня агента, «адском месте», находящемся в помещении бывшего государственного банка, большом красном доме, одном из лучших в Перми зданий. Мимо этого здания пермские обитатели пробегали с тяжелым чувством. Здесь по ночам, во дворе, а рассказывают, даже и в комнатах, комиссары «стреляли дичь».

Со мной в «чрезвычайке» сидели человек 12 мужчин и женщин. Конвоиры, ночевавшие тут же, при арестованных, критиковали нашу внешность, одежду, фигуры. Они не стеснялись нас, и было ясно, что мы для них — не более чем любопытные звери.

Днем повели нас в тюрьму. Мимо нас проходили и проезжали свободные люди, и жизнь равнодушного к нашей жизни и смерти, привыкшего к расстрелам и казням города шла своим чередом. Мы тихо говорили друг с

другом, пробовали утешать один другого искусственно бодрыми голосами: «Семи смертям не бывать, а одной не миновать!»

Но, признаться, это утешение мало кого убеждало и успокаивало.

Более старинное здание губернской исправительной тюрьмы вытянулось в целый квартал на окраине города. Его линии четко рисовались на фоне серо-синего неба.

Нас ввели во двор. Захлопнулась железная решетка ворот. Затем — в контору, где у нас отобрали деньги.

Затем нас отвели на задний двор, в подвальные пересыльные отделения. Сначала — коридор длиной в несколько шагов темной, мрачной, тяжелой стройки, с нависшими сводами потолка. Все напоминало средневековые места заключения, затем камера, откуда пахло уже настоящим средневековьем.

Длинный, темный подвал, едва освещенный керосиновой лампой-коптилкой без стекла, весь пропитанный запахом сырости, нетопленный, утопающий в клубах тумана и чада. И над всем этим — галдеж, крики и ругань 56 заключенных. Вместо полагавшихся 16 здесь находились 56 политических и уголовных; разместились и на нарах, и под нарами, и друг на друге, одолеваемые ужасом, голодом и паразитами.

Ко вновь введенным арестантам, выныривая из толпы, подходили грязные всклокоченные люди, жадно спрашивали, «где белые», «правда ли, что в городе бунт, осадное положение», и прочее, и прочее. Им отвечали, что белые еще далеко, что в Перми спокойно, и они вновь скрывались во мраке; одни — неудовлетворенные и разочарованные, а другие, может быть, и обрадованные тем, что, значит, «еще далеко до конца».

В тюрьме в это время работала комиссия по разгрузке мест заключения ввиду спешной эвакуации. Через полчаса после нашего прихода стали вызывать и уводить тех арестованных, относительно которых было решено, что они лишены свободы без всякого основания. Такие, кстати сказать, составляли половину населения тюрьмы, а если прибавить сюда еще заложников, которые ни в коем случае освобождению не подлежат, то всех таких «контрреволюционеров» набралось бы не менее трех четвертей.

Освобождаемые быстро собирали свои вещи и, радостно бросив: «Прощайте, товарищи!» — уходили.

И как завистливо смотрели на них оставшиеся терпеть, впопыхах давали им разные поручения на волю: сообщить, передать, сказать.

Я лег на пол, на грязный мешок, набитый соломой и кишачий вшами. Рядом со мной ворочался интеллигентный человек, что-то бормотавший и вздыхавший.

В 9 — проверка: тыкая пальцами в носы, надзиратели перечисляли заключенных, и в камере наступала тишина...но своеобразная тюремная тишина: с бормотанием, выкриками во сне, словами.

В 4 часа ночи гулко застучали шаги в коридоре. Загремел тяжелый железный засов. Сжались все сердца. Откатилась дверь, и надзиратель заорал:

— Петров Иван Николаевич!

— Вам, Иван Николаевич, — прошептал чей-то робкий голос.

Мой сосед тяжело засопел и стал собираться. В камере стало на этот раз тихо, совсем тихо.

— Что копаешься? Скорей! — хрипло кричит надзиратель.

— Сейчас, сейчас, — отвечает Петров. — Все вещи собрать? — спрашивает он со слабой надеждой: если с вещами, может быть, освободят.

— Можешь все! Что спрашиваешь! Копаешься там!

Как и те, освобожденные, Петров уходит, говоря: “Прощайте, товарищи”. Но на этот раз никто не встал к нему, никто не давал ему поручений.

Дверь захлопнулась.

Заключенные, нервно перебивая друг друга, то собираясь, то расходясь, повторяли: “Неужели расстрел? Ведь был декрет... А вдруг его освободят?”

Так брали из камеры почти каждый день по 10–12 человек: на дворе скручивали руки и уводили — кого в лес, кого на реку, к проруби. На реке завязывали глаза и приказывали идти, командовали “направо” и “налево”, пока человек не сваливался в прорубь. В лесу приговоренным приказывали вырыть для себя могилы, потом стреляли. Для выполнения всего этого служил особый латышский карательный отряд.

Прошел первый день моего заключения, первая ночь. Потянулись дни, долгие, однообразные и мучительные. Грязь, холод, вши, кишевшие всюду... Только 2 часа в день был настоящий свет, который позволял читать, — и томительное ожидание смерти, хорошо, если еще без издевательств и мучений.

В пользу смерти говорило все: арестованные были казнены при эвакуации Сарапула, Верхотурья, Екатеринбурга; работа комиссии заканчивалась, много арестованных было уже освобождено, а мы все сидели; мрачное уклонение от ответа надзирателей, когда их спрашивали, будем ли мы расстреляны; отказ Вятки и Глазова принять эвакуированных из пермских мест заключения и т.д., и т.д.; и, наконец, фраза, сказанная в присутствии многих из нас товарищем председателя ЧК Воробцовым: “Всех рабочих мы освободим, буржуев же и контрреволюционеров отдадим на съедение белым”.

Что обозначал конец этой фразы, мы не знали, но звучал он для многих из нас достаточно зловеще.

Наши чувства мало-помалу атрофировались. Мы сидели в полузабытьи. Гнали приятные мысли о доме, об оставшихся на свободе знакомых и родных — ибо каждая мысль сопровождалась сознанием невозвратно утраченного.

Мы глядели на решетки окон и соображали, возможно ли бросить через них ручную бомбу на угол камеры, и думали, можно ли спрятаться за ним от пулемета, если его поставить у дверей камеры.

Мы привыкли понемногу к мысли о самой смерти, но еще пугали те детали, которыми будет обставлена казнь: слишком сильно скрутят руки веревкой, холодно будет ехать на место казни и т.д. Мы нарочно не спали часов до 2 ночи, чтобы страшный четвертый час, когда уведут из камеры на расстрел, проспять и не слышать.

Рядом со мной на нарах находился служащий, арестованный за желание остаться в Перми при ее эвакуации. Однажды ночью, когда я уже засыпал, мною были услышаны звуки, похожие на хриплый лай загнанной собаки. Он рыдал, и звуки его рыданий, как гвоздем, скрежетали по сердцу. Это были первые и последние слезы в камере, и они произвели на всех потрясающее впечатление.

Но были и оптимисты... Или, вернее всего, один из нас. Он призывал нас уповать на Бога, говорил, что “Бог не допустит”, и легче становилось после беседы с ним.

В тюрьме было голодно: давали хлеба полкуса из мякины и болтушку из гнилого картофеля, куда через 2 дня на третий прибавлялось немного лошадиных внутренностей. Некоторым с воли носили для передачи хлеб и молоко, но по дороге половина передаваемого исчезала. Поэтому даже те, которые были обеспечены пищей, приносимой с воли, страдали от голода. Каково же было положение тех, кто должен был довольствоваться одним пайком!

Перед моими глазами стоят двое мальчишек-воров, сидевших в тюрьме уже 2 месяца. Опухшие от голода, лица землистого, никогда ранее мною не виданного, неестественного цвета... Жадные, бегающие глаза. Когда кто-нибудь ел, они, как щенки, садились около него, алчными горящими взорами провожая каждый кусок, исчезающий во рту, глотали голодную слюну. Иногда они решались просить хотя бы корочку. Но им сухо отказывали, так как правилом тюрьмы было: “дашь — самому ничего не останется”.

От грязи и укусов насекомых мое тело покрылось нарывами, то же было и с другими арестантами.

В глазок нашей камеры парашенщик 25 декабря сообщил, что казаки у Левшина и что сегодня освободят последних арестованных, подлежащих освобождению, а что будет с остальными — пока неизвестно.

С тревогой спрашивали мы надзирателей: об эвакуации тюрьмы ничего не слышно? Или: всех оставшихся расстреляют? Ответом было: “Не знаю, не знаю, в камеру!”

К вечеру в камере оставалось всего трое... Ночь была тяжелая...

Утром нас перевели в другую камеру, где уже было собрано много заключенных. Надвигался решающий момент.

Дрожа от холода — в камере был буквально мороз, с пересыхающим от волнения горлом, как в каком-то сне, с душой, лишенной чувства, без мыслей, сидели мы. Одни молились, другие прощались друг с другом...

Вдруг чей-то шепот в глазок. Кто говорит, не видно: "В конторе сидит белогвардеец и ведет переговоры об освобождении политических".

Многое болтают в тюрьме зря, много ходит всяких вздорных слухов, и было досадно слышать эти слова, говорившие о том, о чем мы не смели думать.

Через полчаса застучал железный засов, загремели, отворяясь, двери, и надзиратели произнесли всего 2 слова: "Вы свободны!"

Не веря, побежали мы во двор тюрьмы. Ждали какого-нибудь подвоха, предательства. Казалось, вот-вот загремит пулемет. Ведь белые не могли быть еще в Перми.

Но вот и железная наружная дверь растворилась.

Мы на свободе... И ярко светит солнце, трещит мороз, сверкает снег, синее небо.

В.Ф.
"Отечественные Ведомости"

Отрывок из воспоминаний о екатеринбургских и вообще об уральских событиях 1918–1919 гг. Документ хранится в ГА РФ (Оп. 1. Д. 608. Л. 16).

«Офицерам большевики гвоздями прибивали погоны к плечам. Девушки были изнасилованы; несколько человек было найдено с выколотыми глазами, другие — с отрезанными носами. В Перми епископ Андроник был закопан в землю живым».

Следующий документ — один из оставшихся после ревизии Кунгурской ЧК советскими органами и заверенный самими красными. Он представляет собой очень важный источник для изучения красного террора на востоке России. Поражает, как низко ценилась коммунистами жизнь, как легко и безответственно распоряжались они людскими судьбами. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 428. Л. 1–16).

«Дело по обревизированию деятельности кунгурской ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляциями и преступлениями по должности.

Министру юстиции
Прокурор Казанской Судебной Палаты
17 мая 1919 г. № 360
Омск

Рапорт

В дополнение к рапорту моему от 2-го апреля сего года за № 215, представляю при сем Вам, господин министр, копию представления Прокурора Пермского Округного Суда от 12 апреля сего года за № 3218, вместе с указанным в нем приложением.

Исполняющий должность Прокурора Судебной Палаты Николаев.

Надпись: по наряду заготовить выписки для информации Американского бюро печати, 20 мая 1919 г.

Господину Прокурору Казанской Судебной Палаты
Прокурор Пермского Округного Суда

Представление

В дополнение к представлению моему о действиях Кунгурской Чрезвычайной Следственной Комиссии, представляю при сем выписку из весьма секретного документа Советской власти, ныне находящегося в распоряжении судебного следователя 3-го участка Кунгурского уезда.

Из акта внезапной ревизии, имевшего в конечном счете, по-видимому, корыстные мотивы, с полной точностью устанавливается, что Чрезвычайная Следственная Комиссия сама в конце концов не знает ни числа, ни имен своих жертв и, уже понятно, не имеет представления о вине большинства погибших.

Ссылки Комиссии на авторитет и распоряжение местного Исполнительного Комитета (Исполкома) совершенно опровергнуты; является несомненным, что расстрел произведен лицом, в данной местности неизвестным, неким Ватко Богданом, совершенно вполне произвольно и бесконтрольно, а затем это якобы было проверено и одобрено Тунтулом, тоже лицом неизвестным; фактически же исполнение убийств — роль палачей — взяли на себя добровольно местные коммунисты.

В этих условиях безвинно погиб, как видно из документа, товарищ мой по должности Гайль, названный судебным следователем.

Ныне представляется полное основание утверждать, что в подобных же условиях погибли и прочие чины судебного ведомства, списки коих я Вам представлял.

12 апреля 1919 г. № 3218 г. Пермь.

Прокурор Суда П. Шамарин.

С подлинным верно. Секретарь прокурора Казанской Судебной Палаты Шопеонов.

Протокол
1918 г., ноября 2 дня.
(Документ, захваченный у чекистов).

Мы, нижеподписавшиеся Члены Ревизионной Комиссии от Штаба III дивизии по обревизированию деятельности Кунгурской Чрезвычайной

Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, явились 2 сего ноября в 2 часа дня в здание Комиссии и предъявили Председателю Кунгурской Чрезвычайной Комиссии товарищу Пиненкову свой мандат, выданный Военным Комиссаром III дивизии товарищем Харитоновым и начальником дивизии товарищем Эйдеманом и скрепленный начальником штаба. Товарищ Пиненков получил через Председателя Комиссии товарища Чудинова приказ от штаба дивизии, в котором говорится:

“Ввиду поступивших ко мне сведений о незаконных действиях Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности Кунгурского уезда, состоящего на военном положении и находящегося в прифронтовой полосе действий III дивизии, и ввиду того, что всякое незаконное, с точки зрения интересов революции, действие органов Советской власти восстанавливает против себя рабоче-крестьянское население и наносит тем самым как самой Советской власти, так и отстаиваемым ею пролетарским интересам часто непоправимый вред, считаю необходимым назначить немедленную ревизию деятельности означенной уездной Чрезвычайной Комиссии.

Товарищ Пиненков, по ознакомлении с мандатом и по прочтении приказа, указал на то, что ревизировать деятельность уездной Чрезвычайной Комиссии может только губернская Чрезвычайная Комиссия. Председатель Ревизионной Комиссии заявил, что он имеет определенное поручение обревизировать деятельность Чрезвычайной Комиссии, независимо от согласия на то Губернской Комиссии и поэтому Комиссия, на основании имеющихся у нее инструкций, должна немедленно приступить к делу.

Товарищ Пиненков сообщил, что он должен подать телеграмму о ревизии в Губернскую Чрезвычайную Комиссию, и попросил на это позволения Ревизионной Комиссии. Председатель Комиссии ответил ему, что препятствовать подаче телеграммы он не имеет права.

В присутствии Ревизионной Комиссии председателем Чрезвычайной Комиссии была подана следующая телеграмма:

“В Губернскую Чрезвычайную Комиссию.

Над деятельностью уездной Чрезвычайной Комиссии назначена ревизия от Штаба III дивизии. Несмотря на мой протест, что ревизирование уездной комиссии имеет только Губернская Комиссия, Комиссия приступила к ревизии”.

Председатель Ревизионной Комиссии заявил, что он имеет приказание от Штаба, и поставил свой караул у дверей всех отделов Чрезвычайной Комиссии, а также у наружных дверей и у архива. После этого произошел следующий разговор:

Товарищ Пиненков: Значит, мы арестованы?

Товарищ Чудинов: Приказа об аресте Комиссии мы не получали и имеем право кого бы то ни было арестовать только с предварительного

согласия военного комиссара и начдива. Расстановка нашего караула имеет целью нашу личную безопасность, а также охрану всех документов, чтобы таковые не были унесены.

Товарищ Пиненков: Кроме того, у нас сейчас должен открыться съезд Чрезкомов всех районов Кунгурского уезда.

При этом по вопросу о съезде между товарищами Попковым, членом Чрезвычайной Комиссии, и Пиненковым произошел обмен мнений о том, нужно ли открывать съезд. Попков, несмотря на ревизию, настаивал на проведении съезда. Пиненков, возражая Попкову, говорил, что, прежде чем проводить съезд и вообще что-либо делать, необходимо сначала себя реабилитировать. Вопрос о съезде пока остается открытым до получения инструкций от Штаба дивизии.

Председатель Ревизионной Комиссии, товарищ Чудинов, предложил открыть совместное совещание членов Чрезвычайной и Ревизионной Комиссий. По открытии совещания товарищ Чудинов заявил, что главная цель и обязанность Ревизионной Комиссии заключается в проверке постановки дела Чрезкомиссии по отделам: хозяйственному, организационному и процессуальному. С этой целью Ревизионная Комиссия должна знать следующее: в каком порядке находится отчетность; историю образования Чрезкомиссии с самого начала организации постановки дела; в какой мере проходила работа; сведения о личном составе Чрезкомиссии прежде и теперь с выяснением партийности; заключенное основание виновности для ареста разных лиц; выемка документов, уличающих виновных; условия жизни заключенных; порядок разрешения свиданий; списки расстрелянных с приложением даты; опись всех имеющихся документов; дела как заключенных, так и освобожденных; инструкции, уставы и циркулярные распоряжения.

Товарищ Чудинов предложил, что по 3 вышеупомянутым отраслям нужны докладчики от Чрезвычайной Комиссии: товарищи Голомидов, Бочкарев, Попков и Пиненков за время его службы ее председателем. После этого Ревизионная Комиссия поставила как в помещении, у дверей, так и вне таковых свой караул и приступила к работам. Наш часовой от Чрезвычайной Комиссии с поста был снят, и без надлежащих пропусков или разрешений Ревизионной Комиссии никто в помещение не пропускался и обратно не выпускался до того, пока разъяснение товарища Чудинова не последовало в том духе, чтобы не тормозить текущую работу посетителей, после этого членов и служащих Чрезвычайной Комиссии не задерживали.

Личный состав.

К моменту ревизии штат работников Кунгурской Чрезвычайной Комиссии состоял из 32 человек, а именно:

1. Пиненков, председатель Чрезвычайной Комиссии, к исполнению должности приступил 15 октября сего года.

2. Попков, заведующий хозяйственным отделом, к исполнению должности приступил 8 октября сего года.
3. Раевских, заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности, к исполнению должности приступил 11 июля сего года.
4. Бочкарев, заведующий отделом спекуляции, к исполнению должности приступил 11 июля сего года.
5. Голомидов, заведующий делами общей канцелярии, к исполнению должности приступил 28 июня сего года.
6. Тимилин, секретарь, к исполнению должности приступил 26 июня сего года.
7. Ситников, следователь, к исполнению должности приступил 26 июня сего года.
8. Мишарин, заведующий складом, к исполнению должности приступил 26 июня сего года.
9. Семовских, следователь, приступил к исполнению должности 26 июня сего года.
10. Уваров, агент, приступил к исполнению должности 1 августа сего года.
11. Трибуцкий, агент, приступил к исполнению должности 15 июля сего года.
12. Андрюков, служащий по отделу борьбы со спекуляцией, приступил к исполнению должности 6 июля сего года.
13. Краснов, помощник заведующего складом, приступил к исполнению должности 1 июля сего года.
14. Валуева, регистратор, приступила к исполнению обязанностей 28 июня сего года.
15. Пискарева, сведения о должности отсутствуют, работает в Чрезвычайной Комиссии с 25 августа сего года.
16. Карумм, машинистка, приступила к исполнению обязанностей 25 сентября сего года.
17. Кузнецов, служащий в отделе по борьбе с контрреволюцией, приступил к исполнению обязанностей 15 августа сего года.
18. Стефанович, агент, приступил к исполнению должности 1 октября сего года.
19. Глушков, сведения о занимаемой должности в Чрезвычайной Комиссии отсутствуют, работает здесь с 13 октября.
20. Сырчиков, инструктор, приступил к исполнению должности 14 октября сего года.
21. Мищенко, счетовод, приступил к исполнению обязанностей 5 октября сего года.
22. Щукин, следователь, приступил к исполнению должности 11 октября сего года.

23. Панков, агент, приступил к исполнению должности 16 октября сего года.
24. Сычиков, рассыльный, приступил к исполнению должности 2 июля сего года.
25. Попов, председатель Кунгурской Чрезвычайной Комиссии, исполнял должность с 25 июня по 2 сентября сего года.
26. Грачев, заведующий отделом по борьбе со спекуляцией, исполнял должность с 25 июня по 2 октября сего года.
27. Исупов, заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией, исполнял должность с 25 июня по 2 сентября сего года.
28. Голованов, агент, сведения о времени исполнения должности отсутствуют.
29. Галкин, следователь, сведения о времени исполнения должности отсутствуют.
30. Жарков, агент, сведения о времени исполнения должности отсутствуют.
31. Сидоров, агент, сведения о времени исполнения должности отсутствуют.
32. Петров, агент, сведения о времени исполнения должности отсутствуют.

Расстрелы.

Никаких материалов в Кунгурской Чрезвычайной Комиссии о расстрелах, имевших место в 20-х числах сентября сего года, не имеется. Единственно, что удалось получить, это список расстрелянных представителей местной буржуазии в количестве 47 человек. Этот список был прислан Чрезвычайной Комиссии из Следственной Комиссии Штаба 3-й Уральской дивизии:

1. Жебелев Николай, председатель местного "Союза русского народа".
2. Елтышев Василий, член "Союза русского народа".
3. Носков Петр, то же.
4. Петров Матвей, то же.
5. Носков Иван, то же.
6. Чадаев Иван, то же.
7. Турицын Иван, то же.
8. Ширяев Василий, то же.
9. Чадаев Павел, то же.
10. Крапивин Петр, то же.
11. Иванов Яков, то же.
12. Трофимов Дмитрий, бывший помощник исправника.
13. Сартаков Семен, член партии "Народной Свободы".
14. Пиликин Степан, то же.
15. Бырылов Иван, бывший урядник.

16. Клементьев Александр, член "Союза русского народа".
17. Миславский Александр, член комитета той же партии.
18. Порозов Алексей, то же.
19. Семовских Василий, член партии "Народной Свободы".
20. Перескоков Варсонофий, то же.
21. Рузанкин Степан, то же.
22. Мясников Павел, то же.
23. Семовских Александр, то же.
24. Зырянов Семен, то же.
25. Пономарев Николай, то же.
26. Треченко Георгий, то же.
27. Косулин Иван, то же.
28. Ануфриев Александр, член агитационной коллегии партии кадетов.
29. Смирнов Иван, член комитета партии "Народной Свободы".
30. Кузнецов Яков, белогвардеец.
31. Куталов Александр, за побег к белогвардейцам.
32. Первов, жандарм.
33. Калашников Александр, священник.
34. Потапов Иван, заводчик.
35. Семовских Николай, то же.
36. Семовских Сергей, то же.
37. Косулин Василий, купец.
38. Соколов Павел, священник.
39. Ковин Яков, купец.
40. Андрюков Иван, сведения отсутствуют.
41. Фистин Павел, урядник.
42. Рязанов Александр, кадет.
43. Рязанов Иван, тоже.
44. Бессонов Петр, полицейский надзиратель.
45. Пильник Исаак, купец.
46. Гайль Станислав, судебный следователь.
47. Стрижев Григорий, редактор газеты "Кунгурская жизнь".

Отсутствие материалов пришлось восполнить личными опросами. Председатель Чрезвычайной Комиссии Пиненков утверждал, что со времени приезда в Кунгур Штаба 3-й дивизии Чрезвычайная Комиссия находилась под влиянием Штаба и как таковых самостоятельных расстрелов не производила.

Раевский, заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией, работающий с самого начала организации Чрезвычайной Комиссии, показал, что расстрелы производились совместно. "Я сам не могу понять, что происходило. Была образована смешанная комиссия. В состав комиссии входят: 1) Я,

Раевский, 2) комендант города товарищ Вавилов, 3) от Штаба 3-й бригады Тряссина, 4) военный руководитель Ефремов".

Кроме того, товарищ Раевский утверждает, что в комиссию по расстрелам входил и Котельников.

Вопрос: За чьей подписью производились расстрелы?

Ответ: 1) за подписью Ефремова, председателя Следственной Комиссии, Штаба 3-й дивизии; 2) Вавилова, Тряссина и меня, Раевского. При этом Еникеев, работник Следственной Комиссии Штаба 3-й дивизии, несогласный с направлением ее деятельности и по вопросу о расстрелах, вышел из ее состава. С формальностями не считались. Предварительных дознаний не производили, и постановление о расстреле за соответствующими подписями были даны уже после того, как расстреляли.

Вопрос: Сколько человек всего расстреляли?

Ответ: Расстреляли человек 100, взято же было человек около 200.

Вопрос: Вы выяснили, кого расстреляли и какие у вас имеются материалы об их виновности, и если есть какие-либо материалы, то предъявите их?

Ответ: Материалов нет никаких. Единственное, что у нас имеется, — это список расстрелянных, и то неполный. Список этот мы получили от Следственной Комиссии Штаба 3-й дивизии Ефремова. В этом списке значится всего 47 человек, это значительно меньше того, сколько было расстреляно на самом деле, я не знаю, за что многих расстреляли, многие были расстреляны совсем зря. Когда приехал товарищ Тунтул, то сказал: "Раз расстреляли, черт с ними, расстрелянных не вернешь, раз вы — кунгурские, то знали, за что расстреливали".

Вопрос: Как вы обвиняли и распределяли арестованных?

Ответ: приехал товарищ Ефремов в городскую тюрьму вместе со мной и с охраной, к нему начали приводить арестованных по составленному списку. Товарищ Ефремов спрашивал: "Кто это?" Из толпы отвечали: "Буржуй, буржуй". После этого товарищ Ефремов приказывал отвести его, и над фамилией означенного лица в списке ставился крестик, что означало расстрел.

Вопрос: Кем был составлен список расстрелянных?

Ответ: Список был составлен в Исполнительном Комитете Васьюко-Богданом, в присутствии товарища Филимонова, начальника бригады.

Вопрос: Кто указал ему тех, кого следовало внести в список?

Ответ: было человек 10 дружинников, был я и дежурный служащий Исполнительного Комитета.

Вопрос: А дежурный служащий Исполнительного Комитета тоже указывал?

Ответ: Да, тоже указывал.

Вопрос: Не можете ли вы назвать фамилии этих лиц?

Ответ: Нет, не помню.

Вопрос: По чьей инициативе составлялся список?

Ответ: По инициативе Васько-Богдана, который указывал на приближение неприятеля и говорил, что надо арестовать всех буржуев, замеченных в контрреволюции.

Вопрос: Какую должность тогда вы занимали?

Ответ: Временно исполняющий должность председателя Чрезвычайной Комиссии. Товарищ Васько-Богдан приказал арестовать всех буржуев, замеченных в контрреволюции и проявивших себя как контрреволюционеры. Список мною был передан в милицию, которая и арестовывала всех по составленному списку. Некоторых брали прямо на улице.

Вопрос: Где были расстреляны эти 100 человек?

Ответ: Расстрелы этих 100 человек производились за кладбищем у реки Ирени.

Вопрос: Кто расстреливал?

Ответ: Расстреливали кунгурские коммунисты, 1-я партия была расстреляна коммунистами и железным батальоном.

Вопрос: Кто присутствовал из начальствующих лиц?

Ответ: Присутствовали я и Голубев Иван.

Вопрос: Где же были остальные лица, взятые по списку?

Ответ: Некоторые были освобождены, некоторые были отправлены на общественные работы. После расстрелов товарищ Ефремов составил протокол о том, что Кунгурский Чрезвычайный Комитет совместно со Следственной Комиссией Штаба 3-й дивизии постановили расстрелять таких-то и таких-то лиц за покушение на жизнь товарища Ленина, за убийство Урицкого, Володарского. Я заявил тогда товарищу Ефремову, что не подпишу протокол до тех пор, пока не посоветуюсь с остальными членами Чрезвычайной Комиссии. Товарищ Ефремов, выругавшись по-матерному, сказал: "Членов Чрезвычайной Комиссии и самих нужно расстрелять".

Я устроил совещание Чрезвычайной Комиссии и задним числом вынес постановление о расстрелах. В числе расстрелянных — 136 человек — было немало воров и хулиганов.

На основании допроса видно, что расстреляно было 100 или около 100 человек. Но сначала список был составлен в 47 человек. По дополнительному требованию из Следственной Комиссии Штаба 3-й дивизии был прислан новый список, в котором значится расстрелянных 79 человек, а именно:

Ответ на белый террор.

За убийство Володарского, Урицкого и Малышева, за покушение на товарищеву Ленину и Зиновьева.

По постановлению Кунгурской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и Следственной Комиссии штаба 3-й Уральской дивизии, представителя Военного Комиссариата и коменданта города,

утвержденному военным комиссаром 3-й Уральской дивизии, расстреляны следующие лица:

1. Жебелев Николай, член "Союза Русского Народа".
2. Елтышев Василий, то же.
3. Носков Петр Кондратьевич, то же.
4. Петров Матвей, то же.
5. Чадаев Иван, то же.
6. Носков Иван, то же.
7. Турицын Иван, то же.
8. Ширяев Василий, то же.
9. Иванов Яков, то же.
10. Чадаев Павел, то же и член партии кадетов и Ижевской организации левых эсеров.
11. Крапивин Петр, председатель "Союза Русского Народа".
12. Трофимов Дмитрий, помощник исправника.
13. Сартаков Семен, член партии кадетов.
14. Пиликин Степан, то же.
15. Бырылов Иван, бывший урядник.
16. Клементьев Александр, кадет.

Утвердил: Товарищ председателя Следственной Комиссии 3-й Уральской дивизии Ефремов.

Продолжение к списку расстрелянных опубликовано в № 10 "Часового революция":

1. Миславский А., член комитета партии кадетов.
2. Порозов А., член комитета партии "Народной Свободы".
3. Семовских Василий, то же.
4. Перескоков В., то же.
5. Мясников Павел, то же.
6. Рузанкин С., то же.
7. Зырянов С., то же.
8. Семовских, то же.
9. Граченко Г., то же.
10. Пономарев И., то же.
11. Косулин, то же.
12. Ануфриев А., член агитационной уездной коллегии партии "Народной Свободы".

Также расстреляны по постановлению Следственной Комиссии штаба 3-й Уральской дивизии, утверждено военным комиссаром дивизии:

13. Смирнов Иван, член комитета партии кадетов.
14. Кузнецов, белогвардеец, проводник чехословацких банд, захвачен красными гусарами.

15. Куталов, заводчик который бежал к белым, захватив с собой 40 тысяч рублей, и был задержан на фронте. Его деньги постановлено конфисковать в распоряжение области, а все имущество — в распоряжение уездного Кунгурского Совета.

16. Первов, бывший жандарм.

В № 10 "Часовой революции", в списки расстрелянных вкралась ошибка, а именно: вместо Павел Чадаев был Иван Чадаев.

Утвердил товарищ председателя Следственной Комиссии 3-й Уральской дивизии Ефремов.

Список расстрелянных.

При отступлении наших войск враги Советской России, Социалистической Республики пытались взорвать железнодорожный мост, что между Пермью и Кунгуром, дабы разрушить нормальное железнодорожное движение, тем самым ввести панику среди наших войск.

Предупреждаю, что за порчу мостов, хранилищ продовольствия, складов военного снабжения и вооружения, как и за вооруженное восстание против Советской власти ответит буржуазия и лжесоциалисты, вне зависимости от личных заслуг каждого и персонального отношения к тому или иному акту, направленному против Рабоче-Крестьянской власти.

В силу вышеизложенного и приказал расстрелять следующих лиц:

1. Калашникова Александра.
2. Ковригина Петра.
3. Усова Михаила.
4. Курбатова Сергея.
5. Казаринова Петра.
6. Занина Гордея.
7. Устюгова Василия.
8. Климовских Ивана.
9. Ярушина Н.
10. Потапова Ивана.
11. Копылова Ал.
12. Семовских Ник.
13. Семовских Сергея.
14. Пономарева Ник.
15. Косулина Василия.
16. Семовских Василия.
17. Соколова Павла.
18. Ковина Якова.
19. Андрюкова Ивана.
20. Фистина Павла.
21. Рязанова Ал.
22. Рязанова Ивана.

23. Безсонова.

24. Семовских Василия.

25. Пильник Исаака.

26. Поспелова Константина.

27. Гайль, старший судебный следователь.

28. Стрижева, редактор газеты "Кунгурская Жизнь".

Утвердил военный комиссар 2-й дивизии.

Факт расстрела вышеперечисленных лиц удостоверяю. Председатель Следственной Комиссии 3-й Уральской дивизии Ефремов.

В предупреждение грабежей и насилий над мирным населением, по постановлению Кунгурской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, Следственной Комиссией 3-й Уральской дивизии, представителя Кунгурского Военного Комиссариата и коменданта города Кунгура, утвержденного Военным Комиссаром 3-й дивизии, расстреляны следующие рецидивисты, воры, грабители и хулиганы:

1. Велижанин Ефим
2. Седов Алексей
3. Бочкарев Федор
4. Поскребышев Матвей
5. Батрдинов Хаметдин
6. Кусков Андрей
7. Раве Петр
8. Шухе Вольдемар
9. Стабов Александр
10. Столбов Василий
11. Кропотив Александр
12. Вазигуллин Мустафа
13. Крапивин Федор
14. Меледин Василий
15. Брылов Ал.
16. Михайлов Сергей
17. Михайлов Иван
18. Сахаров Павел.

Факт расстрела вышеперечисленных лиц удостоверяю, товарищ председателя Следственной Комиссии 3-й Уральской дивизии Ефремов.

Есть лица, не значащиеся ни в каком списке, как, например, нидерландский подданный Мулин и служащий уездного отдела снабжения Овчинников. Их не включили ни в какой список. У Овчинникова осталось 4 детей и большая жена. Кроме того, были не включены в список расстрелянных:

1. Куренбин
2. Лесников
3. Мельников

4. Язов
5. Сидоров.

Кто они и что они — неизвестно. Куда они делись — тоже неизвестно. В Кунгурской Чрезвычайной Комиссии нет не только материалов, но нет даже списков расстрелянных, и их приходится вытребовать из другой организации — Следственной Комиссии штаба 3-й дивизии. По вопросу о расстрелянных 100 человеках были допрошены бывший председатель Кунгурской Следственной Комиссии Попов, состоящий в настоящее время председателем Исполнительного Комитета. В должности председателя Чрезвычайной Комиссии Попов состоял с 25 июля сего года по 2 сентября. Когда составлялся список расстрелянных в 20-х числах сентября, Попов не знает. Он был арестован 2 сентября и просидел в тюрьме до 8 сентября. После ареста он попросил отпуск и получил таковой на 3 недели. Должность председателя Исполкома в это время замещал Щербаков. По имеющимся у Попова сведениям, Щербаков также не участвовал в составлении списков. Вообще, список был составлен без ведома Президиума Исполнительного Комитета.

Вопрос: Что вы знаете по делу расстрелянных 11 человек крестьян Степановской волости?

Ответ: Расстреляно было не 11, а 8 человек. Причем 6 из них были расстреляны за восстание в Степановской волости, 2 были из других волостей. Виновность этих лиц строго установлена не была, но в тех условиях, в которых мы работали, иначе сделать было нельзя. На крестьянскую массу, которая бунтовалась одновременно по всему Кунгурскому уезду, за исключением 3 волостей — Кыласовской, Филипповской и Неволинской, необходимо было оказать психологическое воздействие. Это психологическое воздействие возможно при условии применения самых решительных мер.

Вопрос: Чем были вызваны восстания?

Ответ: Восстания были вызваны мобилизацией. Для подавления их приходилось применять самые решительные меры. В каждую волость высылался карательный отряд. В Степановскую волость карательный отряд был послан под начальством Захарова и Раевского. Из Степановской волости было привезено до 50 человек. Дознание проводил заведующий по борьбе с контрреволюцией Исупов, протокола дознания нет. Из 50 человек нашли виновными только 6. Расстрел их был произведен по постановлению Революционного Полевого Штаба, состоявшего тогда из 3 лиц: Грачева, Варакова и Постникова. Полевой Штаб заменял собой Чрезвычайную Комиссию. Из каждой волости брали заложников, которые, по успокоении волостей, освобождались. Таких заложников из всех волостей было привезено до 200 человек. Некоторые деревни при приближении карательных отрядов разбегались. Крестьян приходилось разыскивать по лесам. Восстаниями отличались волости, перешедшие из Осинского уезда.

Вопрос: Кто удостоверял контрреволюционность тех крестьян, которых вы забирали?

Ответ: Крестьяне забирались по указанию волостных комитетов и волостных военных комиссаров. Смертный приговор 8 человекам подписала вся Чрезвычайная Комиссия и 5 человек от партии коммунистов. Расстрелы производила команда коммунистов.

Вопрос: Почему подписали смертный приговор 8 человекам?

Ответ: Чрезвычайная Комиссия потребовала от Исполнительного Комитета, чтобы при расстрелах присутствовал представитель Исполкома ввиду того, что Комиссия одна не может взять на себя ответственность за расстрелы. Толчков был делегирован Исполнительным Комитетом.

Вопрос: Кто еще был расстрелян за время Вашего председательствования Чрезвычайной Комиссией?

Ответ: Был расстрелян Дмитриуков, крестьянин Уржумского уезда, провоцировавший на собрания крестьян Тазовской волости и контрреволюционные выступления. Затем — урядник Лупенский, во-первых, как старый чиновник, подготовивший восстание в Троельжанской волости. Кроме этого, были расстреляны 7 человек уголовных преступников за подготовку к побегу из тюрьмы. За день до побега заговор был раскрыт через посредство одного уголовника, сообщившего обо всем начальству тюрьмы. В камере, где сидели заговорщики, был найден кухонный нож, которым один из уголовников должен был резать внутреннего сторожа. Эти преступники запугивали деревенских стариков, сидевших вместе с ними, что за выдачу заговора они будут убиты.

Вопрос: Как попал в Чрезвычайную Комиссию товарищ Раевский?

Ответ: Товарищ Раевский был делегирован от партии.

Вопрос: Как Вы лично думаете, все ли были расстреляны как контрреволюционеры и буржуи? Нет ли из них людей, совершенно непричастных к контрреволюции и по своему отношению не определенных к буржуазии?

Ответ: Я определенно заявляю и открыто, что многие из них понесли заслуженную кару. Но многие были расстреляны ни за что. Кроме того, еще 5 человек были отправлены в Пермь, 3 из них — Лунев, Члемский, третьего точно не знаю. Двое покушавшихся на побег были расстреляны. Виновность 7 человек, пытавшихся бежать, по снятии допросов, установлена. Лупенский сидел в тюрьме около 3 месяцев и за это время ни разу допрошен не был. Бергауер сидел в тюрьме. Он был арестован Комитетом партии. Также был арестован Попов. Арестованных для заключения приводили с простыми бумагами, написанными карандашом.

Вопрос: Принял ли Исполнительный Комитет меры к упорядочению расстрелов, более подробному выяснению виновности взятых лиц?

Ответ: Нет, мер никаких принято не было, так как нам заявили, что мы всецело находимся в подчинении у военной власти.

Вопрос: За что Вы были арестованы?

Ответ: Я сам не знаю. В чем-то меня заподозрили, а в чем именно — неизвестно. Тогда же были арестованы Грачев и Скачков. В партийном комитете коммунистов была образована комиссия по производству обысков у всех ответственных служащих и членов Исполнительного Комитета.

Вопрос: Как Вы смотрите на Чрезвычайную Комиссию — как на орган, подотчетный Исполнительному Комитету, или как орган, действующий от него совершенно независимо?

Ответ: Я смотрю на Чрезвычайную Комиссию как на орган, Исполнительному Комитету подотчетный. В бытность мою председателем Чрезвычайной Комиссии я неоднократно делал доклады в Исполнительный Комитет о деятельности Комиссии. Но инструкций Чрезвычайная Комиссия от Исполнительного Комитета никаких не получала. Вопросы о последних расстрелах Исполнительный Комитет не обсуждал. В этом вопросе мы были лишены самостоятельности, так как инициатива в расстрелах принадлежала Штабу в лице его Следственной Комиссии. Военная власть вообще с нами мало считалась. В одно время над нами был назначен даже диктатор Никифоровский.

После опроса председателя Исполнительного Комитета Попова ему было предложено написать свои показания в письменной форме, что он и обещал сделать в непродолжительном времени.

Заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией Раевский, согласно предложению Ревизионной Комиссии, свои показания по вопросу о расстрелах дал в письменной форме. Содержание доклада таково:

"Краткий доклад о расстрелянных.

Не помню, в каких числах сентября (стиль сохранен полностью), когда я состоял временно исполняющим должность председателем Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, часа в 4 утра прибегает ко мне на квартиру служащий Чрезвычайной Комиссии товарищ Кузнецов, в настоящее время работающий в моем отделе по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности, делопроизводитель, и передает мне, чтобы я немедленно явился в Президиум Исполкома по приказанию товарища Филимонова, начальника бригады. Я оделся, но не умылся, так как меня требовали экстренно, и пошел в Исполком. Прихожу в Исполком, где встретил товарища Филимонова, который мне рекомендовал инспектора фронта товарища Васько-Богдана. Тут же пришло по вызову их дружинников человек 10. Товарищ Васько-Богдан обрисовал положение на фронте и подчеркнул, что если дня через 2 к нам на помощь не придут войска, то Кунгур придется оставить и самим отступить, а поэтому необходимо нужно арестовать всех здешних кунгурских и волостных буржуев и контрреволюционеров. Арест возложили на товарища Окунева, а также

на Окунева возложили собрать немедленно подводы для эвакуации. Окунев ушел исполнять возложенную на него обязанность, а я и дружинники остались в Президиуме. Тогда товарищ Васько-Богдан взял карандаш в руки и блокнот и начал у меня и дружинников спрашивать местную буржуазию и контрреволюционеров. Тогда я и дружинники, в том числе и товарищ Филимонов, и дежурный служащий, начали указывать на них, а товарищ Васько-Богдан записывал. Когда он записал нескольких, не помню сколько, тогда мне, как временно исполняющему должность председателя Чрезвычайной Комиссии, товарищ Васько-Богдан приказал арестовать всех буржуев и контрреволюционеров, что и было сделано при помощи милиции и партийной дружины. Некоторых члены партийной дружины арестовали самостоятельно, то есть кроме упомянутых в списке. Затем я ушел в Чрезком, и через несколько времени комиссар, товарищ Котельников, со станции, вызывает меня по телефону, чтобы я приехал в тюрьму для разбора дела с арестованными. Я приехал в тюрьму и там застал коменданта города, товарища Вавилова, и комиссара юстиции, товарища Котельникова. Я не помню, военный руководитель, товарищ Тряссин, был или нет. Начали разбирать дела арестованных, которых наметили освободить, которых на окопные работы, а которых оставить, то есть преступников, до особого распоряжения. Вдруг по телефону из Военного Комиссариата передают приостановить нашу работу и явиться в Военкомат, в котором была создана Особая комиссия. Так и было сделано. В означенную комиссию прошли товарищ Ефремов, товарищ председателя Следственной Комиссии штаба 3-й Уральской дивизии, комендант города Кунгура товарищ Вавилов, от штаба бригады — товарищ Тряссин, комиссар юстиции товарищ Котельников, и было предложено мне, Раевскому, как председателю Чрезкома. Я вошел в означенную комиссию. В то же время началась эвакуация города Кунгура. Тогда я попросился у председателя этой комиссии, товарища Ефремова, так как он председатель этой комиссии, освободить меня с заменой другим членом Чрезкома, на что получил отказ. Когда поехала комиссия в тюрьму, то захвали в штаб бригады. Там товарищ Васько-Богдан указал товарищу Ефремову функции, а именно: всех арестованных разбить на 3 группы, одних — в вагон, других — отправить, а третьих — на окопные работы. Затем, когда, поправившись, товарищ Ефремов велел передать по телефону не помню что, или в милицию, или в какое другое учреждение. Когда я это исполнил и вышел из штаба бригады, то их уже не оказалось, и я не знал, куда они уехали. Тогда я направился в загородную тюрьму. Когда пришли в тюрьму, то их там не оказалось. Когда я спросил по телефону, то узнал, что Комиссия — в городской тюрьме. Я пошел туда. По приходу в тюрьму увидел арестованных в тюремном дворе, человек около 50. Когда зашел в тюрьму, то нашел товарища Ефремова, других и человек 20 дружинников. У товарища Ефремова был список. Тогда товарищ Ефремов предложил разбить арестованных на 3 группы: первая — на расстрел, вторая — заложники,

третья — в окопные работы. Тогда начали по одному вызывать и спрашивать, какой он партии, что и было сделано. Некоторых назначили расстрелять, некоторых оставить как заложников и которых на общественные работы. В числе арестованных были и рабочие, на которых указали единицы из-за личных счетов, что они когда-то выступали против Советов, спекулянты и так далее, которых пришлось все-таки отстоять и отправить на общественные работы или освободить. Следствие продолжалось часов с 2 и до вечера. Человек 20 или 25, не помню, было приговорено к расстрелу — буржуазного класса. Затем, на другой день, съехалась комиссия в загородной тюрьме, в которой было арестованных человек около 200. Начали производить следствие. Несколько человек было арестовано раньше в качестве заложников. Товарищ Ефремов попросил у меня объяснения, кто за что арестован, но я, конечно, ответить затруднился, а постановления Чрезкома если и были у начальника тюрьмы, то в них, в большинстве случаев, говорилось до особого распоряжения и расследования, за что меня товарищ Ефремов отругал. Товарищ Ефремов говорил: 'Ваш Чрезком надо весь арестовать за то, что арестованные сидят без следствия по несколько недель, даже месяцев', — что действительно и было. В числе арестованных были члены 'Союза Русского Народа', от которых пришлось еще выяснить несколько. Список был представлен в милицию, по приказанию товарища Ефремова производились аресты и впоследствии — расстрелы. В числе арестованных были воры-рецидивисты, которые тоже были расстреляны. Также было по делу бунта на батальонном дворе 23 августа. Некоторые тоже были расстреляны. Товарищ Ефремов говорил, что мало арестовано и расстреляно, у Вас в Кунгуре много есть кадетов, надо всех их забирать, и приказал мне арестовать, но я действительно не знал, где таковых брать. И действительно, я должен сказать, или я боялся таковых расстрелов, или они неправильно производили. Рубили направо и налево. Я несколько раз подходил к товарищу Попову, бывшему председателю Чрезкома, и объяснял ему, что расстрелы происходят неправильно. Так, по моему мнению, не должно быть, и просил товарища Попова, чтобы скорее назначили председателя Чрезкома, так как я был временно назначен и, по-моему, не соответствовал своему назначению. Товарищ Попов тоже все это видел, вызвал товарища Тунтула и товарища Шарипо и предложил товарищу Шарипо поехать в область и обрисовать положение. Но товарищ Тунтул говорил: 'ехать не надо' и говорил мне также и товарищу Попову: 'Раз участие в расстрелах принимают здешние, то есть кунгурские, то, стало быть, знают, кого расстреливают'. Но я говорил, что именно многих из расстрелянных я не знал почти. Потом, когда велось следствие, то в городской тюрьме принимали участие дружинники, человек около 20. Все-таки тогда меня успокоили. Должен сознаться, что я действительно боялся. Говоря мне, 'раз расстреляли, и не вернешь, нужно вперед работать осмотрительнее', но я сделать ничего не мог. Когда приходилось за некоторых заступаться, а именно за тех рабочих, которые

когда-то состояли членами 'Союза Русского Народа', то товарищ Ефремов страдал сам арестовать. Но впоследствии товарищ Попов сказал, что 'ответать будешь не один, а весь Исполком, потому что утвержден временный Исполком', и вдобавок товарищ Ефремов говорил: 'За все отвечаю я один'. Но когда были расстреляны несколько и помимо нас, то есть Чрезкома, то товарищ Ефремов пишет постановление: расстрелянных для опубликования в газете от Чрезкома — и приказывает мне, как ее председателю, расписаться, от чего я, конечно, отказался, говоря, что расстрелы производились под давлением Вашего Следкома (Следственной Комиссии) и представителя товарища Вавилова и товарища Тряссина. Я не беру на себя ответственность, а мне нужно сначала уведомить членов Чрезкома, мотивируя тем, что члены, ничего не зная, будут читать газету и постановление Чрезкома о расстрелянных. Тогда секретарь предложил другое постановление, в котором говорилось: совместно со Следкомом, Чрезкомом и товарищами Вавиловым и Тряссиным. Я, в свою очередь, сходил, объяснил товарищам членам Чрезкома Уварову и Бочкареву, с которыми и поехал в Следком, и там вынесли общее постановление. Расстрелянных было человек около 100, расстрелы производились, кажется, дня 3 или 4. Больше сказать ничего не могу".

Списки расстрелянных, основания расстрелов указаны схематически. Некоторые расстреляны как члены партии "Народной Свободы", некоторые расстреляны как монархисты, это члены "Союза Русского Народа" и т.д. Более подробных указаний о причинах расстрелов не указано. В числе расстрелянных значится фамилия Клементьева. Это бывший хозяин одного кожевенного завода города Кунгура. Однажды он был арестован по подозрению, но по ходатайству рабочих был освобожден, поскольку рабочие завода дали ему хорошую характеристику. Со дня перехода завода в руки рабочих Клементьев поступил на завод как мастер по кожевенному делу. Все время он работал в полном контакте с рабочими. Кроме того, сами рабочие удостоверили, что он в контрреволюционном деле не замечался. Кожевенный подотдел местного Исполкома точно так же возбудил ходатайство об освобождении Клементьева и выписал удостоверение, что он необходим в кожевенном деле. Клементьев был освобожден, но в ответ на белый террор его схватили и расстреляли якобы за принадлежность к монархическому "Союзу Русского Народа", по данным, которые имелись в Чрезвычайной Комиссии за 1907 г. Комиссия внимательно всматривалась в списки монархистов, но Клементьева там не нашла. Для Комиссии так и осталось загадкой, за что же был расстрелян Клементьев.

А вот единственный документ, на основании которого человек был расстрелян, т.к. ничего другого больше в деле нет:

"В Чрезвычайный Комитет по отделу борьбы с контрреволюцией.

Товарищи. Препровождается Рязанов Степан Михайлович, живущий по Мининской улице дом № 53 деревни Тепелкова. Имеются указания, что он

вчера или на днях говорил, что вот на днях сбросят Советскую власть, пережут всех жидов и все будет по-новому. Прошу его арестовать и вызвать по его делу свидетеля Овчелчика, проживающего по Мининской улице, угол Яковлевской, и других, которых укажет Овчелчик.

Председатель Комитета партии Бергаултер”.

Больше ни одного оправдательного документа о расстрелах не имеется.

Как уже указывалось, в числе 100 расстрелянных есть значительное число членов “Союза Русского Народа” по материалам 1907 г.

В материалах имеется: 2 списка членов “Союза Русского Народа”, декларация “Союза Русских Людей”, телеграмма бывшему царю, телеграмма бывшему председателю Совета Министров Столыпину, телеграмма Дубровину, книга Абрамовича”. В первом списке монархистов значится 89 человек, во втором списке — 91 человек. На одном из списков есть пометка: “14 января — предвыборное собрание”.

Одна из телеграмм к бывшему председателю Совета Министров Столыпину следующего содержания:

“Отдел кунгурского Монархического Общества с чувством глубокого удовольствия прочитал декларацию правительства и Ваши речи Государственной Думе. Видим в Вас мудрого государственного мужа и стойкого борца с крамолой. Дай Вам Бог силы и мужества осуществить намеченные преобразования. Земной Вам поклон за великие труды Ваши на благо народа и восстановление строгого порядка в дорогом нам Отечестве.

Товарищ Председателя общества, Петр Носков”.

Вторая телеграмма: “Председателю Союза Русского Народа Дубровину.

Глубокоуважаемый Александр Иванович. Ужас объял нас, когда мы узнали о дерзком покушении врагов Родины на Вашу жизнь. Кунгурский отдел ‘Русского Народно-Монархического Общества’ благодарит Бога за сие великое промышление Божье над неустрашимыми защитниками Веры, Царя и Отечества. Мужайтесь и крепитесь. Вашу ревность помнит русский народ. Да хранит Вас Господь”.

Остальные документы имеют почти такой же характер. Других материалов о продолжении работы “Монархического Союза” и “Монархического Общества” после 1907 г. не имеется. Все эти материалы, взятые при обыске, для настоящего момента не могут характеризовать направление деятельности бывших членов “Монархического Союза” и выразить их отношение к рабоче-крестьянскому правительству. Со времени 1907 г. даже монархисты, если судить по тому, как они старались перед Февральской революцией спасти престол, прошли большую политическую школу. Захваченные

материалы, в лучшем случае, могут быть “средством отдохновения, как литература легкого содержания”.

В июле месяце почти по всему Кунгурскому уезду прокатилась волна крестьянских восстаний. Крестьянство в то время недостаточно ознакомилось с характером чехословацкого движения и, не ознакомленное с начавшейся контрреволюцией, естественно, отнеслось недоверчиво к приказу о мобилизации двух годов, тогда только что объявленной. На этом нежелании дать своих сыновей для тогда неизвестной им войны сыграли контрреволюционные элементы деревни, в большинстве случаев и спровоцировавшие вооруженные выступления против Советской власти.

Общим собранием Рождественской волости 19 июля 1918 г. постановлено: “Мобилизации не признавать и подлежащих призыву людей не пускать. А если правительство России не в состоянии управлять страной, то власть должны передать ‘Учредительному Собранию”.

В Троельжанскую волость на собрание прибыл организатор-агитатор Рабоче-Крестьянской Красной Армии Иван Михайлович Нихлюдов, командированный сюда Кунгурским Военным Комиссариатом.

Товарищ Нихлюдов объясняет собранию политический момент. Собрание спросило, существует ли в данное время свобода слова и могут ли ораторы высказываться по своему усмотрению, т.е. передавать слова своих товарищей. Он ответил: можно. Кроме того, было предупреждено, что записи ораторов производиться не должно. Он согласился. Товарищ Нихлюдов просил поддержки для Красной Армии, идя сплоченными рядами. Первый оратор высказался, что армия, согласно декрету Совета Народных Комиссаров, должна быть социалистическая, исключительно из добровольцев, а потому насильственных мобилизаций и обучений быть не должно. На это высказывание собрание согласилось. Теперь товарищ Нихлюдов высказался по поводу религии, причем при этом допустил следующие высказывания: обличил священство, что оно ведет пропаганду и склоняет народ к контрреволюции. Собрание по поводу этих слов начало волноваться и доказывать, что религия для верующих не должна быть подрываема. Кроме того, некоторыми членами собрания было замечено, что товарищ Нихлюдов почему-то, как оказалось, по идейным соображениям, записал себе на заметку первого оратора собрания. Из-за этого волнение усилилось, и Нихлюдов был удален с трибуны самим народом. После удаления с трибуны у него был произведен обыск, причем обыскивавшие нашли 2 заряженные ручные бомбы, 18 штук револьверных патронов и 9 штук — винтовочных, что и было отобрано самим народом.

Тогда встал на трибуну волостной военный комиссар Сеницын. Его начали избивать, что в деревне Ергач, Кыласовской волости, они, коммунисты, потребовали у одного гражданина той же волости и деревни пару лошадей для отправки домой. Когда ему в этом было отказано, он сделал в

помещении выстрел вверх. Не ответив на вопрос о том, зачем он это сделал и что было дальше, Синицын начал вытаскивать револьвер, из-за чего это оружие у него собранием также было отобрано, и он был удален с трибуны.

После этого народ успокоился, и товарищ Нихлюдов снова был на трибуне и говорил о политическом моменте. Собрание его выслушало спокойно, и вопросы были оставлены открытыми.

О крестьянах Степановской волости имеется следующий материал:

"Список преступников Степановской волости, подлежащих немедленной отправке в Кунгур за агитацию и выступление в селе Степанове 18 июля 1918 г.

1. Лушканов Федор Корнилович, пойман и арестован за саботаж и агитацию в Степанове югоосокинскими дружинниками. Отправлен в Кунгур и расстрелян.
2. Атепаев Николай Григорьевич, 2 августа был пойман и арестован за агитацию и саботаж военкомом Постниковым, но бежал, снова пойман. Отправлен в Кунгур и расстрелян.
3. Уржумов Федор Васильевич, организатор волнения 18 июля, мятежник. Ездил за членом партии Яковлевым, чтобы его поймать. Арестован в тот же день. Отправлен в Кунгур и расстрелян.
4. Кулаков Дмитрий Ефимович, арестован 30 июля. Саботажник, хотел обезоружить Степановский Совдеп и прибить. Отправлен в Кунгур и расстрелян.

Комиссар Волостного Военного Отдела
Степановской волости Кугурского уезда.
Начальник боевой дружины.
3 августа 1918 г., № 2".

Означенные в списках лица были отправлены в Кунгурскую Чрезвычайную Комиссию со следующей препроводительной бумагой:

"Город Кунгур. Военный Комиссариат. При сем препровождаются саботажники и агитаторы Степановской волости, которых Степановским Военным Комиссариатом присудили к расстрелу, но дома, в Степанове, не расстреляли, потому что у нас много бежавших и если мы их расстреляли бы на месте, то других было бы не собрать, они тогда совсем скроются и могут нанести вред.

Комиссар Военного отдела
Начальник боевой дружины".

Эти крестьяне не были даже опрошены. Они просидели при арестном доме милиции не более 2 часов. В связи с этим Комиссией был опрошен

Калашников, помощник заведующего отделом кунгурской милиции. Он показал, что в регистрационных книгах означенные лица не записаны ввиду того, что милицией был получен приказ от Чрезвычайной Комиссии этих лиц ни в какие списки не вносить. Что касается степановских крестьян, то такие просидели в милиции не более 2 часов. Затем за ними пришел Шамов, вместе с другими конвоирами, и предъявил требование о выдаче их для отправки в Пермь. Повели их в ручных кандалах. Когда их довели до загородной тюрьмы, то присоединили к ним еще 2 человек: дьякона Шляпниковской волости Красовцева и еще одного старика, крестьянина в белой рубашке, фамилию которого выяснить не удалось. Дьякон за время нахождения в тюрьме допрошен не был, а также по его делу не был допрошен ни один свидетель.

Имеется только телефонограмма военного руководителя Шляпниковской волости, в которой говорится, что дьякон — личность довольно подозрительная.

Как только их повели на расстрел, дьякон попросил у Раевского позволения помолиться Богу, но в ответ на это получил удар в спину прикладом. Удар был настолько сильный, что он по инерции побежал, а потом, очевидно, решил, что останавливаться не стоит. Побежал он по направлению к городу. По нему были произведены несколько залпов, но безрезультатно. Дьякон сбежал. Одновременно с ним старик в белой рубашке побежал вниз по направлению к железнодорожному мосту. За ним на протяжении полутора верст гнались 3 человека. Они его уже догнали, но старик схватил горсть песка и бросил им в глаза. Он попал в глаза первому из догонявших и снова стал уходить. При приближении к железнодорожному мосту дорогу ему пересекла его охрана. Старика схватили и на месте добились.

Других, закованных в ручные кандалы, увели на кладбище Ирени и там расстреляли. При этом получившие ранения, стонавшие и кричавшие, добились прикладами.

В числе расстрелянных в 20-х числах сентября было несколько человек, обвинявшихся по делу на "батальонном дворе". По показаниям свидетелей и военного комиссара Ташкинова, это дело представлялось в следующем виде: 23 августа в 12 часов дня по новому времени Ташкинов поехал на мобилизацию лошадей на скотопригонный двор. За ним поехал Петухов, заведующий конским запасом, и Бергауптер, который вылез у земской больницы и пошел в такую просить прислать ему лошадь на ту комиссию, на которую ехал и Ташкинов, т.к. он тоже являлся членом комиссии. Далее Ташкинов показывает следующее: "Тогда я поехал с товарищем Петуховым дальше. Мы выехали на место около батальонного двора и увидели стоявших там 700 человек. Они шумели. Выкрики были разные: 'отпустите домой', 'дайте за 2 недели денег, которые мы прожили без работы'. Тогда на митинге выступил товарищ Метелев. Он говорил, что денег дать не может ввиду того, что 'вы, рабочие, уже получили за месяц вперед'. По

заболеванию реквизируемых лошадей сапом им было сказано приблизительно то же. Я видел, что товарищ Метелев с такой массой народа справиться не может. Тогда я как честный гражданин, преданный делу революции, и как партийный работник счел за святую обязанность пояснить рабочим вообще о мобилизации и о том, кто должен оставаться, а кто призываться. При этом я руководствовался полученной телеграммой за подписью Воклува из Перми, в которой ясно говорится, что все рабочие за исключением унтер-офицеров с 1905 г. и годов призыва 1896 и 1897 должны быть отпущены на прежнюю работу.

Когда я подъехал к месту митинга и слез, направляясь к трибуне, то услышал голоса: 'приехал вот тот, который нас мобилизует'. Я подошел к товарищу Метелеву, взял слово и еще раз объяснил, кто должен мобилизоваться, а кто оставаться. Они все слушали, но в то же время говорили: 'Возьмут нас по 150 человек и сделают из нас мясо'. Некоторые опять требовали денег. Я им ответил, что и деньги, и сапоги за месяц вперед они уже получили, а если кто не получил, то пусть направляется за таковыми в отдел снабжения Военкома. На основании этого я просил их, чтобы все они разошлись по домам, и добавил: 'Рабочие Урала должны быть сознательны и по первому вызову должны стать под ружье, когда угрожает опасность от бунтовщиков и смутьянов'.

На это были разные возгласы. Одни кричали: 'правда', другие — 'врешь', некоторые смеялись. После этого я пошел во 2-ю саперную рабочую роту, которая стояла наверху, на самом батальонном дворе. Когда я пошел в роту, то увидел, что некоторые буржуи, провокаторы как города, так и уезда, из рабочей роты, тоже самовольно находились в толпе. Был из Усть-Кишертской Егор Епифанович Ташкинов, а личности остальных не знаю. Все они должны были быть отправлены на работы на фронт. Причем из этой же группы должен был быть отправлен на фронт один тип, на которого я замахнулся плеткой.

Сознавая это все, прихожу в рабочую роту к ротному писарю и спрашиваю, готова ли рота для отправки на фронт в распоряжение товарища Попова. Писарь мне ответил, что рота готова, но люди все ушли на собрание рабочих, но часть из них была в казарме. Тем, которые были в казарме, я сказал, чтобы они построились и приготовились к разбивке на категории, за остальными же, ушедшими на собрание, я послал полуротного 2-й саперной роты с тем, чтобы он таковых и построил. Я говорил ему, чтобы он построил их возможно скорее, т.к. мне нужно было ехать на приемку лошадей, т.к. я был Председателем Приемной Комиссии, и меня ждали представители Красноуфимского фронта.

Сам я остался в канцелярии с писарем и спросил у него: на каких основаниях отпущена рабочая рота, которая состоит из буржуев и провокаторов, которые не стесняются вмешиваться в разгорающееся пламя? Оказалось,

что они ушли самостоятельно, задержать их не было возможности потому, что не было конвоя.

Тогда я вышел из канцелярии к тем, которые уже были построены. Поздоровался с ними. Некоторые поздоровались, некоторые усмехались и морщились. Я им сказал, что сегодня все вы отправитесь на фронт с распоряжением комиссара перегрузки войск Попова. После этого я скомандовал им: 'равняйся', 'смирно', 'на 1-й и 2-й рассчитайся'. Они это делали неохотно.

Всех налицо оказалось 122 человека. Тут я вижу, что из строя выходят без разрешения, не знаю, как их фамилии, и говорят: 'Мы не буржуи и не провокаторы', и просят отпустить их домой. Я им говорю: 'Вставайте в строй, потому, что я сейчас буду говорить, кто из вас сколько будет получать жалования'. Когда я стал объявлять это, рабочие подбежали к забору и стали прислушиваться. Один из них, мобилизованный, закричал: 'Вот как, отправляете на окопные работы моего брата, а вечером и мне предложат с 5-й ротой уезжать на фронт!'

Я, не обращая внимания, продолжал объяснение о получении зарплат от отправляемыми на окопные работы и говорил, что буржуи и провокаторы будут работать бесплатно, а вольнонаемные получают 10 рублей в день. После этого опять выскочил из строя один тип и говорит: 'Не отправляйте меня, хоть я не последний бедняк, но с мозолистыми руками и не буржуй'. Я ему сказал: 'Если ты не буржуй, то провокатор'. Тут из массы некоторые стали подтверждать, что действительно он провокатор. Я уже говорил им, что тот, кто нас посылает, тот и отвечает за то, что бедные и не провокаторы на окопные работы отправляться не будут. Тогда этот тип снова стал настойчиво требовать, чтобы его отпустили и пристававал ко мне. Я принужден был отмахиваться от него плеткой. Тут некоторые рабочие стали кричать, что они на работы выстроенных здесь буржуев и провокаторов не дадут и сами с 5-й ротой не пойдут. Я им ответил, что 'это не дело рабочих решать, кого отправлять, а кого нет, а наше, и мы знаем, что делаем. А вас потому прошу мне не мешать и разойтись по домам, т.к. вы отпущены, а их всех отправить необходимо, иначе мы будем считаться преступниками революции'.

В это время слышу крики: 'А, он еще распоряжаться хочет и плеткой машет!' После этого я услышал треск забора, и все рабочие набросились на меня, схватили и повели. Я успел сказать ротному командиру о том, чтобы все буржуи обязательно были отправлены на окопные работы. Когда рабочие меня вели, то с их стороны слышались крики: 'Бей его', 'В тюрьму его!'

В этом протоколе необходимо отметить, что ответственные работники не учли одного обстоятельства. Они, во-первых, одновременно объявили мобилизацию лошадей, во-вторых, отправку на фронт войск и, в-третьих, местной буржуазии на окопные работы. Такое скопление народа уже само по себе создавало нервную обстановку, чреватую большими последствиями. При этом ответственный работник, военный комиссар, вместо того

чтобы успокоить толпу, дать ей соответствующее разъяснение, начинает прибегать к помощи плетки, что уже, безусловно, было недопустимо. Совершенно понятно, что толпа была возмущена таким поведением лиц, которые вели себя провокаторски и впоследствии были расстреляны, как поплатились и некоторые из начальствующих лиц, повинных в волнении.

Когда Ташкинов спрашивал захватившую его толпу, кто его бьет, из толпы ему отвечали, что его бьют рабочие. Ташкинов на это заметил, что пусть уж бьют рабочие, но не буржуи.

Полетаев показал, что когда вели арестованного Ташкинова, то многие кричали, что его нужно убить. Для того, чтобы спасти жизнь Ташкинова, его из толпы защищали двое: один вооруженный и второй — Язов Михаил, который говорил, что его бить не надо. Таким образом, толпа успокоилась и перестала бить Ташкинова и лишь обезоружила его. Подходя к барахолкам, товарищ Ташкинов неизвестно по какой причине хотел сбежать. Толпа его догнала и начала наносить ему побои. При освобождении Ташкинова конным отрядом производились выстрелы, которыми двое были ранены. Был ранен Жданов, совершенно посторонний человек, случайно шедший по тротуару. Виновность Михаила Язова доказывал только один Метелев. По его показаниям, Михаил Язов вел агитацию против отправки 5-й роты на фронт. Когда рота была построена, из строя, без разрешения товарища Ташкинова, вышел один незнакомый человек, который показывал, что у него мозолистые руки и что он вовсе не буржуй. Ташкинов ответил, что «если не буржуй, то провокатор». Но незнакомец снова настаивал отпустить его, что и заставило Ташкинова отмахиваться плеткой. Некоторые рабочие говорили, что они на работы буржуев не дадут и сами на них не пойдут. Товарищ Ташкинов отвечал, что это не их дело решать, «а наше» Рабочие закричали: «А он еще распоряжаться хочет и плеткой машет!» После этого Ташкинов был арестован толпой.

Что касается Куренбина, расстрелянного, как и Язова, то о нем только имеются указания, что он Ташкинова брал за горло, бил его и оборвал у него портупею и говорил ему нецензурные слова. Расстрелянный Михаил Язов был по профессии сапожник, 33 лет. О Сидорове, также расстрелянном, нет никаких свидетельских показаний и обвинений со стороны Ташкинова.

Для характеристики деятельности Чрезвычайной Комиссии необходимо указать, что есть ряд ее постановлений о том, что за многими заключенными ее члены не видят никакой вины. Но, несмотря на это, Чрезвычайная Комиссия передает этих заключенных без всякого материала в ведение командования 3-й Уральской дивизии.

По делу Турубарова и Траченко был допрошен начальник кунгурской тюрьмы. Ему был задан вопрос: «Производились ли расстрелы в камерах тюрьмы, и если производились, то кто был расстрелян?»

Ответ: «Да, был один расстрел, Георгия Траченко, бывшего офицера. Расстрел был произведен в камере № 9. Допрашивал его товарищ Ефремов, при этом присутствовал старший дежурный Соловьев и дежурный по коридору Василий Немков, а также дежурный по нижнему коридору Подивидов. Соловьев и остальные служащие до сего времени служат в тюрьме. Ефремов приехал для допроса в час ночи. Траченко сидел в камере № 10 и для допроса был вызван в камеру № 9. Разговора при самом допросе я не слышал. По сведениям, полученным от надзирателей, от Сукало, который слышал, как убивали Траченко (теперь сидит в сумасшедшем доме в Перми), Траченко спрашивали, [не] имеет ли он чего-либо общего с Турубаровым, бывшим комендантом города, который после побега был арестован и расстрелян.

Когда я зашел наверх коридора, то услышал выстрел из той камеры, где производился допрос. С Ефремовым был неизвестный человек низенького роста, черный. Кто стрелял, сказать не могу. После выстрела я, испугавшись, ушел в свою контору. Через 10 минут в контору пришел Ефремов и, волнуясь, сказал: «Прикажите убрать Траченко».

В камеру пошли Соловьев, Мальцев и Решетников. По их рассказу, выстрел был произведен в затылок, пуля вышла в лоб. Тело Траченко лежало на спине, около стола на полу. Служащие слышали, что сначала были крик и удары. Во время выстрела в тюрьме была большая паника.

Траченко был молодой человек лет 22. Он был закопан без гроба напротив тюрьмы, на бывшем лесном дворе, в левом углу. Дело в том, что Ефремов сначала хотел производить расстрелы в тюремном дворе. С ним установилось, как обычное понятие, выражение: «Отправить в Пермь», что значило — расстрелять.

Ревизионной Комиссией по делу убийства Траченко был допрошен старший тюремный надзиратель Кунгурской тюрьмы Петр Евдокимович Соловьев, который показал: «Я служу в тюрьме уже 5-й год с 7 апреля 1914 г. В ночь с 18 на 19 сентября в тюрьму явился товарищ Ефремов в сопровождении неизвестного человека низенького роста. Ввиду того что контора была закрыта, а ключ находился у начальника тюрьмы, который в это время ушел домой, Ефремов спросил: есть или нет свободные камеры. Ему была открыта свободная камера № 9. Войдя в камеру, Ефремов потребовал к себе стол и лампу, затем из камеры № 10 вызвал Траченко и стал его допрашивать при закрытых дверях. Через несколько минут из камеры послышался сильный крик: «Клянись, клянись!» Крик был вызван тем, что Траченко начали бить нагайкой. После этого раздался выстрел. На минуту водворилась полная тишина. После этого Ефремов, в сопровождении неизвестного человека, вышел в коридор и приказал убрать тело Траченко».

В списках расстрелянных Траченко значился как член партии кадетов. В данном случае Ревизионная Комиссия имеет дело с убийством Траченко, совершенным во время допроса ответственным должностным лицом —

товарищем председателя Следственной Комиссии штаба 3-й Уральской дивизии. Факт не нуждается в комментариях и говорит сам за себя. В "Еженедельнике Чрезвычайной Комиссии", в статье "К вопросу о подчинении Чрезвычайных Комиссий" говорится: "За последнее время замечается тенденция комиссара внутренних дел подчинить Чрезвычайные Комиссии своему ведомству в качестве подотделов при Отделе Управления. Главной основой этой тенденции являются те нарекания, те вопли с мест, которые поступают в изобилии в Комиссариат Внутренних Дел о чинимых будто бы Чрезвычайными Комиссиями 'безобразиях', незаконных действиях. Разве кто-нибудь сумеет доказать или даже сказать, что Чрезвычайные Комиссии в своей работе били не по врагам пролетариата? Нет, этого доказать никто не сумеет. Мы утверждаем, что, несмотря на такое массовое угнетение, какое мы осуществляем против буржуазии, не было ни одного случая, чтобы это угнетение было направлено против рабочего класса или беднейшего крестьянства. Где же, спрашивается, с точки зрения диктатуры пролетариата те беззакония, те безобразия, творимые Чрезвычайными Комиссиями?"

В своей работе Чрезвычайные Комиссии ответственны перед исполкомами, которые также не дают возможности проделывать то, что им понравится, если Исполком будет действительно контролировать".

(На документе подпись: «Автор Шкловский, очевидно, не знает, что творится в его ведомстве».)

Осинский уезд

Ниже представлены документы о красном терроре в Осинском уезде Пермской губернии, датируемые мартом-апрелем 1919 г. Первые два (рапорты № 165 от 27 марта 1919 г. и № 221 от 4 апреля того же года прокурора Казанской Судебной палаты Миролюбова министру юстиции правительства Колчака Старынкевичу) хранятся в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 848. Л. 1, 2).

«Имею честь донести Вам, Господин Министр, что по сообщению прокурора Пермского Окружного Суда из города Осы от командированного туда товарища прокурора Аршукова были получены сведения о действиях большевиков. Согласно этим сведениям, в городе Осе по распоряжению "Осинской Чрезвычайной Следственной Комиссии" без предъявления какого бы то ни было обвинения замучено и убито большевиками до 2,5 тысяч человек.

Из лиц судебного ведомства, кроме судебных следователей Арцыбашева и Чердынцева, о смерти которых я донес рапортом от 25 января сего года за № 37, убит также почетный мировой судья Насонов. Кроме того, от рук большевиков погибли административный судья Лазарев, старший кандидат на должность по судебному ведомству Сефарматский, нотариус

Уставщиков, а все мировые судьи, насколько представилась возможность выяснить, увезены советскими войсками при отступлении их из города Осы».

«В дополнение к рапорту моему от 27 марта сего года за № 165, имею честь представить при сем копию представления прокурора Пермского Окружного Суда от 28 марта сего года за № 2531».

Представление № 2531 прокурора Пермского Окружного суда Шамарина прокурору Казанской Судебной палаты Миролюбову о красном терроре в Осе от 28 марта 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 848. Л. 3).

«В дополнение к представлению моему от 14 марта сего года за № 1760, довожу до Вашего, господин прокурор, сведения, что вернувшийся ныне из города Осы товарищ мой по должности, Аршуков, доносит, между прочим, нижеследующее:

"В городе Осе отсутствие торговых лавок, которые на площади были снесены большевиками, сама площадь окаймлена тумбами, а посреди ее высился помост и аллегорическая фигура женщины, кажется, с факелом в поднятой руке, символизирующая свободу. Последнее было организовано большевиками для октябрьских торжеств. Внутренняя же жизнь города изменилась до неузнаваемости: полное отсутствие уличной жизни и малочисленность населения, апатичность и замкнутость последнего. Город как бы умер и является огромным кладбищем: на улицах — сугробы снега и небольшие тропинки на тротуарах для пешеходов; часть домов, и таких много, занята была разного рода советскими учреждениями. Теперь они стоят с раскрытыми дверями и воротами. Внутри таких домов решительно ничего нет, обстановка вся увезена при эвакуации большевиками, а некоторая ее часть, как передавали в городе, была свалена ими во дворе дома милиции, разрублена и сожжена. В домах этих пол в комнатах, в разной степени, загрязнен человеческими испражнениями.

Из бывших до Советской власти правительственных учреждений большевиками также увезена вся обстановка, за исключением громоздкой мебели Земской управы, и все принадлежности, как-то: пишущие машинки, телефоны, электрические звонки и т.п. Увезено также и все делопроизводство, осталась часть старых архивов, причем книги полностью разорваны и валяются в разных комнатах. В частности, увезено и все казенное имущество старых судебных учреждений.

Несмотря на розыски, чего-либо существенного не найдено, и что есть, хранится лишь у жены следователя Завриева — должностная печать 2-го следственного участка Осинского уезда.

Вообще при эвакуации города большевики увезли имущество не только учреждений, но и частных лиц, кроме того, ими увезены со всего города все

телефоны, не исключая также электрические звонки, телеграфные аппараты и многое другое. Рабочих и служащих советских учреждений города, а также население, поддерживавшее красных, было большевиками все, за небольшим исключением, эвакуировано. Подверглись эвакуации не только лица, занимавшие ответственные посты, но и низшие служащие: писцы, сторожа, рассыльные. Эвакуированы все служащие-женщины.

В городе остались старики, женщины, дети и не служившие у большевиков рабочие и мещане. Из лиц бывшего судебного ведомства большевиками были увезены служившие председателями следственных комиссий, административный судья К.А. Лазарев, кандидат на судебные должности Реформатский и служивший секретарем осинской 'чрезвычайки' местный нотариус Уставщиков. Увезены также бывшие мировые судьи, служившие народными судьями: Парфенов, Кибардин, Симонов, Богословский и Чехович, т.е. все, которые еще оставались в Осе.

Мною установлено, что осинской 'чрезвычайкой' по объявлении массового красного террора только без суда было расстреляно до 2 тысяч человек. Расстреливались как местные жители, так и временно проживавшие в городе из-за дороговизны приезжие из Петрограда и других мест. Расстреливались, главным образом, так называемые 'буржуи' из интеллигенции, купечества и даже крестьянства. Расстрелы производились под утро вблизи города, возле татарского кладбища, в местности под названием 'на борке'. Там же расстрелянные и закапывались. Могилы рылись мелкие, так что из-под земли иногда виднелась обувь расстрелянных людей».

Рапорт № 269 прокурора Казанской Судебной палаты Н. Миролубова министру юстиции правительства Колчака С. Старынкевичу о действиях местных судебных властей по расследованию красного террора, от 16 апреля 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 848. Л. 4).

«Доношу Вам, Господин Министр, что, в силу примечания 2 к статье 80 Учреждения Судебных Установлений прокурором Пермского Окружного Суда было предложено Обществу Собранию Отделений Окружного Суда командировать в город Осу 2 членов суда для производства предварительного следствия об учиненных большевиками преступлениях.

Предложение это было единогласно принято, и в Осу были командированы и выехали туда члены Пермского Окружного Суда по административному отделению Фомин и Двужильный.

Далее, в силу того же закона, прокурором Пермского Окружного Суда вносится в Окружной Суд предложение возложить на одного из членов суда по Уголовному Отделению дальнейшее производство предварительного следствия по делу об убийстве в городе Перми 2 архиепископов — Андроника и Василия, а также епископа Феофана».

Материалы Омской следственной комиссии, куда вошли документы местных органов власти (в частности, о красном терроре в г. Оханске). Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 307. Л. 1—3).

«Донесения прокурора Пермского окружного суда от 19 марта 1919 г. за № 2163.

Представление.

По донесению командированного в г. Оханск товарища моего по должности П.Н. Поручко, в г. Оханск большевицкая Чрезвычайная Следственная Комиссия, в последнее время переименованная в "Средне-Камский военно-революционный Трибунал", состоящая из бывшего писаря при местном военном начальнике Болотова, беглого матроса Омельченко и оханского мещанина Винокурова, замучила и расстреляла много жителей г. Оханска.

В числе погибших, между прочим, находятся:

1. Чиж Иосиф Касперович, судебный следователь.
2. Алексеев отец Владимир, священник Оханского собора.
3. Подлипский Петр Данилович, податной инспектор.
4. Осипов, бывший воинский начальник.
5. Андреевский Александр Константинович, чиновник Акцизного общества, бывший офицер.
6. Зубакин Борис Александрович, офицер из студентов.
7. Колчанов Федор Андреевич, бывший офицер.
8. Иняшев Иван Герасимович, бывший офицер.
9. Топорков Константин Александрович, бывший Земский начальник, служащий офицер.
10. Александров Борис Григорьевич, бывший офицер.
11. Бочаров Петр Родионович, бывший офицер.
12. Козюров Петр Федорович, бывший помощник исправника.
13. Палкин Степан Афанасьевич, бывший становой пристав.
14. Сычугов Степан Александрович, бывший начальник тюрьмы.
15. Прокурорский Петр Амвросиевич, начальник оханской тюрьмы.
16. Старков Иван Алексеевич, бывший глава Земской управы.
17. Курочкин Николай Иванович, частный поверенный.
18. Рудометов Лаврентий Тимофеевич, торговец.
19. Ширинкин Василий Кузьмич, торговец.
20. Ситтиков Ахмет, торговец.
21. Казанцев Николай Семенович, приказчик Общества Потребителей.
22. Аликин, бывший полицейский стражник.
23. Банных, бывший полицейский стражник.
24. Дробинин Илья Михайлович, сведений нет.
25. Плешков Дмитрий Иванович, крестьянин.
26. Ощепков Иван Архипович, крестьянин.

27. Гусев Георгий Александрович, бывший учитель.

28. Форостовский, студент.

Убийство Чижга произошло 15 декабря 1918 г. в ограде дома; где помещалась Чрезвычайная Комиссия».

«Донесение прокурора Казанской Судебной Палаты министру юстиции 19 марта 1919 г.

Большевиками был убит также в с. Рождественском Соликамского уезда судебный следователь 4-го участка Соликамского уезда В.Н. Сагадаков и около Лысьвенского завода Пермского уезда — судебный следователь 5-го участка Алексей Алексеевич Кутин.

Судебный следователь 3-го участка Красноуфимского уезда А.Д. Овсенко, поступив на службу большевицкой власти, состоял председателем революционного трибунала в Артинском заводе Красноуфимского уезда и, по занятии этого завода правительственными войсками, был расстрелян».

Переписка о расстреле в г. Чердынь Пермской губернии «контрреволюционеров». Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 366. Л. 2 — 2 об).

Рапорт прокурору Казанской Судебной Палаты прокурора Пермского окружного суда

«К 3 октября 1918 г. большевики через газету «Известия Пермского губисполкома» официально напечатали о расстрелах по постановлению Чердынской Чрезвычайной Комиссии в г. Чердыни:

1. Верещагина Степана Алексеевича, бывшего городского головы, как организатора белой гвардии.
2. Пьянкова Ивана Максимовича, бывшего полицейского надзирателя «за издевательство над политическими заключенными» и за участие в организации белой гвардии.
3. Захарова Дмитрия Ивановича, бывшего судебного пристава, как «лутившего по миру многих бедняков».
- 4 и 5. Монашенков Вырубовой и Карелиной, «пробиравшихся для восстановления темных масс против власти Советов».
6. Чугина Василия за «заведомое распространение ложных слухов и подпольную работу по подготовке масс против власти Советов».

Установлено, что первый расстрелян 7 сентября 1918 г. по постановлению членов ЧК Чердыни Самсонова и Черепанова и приехавшего из Перми члена Губернского Исполкома Шукина. Участие в расстрелах (следствие производилось судебным следователем 1-го участка Чердынского уезда) принимал начальник карательного отряда Пономарев, уведший Верещагина из тюрьмы по предъявлению начальнику тюрьмы записки члена чрезвычайной Комиссии Черепанова о выдаче Верещагина.

Пьянкова расстреливали 18 сентября 1918 г. 3 красноармейца — Трофим Русаков, Григорий Вишня и Федор Кумов.

Остальных расстреляли 9 сентября 1918 г. В этом принимали участие Черепанов, секретарь этой же комиссии Федулов, начальник «чрезвычайного» отряда Пономарев и 3 красноармейца с неустановленными фамилиями. Перед расстрелом Захаров, Чугин и монашки были жестоко избиты красными.

Как видно из показания вдовы судебного пристава Захарова, основанием для ареста ее мужа послужило то обстоятельство, что в качестве агентов Чрезвычайной Комиссии были приняты братья Петр и Яков Пороуновы, питавшие к Захарову враждебное чувство вследствие того, что по исполнительному листу Чердынского уездного суда он взыскивал с них денежную сумму. По другой версии, переданной мировым судьей Жилинкиным, Захаров при советской власти написал стихотворение, порицавшее большевицкий произвол; стихотворение это было выставлено в местный Совдеп и послужило основанием для обвинения Захарова в контрреволюционности.

Розыск убийц энергично производится.

21 июня 1919 г. № 4521.
Прокурор суда Шамарин.
Г. Пермь».

Воткинск и Ижевск

Рапорт № 1565 министру внутренних дел правительства Колчака бывшего начальника Воткинской городской милиции, прикомандированного в 3-й район Омского уезда села Павлоград, о красном терроре в городе Воткинске и его окрестностях, от 23 октября 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 2. Д. 153. Л. 1).

«Прокурор Сарапульского Окружного Суда предложил мне представить сведения о большевицком терроре. Ввиду эвакуации списки эти не представилось возможности доставить прокурору, т.к. я не имел сведений о местожительстве вышеназванного прокурора. При сем представляю сведения о 126 человеках, расстрелянных большевиками в Воткинском заводе Вятской губернии Сарапульского уезда за период с ноября месяца 1918 г. по февраль 1919 г.».

Список расстрелянных большевиками «граждан по постановлению Чрезвычайной Комиссии и зарегистрированных в ее книгах в период с ноября 1918 по февраль 1919 г.» (выдержка из чекистских регистрационных книг под названием «Список белогвардейцев, контрреволюционеров и

предателей, расстрелянных ЧК». Документ хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 2. Д. 153. Л. 2–4).

- «1. Копылов Алексей, арестован 16 ноября по делу о выдаче белым красноармейцев и большевиков. Допрошен 18 ноября и по приговору расстрелян.
2. Чубаков Петр, арестован 16 ноября за агитацию против Советской власти. Допрошен 23 ноября и по приговору расстрелян.
3. Бобылев Павел, арестован 17 ноября как доброволец белой армии, расстреливал красноармейцев. Допрошен 18 ноября и по приговору расстрелян.
4. Лаптев Григорий, арестован 18 ноября за то, что был помощником коменданта в Белой Гвардии. Допрошен и по приговору расстрелян 18 ноября.
5. Трифонов Александр, арестован 16 ноября как пулеметчик Белой гвардии. Допрошен и расстрелян 19 ноября.
6. Морозов Василий, арестован 17 ноября как доброволец Белой гвардии. Расстрелян по приговору 18 ноября.
7. Пьянков Никита, арестован 17 ноября как бывший большевик и доброволец Белой гвардии. Допрошен и расстрелян по приговору 18 ноября.
8. Аликин Степан, арестован 17 ноября за то, что предавал белым красноармейцев. Допрошен и по приговору расстрелян 23 ноября.
9. Шаров Павел, арестован 15 ноября как доброволец Белой гвардии. Допрошен и расстрелян по приговору 18 ноября.
10. Богатеев Андрей, арестован 16 ноября за то, что закупал хлеб для Белой гвардии. Допрошен и расстрелян по приговору 18 ноября.
11. Будаков Федор, арестован 16 ноября за вооруженное восстание против Советской власти. Допрошен и расстрелян по приговору 17 ноября.
12. Галкин Михаил, арестован 16 ноября как доброволец Белой гвардии, жестоко обращавшийся с арестованными большевиками на барже. Допрошен и расстрелян по приговору 18 ноября.
13. Рябков Степан, арестован 16 ноября за то, что старался подвести коммунистов. Допрошен и по приговору расстрелян 21 ноября.
14. Дудин Алексей, арестован 18 ноября как доброволец-белогвардеец и ротный командир. Допрошен и расстрелян по приговору 22 ноября.
15. Собин Василий, арестован 18 ноября за агитацию против Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 19 ноября.
16. Раков Алексей, арестован 18 ноября за уклонение от воинской повинности добровольца Народной армии.

17. Носков Дмитрий, арестован 20 ноября за пьянство. Расстрелян без суда и следствия.
18. Близоруков Степан, арестован 16 ноября за расстрел и по приговору расстрелян.
19. Сазонова Надежда, арестована 21 ноября за отправление чужого сундука с "Народной армией". Допрошена и по приговору расстреляна 23 ноября.
20. Мухачев Вениамин, арестован 21 ноября за донос на жену большевика, каковая была арестована. Допрошен и по приговору расстрелян 22 ноября.
21. Хажа Сулейман, арестован 17 ноября за изнасилование гражданки Митякиной. Допрошен и по приговору расстрелян 19 ноября.
22. Тажковский Станислав, коммунистический сотрудник Чрезкома, арестован 19 ноября за кражу конфискованных золотых вещей. Допрошен и расстрелян по приговору 20 ноября.
23. Васильев Степан, арестован 20 ноября за укрывательство белогвардейцев. Допрошен и по приговору расстрелян 22 ноября.
24. Батаногов Алексей, арестован 22 ноября за сокрытие винтовки и револьвера. Допрошен и по приговору расстрелян 3 декабря.
25. Чебуков Сергей, арестован за участие в белогвардейском восстании. Допрошен и по приговору расстрелян 2 декабря.
26. Хохряков Егор, арестован 22 ноября за пьянство и разбой. Допрошен и по приговору расстрелян 29 ноября.
27. Хохряков Илья, арестован 22 ноября за пьянство и разбой. Допрошен и по приговору расстрелян 29 ноября.
28. Андреев Иван, арестован 22 ноября за участие в белогвардейском восстании. Допрошен и расстрелян по приговору 28 ноября.
29. Загулеев Иван, арестован 22 ноября за агитацию против Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
30. Коженвейков Андрей, арестован 22 ноября за агитацию против Советской власти. Допрошен и расстрелян по приговору 30 ноября.
31. Соломенников Наум, арестован 22 ноября за участие в белогвардейском восстании. Допрошен и расстрелян по приговору 2 декабря.
32. Варнин Зиновий, арестован 25 ноября за контрреволюционное выступление. Допрошен и расстрелян по приговору 2 декабря.
33. Майоров Владимир, арестован 25 ноября за то, что караулил арестованных большевиков при власти белых. Допрошен и по приговору расстрелян 29 ноября.

34. Косачев Матвей, арестован 26 ноября за агитацию против Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 декабря.
35. Габитов Георгий, арестован 26 ноября за кражу денег при обыске в квартире Близурукова. Допрошен и по приговору расстрелян 28 ноября.
36. Афанасьев Степан, арестован 26 ноября за агитацию против Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 28 ноября.
37. Глазырин Иван, арестован 27 ноября за то, что по его указанию был арестован большевик Варламов. Допрошен и по приговору расстрелян 1 декабря.
38. Наумов Филипп, арестован 29 ноября за выдачу белым 17 человек большевиков. По его указанию был убит член исполкома Бортников. Допрошен и расстрелян по приговору 1 декабря.
39. Бортников Александр, арестован 29 ноября за шпионство и агитацию. Допрошен и расстрелян по приговору 1 декабря.
40. Вольхин Иван, арестован 29 ноября как контрреволюционер, выдавал белым большевиков. Допрошен и по приговору расстрелян 1 декабря.
41. Овчинников Петр, арестован 29 ноября как контрреволюционер, выдавал белым большевиков. Допрошен и расстрелян по приговору 1 декабря.
42. Пикулев Иван, арестован 29 ноября как контрреволюционер, выдавал белым большевиков. Допрошен и расстрелян по приговору 1 декабря.
43. Кожевенников Егор, арестован 29 ноября как контрреволюционер, выдавал белым большевиков. Допрошен и расстрелян по приговору 3 февраля 1919 г.
44. Кочнев Андрей, арестован 29 ноября как контрреволюционер, выдавал белым большевиков. Допрошен и расстрелян по приговору 3 февраля 1919 г.
45. Вдовин Петр, арестован 29 ноября как белогвардеец, участвовал в боях добровольцем. Допрошен и расстрелян по приговору 3 февраля 1919 г.
46. Старков Прокопий, арестован 29 ноября за агитацию против Советской власти и за донос. Допрошен и расстрелян по приговору 3 февраля 1919 г.
47. Кочнев Николай, арестован 29 ноября как белогвардеец, бывший в боях против Красной Армии. Допрошен и расстрелян по приговору 3 февраля 1919 г.

48. Вдовин Федор, арестован 29 ноября как белогвардеец, бывший в боях против Красной Армии. Допрошен и расстрелян по приговору 3 февраля 1919 г.
49. Баженов Николай, арестован 29 ноября как белогвардеец, бывший в боях против Красной Армии. Допрошен и по приговору расстрелян 3 февраля 1919 г.
50. Вольхин Егор, арестован 29 ноября, предатель, шпион и убийца большевиков. Допрошен и расстрелян по приговору 3 февраля 1919 г.
51. Вольхин Савелий, арестован 29 ноября, предатель, шпион и убийца большевиков. Допрошен и расстрелян по приговору 3 февраля 1919 г.
52. Кожевников Савелий, арестован 29 ноября за кумушковарение. Допрошен и расстрелян по приговору 3 февраля 1919 г.
53. Михайлова Агрипина, арестована 29 ноября за кумушковарение. Допрошена и расстреляна по приговору 3 февраля 1919 г.
54. Васев Дмитрий, арестован 30 ноября, белогвардеец, контрреволюционер, выдавал большевиков. Допрошен и расстрелян 3 декабря 1918 г. по приговору.
55. Соколов Степан, арестован 1 декабря, белогвардеец, контрреволюционер, выдавал большевиков. Допрошен и расстрелян по приговору 3 января 1919 г.
56. Соколова Дарья, арестована 1 декабря за участие в Белой гвардии, контрреволюционерка, выдавала большевиков. Допрошена и расстреляна по приговору 3 января 1919 г.
57. Гусев Павел, арестован 1 декабря. Бежал от белых и находился в штабе. Допрошен и расстрелян по приговору 5 декабря.
58. Косачев Михаил, арестован 2 декабря, контрреволюционер и агитатор. Допрошен и по приговору расстрелян 3 января 1919 г.
59. Иродов Андрей, арестован 2 декабря как контрреволюционер. Допрошен и по приговору расстрелян 3 января 1919 г.
60. Шехерова Зинаида, арестована 3 декабря за выдачу большевиков белым. Допрошена и расстреляна по приговору 3 января 1919 г.
61. Вольхин Николай, арестован 3 декабря, агитатор против Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 3 января 1919 г.
62. Нетелев Артемий, арестован 3 декабря как контрреволюционер и саботажник. Допрошен и расстрелян по приговору 3 января 1919 г.
63. Волков Яков, арестован 3 декабря как контрреволюционер и саботажник. Допрошен и расстрелян по приговору 3 января 1919 г.
64. Кузнецов Василий, арестован 3 декабря как контрреволюционер и саботажник. Допрошен и расстрелян по приговору 3 января 1919 г.

65. Шорин Игнатий, арестован 3 декабря как контрреволюционер и саботажник. Допрошен и расстрелян по приговору 3 января 1919 г.
66. Кашин Алексей, арестован 3 декабря как контрреволюционер и саботажник. Допрошен и расстрелян по приговору 3 января 1919 г.
67. Близоруков Степан, арестован 4 декабря. Ярый участник белогвардейского восстания. Допрошен и расстрелян по приговору 3 января 1919 г.
68. Крылов Николай, арестован 5 декабря. Доброволец Белой гвардии. Допрошен и расстрелян по приговору 6 декабря.
69. Соломенников Василий, арестован 6 декабря. Доброволец Белой гвардии. Допрошен и расстрелян по приговору 8 декабря.
70. Иванов Аркадий, арестован 6 декабря. Белогвардеец, предавал большевиков. Допрошен и расстрелян по приговору 8 декабря.
71. Леонов Михаил, арестован 6 декабря. Агитатор. Допрошен и расстрелян по приговору 8 декабря.
72. Шарыпов Павел, арестован 6 декабря. Агитатор. Допрошен и расстрелян по приговору 8 декабря.
73. Пономарев Павел, арестован 6 декабря. Агитатор. Допрошен и расстрелян по приговору 8 декабря.
74. Базуев Наум, арестован 6 декабря как контрреволюционер, допрошен и расстрелян по приговору 8 декабря.
75. Косачев Виктор, арестован 7 декабря за предательство своего сына. Допрошен и расстрелян по приговору 3 января 1919 г.
76. Вострокнедтов Василий, арестован 8 декабря за выдачу белым бедняков. Допрошен и по приговору расстрелян 9 декабря.
77. Смолин Федор, арестован 8 декабря за предательство коммунистов. Допрошен и по приговору расстрелян 9 декабря.
78. Вьюжанин Николай, арестован 8 декабря за ссылку большевиков в баржи. Допрошен и по приговору расстрелян 9 декабря.
79. Сиезнев Тимофей, арестован 8 декабря за ссылку большевиков в баржи. Допрошен и по приговору расстрелян 9 декабря.
80. Сиезнев Игнатий, арестован 8 декабря за ссылку большевиков в баржи. Допрошен и по приговору расстрелян 9 декабря.
81. Безумов Никита, арестован 8 декабря за предательство большевиков белым. Допрошен и по приговору расстрелян 9 декабря.
82. Кадомов Роман, арестован 8 декабря, защитник белогвардейцев. Допрошен и по приговору расстрелян 9 декабря.
83. Анкудинов Григорий, арестован 8 декабря за убийство красноармейца. Допрошен и по приговору расстрелян 9 декабря.
84. Погодин Григорий, арестован 9 декабря как шпион. Допрошен и по приговору расстрелян 9 декабря.

85. Иродов Ефим, арестован 9 декабря за агитацию против Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 9 декабря.
86. Погодин Григорий, арестован 9 декабря по подозрению. Допрошен и по приговору расстрелян 11 декабря.
87. Щетников Александр, арестован 9 декабря за спекуляцию. Допрошен и по приговору расстрелян 11 декабря.
88. Бушуев Петр Ларионович, арестован 10 ноября для выяснения личности. Допрошен и по приговору расстрелян 11 декабря.
89. Караулов Прохор, арестован 10 ноября за неправильную конфискацию имущества. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
90. Черепанов Степан, арестован 10 ноября за неправильную конфискацию имущества. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
91. Мухачев Александр, арестован 10 ноября. Доброволец, белогвардеец. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
92. Катаев Иван, арестован 11 декабря. Доброволец, белогвардеец. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
93. Чернышева Варвара, арестована 13 декабря за участие в сборе на нужды Народной армии и за знакомство с Юрьевым. Допрошена и по приговору расстреляна 2 января 1919 г.
94. Чернышев Николай, арестован 13 декабря за участие в сборе на нужды Народной армии и за знакомство с Юрьевым. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
95. Мельников Андрей, арестован 13 декабря за агитацию против советов. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
96. Варламов Иван, арестован 13 декабря за агитацию против советов. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
97. Ширококов Тимофей, арестован 13 декабря за самовольное обложение контрибуцией. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
98. Шадрин Николай, арестован 14 декабря за провокацию и шпионство. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
99. Шадрин Иван, арестован 14 декабря за провокацию и шпионство. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
100. Анкудинов Василий, арестован 19 декабря за вредительство большевикам в пользу белых. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
101. Картушев Анисим, арестован 21 декабря за помощь белой банде при восстании. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.

102. Санталов Иван, арестован 21 декабря за кумушковарение. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
103. Бочкарев Ефимий, арестован 22 декабря за пьянство и самочинную угрозу. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
104. Харалдин Семен, арестован 23 декабря за пьянство. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
105. Романов Кузьма, арестован 23 декабря за пьянство и за наложение контрибуции. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
106. Метиков Яков, арестован 29 декабря за предательство большевиков. Допрошен и по приговору расстрелян 2 января 1919 г.
107. Иродов Николай, арестован 2 января 1919 г. за предательство большевиков и в этот же день расстрелян по приговору.
108. Сентяков Архип, арестован 4 января 1919 г. за убийство 3 заключенных белыми баржевиков. Допрошен и по приговору расстрелян в этот же день.
109. Пьянков Филипп, арестован 9 января 1919 г. за сокрытие вещей и продуктов. Допрошен и по приговору расстрелян 11 января 1919 г.
110. Ряднов Григорий, арестован 12 января 1919 г. как белогвардеец-доброволец. Допрошен и по приговору расстрелян 13 января 1919 г.
111. Лотков Алексей, арестован 13 января 1919 г. как контрреволюционер. Допрошен и по приговору расстрелян 14 января 1919 г.
112. Загуляев Константин, арестован 13 января как белогвардеец. Допрошен и по приговору расстрелян 31 января 1919 г.
113. Малафеев Алексей, арестован 22 января 1919 г. Коммунист, выдавал коммунистов белым и участвовал в боях против Красной Армии. Допрошен и по приговору расстрелян 24 января 1919 г.
114. Иродов Семен, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.
115. Вьюжанин Михаил, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.
116. Вьюжанин Василий, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.

117. Иродов Платон, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.
118. Вьюжанин Егор, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.
119. Харалдин Григорий, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.
120. Иродов Филипп, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.
121. Вьюжанин Семен, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.
122. Вьюжанин Лука, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.
123. Колдомов Михаил, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.
124. Анкудинов Дмитрий, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.
125. Анкудинов Ефим, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.
126. Вьюжанин Федор, арестован 24 января 1919 г. как участник контрреволюционного заговора за свержение Советской власти. Допрошен и по приговору расстрелян 1 февраля 1919 г.

Правильность настоящего списка удостоверяю,
начальник Воткинской городской милиции».

Письмо-заявление одного из крупных советских командиров Яковлева, перешедшего осенью 1918 г. на сторону белогвардейцев на Восточном фронте, и сведения о красном терроре против восставших ижевских рабочих. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 405. Л. 57).

«Я не хочу быть преступником, я не могу больше оставаться в рядах большевиков. Слишком много пришлось пережить за это короткое время "экспериментов". Я измучен постоянными угрозами, арестами, расстрелами со стороны центральной советской власти всякому, кто не желает больше

оставаться в их рядах. Я не могу больше допускать унижения человеческой личности, когда без твоего ведома, без твоего спроса или желания распоряжаются тобой, как пешкой, а потом бросают в тюрьму или приставляют к стенке для расстрела. Нет, я не могу смотреть, как развивается среди товарищей кровожадность, мне больно, что такая масса молодых сил гибнет как с той, так и с другой стороны, и это в то время, когда бедная истерзанная Россия так нуждается в этих молодых силах, чтобы не быть окончательно поработанной внешними врагами... Точно от нашествия татарского ига вздыхает теперь свободная деревня... Как могильная плита давит рассказ крестьян о бесчинствах красной армии».

По данным из этого же источника (Л. 79), с приходом к власти Директории сибирские военные решили распустить Народную армию Ижевска и Воткинска. Реакция на это ее представителей была такой:

«Рабочие ни за что не хотели уходить из отрядов и сдавать оружия, указывая на то, что завтра же придут в завод большевики и перебьют их, как куропаток... Директория, очевидно, не знает, что вокруг заводов скрывается множество маленьких большевицких отрядов, которые же немедленно ворвутся в заводы и, как только узнают о роспуске добровольческих армий, перебьют не только рабочих, но и с ними их семьи, что и было уже не раз в нашем районе».

Отрывок из мемуаров «Сибирь и Дальний Восток. Воспоминания о Гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» неизвестного журналиста, свидетеля происходивших в Прикамье и Поволжье 1918 г. событий. Документ содержит подробности о красном терроре на Урале, в Удмуртии, (в Сарапуле, Ижевске и Воткинске), который предшествовал восстанию рабочих в этих городах против советской власти. Документ находится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 118 — 142).

«С начала 1918 г. на Каме особенно свирепствовали чрезвычайки. Кровавый террор опустошил несчастные города и селения, расположенные по этой великой реке. Особой жестокостью и зверствами отличались чрезвычайки пермская и сарапульская. В Сарапуле, как окружном промышленном городе, были сосредоточены главные советские учреждения и военные штабы. Здесь орудовали большей частью черноморские матросы. Военным комиссаром был некий Седельников, молодой человек со звериными наклонностями, самолично убивавший. Еще не вполне развившийся юноша, бывший прапорщик с открытым детским лицом и невинными голубыми глазами, с вьющимися волосами — такое впечатление производил при первом знакомстве уездный военный комиссар, председатель местного комитета партии большевиков Иван Седельников. Но юноша этот не оправдывал своей наружности. Он поражал своей кровожадностью и зверством. Выносимые им,

как начальником штаба им же организованной красной гвардии, смертные приговоры, бессмысленные расстрелы и пытки в подвалах, производившиеся по его приказам, наглядно свидетельствуют о его ненормальной жестокости. Это был садист.

По его приказам зверски расстреляны: поручик М-а, имевший неосторожность повздорить с ним еще до революции о методе воспитания солдат; прапорщик Ч-п, его товарищ по реальному училищу и его друг.

После свержения советской власти в Сарапуле, в столе Седельникова, в здании совета, среди различных документов был найден дневник, писанный им с мая 1917 г. по август 1918 г. В нем он цинично рисует не только себя как «угробителя» мировой революции, но и других «бойцов» на этом поприще.

— Почему я стал большевиком? — задает он вопрос в одном месте своего дневника — и отвечает следующей характеристикой своих истинных стремлений: — Стремление выйти из мелкобуржуазной семьи (он — сын зажиточного сапожника) в крупную буржуазию, чтобы жить в свое удовольствие, ни в чем не стесняя себя, ни в чем не отказывая себе: иметь хороший обед, иметь прислугу, пить тонкие вина и проводить время в обществе и ласках прекрасных женщин. Пусть одурманенные глупцы думают, — пишет он дальше, — что я — идейный работник (таковым меня считают товарищи по партии), я им покажу себя, лишь бы власть попала в мои руки.

Наконец-то я у власти. Я — военный комиссар целого уезда, хотя много труда мне этот пост, но я все-таки победил. Содержание приличное — семьсот пятьдесят рублей в месяц, кроме того, у меня будет все, что я захочу. О чем кричат, надрывая свое горло, эти проходимцы, ничего не пойму, да и понимать не хочу. Ведь и сами они, как признавались во время нашего грандиозного пьянства, когда я был «в сильном пузыре», мыслят так же, как и я, и дурачат одураченных уже членов, — записывает он во время заседания на съезде военных комиссаров в Москве летом 1918 г.

Вечером же, в Лоскутной, переименованной в гостиницу «Красный флот», он поведывает дневнику уже самые заветные свои мысли: «Правительство наше начинает трещать. Впрочем, к черту всю политику. Как хочется мне быть богатым, чтобы хоть несколько дней провести в объятиях и ласках таких красивых женщин, которые проходят мимо моего окна! Я достигну этого. Я буду богат. Только бы скорее уехать из Москвы и покончить с этим глупым съездом. Там, в родном болоте, я быстро буду богатеть, а будет плохо — устрой авантюру с деньгами, как тамбовский военком. Молодец! Свистнул двенадцать миллионов. Сумею и я — тогда поминай как звали. Уеду туда, где никто не знает меня, перемену фамилию и буду наслаждаться жизнью».

Однако разбогатеть и насладиться жизнью ему не пришлось. Его арестовали восставшие ижевцы и приговорили к расстрелу. Арестованный, он трусливо валялся в ногах и просил прощения за свои «юношеские ошибки».

А вот портрет его сестры: молодая девушка двадцати двух — двадцати трех лет. Помогала брату в его кровавой работе. Арестованная в начале сентября вместе с братом, заключена в сарапульскую тюрьму.

Ее участие в убийствах было вполне установлено. Тем не менее сарапульские власти ее пощадили. За нее хлопотали эсеры. Следственная комиссия, в которую входили, как впоследствии оказалось, многие левые эсеры и друзья большевиков, затянула все дела наиболее активных большевиков.

Седельникову сумели защитить, и она осталась жива, и потом, когда Сарапуль, после шестого октября, вновь перешел к красным, отслужила обществу за сохранение ее жизни. Как только красные ворвались в город, начались расстрелы и аресты, Седельникова была назначена военным комиссаром и стала творить беспощадную расправу. Ей была предоставлена полная свобода действий. Она беспощадно расстреливала. Особенно жестоко она расправлялась с арестованными женщинами. По ее приказу была убита начальница сарапульской гимназии — за участие в благотворительном вечере, устроенном в пользу Народной армии. Были расстреляны жены и родственницы служивших в Народной армии. Не пощажены были даже дети. Эта женщина-зверь свирепствовала долго и наводила ужас на несчастное население. Достоинно внимания, что сарапульский городской врач, хлопотавший за нее, был ею же арестован и впоследствии казнен...

Совдепы накладывали на буржуазию и интеллигенцию миллионные контрибуции. Все тюрьмы города и уезда были переполнены. Каждую ночь убивались сотни заподозренных в контрреволюции, не внесших сполна налогов или вообще чем-либо не понравившихся властям. Обреченные перед расстрелом подвергались страшным пыткам. Так, известный на Каме коммерсант В.И. Стахеев был убит и ограблен после двухнедельных пыток. Одного из членов торгового дома "Братья Гирбасовы" арестовали "за взнос контрибуции" и несколько раз водили из тюрьмы на Каму, опускали в прорубь (дело было зимой) и выпытывали, где у него спрятаны деньги. Каждый раз несчастный открывал новые места, деньги отбирались, а его продолжали бесчеловечно пытать. Наконец в одну ночь его привели к проруби и в бесчувственном состоянии спустили в воду. Тело его осталось неразысканным. Убивали чиновников, общественных деятелей, врачей, адвокатов, торговцев, служащих и крестьян.

Сарапуль — исключительно несчастный город. Еще осенью 1917 года местный солдатский гарнизон взбунтовался, разгромил винный склад, перепился и начал громить город. Несколько дней продолжался погром, пока не удалось разоружить озверевших солдат. Теперь на Сарапуль обрушился со всей силой большевицкий террор. Матрос Ворожцов и комиссар Седельников лично приезжали в тюрьму и расстреливали намеченные по заранее составленным спискам жертвы. Каждый попавший в тюрьму знал, что отсюда он, по всей вероятности, уже не выйдет. Особенно много убивали

военнослужащих, главным образом — офицеров. После ночных кровавых оргий оставшихся арестованных заставляли мыть полы и стены тюрьмы, забрызганные кровью.

В июне 1918 г. по доносу своих же рабочих был арестован сарапульский кожевенный заводчик Давид Ушеренко с двумя сыновьями, учениками местного реального училища. Ему вменялось в вину хранение оружия. В течение нескольких дней его и арестованных мальчиков безжалостно мучили и пытали. Наконец в одну ночь в тюрьму прибыли матросы, зверски их убили и трупы их, совершенно обезображенные, были брошены в Каму.

Вблизи Сарапуля стояла баржа, которая служила временной тюрьмой для уфимских заложников, вывезенных красными при побегах их в мае 1918 г. из Уфы по Белой. Всего было вывезено из Уфы около восьмидесяти человек, среди которых были уфимские общественные деятели: издатель "Уфимской Жизни", член конституционно-демократической партии, земец Толстой; находившийся в высылке в Уфе, как венгерский подданный, московский журналист Макс Редер; несколько врачей и других уфимских деятелей. По распоряжению сарапульского совдепа все они были ночью зверским образом убиты и брошены в воду. Впоследствии, после ухода красных из Сарапуля, одним из спасшихся обитателей баржи была подробно описана ужасная смерть несчастных заложников, которых убивали по очереди топорами, ружьями и молотками. Экзекуция продолжалась всю ночь. Трупы замученных были брошены в Каму. Была описана страшная мучительная смерть захваченных красными на Уфимском фронте двадцати шести чехов. Их беспрерывно мучили три дня и три ночи и потом топором отсекали отдельные члены туловища, пока они не скончались в страшных муках.

Такой же кровавый террор господствовал на Ижевском заводе, находившемся в семидесяти верстах от Сарапуля. Здесь не было чеки, но ее обязанности выполнял местный Исполком. Тут убивали не только интеллигенцию и буржуазию, но также крестьян и рабочих, заподозренных в контрреволюции. В селах и деревнях латыши-комиссары, командированные из центров, производили расстрелы, реквизиции хлеба, меда, масла, яиц и скота. Продовольственное положение было отчаянное. Вверх и вниз по Каме пассажирские пароходы шли переполненными, преимущественно сормовскими рабочими, отправлявшимися на Белую и Каму в поисках хлеба. Вокруг камских пристаней лежали тысячи людей, спавших под открытым небом и ожидавших очереди, чтобы отвезти домой несколько пудов хлеба. Их ловили на пароходах заградительные отряды, отбирали хлеб, а сопротивлявшихся били прикладами и убивали.

От кровавого террора по всей Каме стоял стон и раздавались проклятия по адресу советской власти. Население чувствовало себя бессильным бороться с кровавым правительством. Оно было обезоружено... Но никто

не сомневался, что все заводские рабочие будут на стороне восставших: кровавый террор восстановил их всех против советской власти.

Силы красных на Ижевском заводе были значительны, и разоружить их представляло большую трудность. Но отчаяние, охватившее рабочие и крестьянские круги, было так велико, что они решили действовать во что бы то ни стало. Последним поводом к началу восстания послужило объявление советской властью мобилизации населения завода для укомплектования Красной армии. Офицеры были взяты на учет с запретом отлучаться без ведома властей не только из города, но даже из дома. Пятнадцать местных деятелей было арестовано в качестве заложников. Дальше медлить было невозможно.

Поэтому, как только в Москве было получено известие об Ижевском восстании, там сильно взволновались. Посыпались грозные приказы Троцкого "сравнять вероломные Ижевск и Воткинск с землей, беспощадно уничтожить ижевцев и воткинцев с их семьями". Из-под Москвы, Петербурга, Казани двинуты были силы, чтобы выполнить эти приказы.

Очевидцы захвата красными Ижевска передают следующие подробности кровавой расправы с мирным населением: одиннадцатого ноября красные стремительно ворвались в Ижевск. Часть армии не успела спастись; солдаты побросали винтовки и побежали на завод. Красные окружили завод и произвели проверку рабочих. У кого оказывался рабочий билет, того отпускали, а остальных выводили и собирали на церковной площади, где всех расстреляли из пулеметов. Всего было убито в день захвата города около восьмисот человек. Тела убитых вывозили несколько дней и зарывали в огромных ямах в лесу близ заводского озера. На следующий день начала действовать чрезвычайная комиссия. Ловили всех, на кого указывали местные коммунисты. Через несколько дней тюрьмы и все арестантские помещения оказались переполненными. Арестованные валялись в погребках и сараях. Главным контингентом арестованных были рабочие и служащие завода. Расстрелы продолжались больше месяца. Главное участие в расстрелах принимали китайцы, мадьяры и латыши. Квартиры рабочих семей, члены которых служили в Народной армии, совершенно разгромили. Семьи ушедших рабочих убивались.

Так "рабоче-крестьянское правительство" расправилось с рабочими и крестьянами, посмевшими восстать против его тирании. Ижевскому заводу пришлось впоследствии, уже в 1919 году, вновь пережить радость освобождения от большевиков, а к концу того же года — новые ужасы их возвращения.

Во время атак красных на пристань Галеево (на Каме недалеко от Ижевска. — С.Б.), в августе месяце (1918 г. — С.Б.) крестьяне близлежащих деревень, опасаясь расстрелов и грабежей, спасались бегством. Нужно было видеть эту потрясающую картину: крестьяне маленькой деревеньки зарывали свой скромный скarb в землю; обитатели хижин, хлеборобы,

кормившиеся своим тяжелым трудом, спасались от правительства, объявившего "войну дворцам и мир хижинам"....»

Отрывок из воспоминаний общественного деятеля Уфы Кипесова (И.Ф. Колесова) о большевицком терроре в Башкирии, Поволжье и Прикамье. Документ находится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 336. Л. 1–139). Печатается с сокращениями.

«В Уфе настроение было тревожное. Большевики постепенно эвакуировались, а одновременно с этим арестовывали политических и общественных деятелей. В числе арестованных оказался и я. Я сидел с целой партией арестованных в барже на реке Белой в ожидании эвакуации.

В барже нас было сто два человека, из которых шестьдесят восемь было чехов и тридцать четыре — русских. Чехи — исключительно пленные, среди которых было три офицера: Каргер, Шмид и Глава. Русская группа состояла из лиц разных политических убеждений, социального положения и национальной принадлежности. Здесь были: бывший председатель уфимского Союза Русского Народа подрядчик Бусов с восемнадцатилетним сыном; анархист Козелло, поляк, австрийский подданный; председатель уфимской кадетской группы, присяжный поверенный А.Н. Полидоров; председатель уфимской эсеровской группы доктор Тарновский, еврей; редактор уфимской эсеровской газеты А.П. Успенский; бывший член Государственного Совета, кадет, граф Толстой; редактор местной кадетской газеты А.Ф. Ница; член правления уфимского Потребительского Союза социалист-революционер Форсман; тюремный инспектор Маковецкий; начальник уфимской милиции Ауэрбах; журналист г. Редер, австрийский подданный; присяжный поверенный С.С. Шишкин, беспартийный; член правления Уфимского губернского союза кооперативных союзов и мусульманский общественный деятель И.Ш. Еникеев, беспартийный; семья Маркиных: отец, мелкий торговец, и два сына-офицера, беспартийные; начальник продотряда, офицер М. Разумов, беспартийный; владелец газетного киоска В. Порываев, беспартийный; общественный деятель Н.А. Шубин, кадет; когда-то активный член Союза Русского Народа, фельдшер Шабрин; местный помещик А.А. Зеленцов, беспартийный; портной и владелец небольшого магазина готового платья Пантелеев; башкирский общественный деятель Манатов; председатель Уфимского революционного трибунала Х. Джалалов, кавказский татарин; два офицера — Белобородов и Насонов, оба беспартийные; начальник уфимской почты Лебедев, беспартийный; кадровый офицер Кронгольм, финн; начальница частной Уфимской женской гимназии С.И. Хитровская, беспартийная; бывший член Уфимской Губернской Земской Управы С.С. Алгазин; владелец Уфимской городской электрической станции инженер Н.Н. Коншин, кадет; председатель Уфимского Губернского Союза Кооперативных союзов

Ф.И. Колесов; статистик Уфимского Губернского Земства М.П. Красильников; редактор Ц.С.У., кадет.

Всем арестованным за исключением Джалалова и Разумова, причина ареста не была известна. Правда, крупные политические и общественные деятели могли догадываться, что их арестовали большевики как своих политических противников, большинство же арестованных не могли сказать и этого, так как от политики были далеки, а другой вины за собой не знали. Что касается Джалалова и Разумова, то они, по-видимому, попали в нашу партию по недоразумению. Первый занимал у большевиков важный пост председателя Губернского Революционного Трибунала, но в чем-то провинился. Говорили, что он перевел к себе после одного обыска целый погреб вин, брал будто бы взятки с подсудимых и по своему усмотрению выпускал из тюрьмы арестантов. Сам же Джалалов рассказывал, что большевики заподозрили в нем шпиона в пользу какой-то кавказской народности, причем произвели у него внезапный обыск и обнаружили несколько паспортов на разные имена и большую сумму денег. Второй, М. Разумов, также служил у большевиков в качестве начальника продотряда в селе Топорнино, обвинялся же в том, что в пьяном виде застрелил своего товарища, топорнинского комиссара, левого эсера Витрищака.

В барже мы были рассажены в два разных трюма. В один из них посадили всех русских и человек десять чехов, в другой же — исключительно чехов. Караул состоял из двадцати пяти вооруженных красноармейцев с унтер-офицером Резановым во главе.

Стояла жаркая погода. Железная баржа днем так накаливалась, что сидеть в трюме было положительно невозможно, поэтому мы днем снимали с себя все до последней нитки и, тем не менее, задыхались от жары и духоты...

На реке мы простояли четыре дня, а потом к нам подошел пассажирский пароход, взял баржу на буксир, и мы отплыли вниз по Белой. Кстати, за все время стоянки на реке к нам никого не пускали, не исключая и родственников, от которых принимались только съестные продукты. Никакой казенной пищи, ни кормовых денег нам не выдавали, поэтому приходилось питаться за свой счет.

Очутившись в качестве невольных путешественников, мы стали обсуждать, куда нас везут и какая участь нас ожидает. Высказывались на этот счет разные догадки и предположения. А.Н. Полидоров первый высказал мысль, что большевики арестовали нас как заложников и что нам придется, вероятно, просидеть где-то очень долго, возможно вплоть до окончания Гражданской войны. В интимной же беседе со мной он сказал, что считает наше положение безнадежным, так как большевики наверняка нас всех перестреляют, но просил об этом никому не говорить, чтобы не вносить напрасной паники, как он выразился, "среди слабых".

Первая наша остановка была в городе Бирске, где нас ожидала новость: местные власти получили из Уфы телеграфное распоряжение об освобождении кооператора Еникеева, присяжного поверенного С.С. Шишкина, начальника почты Лебедева и земского статистика, известного своими работами, М.П. Красильникова.

Следующая остановка была в Пьяном Боре, откуда нас повезли в той же барже по Каме вверх. Рано утром мы причалили к селу Николо-Березовке, крупной хлебной пристани, на границе Пермской и Уфимской губерний.

Все ждали несчастья, и оно не замедлило прийти. Началось с того, что в тот же день, вечером, к нашей барже подъехала лодка с никола-березовскими красноармейцами, это были гости к нашему конвою. И вот ночью на барже началась пьяная оргия. Пили, пели, играли на гармонике, плясали над нашими головами так, что содрогалась вся баржа, а чтобы за нами особенно не досматривать, красноармейцы наш люк закрыли и чем-то завалили. Мы не спали всю ночь. Под утро услышали, как о борт ударилась еще одна лодка и началась какая-то возня: слышали голоса Деева (бывший офицер) и его помощника, умолявших о пощаде, и ответную брань красноармейцев. Затем все стихло. Стало ясно, что произошло что-то страшное.

На утро, когда нас стали выпускать на opravку, на одном из красноармейцев, самом грубом по отношению к нам, с тупым, почти звероподобным лицом, мы увидели красивые сафьяновые татарские сапоги — ичиги, в которых щеголял Деев, а на другом красноармейце — фуражку помощника Деева. Как потом выяснилось, в эту ночь Деева и его помощника красноармейцы привезли на нашу баржу и зарезали, а одежды их сняли и поделили между собой.

Так кончилась попытка Деева освободить уфимских заложников, она закончилась трагически не только для него и его помощника, но она же, вероятно, послужила причиной и другой трагедии, жертвой которой стали некоторые наши товарищи.

На третий день после пьяной оргии, утром, у берега, на котором расположена Ниоло-Березовка, мы заметили пароход, а на берегу спящих в белых костюмах людей городского типа. Неизвестные подплыли к нам на лодках и взобрались на баржу. Это были матросы, приехавшие из Сарапула во главе с председателем Сарапульской чрезвычайки, также матросом, Ворожцовым*.

"Наши" красноармейцы гостей, видимо, ждали, так как в это утро они заставили Толстого и Ницу убрать уборную и вымыть палубу, чего раньше никто не делал. Кстати, выбор для исполнения грязных работ П.П. Толстого и А.Ф. Ницы, людей пожилых и среди нас уважаемых, что отлично было известно красноармейцам, являлось, несомненно, издевательством над этими лицами и вызовом всей партии заложников.

* Летом 1918 г. он был председателем Мотовилихинской ЧК и погиб при взятии Перми.

Появление матросов ничего доброго не обещало и на заложников произвело гнетущее впечатление, особенно оно обеспокоило журналиста Редера. С зажженными факелами они спустились в трюм. Через некоторое время сверху раздался грозный приказ выходить всем наверх. Мы повиновались. Наверху каждого тщательно обыскали и перевели в соседний трюм. Деньги, часы, кольца, кресты, словом, все ценное, отобрали. В оставленном нами трюме, в отсутствие нас, матросы также произвели тщательный обыск и забрали все, что поценнее. То же проделали и с чешскими солдатами, но денег и вещей у них не отбирали. Вся эта процедура продолжалась часа два, а затем нас перевели обратно в прежний трюм, где мы нашли разоренные постели и перебутыренные вещи. Через некоторое время к нам пришел Ворожцов. А.Н. Полидоров обратился к нему с просьбой возвратить снятый с него крест, который ему дорог как благословение отца. Ворожцов ему на это ответил: "Зачем тебе, старик, крест? Может, и не понадобится..." На этом разговор кончился. После этого Ворожцов спросил, кому принадлежат пять и тридцать тысяч рублей, которые найдены были в разных местах трюма в наше отсутствие. Тогда выступил А.Ф. Ница и заявил, что деньги — пять тысяч рублей — находились у него, но принадлежат не ему, а всей артели арестованных русских, он же является только ее выборным казначеем. После него выступил чешский офицер Каргер и также заявил, что тридцать тысяч рублей принадлежат артели чехов, но на сбережении находились у него, как у выборного казначея. Ворожцов тогда довольно спокойно переспросил: "Так вы сами признаете, что найденные деньги принадлежат вам?" Получив утвердительный ответ, Ворожцов вышел.

Чувствовалось, что надвигается гроза. Наверху началось какое-то подозрительное беганье. Вот подошли два матроса, подняли тяжелый люк и закрыли. Затем на крышку накатили толстый чурбан и навалили еще какую-то тяжесть. В трюме стало тихо и темно, как в гробу. Так продолжалось, вероятно, с час времени, а потом послышался над головами шорох шагов, приближавшихся к нашему люку. Несколько рук свалили тяжести и открыли люк.

Мы увидели наверху матросов, освещенных горящими факелами. Один из них выкрикнул фамилию А.Ф. Ницы. А.Ф. Ница перекрестился и побежал по лестнице на зов. Трюм тотчас же за ним закрылся. И опять заработали руки, наваливая чугун на крышку. Нам стало ясно, что А.Ф. Ницу вызвали на что-то недоброе.. Предчувствуя беду заложники молча лежали на своих разоренных постелях, как бы прячась и с трепетом ожидая дальнейших событий. Вдруг мертвая тишина была прервана каким-то сдавленным плачущим криком. Внимание всех насторожилось до болезненности. Но это было одно мгновение, а потом снова наступила тишина, нарушаемая бульканьем воды, скользившей по бортам баржи. Кстати, по журчанью этому было ясно, что баржа куда-то движется.

Прошло минут пятнадцать, которые нам показались чуть не вечностью, крышка снова открылась, и опять тот же голос выкрикнул чешского офицера Каргера. Последний быстро встал с постели и почти бегом побежал наверх. Крышка за ним закрылась, как и за первым, и снова наступили мрак и тишина. Стало еще страшнее, мрак положительно давил. Почти не было сомнения, что А.Ф. Ница уже не вернется, погиб. Не хотелось верить, но такая мысль гвоздила голову. Вдруг послышались глухие стуки в стенку. Вслушиваемся... Это стучали из другого трюма чехи-солдаты. Видимо, они тоже обеспокоены, а может, у них происходит то же, что и у нас. Мы отвечаем им беспорядочным тревожным стуком. Получаем от них такой же ответ. Ясно, что наши соседи в тревоге. Кто-то разыскал огарок свечи и зажег. Как по команде, все повскакивали с мест. Теперь мы увидели друг друга. Передо мной стоит семья Маркиных: отец крестит своих сыновей, старший — плачет, а младший его утешает. Нотариус Каминский стоит на коленях и молится. Жуткая и незабываемая картина. Более активные сбились в кучу и в страшной тревоге обсуждают положение. Откуда-то появились две палки и метла. Ими вооружились три человека. Двое стоят с досками в руках от разобранного стола и тоже в боевой готовности. С этой группы я невольно перевожу свой взгляд на более уравновешенных из наших товарищей по несчастью — А.Н. Полидорова и П.П. Толстого. Полидоров, бледный как смерть, но спокойный, держал в это время в руках письмо из дома (я это письмо видел у него и раньше) и целовал его, видимо, прощаясь мысленно навсегда со своей женой и сыном. Толстой, с тем же выражением, с каким я видел его не однажды в барже за решением задач по высшей математике (он не расставался с задачкой), лежал на своей постели и, очевидно, обдумывал создавшееся положение. Печать глубокой тоски лежала на лице его, но не было тревоги. Он остался себе верен даже в эти предсмертные минуты. Но вот открылся люк, и тот же голос потребовал Толстого. Петр Петрович спокойно, как он делал всегда все, поднялся с постели и стал взбираться на лестницу. Люк за ним закрылся, как и за предыдущими. Минут через десять потребовали Полидорова... Стало ясно, что берут на казнь, к тому же некоторые слышали два выстрела... Вдруг один из заложников, кажется Форсман, крикнул: "Товарищи, нас расстреливают поодиночке, давайте защищаться, как можем, не пустим отсюда никого, пока нам не покажут живыми взятых от нас!" И с этими словами он преградил дорогу к лестнице Полидорову. После этого возгласа обманывать себя уже никому нельзя было, всем стало ясно, что за Полидоровым вызовут пятого, потом — шестого и так — до последнего, пока не казнят всех. Сдерживаемые раньше рыдания разразились в громкий плач. Молящихся стало больше. Другие бежали по трюму, отыскивая, чем он мог бы вооружиться. Кто пробовал поднять половицу, кто вышибал стойку, упирающуюся в потолок, а несколько заложников окружили Полидорова и не пускали его наверх. На второй зов матроса они дружно отвечали, что не пустят ни одного, если не покажут взятых

товарищей. Тогда Полидоров, сильно взволнованный, стал буквально упрямиться, окружавшую его группу, чтобы его пустили. На протесты товарищей он заявил: "Я не хочу, чтобы из-за меня погиб хотя бы один лишний человек. Так, может, мной закончится, а иначе перебьют всех!" Затем он силой вырвался из рук державших его товарищей и бегом бросился по лестнице навстречу своей смерти... И вот произошел сразу какой-то психологический перелом: как будто все разом поняли, что защищаться бесполезно, и больше никого уже из вызываемых не задерживали.

Так же молча пошел на расстрел журналист Редер, за ним — доктор Тарновский, анархист Козелло, офицер Ауэрбах, тюремный инспектор Маковецкий, и только один кооператор Форсман противился. Он долго не хотел выходить на зов красноармейца. Несколько раз он взывал к товарищам за поддержкой, но последние были уже глухи к зову, каждый, очевидно, думал только о самом себе. Сверху тот же голос становился все настойчивее и настойчивее. Словно сама смерть звала на расправу. Палач крикнул в шестой раз. И если раньше у кого еще были сомнения в трагической судьбе вызванных товарищей, то этот голос, голос разъяренного зверя, жаждущего новой жертвы, больше уже не оставлял никакого сомнения, что вызванные были убиты. После шестого окрика несчастный Форсман безнадежно, в последний раз окинул взглядом всех оставшихся в трюме и, не увидев, очевидно, ни в ком решения прийти ему на помощь, как-то сразу смирился: убитый равнодушием товарищей, он стал медленно подниматься вверх... А когда голова его показалась из трюма, матрос грубо схватил его за руку, выдернул вверх и захлопнул крышку так же, как и за всеми другими.

Что-то удивительно скверное чувствовалось на душе после ухода этого последнего товарища на казнь. Конечно, спасти его не было никакой возможности. Если бы мы попробовали его спасти, то погибли бы все, но то, что мы не оказали помощи погибающему, вопреки его зову, тяжелым камнем легло на совесть каждого. Стыдно было, по крайней мере я так себя чувствовал, смотреть в глаза друг другу. Зов его упорно стоит у меня и сейчас в ушах. Подло то, что чувствовалось, что, когда воля Форсмана наконец была сломлена и он шел по лестнице на явную смерть, сознавая то, что никто не выразил никакого протеста. В этот момент была перейдена, очевидно, последняя черта, за которой кончался человек и начиналось животное, думающее только о себе и о спасении своей шкуры, когда человек не способен ни на какое благородное действие и сопротивление. В это время, по-видимому, у всех колом запала мысль о спасении только себя, хотя бы чудом: "Зачем погибать всем, когда это, может быть, последняя казнь", — да, мысль, брошенная Полидоровым, захватила всех.

На Форсмана действительно кончились казни. Казненные приняли смерть, несомненно, героически, но Полидоров принял ее еще и христиански... На моих глазах десять человек пошли на смертную казнь.

Нельзя думать, что все десять были сильными духом и волей, и тем не менее все без исключения пошли на смерть, как герои, без страха. Никто не заикнулся о пощаде. Кстати, здесь надо сказать, что, как потом выяснилось, одному из десяти взятых на казнь, чеху Каргеру, удалось чудом спастись. Произошло это так: когда вывели его из трюма и привели к борту, один из красноармейцев ударил его штыком, но, видимо, промахнулся. Каргер упал в реку, но, будучи хорошим пловцом, выплыл на берег, а затем, с помощью окрестных крестьян, добрался до Уфы.

Часам, вероятно, к двум ночи, казни закончились. Все стихло. Так продолжалось около часа. Затем послышались наверху шаги. Открылся люк. Снова увидели матросов с зажженными факелами, поднятыми револьверами и бомбами в руках — как разбойники, они спускались к нам. Спустившись, матросы навели на нас револьверы, а Ворожцов иступленным голосом заревел: "Спите спокойно! Если же м... (при этом он изрыгнул одно из крепких ругательств) хоть один из вас пошевелится, то всех, как собак, перестреляем!" Прокричав это, Ворожцов и сопровождавшие его матросы удалились. И опять накрылась крышка, и послышалась возня с чурбаном, который накачивали на наш люк.

Больше люк не открывался до самого утра. Само собой разумеется, никто из нас не спал. Было жутко и темно, как в гробу. Даже времени нельзя было узнать, так как часы у всех при обыске забрали. Мы не знали, где мы, стоим или плывем...

Наверху же после трудной "работы" отдыхали. Было тихо...

На другой день, часов в пять утра, мы пристали к Сарапулу. Здесь нас вывели из трюма на берег и объявили, что отправляют в местную тюрьму. Вещи заставили вынести и сложить в кучу под предлогом, что все пойдет в тюрьму на подводе вместе с нами. Некоторые товарищи по заключению хотели большую часть вещей забрать с собой, но им этого не разрешили. Затем нас всех выстроили в колонну по-военному, окружили двойной сменой пеших и конных матросов и в таком порядке повели в город...

Услышав топот лошадей, любопытные отворяли окна, но матросы кричали на них, чтобы они не смотрели, и грозили револьверами. Встречные прохожие бросались в первую отворенную калитку или прижимались к стене, а когда впереди нас показалась крестьянская кляча, к ней подсакало несколько матросов и плетями заставили поворотить оглобли обратно.

Нас привели в новую Сарапульскую тюрьму — бывший винный склад, расположенный за городом. Кстати, история превращения винного склада в тюрьму не лишена интереса. Склад был перестроен в тюрьму при следующих обстоятельствах: когда большевики захватили власть на местах, то, как известно, они широко раскрыли двери тюрем, первым делом выпуская на свободу иногда даже тяжких уголовных, находя последних жертвой социальной несправедливости. И вот эти "жертвы социальной несправедливости" оказались в Сарапуле весьма предусмотрительными. Очутившись на

свободе, они не разбежались по своим домам и логовищам, а собрались тут же на митинг, на котором постановили, "на всякий случай" сжечь тюрьму и окрестный суд с архивом — с целью, конечно, уничтожения всех имеющихся против них в архиве и в производстве уголовных дел и вещественных доказательств.

Постановление тотчас же привели в исполнение: тюрьму и архив сжгли дотла, само же здание суда местной пожарной команде удалось отстоять.

Впоследствии, когда "жертвы социальной несправедливости" и при новом социальном строе, установленном большевиками, продолжали заниматься теми же делами, что и раньше, то есть красть, убивать, грабить и так далее, большевикам пришлось озаботиться подысканием под тюрьму помещения. К тому же прибавилась новая многочисленная категория арестантов — так называемых "контрреволюционеров". Вот тогда-то сгоревшую тюрьму и заменил винный склад.

В тюремном дворе нас ожидали выстроившиеся красноармейцы и люди низшего тюремного персонала. С нашим появлением началось зубокальство. Кто-то командовал: "В ногу". Другой поддержал и в тон первому сыронизировал: "Небось у Дутова умели в строю ходить, а теперь разучились!" Последнее замечание указывало на то, что нас приняли за дутовцев. На тюремном дворе нам сделали перекличку. Выкликивали и расстрелянных товарищей, а затем впустили в здание тюрьмы, где всех засадили в одну общую камеру. Камера оказалась довольно большой по размерам, но совершенно недостаточной для сотни человек. Теснота была такая, что нигде было сесть.

Наших вещей никто в тюрьму не привозил, так что мы остались без белья и без всякой другой одежды, кроме той, что была на нас.

Казенного белья, ни носильного, ни постельного, нам не давали. Спали, как скот, на голом грязном каменном полу. Только редким счастливым удалось разместиться на нарах, зато так же под нарами было набито, как и везде, и даже эти места считались привилегированными. Ко всему этому надо добавить, что без одежды спать по ночам было холодно.

На второй день нас разместили по двум камерам: чехов оставили в прежней камере, а всех русских перевели в другую. Такое облегчение нас и обрадовало, и одновременно огорчило.

Дело в том, что за время бедствий мы сжились с чехами, как с родными, деля с ними и горе, и радости, как и они с нами... При прощании произошли трогательные сцены: расстававшиеся целовались, как родные, и делились между собой всем, чем могли...

Началось наше нудное и тяжелое житье-бытье в советской тюрьме... Окна были зарешечены крепкими железными прутьями. В одном окне часть решетки была выпилена и зачинена. Это — результат неудачного

покушения на побег, совершенного незадолго до нас одним политическим, за который он поплатился головой.

Прямо перед окнами стояли две огромные пушки с жерлами, направленными на город. Как-то вскоре после прибытия в Сарапул к нам вломился в тюрьму какой-то господин в военной форме. Начальство было замечено "под турахом".

Открыв дверь камеры и встав в проходе, неизвестный поднял револьвер и приказал нам выходить по одному в коридор. Мы повиновались. Но, оказывается, начальство только пошутило. Ему было весело смотреть на перепуганных "буржуев", вот он и заставил нас всех пройти под наведенным револьвером. Кто был неизвестный — не знаю. Пропустив нас мимо себя в коридор и обратно, неизвестный зашел к нам в камеру и стал с нами уже милостиво разговаривать.

— Знаю, что вы — буржуи, — сказал он. — Но у меня отец был буржуй, так что я буржуазию понимаю. Только вот что я вам скажу: вы больно-то уж не тужите, может, и на точку попадете. Только, спаси Бог вас, не вздумайте бежать. Вон, видите, стоят пушки... так я велел их для вас зарядить и, ежели что, — разнесу всю тюрьму с вами вместе.

При этом он хлопнул кулаком по столу, и его лицо из доброго вдруг сделалось злым и неприятным. Но это была одна секунда.

На прогулку выводили один раз (в день) и давали на это тридцать минут, что, конечно, было недостаточно при существующей скученности тюремного населения.

Угнетала в тюрьме не обстановка и не скудость пищи, а то, что никто не мог поручиться за свою судьбу на завтрашний день. Сегодня вы здоровы, а завтра вас могут расстрелять без суда и следствия, и это касалось не только политических, но и уголовных. Поэтому тюрьма была буквально терроризирована, и среди арестантов царил паника. Вследствие этого участились побеги уголовных с арестантских работ: неудачники в таких случаях, как правило, расстреливались. Да и вообще, расстрел применялся в тюрьме повсюду. Только перед нами была изловлена разбойничья банда, ограбившая и перебившая в городе целую семью. В этой банде было одиннадцать человек, из которых восемь были расстреляны на другой же день без всякого суда и следствия, а двое — много времени спустя, уже при нас, и тоже без суда. Оставшейся одиннадцатой девице легкого поведения и смазливой наружности повезло — ее освободил уже при нас матрос, соблазнившийся, видимо, красотой арестантки.

Тяжело было еще в том отношении, что в тюрьме не было никакого начальства, пускай самого строгого, к которому можно было бы обратиться за защитой хотя бы элементарных прав арестанта. Здесь, наоборот, каждый матрос был начальником и каждый из них мог распоряжаться судьбой любого арестанта, вплоть до расстрела. Это и было самым страшным в советской тюрьме тогдашнего времени.

Сарапул ко времени нашего появления в нем был совершенно терроризирован со стороны наехавших в него иногородних коммунистов, до приезда которых, говорят, не было в городе почти никаких безобразий. Объяснялось это, вероятно, тем, что местные коммунисты все же были связаны в своих действиях прежними знакомыми, родственными чувствами и просто боязнью мести со стороны обиженных в случае прихода другой власти. Совсем иначе держали себя пришлые коммунисты. В своем поведении они руководствовались другими правилами поведения, которые укладывались в слова "после нас — хоть потоп". Этими пришлыми коммунистами были, по большей части, матросы. Дело в том, что в это время вся Кама и Вятка была забита разбежавшимися матросами Черноморского и Балтийского флотов.

Как известно, после разгрома русского флота матросы устроились в города и местечки Поволжья, Камы, Вятки и других судоходных рек, чтобы захватить там в свои руки власть и пароходы, на которых они устроились в качестве капитанов, машинистов, лоцманов, контролеров, комиссаров и так далее. В пристанских городах они устроили свои союзы, которые захватывали там власть, проводили в совдепы и чрезвычайки своих людей. При этом они не стеснялись, в случае надобности, применять силу даже по отношению к местным коммунистам, если последние становились на их пути.

Матросы в Сарапуле захватили местный совет в свои руки и командовали в городе, как хотели. Местные обыватели, не только благодушные мещане, но и рабочие, были недовольны своими новыми господами, но поделаться ничего не могли. Бесчинства творились страшные. Расстрелы настолько участились, что никто не мог считать себя в безопасности. Казни иногда бывали публичными. Так, например, целую семью расстреляли днем на площади, всенародно, только за то, что при обыске в доме ее нашли какое-то оружие.

Недовольство местных рабочих иногда прорывалось наружу, превращаясь чуть ли не в открытый бунт.

Незадолго перед нашим прибытием в Сарапул там случилось одно событие, которое особенно восстановило рабочих против матросов и советов.

В один из праздничных дней два пьяных красноармейца проходили мимо городской купальни, где купались дети. Один из красноармейцев стал хвастаться, что он стреляет без промаха, в доказательство же предложил застрелить купающегося мальчика. Затем, к ужасу проходивших горожан, красноармеец действительно прицелился в купающегося мальчика, выстрелил и убил его наповал...

Ужасная весть быстро разнеслась по городу.

Рабочие по гудку собрались на митинг и потребовали, под угрозой разгрома Совета и матросов, выдачи убийц. Однако Совету удалось уговорить рабочих разойтись, дав обещание, что убийца будет судим по всей строгости революционного закона и будет присужден к смертной казни.

Судили этого красноармейца уже в наше пребывание. Присудили к нескольким годам тюрьмы, но вскоре по городу разнеслась весть, что из тюрьмы красноармейца-убийцу тайно выпустили, откомандировав куда-то по службе.

Приговор суда рабочих возмутил, и они снова было собрались по гудку на митинг, но были разогнаны. После этого случая отношения между рабочими и советом окончательно испортились.

Уже по одной этой истории можно представить себе, в какой атмосфере жил город и как себя чувствовали в нем мы, заложники. Не было дня, чтобы не рассказывали о каком-нибудь вопиющем злодеянии.

Самочувствие у нас было самое угнетенное. Не видно было никакого проблеска, наоборот, у всех существовала уверенность, что рано или поздно, а расстрела не миновать. Такая уверенность усиливалась еще под влиянием окружающей нас обстановки: на прогулках нас всегда окружал усиленный конвой, заложников никуда не выпускали, даже на работы. За нами часто подсматривали в дверное отверстие, и нам казалось, что нами интересуются больше как смертниками. Впрочем, тюремное начальство, не стесняясь, называло нашу камеру камерой смертников.

Среди заложников стали часто раздаваться разговоры о предстоящих казнях. Разговоры эти угнетали и действовали на психику, поэтому в конце концов, общим мнением, было строго воспрещено говорить о казнях.

Почему-то у всех нас было убеждение, что казнят только ночью (что потом оказалось неверным), поэтому по ночам мы не спали и только с рассветом старались каждый заснуть, считая, что опасность на этот день миновала.

Не могу сейчас равнодушно вспоминать, с какой тоской мы ожидали приближения ночи, с какой чуткостью ловили каждый шорох на улице и в коридоре. И ведь так проводили каждую ночь, испытывая смертельную пытку ожидания этой проклятой казни. Может быть, сама по себе казнь и не так уж страшна, как ее ожидание.

Лично я все время приучал себя к мысли о близком конце. Старался найти в этом даже какой-то смысл. Как я обрадовался, когда ко мне в руки попала книга Экклезиаста. Я упивался ее содержанием!.. Есть Бог или нет? В душе шла переоценка ценностей, и это в то время, когда смерть вот-вот позвонит тебе в свои объятия.

А события развивались. В тюрьме между арестантами и даже среди администрации шел шепот о том, что приближаются белые.

Наше положение было весьма щекотливое. Мы отлично понимали, что если большевикам придется бежать из Сарапула, то нас они не оставят.

Рядом с нами была камера уголовных. Так вот, эти уголовные спрашивали нас о белых: что это за власть, правду ли говорят, что они, как только забирают город, так уничтожают всех уголовных, и так далее. Приходилось

их успокаивать и разубеждать. К указанному времени уголовные относились к советской власти отрицательно и проклинали ее за то, что у большевиков не было никакой системы наказаний: за пустяки иногда могли расстрелять, а за серьезные преступления некоторые преступники отделялись легкими наказаниями, к тому же следствие без конца затягивалось и велось неопытными следователями.

Кроме того, в этом недовольстве играли немалую роль психологические мотивы: некоторые арестанты были товарищами по профессии кое-кого из комиссаров. Так, тюремный повар, сидевший здесь за кражу, рассказывал про Ворожцова, председателя чрезвычайки, что они раньше с ним были товарищами и вместе занимались воровством, когда-то вместе были и судимы. Теперь же один сидит в тюрьме, а другой, будучи диктатором города, забыл про своего товарища. Повар страшно был раздражен этим обстоятельством и не раз ругал Ворожцова за то, что не хочет принять его "по делу", и в конце концов действительно добился свидания, после которого немедленно был освобожден. Кстати, о Ворожцове: бывший сторож местной больницы. Он славился жестокостью и вспыльчивостью, доходившей до буйства. Немало людей отправил Ворожцов на тот свет собственноручно, в том числе, говорили, и свое прежнее начальство — врача, заведующего больницей.

Пережитое на барже, видимо, стало отражаться на здоровье заложников. Начались заболевания. С Джалаловым участились припадки эпилепсии, которые повторялись иногда два раза в день. Фельдшер Шабрин как-то сразу опустился и превратился в совершенно дряхлого старика, впадшего в детство. Сильно отразилось все пережитое также на Коншине, который целыми ночами не спал. Да и другие в той или иной мере изменились к худшему.

Пробовали некоторые писать заявления в Чека с требованием допроса и предъявления обвинений или же освобождения, но никакого ответа на это не получили. В особенности в написании всяких таких заявлений упражнялся Джалалов. Кажется, не проходило дня, чтобы он не написал заявления, а иногда даже двух. Что он ни писал в них — никакого отзвуча.

Уфимским комиссарам, приехавшим в тюрьму, мы заявили претензию, что от нас отобрали белье и одежду и не дают казенных. "Гости" обещали похлопотать, заявив, что наши белье и одежда отправлены в местный приют стариков. Конечно, это была ложь, но лгали, видимо, не уфимцы, а сарапульские матросы.

От "гостей" мы узнали впервые истинную причину наших арестов. Да, мы арестованы как заложники.

Приехавшие уфимцы сообщили, что с уфимскими властями ведутся переговоры об обмене нас на арестованных в Уфе контрзаложников-большевиков. Как потом оказалось, в Уфе были арестованы жены наркомов

А.Д. Цюрупы и Н.П. Брюханова, сестра Б.М. Эльцина, видного уфимского большевика, доктора по профессии, и кого-то еще.

Наши надежды на освобождение были окончательно разбиты казнью Тетеркина (Тетерина), члена Центрального Комитета Партии социалистов-революционеров. Тетерин появился в нашей камере незадолго до посещения нас уфимцами и прожил с нами не больше десяти дней. От нас Тетерина водили в Чека на первый допрос.

Ровно через три дня после этого допроса, вечером, часов в пять, к тюрьме подъезжала группа всадников. Это были два матроса и члены Чека, Шемякин и Ворожцов. Появление матросов с членами Чека, да еще с винтовками за плечами, не обещало ничего доброго.

Матросов тюрьма страшно боялась, так как посещения их нередко совпадали с казнями, которые матросы производили собственноручно. Помню, мы все обратили внимание, что под Ворожцовым конь, сравнявшись с нашими окнами, чего-то испугался и шарахнулся в сторону, но хозяин, выругавшись, вскоре дернул его обратно. Даже лошадь, по-видимому, чувствовала, что что-то недоброе затевает ее хозяин.

По приезде матросов в коридоре началась подозрительная возня: лязг ржавых засовов, скрип отворяемых дверей и топот шагов. Сначала все это происходило где-то далеко, в отдаленных от нас камерах, но вот шаги стали приближаться и к нам.

Мы в страхе замерли. Заскрипел ржавый ключ, и упал болт от двери. В камеру вошел чекист Шемякин, матрос и помощник начальника тюрьмы. Шемякин обратился к нам с вопросом: "Который из вас Тетерин?" Тот отозвался. "Облакайся!" — сказал ему Шемякин. Тетерин был на босу ногу в туфлях и хотел надеть штиблеты, но Шемякин ему сказал, что ботинки надевать не надо.

Прошло, вероятно, не больше пятнадцати минут томительного ожидания, когда часовой, стоявший у нашего окна, постучал осторожно к нам и сказал: "От вас сейчас взяли товарища? Так скажите ему царство небесное — его расстреляли!"

Как громом поразила нас эта весть, не хотелось верить, но это было так. Палачи пробыли в тюрьме часа полтора и расстреляли за это время четырех человек там же, во дворе тюрьмы, и даже на глазах некоторых уголовных арестантов, работавших в том месте. Расстреливали в затылок, разрывной пулей, сняв предварительно с жертвы всю одежду.

Про Тетерина рассказывали очевидцы, что он шел перед расстрелом по двору в одном белье, босой, со скрещенными на груди руками, когда матрос выстрелил ему в затылок.

Трупы до двенадцати часов ночи лежали на крыльце тюрьмы, а затем их вывезли в навозной тележке куда-то за город наши же арестанты. Одежду Тетерина также забрали матросы, и мы видели, как один из

возвращавшихся палачей был уже обут в ботинки покойного. А на другой день арестанты ходили по тюрьме и показывали куски разлетевшегося человеческого черепа. Так закончил свою жизнь один из тех, кто хотел освободить русский народ от ига железных коммунистических цепей, за что и расплатился своей жизнью.

Казнь Тетерина произвела на всех заложников удручающее впечатление. Если раньше у кого теплилась надежда на освобождение, то после казни Тетерина она исчезла совершенно. Снова потянулись мучительно долгие тюремные дни. Каждое появление в тюрьме матросов нагоняло теперь на нас панику.

От недоедания и непомерного нервного напряжения среди заложников начались заболевания.

Однако натиск белых чувствовался и сказывался на поведении местных большевиков. Чехам объявили, что их куда-то отправляют, и действительно, дня через два после объявления отправили. Но куда — неизвестно. Говорили, в Пермь. Больше мы их не видели.

Появились и новые заложники, и нам, по уфимскому опыту, стало ясно, что на фронте у большевиков неладно. Первые заложники были горожанами: несколько местных буржуев, офицеры, учителя, один фельдшер и так далее. Посадили их в нашу камеру.

И вот, наконец, появилась первая партия заложников из Ижевска. Их было двадцать шесть человек. Бородатые, с загорелыми лицами, в поддевах, шли они, окруженные матросами, в тюрьму. Это были, по преимуществу, лавочники и просто мещане среднего достатка. Привели их в то время, когда в тюрьме не было начальника, и бросили туда, не сообщив конторе даже имен, за что и на какой срок посажены. Надо сказать, что матросы в это время были полными хозяевами тюрьмы, тюремная же администрация беспрекословно исполняла их волю.

Начальник тюрьмы, по приходе своем, тотчас же по телефону запросил Чрезвычайку, как записать новую партию арестантов, но ему ответили, что записывать не надо, так как их из тюрьмы сегодня же возьмут. Все это мы узнали от дежурного чиновника, приходившего проверять тюрьму и иногда сообщавшего нам новости.

Ночью матросы действительно пришли за ижевцами. Приказали им выстроиться в ряд, затем отсчитали шестнадцать человек и увели, сказав оставшимся, что если успеют, то и за ними придут сегодня. Однако "не успели" и только через два дня, утром, взяли остальных... И всех расстреляли.

Спасся только один еврей. Случилось это так: матросы, перед тем как выводить ижевцев из тюрьмы, выстроили их в ряды и допросили о социальном происхождении каждого. И вот когда дошли до этого еврея-арестанта, последний заявил, что он — железнодорожный рабочий. Действительно он когда-то был рабочим, но к описываемому моменту времени был владельцем книжного и писчебумажного магазина в Ижевске.

Хитрость эта помогла ему спасти жизнь, а именно: когда выводили последнюю половину ижевцев, в которой был этот еврей, и они проходили коридором мимо дверей арестантских камер, один из матросов вырвал еврея из пачки, предназначенной к расстрелу, приказал приставнику отворить одну из камер и, толкнув в нее арестанта, сказал: "Молись за меня Богу". Так в этой камере счастливцев просидел до самого освобождения из тюрьмы всех политических восставшими ижевскими рабочими.

Любопытно отметить, что еврей этот жил в тюрьме на нелегальном положении, не будучи записанным даже в списки арестантов. Такое положение возможно только в советской тюрьме. Выяснить свое положение ему было нельзя, так как это означало бы поставить свою жизнь снова на карту. Можно себе представить, как он чувствовал себя во все время своего нелегального существования.

Кстати здесь вспомнить и другую фигуру, тоже еврея, судьба которого так же интересна. Как сейчас, вижу его — этого маленького человечка с бегущими испуганными глазами и перепуганным лицом. Еврей этот был арестован в Чистополе и при таких обстоятельствах: когда на Волге образовался фронт и пароходы из пассажирских превращались в боевые суда, последние скапливались в большом количестве на больших пристанях. По мере оттеснения большевиков с Волги они двигались вверх по ее притокам — Каме, Белой, Вятке и так далее. Пароходы, приспособленные к боям (кстати, очень примитивно, путем обложения толстыми листами железа наиболее уязвимых частей судна и установлением пулеметов на палубе), служили предметом большого любопытства пристанских жителей, которые скопом приходили смотреть на речную боевую флотилию. В числе таких любопытных пришел и описанный еврей. Только он не довольствовался наружным осмотром парохода, а вошел вовнутрь, по его словам, засмотревшись на установленные внизу пулеметы. На него обратили внимание красноармейцы, арестовали и препроводили в Сарапул, так как Чистополь был под угрозой захвата белыми.

Там его судили в революционном трибунале и приговорили как шпиона в пользу белых, к смертной казни, но с условием, что если он внесет сорок тысяч рублей денег — то казнь будет отменена и его выпустят на свободу. Осужденный — приказчик какой-то крупной торговой фирмы, конечно, таких денег никогда не имел. Между тем большевики торопили еврея взносом, грозя в противном случае приведением в исполнение приговора. Как вышел из этого положения молодой человек — мне неизвестно, боюсь, что он разделит судьбу многих сидевших в это время в Сарапульской тюрьме.

Вскоре после ижевских заложников к нам привезли партию заложников елабужских (уездный город на Каме Вятской губернии. — С.Б.). Их было человек двадцать, точно теперь не помню. Это были, большей частью, служащие фирмы Стахеева, известного миллионера, владельца "Святого Ключа"

на Каме. Между елабужскими заложниками был один дьякон и один член Государственной Думы, фамилию которого я теперь не помню.

Последнего арестовали при такой обстановке. В день его ареста местные большевики устроили какой-то вечер, на который пригласили депутата как известного скрипача, игравшего неплохо на скрипке. И вот когда депутат кончал свое выступление на сцене, которое сопровождалось бурным успехом, в зал вошли вооруженные чекисты, скрипача арестовали и даже домой не отпустили проститься и собрать вещи, а прямо с вечера отправили в тюрьму, а на другой день, вместе с другими, — на пароход в Сарапул.

Вслед за елабужскими заложниками наша тюрьма снова стала наполняться местными политическими заключенными. Каждый день матросы приводили по несколько человек. Было уже несколько камер, наполненных политическими. При этом сарапульские большевики, в отличие от уфимских, своим пленникам так и заявляли, что они арестованы как заложники. Из этих заложников несколько человек попали в нашу камеру. Помню одного учителя местного реального училища, весьма симпатичного, довольно уже пожилого господина. Учитель этот вызвал к себе внимание большевиков единственно тем обстоятельством, что во время Великой войны он бросил свою должность и вместе со своими сыновьями пошел добровольцем на фронт рядовым солдатом. Большевики в это время всех добровольцев преследовали, видя в них патриотов, и не без основания полагали, что патриотизм и большевизм — антиподы.

Также вместе с нами сидел местный протодьякон. Высокий, стройный, с гривой вьющихся волос, с чудными живыми глазами, на редкость добродушный и веселый, какие весельчаки встречаются, кажется, только среди провинциального духовенства, он обладал великолепнейшим голосом. Никогда не забуду его мощного красивого баса. Когда он пел в нашей камере, а он часто пел, им заслушивалась вся тюрьма. Толпы из города появлялись вечером перед тюрьмой, чтобы послушать своего любимца. За что его арестовали, он и сам не знает. Часто задавал он сам себе этот вопрос и не мог ответить. А между тем судьба его была печальна: его расстреляли, как расстреляли и елабужского депутата, и многих других, сидевших в сарапульской тюрьме в то время, их же имена Бог весть.

Надо сказать, что в это время по всему Уралу, захватывая и Сарапул, свирепствовала областная Екатеринбургская чрезвычайка, расстрелявшая царскую семью в Екатеринбурге и великих князей в Алапаевске. Чрезвычайка эта прославилась своими жестокостями настолько, как говорили тогда, что из центра приходилось ее одергивать. Но так как советская власть, первоначально по крайней мере, строилась по лозунгу и принципу "власть на местах", то на одергивания эти Екатеринбургская чрезвычайка не обращала внимания и творила свою волю. Один из таких "одергивателей" из центра появился и в нашей тюрьме, и на этом стоит, пожалуй, остановиться.

Когда у заложников пропала всякая надежда на освобождение и каждый ждал неминуемого расстрела, вдруг неожиданно в тюрьму приезжает какой-то важный советский сановник. Каково же было наше удивление, когда к нам в камеру вошел военного бравого вида пожилой господин в сопровождении начальника тюрьмы и еще кто-то, теперь не помню, и, отрекомендовавшись полковником царской службы и военным инструктором Советской республики — Северин-Халкиоповым, произнес перед нами речь. В этой речи он обрисовал нас всех мучениками, потерпевшими понапрасну, и закончил свою речь цитатой из Некрасова: "Это про вас сказано: выдь на Волгу, чей стон раздастся над великою русской рекой!" Почему Северин-Халкиопов сравнивал нас с некрасовскими бурлаками, непонятно, но, во всяком случае, речь его произвела на нас большое впечатление, в том смысле, что это был первый советский чиновник, который открыто встал на нашу сторону, увидев в нашем случае попрание элементарных человеческих прав и справедливости. В беседе с нами Северин-Халкиопов заявил, что он — не коммунист, но служит большевикам и считает эту власть единственно возможной для данного времени. Говорил, что в центре коммунистической власти стоят люди гуманные, совсем не такие, как в провинции. Затем он сообщил, что приехал в Сарапул из Перми и что там творятся такие же безобразия, как и в Сарапуле. Когда он вмешался и пробовал остановить Пермскую чрезвычайку, то был арестован сам и был бы, по его словам, немедленно расстрелян, если бы его знакомые не дали знать по телеграфу в Москву центральной власти, по настоянию которой он и был освобожден.

"Ведь это же форменные идиоты, разве с ними можно о чем-нибудь договориться! Не люди, а звери!" — так аттестовал провинциальных большевиков официальный представитель центральной советской власти, не стесняясь при этом присутствием сопровождавших его лиц местной тюремной администрации.

Всех и каждого Северин-Халкиопов расспросил по отдельности о социальном и материальном положении, о наших нуждах. Он был очень удивлен, что среди нас нет ни одного настоящего буржуя. В конце концов он заявил, что предъявил местной чрезвычайке ультиматум, чтобы она в течение трех суток или предъявила каждому из нас обвинение, или освободила.

От нас Северин-Халкиопов ходил и в другие политические камеры и тоже говорил речи. У нас слышно было, как ему аплодировали и кричали: "Правильно!" Тюрьма митинговала.

Как было понимать посещение Северин-Халкиопова? Не верить не хотелось. Слишком большим было бы издевательство и без того над пострадавшими людьми...

Неужели действительно центральная власть не знает, что делается в провинции, или он, Северин-Халкиопов, не знает власти, которой

служит и которую защищает? Так невольно думалось по уходе Северин-Халкиопова.

Однако три дня прошли, но никакого результата не было. Правда, к большой своей радости, мы услышали, что Ворожцов, по распоряжению Северин-Халкиопова, арестован, но зато через несколько дней мы услышали и другое: Ворожцов освобожден матросами, а Северин-Халкиопов — арестован. И действительно, Ворожцов, как ни в чем не бывало, появился в тюрьме и даже обошел все политические камеры. В одной из них, где сидели елабужские заложники, он выступил, подражая, очевидно, Северин-Халкиопову, с речью, которую закончил так: "Вы радуетесь, что приближаются белые. Напрасно. Потому что если нам придется бежать из Сарапула, то вас в живых все равно не оставим".

Был ли на самом деле Северин-Халкиопов арестован, или это была досужая фантазия, для нас осталось неизвестным, но Ворожцов был действительно арестован, и говорили — за пьянство.

Северин-Халкиопов не появлялся. Говорили, что из Сарапула он куда-то выехал, но обещал, будто бы вскоре возвратится, чтобы снова предпринять шаги по освобождению заложников.

Однако за это время события стали развиваться лихим темпом. Вот в тюрьме появились первые ласточки, возвестившие нам об Ижевском восстании — это десятка полтора, а может, и больше ижевских реалистов в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет, захваченных где-то на Ижевском фронте. Детвору эту, одетую в ученическую форму, привели в тюрьму матросы, и теперь нельзя уже было сомневаться в восстании.

Дети пробыли в тюрьме всего два дня, а потом их из тюрьмы вывели под конвоем матросов. Эти юные повстанцы были захвачены где-то на разведке.

Однако через два дня после реалистов в тюрьму привели первую партию в двадцать человек, уже настоящих пленных рабочих-ижевцев. Для них освободили камеру из-под уголовных, что была рядом с нами. Привели эту партию ночью. От нее мы через перегородку узнали, что Ижевск и не думал смиряться, что, наоборот, ведут наступление на Сарапул и что к нему примкнул и другой соседний завод, Воткинский.

И если рабочие действительно главные виновники разрушения России в пору царствования большевизма, то Ижевск и Воткинский будут таким их активом, который брошен будет на весы истории, и кто знает, может быть, чаша оправдания перетянет эти обвинения!

Рабочие-пленные были в возбужденном состоянии. Еще не усмиренные, воодушевленные тем духом протеста против коммунистических безобразий и несправедливостей, который повел рабочих на вооруженное выступление, они негодовали и возмущались. Молодой рабочий, с которым я вступил в разговор через решетку, рассказал мне о самом восстании. В живых красках изобразил он, как их захватили на фронте и везли до Сарапула

в трюме баржи, как и нас, как над ними по дороге издевались, пинали ногами, называли "собаками", "изменниками", "продавшейся буржуям сволочью" и так далее. Ругательный лексикон большевиков в это время, как известно, был велик.

Вечером рабочих взяли на допрос, где продержали всю ночь. Только под утро возвратились рабочие в свою камеру.

Молодой рабочий, с которым я свел уже знакомство, рассказал мне, как их допрашивали: "Все время, — говорил он, — грозили расстрелом и ругали всяческими непотребными словами. В конце концов мы и сами стали ругаться, ведь все равно расстреляют: Да что вы, разедакие, говорю я, пугаете револьверами-то! Хотите расстрелять, так расстреливайте, а не издевайтесь, мы не собаки, а такие же люди, как и вы, да и расстрела вашего мы не боимся".

После допроса, в полдень, к ижевским пленным неожиданно явился какой-то советский сановник и обратился с речью к ним. В этой речи он укорял их, что они поддались соблазну и уговорам врага, буржуазии, и подняли руку на своего брата, рабоче-крестьянское правительство. Речь его была уговаривающая, вразумляющая, но не ругательная, хотя и строгая. Окончив свою речь, продолжавшуюся минут двадцать, каковую нам слышно было от слова до слова, сановник переменял тон просто на ласковый и стал уговаривать рабочих раскаяться в содеянном, вернуться снова в ряды пролетариев. Главное же — написать своим товарищам в Ижевск письмо такого приблизительно содержания, что "вот, мол, товарищи, будучи пленными, мы осознали, какой великий грех совершили, подняв против рабочего правительства свою пролетарскую руку. Однако Советская власть за зло платит нам добром. Она так же милостива к рабочим, сколько сурова к буржуазии. Благодаря ее великодушию, мы все находимся в добром здравии, никто нам не причиняет никакого зла и обиды. А посему раскайтесь, товарищи, пока не поздно. Не слушайте ваших наушников — врагов рабочего класса и наймитов буржуазии. Раскайтесь, Советская власть простит вас, как и нас. Если же нет, то вы будете раздавлены все до единого. Мы видим здесь, какими несметными силами располагает Советская власть. Красноармейцы пьют гневом против изменников рабочего класса и рвутся в бой".

На следующий день сановник обещал зайти и забрать подписанное заявление — и дать за это по три фунта табака и по десять фунтов сахара каждому.

Ижевцы спорили и решили, что у рабочих такому письму не поверят, — и решили получить от большевиков продукты и не быть расстрелянными. В это время табак и сахар тогда ценились в Сарапуле чуть ли не на вес золота.

Обещанное рабочие получили, но их вскоре же перевели от нас куда-то в другое место, а может, и расстреляли.

Через два или три дня на их место привели новую партию пленных рабочих-ижевцев. К ним приходил тот же комиссар и произнес такую же речь.

Обещал табак и сахар, и с тем же, кажется, результатом. На свой лад стали они писать такое письмо.

Ижевск в это время представлял какое-то Запорожье, поднявшееся на защиту вольностей Февральской революции. И жалко было смотреть на этих простых людей, не искушенных в делах политики, которых угрозой и подкупом заставили делать противное их совести дело. Эти заявления пленных рабочих-ижевцев сразу опубликовали в местной газете.

В связи с неудачной попыткой восстания местных рабочих, нас соединили с елабужскими заложниками. В эту же камеру пришел один красноармеец, который, как только вошел туда, завалился на нары и захрапел тотчас же богатырским сном. Видимо, провел где-то бессонную ночь. И вот когда он стал просыпаться, вдруг слышит, как один арестант у двери торгует табак у приставника. Красноармеец вслушивается и... неожиданно для всех, плюнув, выругался: "Тьфу ты, мать е... так, я думал, что только в городе спекулянты орудуют, а вон где они, и здесь, в тюрьме дела обделывают, а мы-то их ищем!"

Далее большую часть уфимских заложников большевизское начальство решило эвакуировать: "По дороге красноармейцы торопили нас, грозя плетками и прикладами. Тяжело было со стариками, которым идти было трудно, поэтому наиболее слабых мы вели 'под руки'".

Оказалось, что эвакуации уфимских заложников напрямую содействовал Северин-Халкиопов, боявшийся, что Ворожцов уничтожит их. Он распорядился перевести их на пароход и отплыть в безопасное место. "Северин-Халкиопов рассказал нам, что он ничего не мог сделать для нас в Сарапуле: 'Это ведь идиоты и звери! — снова аттестовал он сарапульских коммунистов, не стесняясь присутствующих красноармейцев. — Но я сделал главное — вырвал вас из рук этой банды и теперь за вас спокоен. Завтра еду в Москву и там лично буду хлопотать о вас'".

Когда ушел от нас Северин-Халкиопов, один из часовых, стоявших у нашего входа наверху, громко сказал, обратившись к нам: "Вы не подумайте, что Антонов [один из красных командармов в 1918 г. на Восточном фронте, бывший на пароходе одновременно с заложниками из Уфы. — С.Б.] что-нибудь для вас сделает. Это такая сволочь, от которой красноармейцы плачут". Часовой сказал это так громко, что, несомненно, многие красноармейцы слышали. Однако никто не выразил ни малейшего протеста или неудовольствия.

К нам красноармейцы относились хорошо. Узнав, что в трюме сидят заложники-"контрреволюционеры", они десятками ходили к нам, выражая свое сочувствие и разнося своих вождей.

Не могу при этом не вспомнить и другого красноармейца, русского, которого посадили к нам в трюм, как арестованного. Красноармеец был арестован за то, что не проявил в качестве артиллериста-наводчика во время сражения под Сарапулом должной распорядительности и подозревался в

измене. У нас он просидел всего два дня и был освобожден по требованию красноармейцев.

По данным автора данных воспоминаний, главные вожди большевиков — Ленин и Троцкий, распорядились эвакуировать уфимских заложников в Вятку "до дальнейших инструкций".

По реке довести уфимских заложников красным не удалось, так как река сильно обмелела и пароход не смог двинуться дальше. Их выгрузили в Вятских Полянах и решили провезти вверх по реке максимально долго и доставить в Вятку по железной дороге: "Когда нас вели берегом реки, чтобы пересадить, нам пришлось проходить около небольшой группы каких-то штатских людей. Последние встретили нас враждебно. Кто-то из них крикнул: "Вот, везут заложников! Что с ними возятся?! В Каму их, сволочей!" Вслед за этим некоторые действительно схватились за камни и стали бросать в нас. К счастью, камни летели мимо, а кроме того, за нас решительно вступились конвоиры-красноармейцы и безобразие прекратили. Характерный возглас: "В Каму!" — применялся и здесь, на Вятке, сделавшись, очевидно, своего рода лозунгом.

Когда мы пришли на станцию (Котельнич), там стоял поезд красноармейцев, направлявшихся на фронт. Это были петроградцы, рабочие, добровольцы-коммунисты, ехавшие спасать положение на фронте.

На вокзале мы остановились около входа. И это было большой ошибкой нашего старшего, которая едва не стоила нам всем жизни. Дело в том, что весть о появлении каких-то "контрреволюционеров" быстро обежала военный эшелон. И вот около нас стала собираться толпа красноармейцев. Толпа эта росла все больше и больше, и по мере ее увеличения росло и ее возбуждение. Наконец, толпа эта стала требовать от наших красноармейцев, чтобы нас им выдали для расправы. Наши красноармейцы сделать это наотрез отказались, заявив: "Мы отвечаем за каждого из них головой". Старший пробовал уговорить толпу разойтись, но она настаивала на своем. Десяток наших конвойцев не могли, конечно, противостоять напору агрессивной толпы. Старший понял свою ошибку, что не надо было ставить арестантов на виду, и приказал отвести нас в укромное место за вокзал, а сам пробовал уговорить красноармейцев. Но свою ошибку он не исправил, а наоборот, сделал еще хуже, а именно: как только мы тронулись, двинулась и толпа за нами. Очутившись за вокзалом, в глухом месте, толпа стала держать себя еще более воинственно. Наш старший не учел одного обстоятельства, что зверские инстинкты проявляются сильнее в глуши и темноте.

Толпа начала нас окружать, а живое кольцо, образовавшееся вокруг нас, стало понемногу сжиматься. На требования конвоя разойтись и не приближаться не обращали внимания, а говорили ему: "Мы идем на фронт, красноармейцы нужны на фронте, а не для того, чтобы сопровождать эту сволочь. Мы избавим вас от ответственности, когда прикончим их. Разве можно что-нибудь поделаться с нами? Вас — десяток, а нас здесь — тысяча.

Мы берем на себя ответственность за этих мерзавцев. Давайте, товарищи, винтовки, прикончим их штыками”.

Надвигалась верная смерть. Спасения ждать было не от кого. Конвой наш совершенно растерялся, а заложники стояли бледные, как смерть. В эту минуту я ощутил смерть даже ближе, чем на барже, когда казнили товарищей и все мы ждали этой участи. Вдобавок предстояла смерть жестокая — растерзание звериной толпой. Мне в это время отчетливо вспомнилась расправа толпы со шпионом, изображенная в романе “Война и мир” Толстым. Художник гениально описал и подметил, что стоило одному задеть несчастного, как толпа набросилась на него и превратила в бесформенную массу. Я боялся этого начала, тогда бы не было спасения. Кроме того, опасался и еще одного — чтобы кто-нибудь из наших или конвоя не бросился бы со страха, не отдавая себе отчета, бежать. Тогда гибель всех была бы неминуема. Слава Богу, этого не случилось.

Пока наш конвой ругался и сдерживал напор красноармейцев, старший догадался сбегать к начальнику эшелона и убедил последнего заступиться за нас. Он обратился к ним с речью такого содержания: “Товарищи, я согласен с вами, что эта сволочь не стоит того, чтобы возиться с ней, и верно, что наши товарищи красноармейцы не для того, чтобы караулить контрреволюционеров. Но, товарищи, не забывайте, что арестанты — заложники и за каждого из них у белых, мы знаем, сидят десятки наших товарищей-коммунистов, и, если мы прикончим здесь одного из них, там прикончат наших десяток. Так и знайте, товарищи, — убивая здесь эту сволочь, вы убиваете своих братьев-коммунистов, сидящих заложниками у белых!”

Речь начальника отрезвляюще подействовала на толпу. Она стала стихать. Уходя, некоторые еще грозили: “Вот обсудим на митинге, что с вами сделать!” По какому поводу был собран митинг, не знаю, но наша судьба действительно на нем обсуждалась — об этом нам потом рассказал наш старший конвоир.

Мы снова возвратились на перрон и видели отъезд этой славной коммунистической воинской части, которая хотела расправиться с безоружными арестантами только за то, что они — не коммунисты. Увидев нас, некоторые из красноармейцев грозили нам кулаками и кричали: “Все равно вас в живых не оставим, расправимся с вами на станции Н. Здесь, в городе, нельзя было, а там никто не помешает”.

Красноармейцы-конвоиры охотно рассказывали нам, что они знали. Они поведали нам тайну, кто и как был убит на барже. К сожалению, они не знали фамилий убитых и описывали их по внешним признакам. Однако можно было установить, что Толстой был убит так: когда его подвели к борту и ударили штыком, он упал в воду, но быстро оправился и поплыл к берегу. Плыл он, как они говорили, легко и мог, несомненно, выплыть, но по нему открыли стрельбу, в результате которой он был пристрелен и утонул. Доктор Тарновский был просто задушен руками одного матроса, который схватил его

за горло и придушил. Большинство же было расстреляно на палубе. В расстрелах принимали участие, по словам красноармейцев, только матросы.

Про чехов, которые были с нами, они уверяли, что никуда их не отправляли и всех расстреляли в Сарапуле. Рассказывавший об этом красноармеец сообщил, что он сам принимал на склад по счету снятую с убитых чехов одежду.

В это время Каплан осуществила покушение на Ленина. Местная Вятская чрезвычайка по этому поводу, в виде ответа на “дерзкое покушение” контрреволюционеров на вождя революции, распорядилась расстрелять триста человек. Затем там был приведен длинный список фамилий расстрелянных в Москве в виде ответа на террор террором, а дальше приводился список кандидатов следующей партии для расстрела [в Вятке] на предмет воздействия на террористов-контрреволюционеров, если произойдет новое покушение на кого-либо из коммунистов. В этом последнем списке можно было найти деятелей с большими именами в прошлом, как времени царского режима, так и последнего, уже революционного. Здесь были и крупные военные чины, и князья, графы, земские и городские деятели, представители крупной буржуазии и так далее. Все они были разбиты на несколько очередей с указанием, что при следующем террористическом выступлении контрреволюции в первую очередь будут расстреляны такие-то, а в следующую — такие-то. Пока что они будут считаться контрреволюционными заложниками. Теперь уже не помню, сколько очередей было выставлено. Сообщение кончалось воззванием истреблять контрреволюционеров, брать от них заложников для устрашения и не давать им пощады.

После воззвания, напечатанного Вятской Чeka об истреблении заложников, мало было надежды вырваться из когтей этого чудовищного учреждения. Нам стало ясно, что в лучшем случае попадем в какую-то очередь для расстрела. Известие это отразилось на всех страшно.

А поезд мчался и мчался... Скоро Вятка...»

В таких условиях Ф.И. Колесов и бывший командир большевицкого продотряда бежали, выпрыгнув из поезда. Бежали они, не имея ни теплой одежды (там уже начались в то время холода), ни еды, ни связей, чтобы скрыться от большевиков. Помощь беглецы получили от местных рабочих, когда признались им, что они — бежавшие от коммунистов заложники. Рабочие им дали одежду и еду:

«Когда Разумов поведал им о нашем плане идти в Вятку, рабочие категорически рассоветовали, сообщив, что Вятка буквально терроризирована». Тогда беглецы решили идти на Ижевск, путь до которого составлял больше четырехсот километров: «Требовался более или менее продолжительный подкорм, но к кому идти, на кого можно было положиться, когда содействие беглецам, если это обнаружится, будет стоить жизни помогавшему!...»

Вятские и удмуртские крестьяне, по данным Колесова, были настроены антибольшевицки и помогали им в дороге. Даже комбед, арестовавший их в одном из сел, отказался сразу выдать большевикам: «Было ясно, что если нас мужики выдадут, то расстрела не миновать». Опасаясь, что большевики узнают от них или крестьяне решатся на выдачу заложников, Колесов и Разумов бежали в разные стороны и добирались до белогвардейцев каждый по-своему.

Получая по-прежнему помощь от крестьян, Колесов добрался до прифронтового села и был пойман местным комиссаром:

«После обыска и допроса меня отвели в волостную арестантскую-клоповник, без всякого преувеличения. Помещение в четыре шага длиной и два шага шириной с миллионом живых идохлых клопов... Кожаный комиссар обратился к моему часовому с такими словами: "Товарищ, если арестант попросится до ветру, то пускай его, но смотри за ним в оба, а если он вздумает бежать или тебе покажется, что хочет бежать, то стреляй в него, как в собаку, за это в ответе не будешь".

Из этого наказа я понял, что до ветру мне ходить небезопасно, потому что часовому всегда может "показаться", что я хотел бежать, а тогда, значит, штык или пуля в спину.

Утром сторож принес один фунт черного хлеба и кружку кипятка вместо чая. Это — суточная порция всех видов продовольствия арестанта.

Фронт приблизился к Уни настолько близко, что село считалось уже в прифронтовой полосе. Вскоре население нашего этапного пункта стало расти. Сначала, помню, к нам привели трех молодых людей, задержанных за намерение перейти к белым; после них вскоре привели еще двух крестьян, арестованных по доносу за сочувствие белым. А затем как-то рано утром к нам вперли сразу четырнадцать человек крестьян одной окольной деревни, арестованных при весьма странных обстоятельствах, а именно: накануне ареста староста этой деревни получил приказ от Унийского исполкома предать в Уни несколько подвод печеного хлеба для Унийского красноармейского гарнизона, а кроме того, четырнадцать подвод в сопровождении стольких же домохозяев. И хотя мужики в точности исполнили приказ, тем не менее в Унях они все до одного были, без объявления причины, арестованы, а лошади у них отобрали. Мужики пробовали было добиться толку, хотя бы узнав, за что их арестовали, но ничего из этого не вышло, причины им не объяснили. В дальнейшем к нам стали водить каждый день все новых и новых арестованных. Повторялась та же картина, что и в Сарапуле перед приходом белых, только в меньшем, конечно, масштабе. В довершение сходства, в Унях свирепствовал также матрос и даже с такой же фамилией — Ворожцов. Про этого Ворожцова мужики рассказывали такие истории, которыми, вероятно, позабавился бы Ворожцов Сарапульский. Так, однажды

Ворожцов явился в сопровождении вооруженных красноармейцев к одному крестьянину, который, по слухам, сочувствовал белогвардейцам. Явившись, Ворожцов мирно приветствовал не ожидавшую "почетных гостей" крестьянскую семью, заявив, что приехал в гости, разделся, поставил в угол винтовку. То же проделали и сопровождавшие его красноармейцы. Хозяева засуетились, принимая незваных гостей, вытащили самовар, поставили на стол лучшее угощение, мед и прочее. Ворожцов и Ко расположились за столом, как у себя дома, потребовали самогонки, хотя последняя и была строжайше запрещена, затем, мирно, как гости, пили, ели... Но вот Ворожцов встал из-за стола, подошел к углу, где были поставлены винтовки, взял свою в руки и объявил хозяину, что он приехал его расстрелять за шпионство. В дальнейшем, по приказу Ворожцова, красноармейцы вытащили мужика на двор. Жена и дети бросились за несчастным, встали на колени перед Ворожцовым и умоляли не убивать их мужа и отца. И был момент, рассказывает очевидец, когда у Ворожцова как бы заговорила жалость, он уже опустил наведенную винтовку, но вдруг крикнул, быстро поднял ее и, почти не целясь, на глазах жены и детей, обхвативших его колена, выстрелил в мужика и убил его наповал.

Этому же Ворожцову приписывают и еще одно деяние, прославившее его в глазах советской власти, — это разгон местного волостного совета.

Как произошел разгон, мне рассказали так: унийские крестьяне, недовольные первым своим волостным советом, в особенности волисполкомом, выбранным под давлением приезжих коммунистов, и, поверив всерьез в большевицкие свободы, решили совет переизбрать. Решили и сделали, дав старым советчикам чистую отставку. Однако последние не растерялись: не долго думая, они отправились в Глазов, где дело представили так, что новые выборы есть не что иное, как контрреволюция, засилье кулаков, бунт против советской власти. Глазовское начальство, даже не пытаясь хоть сколько-нибудь разобрать обстоятельства дела, выслало немедленно в Уни карательный отряд из латышей. И вот тут-то Ворожцов и проявил себя. Мужиков собрали на сход и по его указу пороли подряд, кроме тех, конечно, которые стояли за большевицкий совет. Новый же Исполком не только был выпорот до полусмерти, но, в довершение всего, был отправлен в Вятскую тюрьму. Только немногим удалось скрыться и бежать к белым — местным повстанцам. Нужно ли говорить после этого о том, что мужики ненавидели Ворожцова до безумия. По приказу этого же Ворожцова были арестованы и четырнадцать крестьян. Как потом выяснилось, они были арестованы как заложники прифронтовой деревни, которая считалась неблагонадежной и тайне сочувствующей и ожидающей белых. Уже при мне некоторым объявили, что они будут сидеть до окончания Гражданской войны.

Большие аресты шли в это время и в самой Вятке, о чем мы узнали от красноармейцев, сообщивших нам, что местная Чрезвычайка получила приказ впредь, до особого распоряжения, ввиду переполненности тюрем, в

Вятку арестантов не направлять, а держать их в местных каталажках, то есть по волостным правлениям и этапным пунктам.

На этапе, с приближением фронта, стали часто появляться явно случайные люди, арестованные Бог знает кем, без всякой системы и повода. Помню одного такого крестьянина-портного, который был арестован односельчанином-красноармейцем только за то, что отсутствовал в течение двух недель из дома. Его отсутствие показалось красноармейцу подозрительным, и этого было достаточно, чтобы арестовать человека и предъявить ему обвинение в шпионстве в пользу белых... Подобных случаев было немало.

Мужики-заложники стали просить свидания с председателем Чрезвычайки. Наконец он приехал. Председатель выслушал их и заявил, что он только что приехал и дела их не знает, но обещал расследовать. «Что касается того, что вы сидите и напрасно страдаете, — добавил он, — так разве мало теперь напрасно сидит и страдает! Вот и товарищ, — указал он на меня, — тоже, кажется, напрасно страдает... Кстати, товарищ, за что вы арестованы? — вдруг обратился он ко мне. — И почему сидите до сих пор? Ведь мы ничего о вас не знаем, так как ваша сопроводительная бумага у нас пропала, а восстановить ее нельзя: Порез взят белыми и порезские советские власти сами арестованы».

Так началось непосредственное знакомство Колесова с начальниками Чека, благодаря чему он даже смог устроиться секретарем местной Чрезвычайки, рассчитывая через это бежать к белогвардейцам. При исполнении своей обязанности он столкнулся напрямую с красным террором. Так, он упоминает

«дело о бывшем председателе Вятской Земельной Управы Н., который в бытность его в Унях, в гостях у своего тестя, по предписанию Вятской Чрезвычайки был внезапно за что-то арестован и подвергнут обыску.

Кстати, о грозных циркулярах большевиков. За мое время таких было два, и оба исходили от Областной Чеки. Первый — ко всем комитетам бедноты, строго доверительного характера, с приказанием следить за всеми священниками, за их проповедями в церквях, за их разговорами в частных домах, в гостях и так далее и арестовать тех из них, у кого обнаружится что-либо контрреволюционное или неодобрительное по отношению к советской власти. И второй — обязательное постановление о воспрещении спиртных напитков и курения самогона, за нарушение этого постановления местной чека вменялась в обязанность налагать на виновных строжайшее наказание, вплоть до высшего — расстрела. Причем «если виновным окажется, — говорилось в постановлении, — коммунист и если, к тому же,

последний в пьяном виде показывался в публичном месте и вел себя непристойно, в отношении таких нарушений точно предлагалось без снисхождения применять высшую меру наказания».

Вскоре Колесову, которого едва не арестовали чекисты, очевидно, раскрыв его, пришлось спешно бежать наугад к повстанцам. Это произошло в начале октября 1918 г. Там его снова арестовали для проверки. Во время ареста Колесова большевики прорвали фронт повстанцев. Тюрьма, в которой его держали, была под угрозой захвата красными: «Но каково мое положение? Только что удрал от большевиков — и опять попасть к ним! Но ведь это равносильно неминуемому расстрелу».

Колесову повезло — 8 октября 1918 г. повстанцы его выпустили.

Уральское казачье войско

Мало кто еще, кроме уральских казаков, подвергался столь жутким и масштабным репрессиям. Почти все они погибли от красного террора и во время боев. Ниже приведена инструкция Уральского областного ревкома.

§1. Все оставшиеся в рядах казачьей (Уральской) армии после 1 марта 1919 г. объявляются вне закона и подлежат беспощадному истреблению.

§2. Все перебежчики, перешедшие на сторону Красной армии после 1 марта, подлежат безусловному аресту.

§3. Все семьи оставшихся в рядах казачьей армии после 1 марта объявляются арестованными и заложниками.

§4. В случае самовольного ухода одного из семейств, объявленных заложниками, подлежат расстрелу все семьи, состоящие на учете данного Совета и т.д.*.

Телеграмма Ружейникова (одного из немногих представителей уральского казачества, согласившихся воевать за красных, и посланного Казачьим отделом ВЦИКа на Урал «строить советскую власть») показывает, как большевики выполняли приведенную выше инструкцию.

«Москва. Кремль. Президиум ВЦИК. Совет Народной Рабоче-Крестьянской Обороны. Казачий Отдел.

Снова доводя до сведения о линии поведения Уральского областного ревкома. Действия большинства его членов ведут к окончательному срыву

* Лосев Е.Ф. Миронов. М., 1991. С. 350.

Советской власти в области. Большинство членов ревкома слепо проводит крайнюю политику тов. ЕРМОЛЕНКО — самое беспощадное истребление казачества. Город (Уральск) и область — разграблены. Возвращающиеся беженцы не находят своего имущества, часто не впускаются в свои дома. Началось самочинное переселение в дома беженцев крестьян пограничных уездов, захватывающих живой и мертвый инвентарь»*.

О том, что происходило в занимаемых красными казачьих станицах Урала и Оренбуржья, свидетельствует отрывок из листовки «Казачи», которую выпустил полковник Космин, командир одной из дивизий белой Западной армии Колчака. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 176. Оп. 3. Д. 15. Л. 22).

«Казачи! В занимаемых большевиками ваших станицах красные призвали всех казаков на службу и отправляют их драться на Украину и против Донских казаков. Кто не повинуется, того расстреливают.

Тех же казаков-предателей, которые изменили нашему общему делу и перешли добровольно к большевикам, как это было с казаками станиц Гирьяльской и Верхне-Озерной**, большевики гонят в наступление против нас и расстреливают их, если они отступают».

Отрывок из воспоминаний «Остров Норген» А. Писарева, командира 3-го конно-артиллерийского дивизиона Илецкого корпуса Уральской отдельной армии. Воспоминания относятся к апрелю-маю 1920 г., когда часть остатков Уральской отдельной армии была перевезена из Форта-Александровского сначала в Петровск, в состав отряда генерала Драценко, а затем в Азербайджан, и частично была захвачена там большевиками. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 567. Л. 39–57). Печатается с сокращениями.

Большевицкая тюрьма в Азербайджане:

«Я заметил в углу генерала Генерального Штаба Тетруева и подошел к нему. Генерал Тетруев одно время командовал в Уральской отдельной армии корпусом, а затем и армией. Тетруев, узнав меня, одновременно обрадовался и огорчился за мою судьбу, пригласил меня присесть и передал печальную новость о судьбе многих офицеров».

* Там же. С. 349–350.

**Оренбургские станицы; из жителей этих станиц в основном и состояла знаменитая Оренбургская красная конная казачья бригада Каширина.

Большевики расстреливали в первую очередь всех, кто служил в Уральской отдельной армии. Избежать расстрела в случае, если чекисты узнавали о службе того или другого человека у уральских казаков, было почти невозможно.

«На следующий день генералу Тетруеву предстоял суд. Лично генерал Тетруев не надеялся на благоприятный исход суда, он ожидал смертного приговора, по его словам, из подвала ЧК живым редко кто выходил. Он советовал мне ни слова не говорить правды на предварительном допросе, его слова: «Сейчас же составьте план Ваших показаний, изучите его во всех подробностях, имейте ввиду, допрос слишком тяжелый и малейшая записка в показаниях решит Вашу судьбу... Знаете, о чем я думаю, Александр Львович?» «О чем?» — спросил я. «О том, самоубийца я или нет... на суде я подписал свой смертный приговор... я дал добровольное согласие, чтобы сегодня ночью меня расстреляли. — Генерал пригнул мою голову к себе и на ухо прошептал: — Умоляю Вас, не говорите этим негодьям правду... сегодня я с полным и гордым сознанием приму пулю. Плохо ли, хорошо ли, но я честно жил в своей жизни и постараюсь достойно ее закончить».

Будущее показало, что генерал был прав, и мы обязаны ему жизнью.

Около часу ночи застучали засовы, открылись двери, подвал осветил яркий свет фонаря: «А ну, поднимайся!» — крикнул красноармеец, коверкая русские слова. «Тетруев!» — выкликает командир, и генерал-лейтенант ровным, спокойным шагом присоединяется к вызванным. Я взглянул генералу в лицо и увидел полное, величавое спокойствие.

Обреченных увели...Интересна подробность относительно расстрела генерала Тетруева, подслушанная мною из разговора красноармейцев. Один из красноармейцев передавал своим товарищам подробности расстрела группы, в которой был Тетруев: «Ведь вот, товарищи, хоть и генерал, а умирать умел. Когда, значит, приказали ему раздеться, он снял сапоги, френч, потом подходит ко мне и говорит: 'На, товарищ, поноси с плеч русского генерала', — а потом как будто в постель лег и говорит: — Ну а теперь стреляйте". По всей вероятности, расстреливаемых заставляли ложиться».

Полковник Писарев отметил, что на острове Норген в Каспийском море большевики отобрали специально для расстрела группу офицеров, среди которых было много тех, кто служил в Уральской отдельной армии. В их числе был капитан Зепуйло-Зепкочновский, бывший командир отряда особого назначения уральцев. Когда эту группу посадили на пароход для отправки в Баку, он выступил перед красными матросами с речью, в которой «назвал их мерзавцами, изменниками Родины и выбросился за борт в море».

Башкирия (Уфимская губерния)

В отрывке из докладной записки лидеров башкирского народа на имя Колчака представлены данные относительно красного террора по национальному признаку. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 1700. Оп. 1. Д. 3. Л. 202 об).

«В связи с отступлением правительственных войск к глубокому несчастью Башкирия третий раз подверглась жестокостям озверившихся к башкирам за их упорство и настойчивость красноармейских банд, беспощадно истребляющих башкирское население и опустошающих башкирские деревни.

В настоящее время Башкирия предоставлена полному хищному произволу безбожников-большевиков, старающихся использовать башкир как отличный боевой материал для своих наглых целей путем безмерных репрессий против непокорных и путем преступных приманок».

Рапорт уполномоченного Комитета членов Всероссийского учредительного собрания по Бугульминскому уезду А. Швеца № 1881 из города Бийска в Министерство внутренних дел Директории от 17 ноября 1918 г. Документ позволяет установить факт красного террора по отношению к белогвардейской милиции в Бугульминском уезде. Хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 6. Д. 86. Л. 5).

«Настоящим доношу, что по просьбе военных властей часть конного отряда при бугульминском уездном уполномоченном под командой начальника Бугульминской уездной милиции Дмитрия Ивановича Кузнецова была отправлена на разведку 10 октября сего года против красных. Отряд вернулся 11 октября без начальника уездной милиции Кузнецова, который был взят красными в плен в деревне Медведке и, по словам местных крестьян, опрошенных на другой день другой разведывательной партией, был расстрелян.

Поставляя об этом в известность, покорнейше прошу Министерство Внутренних дел не отказать в соответствующих распоряжениях о назначении семье Кузнецова, состоящей из жены и 5 детей в возрасте от 1,5 до 15 лет и оставшейся без всяких средств к существованию, соответствующей пенсии».

В ходе весеннего наступления 1919 г. войск Колчака от большевиков были освобождены некоторые районы, в том числе Башкирия (район Уфы). Копии допросов местных жителей о красном терроре собраны представителями Омского правительства. Особая ценность этих документов состоит в том, что они раскрывают механизм сбора сведений о

красном терроре и показывают общее состояние населения от власти коммунистов. Документы хранятся в ГА РФ (Ф. 4626 («Акционерное общество Печатного дела»). Оп. 2. Д. 38. Л. 2–6).

«Начальник Военно-Административного Управления района Западной армии
19 мая 1919 г. № 540.
Командующему Западной армии

В ближайшее время после возвращения моего управления в г. Уфу мною было отдано распоряжение о принятии мер для сбора сведений о зверствах, грабежах и насилиях, совершенных представителями Советской власти, рядовыми агентами большевизма и красноармейцами за время, пока красные занимали Уфу и часть ее района. По г. Уфе и уездам было отдано циркулярное распоряжение о доставке мне оттуда сведений по данному вопросу. Сведения начали поступать с большим опозданием, ибо в первые недели после освобождения этих районов от большевиков население, крайне затерроризированное кошмарными днями пребывания их у власти, боялось давать какие-либо сообщения. При близости фронта боязнь перед возможностью нового, хотя бы временного, занятия местности Красной армией была очень велика. Ужас перед безусловной смертью для всякого, кто дал какие-либо показания, изобличающие деяния большевиков, террором, не только личностным, но и распространенным на всю семью, принуждали население в первое время уклоняться от дачи показаний. Неуверенность, запуганность и страх населения в сильной степени парализовывали работу милиции по собиранию указанных сведений. Теперь страх перед возможностью возврата большевиков проходит, и начали обнаруживаться те кровавые дела, которые творила Советская власть над населением Уфы и Уфимской губернии.

По г. Уфе поступили материалы в виде протокольных дознаний милиции. Привожу выдержки из некоторых протоколов:

1. Дворники дома Хакимова по Александровской улице, № 15, где находилось Комендантское Управление, Куринов Михаил Емельянович и Хромов Петр Васильевич, показали: с 7 января по 12 марта здесь было расстреляно до 200 человек, расстреливали группами по 3–5 человек. Расстреливали в упор, в головы, так что головы несчастных жертв обращались в бесформенные массы. Больше никаких сведений опрошенные дать не могут.

За подлинным подписали
Петр Хромов, Куринов Михаил.
Младший помощник участкового начальника
Уфимской Городской Милиции
Некрасов.

2. При осмотре дома Манаева на Пушкинской улице, где помещалось Отделение "Чрезвычайки", в одной из комнат был обнаружен шкаф, в котором производились расстрелы арестованных. По рассказам служащих, у Манаева расстреливали таким образом: в шкафу, на находящуюся в нем перекладину вешали осужденных за руки, шкаф запирали, и сквозь стену, у которой он стоял, производились выстрелы. В дровянике при доме, где большевики также расстреливали, на противоположной от входа стене видны следы от пуль, основание стены и земля обгажены кровью жертв.

Приложение: 4 фотографических снимка.

3. Расстрел Баси Яковлевны Абадовской, 60 лет. Опрошенная по этому делу дочь убитой Софья Иосифовна Саражинская, проживавшая в г. Уфа по Вавиловской улице, в доме № 53, показала: 11 марта в квартиру Абадовской явились 4 вооруженных красноармейца и, арестовав ее без всякого объяснения, увезли неизвестно куда. Несмотря на мои двухдневные розыски и расспросы, найти ее нигде не удалось, и только на 3-й день она отыскала ее труп в трупном отделении. При осмотре трупа в шее найдены 2 револьверные пули. Больше никаких сведений опрошенная дать не могла.

С подлинной подписью
Софья Саражинская.

Младший помощник участкового
начальника Уфимской Городской
милиции Некрасов.

4. Расстрел Елизаветы Яковлевны Шаровкиной, 40 лет, вдовы офицера, погибшего в начале Германской войны. Опрошенная по этому делу Варвара Васильевна Суздальская, проживающая в г. Уфа по Пушкинской улице в доме № 74, показала: Шаровкина была арестована 12 марта*, в 1 час дня, по обвинению в шпионаже, сожительницей помощника начальника большевицкого комитета Никитина Дорой и красноармейцем. По дороге в "Чрезвычайку" арестованную били прикладами за то, что последняя медленно шла. Вечером в 11 часов того же дня Шаровкина была расстреляна. Затем Суздальская видела уже труп расстрелянной Шаровкиной: голова была вся разможена, мозги вывалились, один глаз выпал.

Подпись:

Варвара Суздальская.

Младший помощник участкового начальника
Уфимской Городской Милиции Некрасов.

5. Расстрел Александра Ильича Пунтакова, 17 лет, воспитанника 3-го класса Торговой школы. Опрошенный по этому делу Федор Архипович Батыгин показал: Пунтаков был арестован в 11 часов утра 11 марта тремя

красноармейцами по обвинению в шпионаже и отведен в комендантское управление, где и содержался до расстрела. Свидания с арестованным допускались. Расстрелян он был в ночь на 13 марта. Далее Батыгин видел только уже изуродованный труп Пунтакова: четыремя выстрелами (на шапке убитого — 4 отверстия от пуль) у него была снесена верхняя часть черепа, на теле оказались 8 штыковых ран и 1 — огнестрельная.

С подлинной подписью
Федор Архипович Батыгин.

6. Расстрел Дмитрия Николаевича Блохина, 16 лет, воспитанника 6-го класса Реального училища. Опрошенная по этому делу мать убитого, Евгения Францевна Блохина, проживающая в г. Уфа по Губернаторской улице в доме № 17, показала: 2 января 1919 г. к ней на квартиру, где она жила с сыном Дмитрием, явились вооруженные красноармейцы с обыском, говоря, что у них в квартире хранится оружие и даже находится тайный штаб правительственных (белых) войск. Хотя обыск не дал никаких результатов, однако ее сыну сказали, что за ним будут следить и если что-либо будет с их точки зрения замечено предосудительное, то его расстреляют. Если же он скроется, то расстреляют его мать. Для наблюдения за Блохиным к нему на квартиру был помещен Александр Казан и Евгения Рискина. В 3 часа ночи на 10 марта Блохин был арестован по доносу Рискиной "за выражение радости по поводу ухода красных", а в 10 часов вечера того же дня он был расстрелян. Несмотря на непрерывные розыски и расспросы, труп Блохина был найден его матерью только на 17-й день, 27 марта, в трупной. Труп был обезображен: на груди — огромная рана от разрывной пули, голова проткнута штыками и разрублена шашкой; вся одежда с него была снята, деньги и серебряный портсигар у него пропали.

За подлинной подписью Блохина.
Младший помощник участкового начальника
Уфимской Городской Милиции
Некрасов.

7. Истязания Наума Саражинского, 12 лет, воспитанника 2-го класса Коммерческого училища. Опрошенный по этому поводу отец мальчика, Григорий Михайлович Саражинский, проживающий в г. Уфа по Вавиловской улице в доме № 70, показал: 4 января в его квартиру ворвались 5 вооруженных красноармейцев и под угрозой расстрела стали забирать ценные вещи, которых похитили на 6 тысяч рублей. Затем красноармейцы спросили у бывшего в это время дома Наума Саражинского о том, где находятся родители и брат, доброволец правительственных (белых) войск. За отказ указать местопребывание родителей и брата ему грозили расстрелом, приставляли к виску револьвер и т.п. Последствием угроз были заболевание и смерть мальчика.

С подлинной подписью Григорий Саражинский.

* Т.е. перед самым освобождением Уфы от красных.

8. Истязания Павла Яковлевича Логутова, 18 лет, по профессии портного. Опрошенный по этому делу, сам потерпевший показал, что арестован он был 30 января тремя красноармейцами по подозрению в принадлежности к контрразведке правительственных (белых) войск и отведен в "Чрезвычайку" по Бекетовой улице в дом Степанова. Перед допросом в "Чрезвычайке" он был посажен в холодный подвал без пальто, где и просидел около 3 часов при 25-градусном морозе. Затем он был перевезен в тюрьму, где ему было объявлено, что он приговорен к расстрелу. Почему-то приговор не был приведен в исполнение, и при отступлении красные оставили его в тюрьме, откуда он был освобожден занимающими город правительственными войсками.

9. Расстрел Николая Дмитриевича Пискунова, 18 лет, воспитанника 8-го класса гимназии. Опрошенная по этому делу мать убитого, Екатерина Георгиевна Пискунова, проживающая в г. Уфе по Малой Уфимской улице, дом 11, показала: сын ее Николай был арестован 31 декабря 1918 г.* на улице большевицкими деятелями Кашевской, Васильевского, его сестрой и Барковским, якобы за донос на них нашим властям, по которому они были арестованы и заключены в тюрьму, откуда были освобождены занявшими город большевицкими войсками. В тот же день был арестован ее муж, Дмитрий Антипович, которому было предъявлено такое же обвинение, и он был препровожден в номера "Волги"***, куда был доставлен и Николай Пискунов. Там они находились до 4 января, когда их обоих освободили, несмотря на требования Кашевской, Васильевского, его сестры и Барковского немедленно с ними "расправиться". Шестого января 1919 г. они были снова арестованы и помещены в дом Манеева по Пушкинской улице. В ночь на 9 января Николай Пискунов был расстрелян, а на утро был выпущен Дмитрий Пискунов. О смерти Николая родители узнали из газеты. После того как они узнали о смерти своего сына, они просили выдать его труп, в чем им также было отказано, и куда его дели, неизвестно.

Целый ряд сухих протокольных актов рисует картину расправы красноармейцев с жителями Уфы. Донос с указанием того, что то или иное лицо настроено против большевиков, влекло за собой арест и суд чрезвычайной следственной комиссии (ЧК). Здесь не приводится длинного списка актов о реквизициях имущества обывателей г. Уфы. Реквизиции производились или по ордерам реквизиционного отдела, или, весьма часто по личной инициативе отдельных агентов большевиков***.

* Т.е. сразу после оставления Уфы белогвардейцами.

** Название гостиницы или отеля.

*** Данные колчаковской милиции.

По уезду

Те списки жертв большевицкого террора, которые представлены по Бирскому уезду, с указанием волости, деревни, где происходил расстрел, и причины, за что был расстрелян тот или иной человек, указывают, что Советская власть очень часто по малейшему поводу расстреливала людей без различия пола и возраста.

Советская власть жестоко расправлялась с представителями выборного начала в деревне. В рубрике «за что расстрелян» очень часто указывается, что мотивом, послужившим к расстрелу, была служба в выборных земских учреждениях, например: «расстрелян за то, что был председателем Волостной управы, секретарем Управы». Расстреливали и выборных сельских общин. В синодике расстрелянных значительное место отведено сельским старостам. Нередко поводом, достаточным для расстрела, являлось обстоятельство, что родственники человека находились в рядах правительственных войск. Всякое противодействие и неисполнение требований большевицкой власти каралось расстрелом. В списках многих расстрелянных лиц не были указаны причины расправы: естественно, предполагают, что эта категория лиц была убита по произволу отдельных агентов большевицкой власти. Грабежи и реквизиции по полученным данным были весьма значительны. По Бирскому уезду, по его волостям сообщаются следующие данные*:

Наименование волостей	Взыскано контрибуции	Отобрано скота и пр. имущества
Павловская	39 340	689 561
Атняшинская	47 344	663 864
Казанчинская	30 000	781 000
Верхняя Татышлинская	110 000	2 300 000
Байкибашевская	(данные отсутствуют)	(данные отсутствуют)
Бураевская	(данные отсутствуют)	350 760
Капылыновская	(данные отсутствуют)	372 000
Итого, по неполным данным	270 644	5 761 085

По Стерлитамакскому уезду поступил целый ряд протоколов, рисующих убийства, расстрелы и истязания по городу и волостям. Из представленного обширного материала делаю только выборку случаев,

* Суммы в рублях.

наиболее типичных, могущих нарисовать общую картину пережитых населением при большевиках дней*.

Протокол о насилии, грабеже и расстреле священника с. Татьяновки, той же волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, Иоанна Николаевича Алешинского.

Священник Алешинский остался на месте своего служения, не имея средств к эвакуации и не желая оставлять своего поста в столь тяжелое время. 20 или 21 января 1919 г. нового стиля разведка красных арестовала Алешинского, но через некоторое время за отсутствием каких-либо поводов к аресту освободила. Спустя некоторое время местные красноармейцы его вновь арестовали и, приведя в здание совета, всячески издевались над ним. При обыске у него на квартире все более-менее ценное было похищено, все документы приведены в негодность: частью — растеряны, частью — порваны. Над Алешинским издевались и мучили ночами, придумывая различные к тому способы: били сразу в 8 плетей, приставляли приклад винтовки ко лбу или к груди и делали выстрел, причиняя священнику отдачей оружия сильную боль, выдергивали волосы, били головой об пол, заставляли маршировать и, в случае ошибки, наказывали и для устрашения даже стреляли. Эти издевательства продолжались до 27 января. Из Татьяновки его перевезли в Верхотир, здесь продолжались те же издевательства и мучения. Числа 28–29 января 1919 г. Алешинский был переведен в Стерлитамакскую тюрьму.

В тюрьме ему тоже не давали покоя, вызывая на религиозные споры, большевики при этом глумились над религией и Верой. В тюрьме отец Алешинский просидел до 3 апреля нового стиля. В этот день большевики уже очищали город, некоторых из арестованных они выпустили на свободу. Однако 60 человек из них они взяли с собой как заложников, в т.ч. и отца Алешинского. Гнали арестованных пешком. По пути встретившаяся разведка красных, видя в числе арестованных священника, стала издеваться над ним и хотела его расстрелять. В партии были и другие священники, но они были одеты в тулупы и были большевиками-разведчиками не замечены. Один из спасшихся из этой партии рассказывает следующее о судьбе несчастных жертв: "24 марта (по старому стилю) утром нас пригнали в Шарлык и при входе в село потребовали гармошку, чтобы идти под музыку. Это издевательство прекратил один из красных начальников. Арестованных поместили в здании школы 'для отдыха' и здесь же отобрали у них одежду, говоря, что они будут выпущены. Часов в 11–12 ночи, под

* Это является как положительной, так и отрицательной особенностью данного документа. Анализируя изложенные ниже данные, мы действительно можем составить приблизительную общую картину красного террора по данному уезду, однако при этом теряются «нетипичные», но важные для исследования случаи репрессий со стороны красных по отношению к простому населению.

Благовещение, нас стали вызывать по списку в другую комнату, там связывали руки, затем сажали на подводы. После этого мы приехали в пустую колонию и зашли в каменный сарай, аршин в 40, освещался он свечами. Выстроили нас шеренгами: я был в первой, а батюшка — во второй. Когда щелкнули затворы, я упал, а после выстрелов упали все. Красные долго стреляли по лежащим. Меня в это время ранили. После этого кто-то приказал пристреливать поодиночке, но выстрелов было мало, ибо красные бросились грабить. Утром они ушли. Расстрелянных было 35–37 человек. Вместе с отцом Алешинским были там же расстреляны его брат, учитель Осиповской школы Татиновской волости, священник с. Петровского Охотин и другие.

Показания дал сын убитого, студент Пермского Университета, Николай Алешинский".

Зверства большевиков по Макаровской волости Стерлитамакского уезда

«Я, гражданин деревни Гумеровой Яламитдин Каримов, был добровольцем в Народной армии. Одинодворец Кайгуев донес на меня 2-го февраля 1919 г., красные арестовали меня и увели в деревню Искисьяково. Там я испытал ужасные мучения: меня били нагайками, прикладами, топтали ногами. На другой день меня увезли в г. Стерлитамак и заключили в тюрьму, где я испытывал голод, холод и избиения. В тюрьме я пролежал месяц и 13 дней, перед отступлением красных из Стерлитамака был выпущен на свободу. Без меня красные изнасиловали мою жену.

За неграмотностью приложил тамгу».

Опрошенный гражданин деревни Гумеровой Макаровской волости Гарифулла Исламгулов показал следующее:

«Сын мой, Фазулла Исламгулов, был в Народной армии, за что был расстрелян красными 4 февраля сего года по доносу Шаметдина Кайгулова».

По деревне Гумеровой протоколы устанавливают пятерых селян, расстрелянных в один и тот же день и час. Все расстрелы были произведены по доносу, что жертвы состояли в рядах Народной армии.

Расстрелы в селе Мелеуз Стерлитамакского уезда

В арестантском помещении Мелеузского волостного совета были расстреляны: гражданин деревни Кутушевой Араслановской волости Гайзулла Шарыпов и гражданин, проживающий в с. Мелеуз Мутогар Ибрагимов: 1-й — по обвинению в контрреволюционности, 2-й — за жалобы на действо красноармейцев. Их убийство совершил гражданин с. Мелеуз Егор Иванович Наумов, состоявший членом совета. Перед отступлением Красной армии из с. Мелеуз красноармейцами был пойман гражданин деревни

Тюляковой-Араслановской, бывший председателем Араслановской Волостной Земской Управы, Загидулла Касибулатов. Его вывели за село и расстреляли. По прибытии в с. Мелеуз красноармейцами были расстреляны двое: Ахмадей Башарович Якупов и его работник Хабибулла Калимулин. Они поставили им в вину то, что они спрятали своих лошадей, дабы они не были взяты красноармейцами.

Настоящие сведения сообщил
Михаил Данилов, с. Мелеуз

Гражданин деревни Исикиевой, Макаровской волости, Закир Ислагилов, показал следующее:

«К зятю моему, Хайритидину Хисматдинову деревни Сарагаевой, пришли красноармейцы и стали требовать у него девок. Он отказался, говоря, что у него девок нет. Его вывели в поле и расстреляли. На эту ночь красные изнасиловали всех девушек и женщин в деревне Сарагаевой, мужчин при этом выгоняли под угрозой штыка и расстрела.

За неграмотностью приложил тамгу.»

Гражданин деревни Макаровой, той же волости, Валимулла Кинябызов, показал следующее:

«Мой шурин, Шесмитдин Кулбаев, шел с хутора 'Бикшар'. На дороге около деревни Макаровой его поймала красноармейская застава с хутора. Кулбаева привели к его отцу, Кибайнулле Кулбаеву, который был дома и показал, что его сын шел с хутора. Красноармейцы обвинили их в шпионстве и тут же отца и сына изрубили шашками.

Подпись
Валимулла Кинябаев».

Целый ряд аналогичных показаний потерпевших рисует приемы расправы со стороны красных; меняются названия волостей, деревень, имена лиц, но кошмарные бытовые сцены порки плетью, избиения до потери сознания, истязания и расстрел жертв остаются во всех протоколах. Убивали красные по доносу, ложному обвинению, убивали за всякий протест, выраженное несочувствие. Кровь, насилие и грабеж всюду сопутствовали красным. Таковы те кошмарные дни Гражданской войны, которые пришлось пережить жителям разных населенных пунктов при занятии их красноармейцами.

Поступивший до настоящего времени материал касается двух уездов — Бирского и Стерлитамакского. Рисуемые картины почти тождественны для всяких селений, где производилось дознание и были запротоколированы большевизские зверства. Приведенные выше факты зверских деяний, не выделяющихся из общей массы протокольных данных, приведены здесь не потому, что поражают жестокостью расправы, произвола и насилия, а как наиболее общие, характерные, происходящие по всем деревням, занятым

Красной армией. Они могут дать представление о том, что пережила деревня в дни пребывания большевиков, как поступала Советская власть в занятых ею местностях, ее суд и расправы.

Из Мензелинска получено сообщение о расстреле в одном только этом городе 105 человек. Подробности и протоколы буду сообщать.

По мере поступления материалов сведения о зверствах большевиков будут доставляться дополнительно.

С подлинным верно,
Начальник Осведомительного отдела
Штаба Верховного Главнокомандующего,
полковник Х.»

Воспоминания каппелевского офицера Б.А. Павловского «Боевые действия отдельной Волжской кавалерийской бригады полковника Нечаева 1-го Волжского корпуса генерала Каппеля в Сибирской армии адмирала Колчака от Урала до реки Иртыш в 1919 г.». Приведенный ниже отрывок посвящен террору большевиков против татарского населения (которое, по данным того же Павловского, оказывало белогвардейцам в 1918–1919 гг. самую широкую поддержку) и относится к 28 мая 1919 г., когда войска адмирала Колчака откатывались к Уфе. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 543. Л. 11 — 12).

«В Арасланове ко мне явилась депутация из 15 татар за советом, что им делать — оставаться или уходить с нами. Отлично понимая, что их ожидает, я все-таки рекомендовал оставаться, в надежде, что «победители» не будут зверями. Но впоследствии оказалось как раз наоборот: всю злобу, месть, кровожадные инстинкты комиссарское отродье изливало на них.

Были такие деревни, которые до последней хаты сжигались, мужчины и женщины — после целого ряда средневековых пыток — расстреливались или просто добивались, а девушки насиловались и уводились.

Пришлось как-то, по приказанию командира корпуса Каппеля, произвести дознание по делу расследования зверств, учиненных большевиками над татарским населением одной деревеньки, расположенной в двадцати верстах южнее от Бианка (железнодорожная станция и населенный пункт в Уфимской губернии. — С.Б.). От пятидесяти домов не осталось и следа, только обгорелые трубы торчали; из ямы, покрытой обломками досок, вышли старик-татарин со старухой — чудом спасшиеся; на глазах их производились пытки и расстрелы... Наконец они показали огромную яму, наполненную до верха разлагавшимися трупами, каковых было более пятидесяти.

Вот как боролись величайшие изверги-преступники, каковых еще не знал мир, — Ленин и Троцкий, именем которых совершался кровавый разврат по всей России!

Только маньяки и садисты по природе, только отверженные жизнью общественные элементы, привлеченные алчностью и возможностью властвования, могли идти и творить свое кровавое дело в таких размерах.

Трудно все это пережить, но нельзя молчать: и пусть по всей России, во имя долга перед родной страной, во имя заветов человечности, во имя любви к теням замученных борцов за свободу прокатится могучий клик: «Долой большевиков! Да сгинут палачи-людоеды: троцкие, петерсы, дзержинские, лацисы, кедровы!..»

Документов относительно красного террора в районе Уфы выявлено сравнительно много. Переписка следственных комиссий Омского правительства с уфимскими местными властями о расстрелах «лиц, причастных к контрреволюционной деятельности», представляется важным источником для изучения масштабов красного террора на востоке России в период Гражданской войны. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 342. Л. 1–2).

«Резолюция г. Председателя Совета Министров. Записка эта мне представлена (засвидетельствована Тельбергом, министром юстиции и товарищем Предсовмина Омского правительства) одним уфимским беженцем, чьи данные заслуживают доверия. Сообщить копию для сведения министра юстиции и управляющего Министерством Внутренних дел. (Вологодский). 4 июня 1919 г.

Записка

О деятельности Уфимского отдела юстиции с состоящими при нем учреждениями в период господства в Уфе большевиков с 1 января по 12 марта 1919 г.

При отступлении в декабре 1918 г. правительственных войск в г. Уфа осталась масса населения, безусловно не сочувствовавшая большевизму, на произвол большевических банд. С приходом в Уфу большевиков город был объявлен на военном положении и вершителями судеб уфимцев являлись командиры. Начались массовые расстрелы по приказанию коменданта города. Число жертв увеличилось с образованием в городе «чрезвычайки», которая являлась не только следственным органом, но и судилищем, застенком, где гибли люди по анонимным доносам. Естественно, что обреченными на смерть являлись люди, инакомыслящие по отношению к большевикам.

С образованием в городе гражданского управления во главе большевистского отдела юстиции стал Галанов, человек с высшим юридическим образованием, интеллигентный и отзывчивый, к которому потянулись руки семей пострадавших уфимцев с мольбой о помощи. Став очевидным свидетелем людского горя, Галанов поставил себе целью добиться отмены военного положения в городе, чтобы вырвать власть из рук военных руководителей. Он

требовал передачи всех дел из «чрезвычайки» в гражданский трибунал, желая положить конец кровавой оргии с невинными и напрасными жертвами. В образованную им при Отделе юстиции консультацию были привлечены в порядке трудовой повинности 3 лица из уфимской адвокатуры, в т.ч. и А.А. Кийков, а в качестве секретаря консультации — член Уфимского окружного суда старик Федосеев.

Галанов вел тяжелую борьбу против «чрезвычайки» 5-й красной армии Павлуновского, который не хотел выпускать от себя даже уголовные дела. Однако он победил, и Павлуновскому оставили только дела военного шпионажа, что спасло тем самым множество жизней».

Отрывок из воспоминаний полковника Щепихина о судьбе одной офицерской семьи в Уфе показывает отношение красных к офицерам вообще и членам их семей в частности. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 21).

[Осенью 1918 г. в Уфе мне представился] «малонормальный полковник Виноградов. У него большевики на его глазах уничтожили всю семью, а он сам спасся чудом».

Красный террор против евреев

Отрывок из воспоминаний. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 181. Л. 156–158).

«В Кунгуре, по постановлению военкома, расстрелян местный коммерсант Исаак Пильник и его брат Мориц Пильник, обвиненные в покушении на взрыв железнодорожного моста вблизи Кургана и в оказании помощи белым. В Перми, по постановлению Чека, расстреляны евреи: Краснер, Коган, Беринбрюль и другие за участие в Белом движении.

В Уфе в мае красными был вывезен на барже в качестве заложника и затем вблизи пристани Кембарки на Каме расстрелян московский журналист Макс Редер за выступление в уфимской печати против советской власти. На барже вблизи Сарапуля убиты большевиками коммерсанты Кац, Рубинчик и Трайнин.

В июне 1918 г. зверски замучен в Сарапульской тюрьме владелец Сарапульского кожевенного завода еврей Давид Ушеренко с двумя сыновьями-реалистами, обвиненными своими рабочими в контрреволюционной деятельности и в хранении оружия. Тела их брошены в Каму и не розданы.

В июле того же года в Ижевском заводе по приговору местного исполкома расстреляны владелец ювелирного магазина Рывтин с сыном.

В Елабуге брошен в Каму расчетный подрядчик железнодорожных работ Абрам Коген, обвиненный в сношениях с чехами.

Еврейские торгово-промышленные предприятия, как и русские, представляют собой картину полного разгрома. Все товары были реквизированы и расхищены, владельцы устранены и все их имущество — национализировано. От евреев-домовладельцев отбирали их имущества так же, как от русских. Еврейскую буржуазию одинаково выгоняли на чистку улиц и тротуаров, как и русскую.

Еврейские благотворительные и общественные организации закрыты, и капиталы их ограничены.

К еврейским общинам приставлен еврей-коммунист комиссаром. Все национальные сионистские издания закрыты, а должности общественных раввинов — упразднены».

Тургайская область

Список милиционеров правительства Колчака, пострадавших от рук большевиков. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 6. Д. 36. Л. 24).

«Старший милиционер Михаил Крюков. Расстрелян большевиками в ночь на 26 марта 1919 г. в поселке Долбушайском. У него остались жена, мать и 1 ребенок.

Старший милиционер Федор Исаевич Головин. Расстрелян большевиками в поселке Боровом 27 марта 1919 г. У него остались жена и 3 детей.

Младший милиционер Семен Степанович Назаренко. Расстрелян большевиками в поселке Боровом 27 марта 1919 г. У него остались жена и 4 детей».

Глава 2. КРАСНЫЙ ТЕРРОР В СИБИРИ 1918–1919 гг.

Террор красных партизан особенно усилился после прихода к власти правительства Колчака. О партизанском движении как о настоящей проблеме белые заговорили с весны 1919 г. Во многом развитие партизанщины связано с тем, что в результате переворота, организованного казачьи офицерами и правыми министрами прежнего Временного Сибирского правительства, оказался нарушенным компромисс. Этот компромисс был достигнут упорным трудом и долгими дискуссиями между лидерами антисоветских сил летом-осенью 1918 г. Тогда сложилось коалиционное правительство — Директория, включавшее в себя левое крыло из эсеров и меньшевиков и правое крыло из кадетов и «беспартийных». Обиженные лидеры эсеров во главе с Вольским и Черновым объявили войну Омскому правительству Колчака. Часть сибирского населения, особенно крестьянство, выражала недовольство переворотом. Этим воспользовались большевики, развернувшие вооруженную борьбу против белых у них в тылу. Для вовлечения крестьян в большевицкое движение были и дополнительные стимулы: практиковавшиеся отдельными воинскими отрядами белых (из-за плохого снабжения) конфискации, реквизиции, введение новых налогов и податей, мобилизации в армию, а также неправомерные действия представителей местных властей, которые пользовались тем, что в сложившихся условиях контроль над ними ослабел.

Однако кое-где партизаны и подпольщики действовали уже с конца лета и осенью 1918 г. Ситуация в Сибири непосредственно влияла на положение в центре страны. Об этом свидетельствуют документы Центра хранения документации новейшей истории Красноярского края (ЦХДНИ КК; Ф. 64. Оп. 1. Д. 555. Л. 6–8). Так, в колчаковской контрразведке весной 1919 г. появились данные, что «сибирские коммунисты призвали своих коллег в центре усилить красный террор с требованием массового уничтожения белых заложников, ибо только красный террор может приостановить истребление наших товарищей в Сибири».

Алтайская губерния

Особый интерес представляют Славгородское восстание большевиков в сентябре 1918 г. и последующее развитие событий. Переписка

следственной комиссии Омского правительства с органами местной власти и рапорт начальника Славгородской уездной милиции Алтайской губернии содержат необходимые сведения. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 343. Л. 2).

Во время сентябрьского восстания в Славгороде большевики убили 30 офицеров из местного гарнизона и городского голову Славгорода Треша. А 4 сентября «в пути следования из с. Златополя в Славгород были убиты: начальник милиции 3-го района Славгородского уезда Филипп Афанасьевич Белоножко и 3 милиционера: Кульчицкий, Воронаев и Картавых.

Кроме сего, 10 февраля 1919 г. в с. Восторове Покровской волости шайкой бандитов, сторонников советской власти были убиты: помощник начальника милиции 1-го района Славгородского уезда Кашмарышкин, 4 милиционера и 1 тяжело ранен, и 27 апреля 1919 г. в с. Северском Ключевской волости убит помощник начальника милиции, начальник 3-го района Шалыгин».

К сожалению, по сообщению начальника Славгородской милиции, собрать точные сведения о количестве жертв красного террора было невозможно, т.к. милиция не вела специальную документацию по этому вопросу.

Следующий документ от 4 июня 1919 г. позволяет узнать подробности о красном терроре в Барнаульском районе Алтая у села Рубцовка. Хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 303. Л. 1–2). «Наряд IV, переписка № 4/4.

Близ села Ново-Георгиевского, где бандой разбойников были убиты 3 милиционера, были найдены их трупы на расстоянии 35 верст от с. Рубцовки: помощника начальника милиции 4-го района названного уезда Кирилла Яковлевича Кондратьева, милиционеров Николая Александровича Зайцева и Семена Николаевича Захарова, а также секретаря Ново-Георгиевской Волостной Земской Управы Афанасия Семеновича Андросова.

Трупы, за исключением Андросова, в одном нижнем белье, и на всех имеются ранения, пулевые и рубленные шашкой.

При расследовании настоящего преступления мною было установлено следующее: 3-го июня в с. Титовском появилась банда разбойников из 10 человек, вооруженных винтовками, револьверами и шашками. Банда находилась под командой начальника или атамана, коего члены банды называли господином прапорщиком. По сведениям милиции начальником шайки состоит подпрапорщик Мамонтов. Эта шайка в с. Титовском сделала разбойничий набег на мельника Букреева и ограбила его 14 тысяч рублей. Затем там же шайка ограбила приехавшего для закупки хлеба члена Змеиногорской

Земской управы Милованова, похитив у него 4 тысячи рублей, серебряные часы и белье. По совершении этих преступлений шайка отправилась в с. Ново-Георгиевское, отстоящее от с. Титовского на расстоянии 27 верст.

Прибыв в Ново-Георгиевское, шайка явилась в волостную управу, где ограбила всю наличность кассы в размере 27 тысяч рублей. При этом она расспрашивала как председателя, так и секретаря Андросова об их политических убеждениях; причем на их расспросы председатель давал уклончивые ответы, заявив, что он служит крестьянскому делу, а политикой не занимается. Андросов же заявил, что он — сторонник Правительства и стал требовать от грабителей документы об их личности. После этого Андросов был арестован ими.

Перед приездом шайки в Ново-Георгиевское прибыл на постоянное жилище отряд милиции из помощника начальника милиции Кондратьева, милиционеров Зайцева, Захарова и Аншакова. Остановившись на земской квартире, отряд оставил там свое оружие, а сам отправился искать для себя квартиру, при этом встретился с шайкой, которой и был арестован. Все оружие милиции было взято грабителями. Арестованные милиционеры и секретарь Управы были отвезены от села на расстояние 2–3 верст и там расстреляны. При этом одному из милиционеров, Аншакову, удалось удачно бежать в то время, когда они были поставлены для расстрела, и, несмотря на преследование его выстрелами, он остался невредим. Кроме одежды грабители похитили у названных лиц все деньги и другие вещи, бывшие при них. Так, у Аншакова они похитили 250 рублей и часы. При разговорах с милицией грабители называли себя красной гвардией и издевались над ней, угрожая гвоздями прибить к их плечам погоны.

На место преступления выезжал мировой судья, который приступил к настоящему делу и производству предварительного следствия.

По агентурным сведениям эта шайка с частью другой банды насчитывает до 50 человек. Она оперирует в этой местности и по бору переходит в пределы Славгородского уезда. Для ее ликвидации принимаются меры как местной милицией, так и отрядом особого назначения из Барнаула, но пока эти меры не достигли полного успеха.

Несмотря на это, отряд особого назначения из 200 человек под руководством капитана Кулакова и управляющего Барнаульским уездом Кашлакова в Ново-Георгиевское не явился. Их своевременно известили о происшествии, но они не поехали туда, а отправились на отдых в Барнаул.

Товарищ прокурора Муравьев».

Донесение № 1085 управляющего Алтайской губернией Стрельмана из Барнаула министру внутренних дел правительства Колчака Пепеляеву, от 20 августа 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 6. Д. 120. Л. 14–15).

«В селе Титовском, той же волости, Змеиногорского уезда, 3 июня сего года в здание Волостной Земской Управы вошли 10 человек вооруженных бандитов. Они напали на находящегося здесь члена Змеиногорской уездной земской управы Милованова. У него ими было отобрано около 4 тысяч рублей денег. У него же на земской квартире забрали револьвер, браунинг с 3 патронами, 1 суконную тужурку, пару хромовых ботинок, одни часы, 1 бритву, кошелек и одни суконные брюки.

Затем банда направилась в село Ново-Егорьевское, где ограбила кассу Волостной Земской Управы, забрала из таковой 26 тысяч рублей. После этого банда напала внезапно на помощника начальника милиции 4-го района Кондратьева, старшего милиционера Захарова, младших милиционеров Аншакова и Зайцева, отобрав у названных чинов милиции наган № 89286 с 4 патронами, револьвер "Смит Вессон", 1 шашку, 1 берданку за № 58032 с 5 патронами, 1 двухствольное дробовое ружье. Кроме того, бандиты забрали у них всю одежду, документы и удостоверения милиционеров, в т.ч. на взимание подвод, дознания и переписки.

Названных чинов милиции, а равно и волостного секретаря Ново-Егорьевского Андросова банда вывезла за село, в лог, на расстояние около 2 верст, и расстреляла. Погибли помощник начальника милиции 4-го района Кондратьев, милиционеры Захаров, Зайцев и секретарь Андросов, а милиционер Аншаков из-под расстрела бежал и обо всем происшедшем доложил начальнику 4-го района милиции Русову с добавлением, что банда хорошо вооружена трехлинейными винтовками, револьверами системы "Наган", шашками и передвигается на хороших лошадях.

При выезде из села Ново-Егорьевского бандой был задержан стростинский ямщик Гноевой, на глазах которого был произведен расстрел указанных лиц, после чего ямщик был освобожден.

В Змеиногорский уезд банда перешла, как выяснил начальник милиции 4-го района, из Славгородского уезда. Это произошло вследствие командирования в последний уезд отряда особого назначения.

Дальнейшее свое следование банда направила на села Лебяжье и Шелковниково, а затем на село Сросты.

Начальник милиции 4-го района Русов совместно с товарищем прокурора Муравьевым, судебным следователем Крыловым, железнодорожным врачом Чернышевым и помощником начальника Островским и отрядом милиционеров в числе 7 человек, приехал в село Ново-Егорьевское в ночь на 5 июня сего года. Ими была произведена облава в верстах 2–3 от села Ново-Егорьевского по направлению на Сросты. В результате ее в лесу, на поляне, был найден костер с отпечатками сидевших вокруг него 10 людей. При дальнейшем розыске были задержаны 2 человека, как оказалось, близко соприкасавшиеся с бандой. Они указали следующих участников банды: Лаврентия Калиновского, Егора и Михаила Константиновых, их зятя Корсакова, Михаила Косьянова, Василия Гринина, Ивана Душкина,

происходящих из села Солоновки; Соловьева из села Убиенско-Сендериевского, Яшку Брюханова, основателя банды; Григория Кузнецова, Дмитрия Свиных, Архипа Шумейко, последние происходят из села Вострого; Федора Юрова, Семена Сильвестрова, Григория Алексева, Соловьева, Сесюкова и предводителя банды подпрапорщика Мамонтова. Происхождение последних неизвестно.

Задержанные лица впоследствии при попытке к бегству были расстреляны.

По дальнейшим агентурным сведениям банда, не заходя в село Сросты, ушла в бор по направлению к Большому Логу, а затем по Сузунской дороге, на Малышев Лог.

Наблюдение за дальнейшим следованием банды производится агентами милиции 4-го района, а преследование бандитов — отрядом под командой прапорщика Волженина, высланного из Змеиногорска.

Докладывая о вышеизложенном вашему ведомству в дополнение к телеграмме от 7 июня за № 1098, присовокупляю, что ходатайство о награждении убежавшего из-под расстрела милиционера Аншакова и о назначении пособия семействам убитых: помощника начальника милиции 4-го района Кондратьева и милиционеров Захарова и Зайцева — было мною возбуждено дополнительно, по получении затребованных сведений».

Донесения за август 1919 г., включенные в списки чинов милиции, солдат правительственных войск и отрядов особого назначения, пострадавших в борьбе с большевиками. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 6. Д. 123. Л. 3, 9–10, 13–14).

«Подпоручик Пригодич и прапорщик Васильев были командированы начальником отряда особого назначения на казенные вольфрамовые прииски "Букуинский" и "Белухинский" 1 августа 1919 г.

В 7 часов утра офицеры выехали на обывательских подводах со станции Хадабулак по направлению к приискам, опрашивая по дороге проезжавших крестьян, нет ли в Турге красных, на что получали отрицательный ответ. При въезде в Тургу офицеров сразу окружили человек 20 большевиков, отобрали оружие, сорвали погоны и повели в падь "Актя", где раздели, связали веревками, а потом собрали митинг, на котором и решили их расстрелять. После расстрела красные уехали, оставив трупы убитых. Жители поселка Турги тела убитых похоронили».

«Барнаульский уезд. Солдаты Митяев Иван Петрович и Алексеев Федор Михайлович, оба холостые, 20 августа 1919 г. в станице Чарышкинской были арестованы казаками и выданы красным, которые их убили около деревни Сомовка; труп Алексева не найден».

«Змеиногорский уезд. Помощник начальника милиции 3-го участка Змеиногорского уезда Ефим Егорович Романов, женатый, имел 16-летнего сына,

8 августа 1919 г. был арестован бандой красных в селе Березовском. По пути следования в главный штаб красных в селе Осколково (Марковское) Барнаульского уезда в селе Барановском он был избит ими до потери сознания. Романов 9 августа был в каталажке села Воробьевского уже избитым, а 10 августа его увезли в Марковку, и в пути он был убит красными конвоирами».

«Макаров Гавриил Козьмич, Воробьевской волости, милиционер, командированный змеиногорским уездным воинским начальником. Цензовик из народных учителей, женат, имел сына 2 лет. Макаров 6 августа 1919 г. был арестован бандой красных в селе Воробьевском, откуда увезен в село Марковское Барнаульского уезда в главный штаб красных. Оттуда никто из арестованных и отправленных сюда большевиками не возвращался. Макаров расстрелян».

«Меркурьев Давид Андреевич, младший пеший милиционер 4-го участка, из крестьян, имевший гражданскую жену и дочь-младенца, 16 сентября 1919 г. вместе с милиционером Рыбовалюк, во время отступления правительственных войск со станции Рубцовки, не успели попасть в поезд и были зверски убиты занявшими станцию Рубцовку красными. На 2-й день после этого красные ушли отсюда, когда узнали, что на Рубцовку движутся правительственные войска.

По занятии станции Рубцовка правительственными войсками были найдены трупы означенных выше милиционеров. По слухам, полученным от местных жителей, после мучений уже мертвого Рыбовалюка красные рубили шашками. При осмотре их трупов оказалось: у Рыбовалюка на лбу 2 раны, нанесенные шашкой, по 1 вершку каждая, щеки и нос разрублены, рот разрублен, половина зубов выбита; горло перерезано, правое плечо разрублено; вдоль груди — 2 следа от удара плетью, в животе 3 пулевые раны. Грудь поперек разрублена шашкой в 3 местах, раны по 4–6 вершков, на животе — 4, на правой ноге ниже колена — 4, а на левой ноге — 5 шашечных ран. Левое бедро подпалено поджогом, отчего образовался круг поражения в 4 вершка, спина и руки исстеганы плетью.

У милиционера Макарова левая косица вся рассечена шашкой, кисти обеих рук почти отрублены, на груди 2, на спине 3, на левом плече 1, на левом боку 1, на левой холке 1 и на правом боку 1 штыковые раны, все тело исстегано плетью».

Отрывок из воспоминаний очевидца падения власти белых в Сибири и великого сибирского отступления. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 329. Л. 12).

[При отступлении колчаковцев] «возможно большее число докторов и сестер было увезено, так как было известно, что большевики, главным образом, мучают и пытаются именно медицинский персонал. Отходившая [на восток от Омска] армия получила известие, что все [захваченные

красными] больные и раненые подверглись страшным пыткам и затем были умиротворены большевиками. Та же участь постигла всех найденных большевиками на поле битвы раненых офицеров».

В воспоминаниях юнкера Федоровича (ГА РФ. Ф. 5859. Оп. 1. Д. Л. 2–3) содержатся сведения о красном терроре против юнкеров города Томска. По его данным, многие офицеры Сибирской армии к тому времени были распропагандированы большевиками и эсерами. Среди них и капитан Морозов, назначенный командовать над юнкерской ротой. Этот офицер предложил своим подчиненным сдаться, утверждая, что «большевизм не так страшен». Федорович с несколькими юнкерами отказался от его предложения и пробился к отходящей армии. Оказалось, что этим самым они спасли себе жизни: сдавшихся юнкеров, несмотря на обещание красных не причинять им вреда, большевики перебили, предварительно подвергнув мучениям.

Отрывок из воспоминаний генерал-майора Фельдмана. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 518. Л. 10–11).

«При захвате Омска красными до 120 поездов от Омска до Ново-Николаевска и далее к Томску были уничтожены, сожжены со всеми их пассажирами, преимущественно семьями офицеров».

Отрывок из воспоминаний одного из колчаковских генералов об отходе остатков иркутского гарнизона после капитуляции правительства Колчака и передачи им власти в Иркутске. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 771. Л. 9).

«Стали гадать — успеем ли погрузиться [на пароходы для переправы на восточный берег Байкала], прежде чем настигнет Каландаришвили*, а ему попасться в руки — спаси Бог. Живым лучше не даваться».

Енисейская губерния

В г. Енисейске в ноябре 1918 г. большевицкое подполье во главе с Гончаровым и Неупокоевым организовало восстание с целью свержения власти белогвардейцев в городе и развертывания нового фронта борьбы в тылу у белых. Во время восстания толпа большевиков из трехсот человек

* Один из партизанских лидеров Сибири в 1919–1920 гг. На протяжении 1919 г. эволюционировал в своих взглядах от анрхизма к большевизму. Славился личной жестокостью по отношению к пленным белогвардейцам и поддерживавшему их населению. Вместе со своим отрядом попал в засаду, организованную белогвардейцами и якутскими националистами в Якутии в 1922 г., и был убит.

совершила массовые насилия над непролетарским населением города. Во время разгрома городской милиции большевики ворвались в квартиру милиционера Ситникова, жестоко избили его самого и его мать-старуху. Ситников умер. Когда с колчаковской милицией покончили, красные бандиты стали врывать в дома и грабить состоятельных жителей. Вскоре восстание было подавлено объединенными силами енисейской милиции¹.

Новую попытку захвата власти большевицкое подполье во главе с Байкаловым предприняло 14 февраля 1919 г., после ряда вооруженных восстаний в сибирских городах в конце декабря 1918 г. Несмотря на то что их удалось подавить, большевицкое движение уже в январе 1919 г. распространилось на провинцию Енисейской губернии.

14 февраля 1919 г. красные захватили власть в городе и его окрестностях и держались до 27 февраля, пока мятеж снова не был подавлен. Во время этих событий была разгромлена местная милиция, разрушен телеграф, уничтожены представители колчаковской администрации и казачества, солдаты-добровольцы местного гарнизона, офицеры и просто состоятельные люди. Практически вся интеллигенция была арестована и подверглась физическому насилию. Байкалов и его подручные для снабжения своих банд всем необходимым, ввели в захваченном ими районе контрибуцию, под видом которой грабили непролетарское население и вовлекали в грабежи крестьян с целью создать себе опору в их среде².

Отрывок из списка погибших милиционеров Енисейской губернии. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 6. Д. 3 в. Л. 10).

«Старший милиционер Даниил Панчук захвачен в бою большевицкими бандами в селе Степной Баджей в октябре 1918 г. и убит. Остались бывшая на его попечении жена, сын и теща, имущества не имел».

«Список пострадавших милиционеров в борьбе против красных» составлен в МВД правительства Колчака. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 6. Д. 3 в. Л. 4, 5).

«Старший милиционер Ачинской уездной милиции Енисейской губернии Захаров увезен бандой красных из деревни Заткловки в январе 1919 г. и по настоящее время не обнаружен».

¹ ГА РФ. Ф. 149. Оп. 8. Д. 13. Л. 20.

² Там же. Л. 21–22

Старший милиционер Енисейской Городской милиции Степан Менщиков замучен до смерти в Енисейской тюрьме большевиками в феврале 1919 г. из мести за энергичные действия против большевизма и за верную службу Временному правительству. Остались гражданская жена и сын».

Мятеж в Енисейске послужил сигналом к активному выступлению большевиков по всей губернии. В феврале 1919 г. красные захватили крупное село Тасеево, вскоре ставшее базой партизанской армии Кравченко-Щетинкина. При этом они взяли в плен шестерых местных милиционеров: Вещева, Кузьмищева, Лаврентьева, Сенкевича, Стадниченко, Чулкова, издевались над ними и убили штыками³. Подобные проявления жестокости к представителям колчаковской милиции и власти вообще стали повсеместными. С помощью этих мер большевики безуспешно пытались вызвать отток кадров из низшей администрации и милиции.

Отрывок из списка погибших милиционеров Енисейской губернии. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 6. Д. 3 в. Л. 10).

«Младший конный милиционер Красноярской уездной милиции Василий Изюмов 12 апреля 1919 г. был захвачен и убит в селе Маганском Вознесенской волости большевицкими бандами. У погибшего остались отец и мать, имущества не имел».

12 марта 1919 г. в село Ужур Ачинского уезда пришла большевицкая банда, ограбив его жителей на общую сумму в 300 тысяч рублей. В это же время в селе Большое Озеро Кизильской Волостной Земской Управы большевики-партизаны совершили насилия над местными жителями и грабеж на общую сумму в 3412 рублей деньгами, а также забрали паспортные бланки с правительственными печатями⁴. Зачастую большевики забирали деньги, предназначенные для закупки инвентаря, необходимого для сельского хозяйства, охоты, промыслов или рыбной ловли, обрекая население на голодную смерть.

14 марта 1919 г. в село Шарьпинское Ачинского уезда пришла вооруженная винтовками банда большевиков численностью приблизительно 300 человек: «главари шайки отправились по домам искать оружие, патроны и деньги». Они расстреляли начальника милиции 6-го участка А.И. Плешкова, а «все его делопроизводство уничтожили», после чего отправились «к Егору Павлинову Еремееву. При отступлении банда

³ Там же. Д. 12. Л. 121–122.

⁴ Там же. Д. 13. Л. 11–12.

увела его босиком [по снегу] и около деревни Линевой отрубила ему голову». Кроме того, был зверски убит другой член местного земства Марьясов.

«А.И. Плешков имел 5 душ детей, после его убийства все его имущество было разграблено, не оставили даже грязного белья. У Еремеева и Марьясова разграблено все имущество до последнего горшка»⁵.

Из донесения управляющего Енисейской губернией Троицкого министру внутренних дел А.Н. Гаттенбергеру:

«В 20-х числах марта красные из [деревни] Кулаковой перешли на Климовскую дорогу из [деревни] Стрелки на прииски [золотодобычи] и сожгли зимовья [охотников]»⁶.

Следующий документ из Енисейской губернии датируется концом марта или началом апреля 1919 г. Хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 6. Д. 3 б. Л. 28).

«Младший милиционер Василий Михайлович Карачев расстрелян большевиками в селе Тасеевском. После него остались жена и 3 детей».

В апреле 1919 г. с целью отвлечения сил казаков партизаны-большевики произвели серию нападений на енисейские и сибирские станицы, где произвели многочисленные насилия над их жителями и отобрали почти все имеющиеся подводы. После занятия красными партизанами станицы Нижне-Есаульская казаки начали отказываться воевать против большевиков на фронте, стремясь спасти собственные станицы. Большевики в массовом порядке отнимали подводы и у крестьян (например, в деревне Малые Камарчаги⁷) для нужд активно формируемых партизанских отрядов.

В докладе от 31 марта 1919 г. в управление милиции Енисейска подробно описаны действия одного из отрядов Щетинкина. Захватив деревню Алтата, он отобрал у местных жителей сапоги и одежду, а также уничтожил земское делопроизводство и правительственные печати. При отступлении из деревни красные захватили и зверски убили по дороге священника Поливанова, бывшего милиционера Дружинина и зажиточного крестьянина Ивана Максимова⁸.

Вскоре разведка отряда особого назначения обнаружила в селе Новосельцы 3 трупа зверски убитых красными партизанами людей — местных крестьян Кузнецовых и Новоселова, которые выразили свое несогласие с действиями большевиков⁹.

Сибревком, перейдя на нелегальное положение, координировал террор против представителей Омского правительства, о чем свидетельствует его постановление от 30 апреля 1919 г. «О первомайской амнистии». Чтобы запутать доверчивых крестьян, в нем декларировалась амнистия всем, «за исключением тех из них, которые осуждены за участие в вооруженной борьбе или содействие в вооруженной борьбе против советской власти, или совершили преступление с явно корыстной целью»¹⁰.

В конце апреля — начале мая 1919 г. большевики-партизаны в массовом порядке отобрали у крестьян, живших по берегам Енисея, лодки для действий на водных коммуникациях. Анцирская волостная земская управа сообщила, что в селах Новосельском и Георгиевском, жители которых активно занимались охотой, большевицкими главарями отобрали все запасы пороха и пистонов¹¹. В других случаях красные отнимали у крестьян и ружья.

Отряд красных партизан настолько затерроризировал жителей деревни Абакумовская в мае 1919 г., что они «просили выслать... отряд для ликвидации банды»¹², несмотря на страх перед белогвардейскими отрядами особого назначения.

Неспокойно было и в Акмолинском районе; только 7 мая 1919 г. банда большевиков-партизан разграбила там Всесвятский медицинский пункт (он функционировал исключительно в интересах местного населения, а не белогвардейской армии), а также племенной рассадник. Ограбили они и местных жителей (общий ущерб от этого налета составил не менее 1 млн руб). При этом не обошлось без жертв. Согласно телеграмме в Совет министров, заведующего III переселенческим подрайоном Лапшина, «врача (из всесвятского медпункта. — С.Б.) и его жену 9 мая нашли в 5 верстах от села Всесвятское, врача — с вырванными глазами, избитого и зарезанного, жену его — изнасилованную, израненную штыками, зарезанную»¹³.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 12. Л. 56.

⁷ Там же. Д. 13. Л. 64.

⁸ Там же. Л. 69.

⁹ Там же. Д. 12. Л. 40.

¹⁰ Сибирская Вандея. Т. 1. С. 19.

¹¹ ГА РФ. Ф. 149. Оп. 8. Д. 13. Л. 78, 108.

¹² Там же. Л. 164.

¹³ ГА РФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 29. Л. 107

16 мая 1919 г. деревня Хаврино была захвачена красными партизанами после ожесточенного и неравного боя с местными милиционерами. Когда были исчерпаны все возможности обороны и кончились патроны, милиционеры спрятались. Однако большевики их нашли и после всевозможных издевательств зверски убили. Фамилии погибших: Горчаков, Демин, Зорин, Лазарев, Папков, Хвесько¹⁴.

7 июня 1919 г. белогвардейцы взяли село Рыбное в Заангарском районе. При этом каппелевским подполковником Ромеровым* были освобождены пятьдесят семейств зажиточных крестьян, над которыми большевики жестоко издевались¹⁵. Главы этих семейств — мировой судья, священник, акцизный чиновник, лесничий и другие — были зверски убиты красными¹⁶.

Во время специальной операции генерал-лейтенанта Розанова по ликвидации банд Кравченко-Щетинкина в Енисейской губернии красные партизаны Тасеевского района стали терроризировать местных золотопромышленников. Они нападали на прииски, убивая рабочих и владельцев производства, уничтожая золотодобычу¹⁷.

Во время восстания большевистствующих урянхов (тувинцы) 24 июня 1919 г. их главари производили массовые убийства русского населения¹⁸.

К концу лета 1919 г. красные партизаны активно отнимали у крестьян хлеб для снабжения своих отрядов, начали мобилизацию молодежи в свои банды. За сопротивление убивали. Так, красные партизаны отрядов Кравченко-Щетинкина перебили крестьян села Заимки, которые сопротивлялись реквизиции хлеба и другого движимого имущества¹⁹.

Прошение крестьянина Томской губернии Каинского уезда Шипицинской волости села Шипицино Б.В. Свенцицкого в Совет министров правительства Колчака от 30 сентября 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 6. Д. 120. Л. 53). Печатается с сокращениями.

«В начале июля 1919 г. у нас было совершенно спокойно, да я и вообще не подозревал, чтобы у нас могли быть военные действия или наступление большевиков. Я хорошо знал, что у них вроде не с чем воевать, а потому и не думал о сборе и вывозе своего имущества для внезапной отправки

его с целью сохранения. Однако от одного из беженцев с того края, где формировалась шайка бунтовщиков, я имел сведения, что я у них внесен в списки неблагонадежных для их партии и что я подлежу трибуналу полевого суда за агитацию свержения Советской власти в 1918 г.

Вечером 14 июля 1919 г., часов в 6, узнаю от милиции, которая покидала наше село, что большевики, в числе до 200 человек, находятся в 12 верстах от нашего села, а ночью должны его занять. Тогда я решил скрыться, дабы остаться живым.

Когда я узнал, что большевики в Шипицино ликвидированы, решил добраться в свое село. Когда приехал домой, нашел лишь одни стены дома, все же остальное имущество на сумму 92 321 рубль было расхищено шайкой бунтовщиков».

В конце августа — начале сентября 1919 г. колчаковцам пришлось отвлекать дополнительные силы для охраны крестьян, убирающих урожай, поскольку по всей Сибири прокатилась волна нападений красных партизан. Только в районе Канска «двадцать четыре [сельскохозяйственных] участка было сожжено совершенно»²⁰. Большевики ломали и расхищали сельскохозяйственные машины, творили насилия над мирными крестьянами.

В селе Ибрюль красные партизаны напали на крестьян и силой отняли у них хлеб: часть его забрали с собой, а часть свалили в грязь, поскольку им понадобились пустые мешки. Крестьяне остались без хлеба, так как даже выброшенное зерно использовать было уже невозможно²¹.

В частности, из-за этого крестьяне многих деревень выносили такие приговоры:

«1919 года сентября двадцатого дня. Мы, нижеподписавшиеся Енисейской губернии и уезда Бобровской волости Троицкого сельского общества, состоящего из 53 домохозяйств, имели суждение о том, что в наше селение временами являются красные, и с настоящего времени... решили поддерживать Временное правительство [Колчака], а не тех, которые ходят грабить и убивают народ невинный и требуют какой-то советской власти и контрибуции, а также никакой помощи красным не оказывать»²².

Местное население охотно помогало отрядам особого назначения в поиске и уничтожении большевистских банд, причем даже тогда, когда судьба белых в Сибири была решена. Так, отряд особого назначения

¹⁴ ГА РФ. Ф. 149. Оп. 8. Д. 12. Л. 157.

* Впоследствии Ромеров был пойман большевиками и живьем сварен в асфальте.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 149. Оп. 8. Д. 13. Л. 170

¹⁶ Там же. Д. 12. Л. 263.

¹⁷ Там же. Л. 302.

¹⁸ Там же. Л. 200.

¹⁹ Там же. Л. 256, 278.

²⁰ Там же. Л. 183.

²¹ Там же. Л. 212.

²² Там же. Л. 225–226.

подхорунжего Власова 4 ноября 1919 г., при помощи крестьян деревни Мажар уничтожил крупную большевицкую банду Копылова и захватил важные документы, позволившие разгромить красное подполье в Красноярске. Большевики отряда Копылова терроризировали местных крестьян, и они поспешили избавиться от них, помогая белогвардейцам²³.

По данным командиров отряда особого назначения большевики называли стражников «карателями» и обещали «беспощадную расправу в случае пленения»²⁴.

Донесение белых милиционеров о действиях большевиков против колчаковской милиции в октябре 1919 г. в районе Красноярска. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 6. Д. 132. Л. 11, 12).

«Волостной милиционер Михайловской волости Красноярского уезда Цветков Василий в ночь на 11 октября 1919 г. находился в селе Михайловском при нападении на него банды красных в 45 человек. В этом селе он нес службу с 16 августа сего года. После разграбления местности и погрома волостной управы в 7 часов утра сего числа он был расстрелян красными. Имущество его было разграблено, а жена оставлена без средств существования.

Младший конный милиционер 1-го участка Красноярского уезда Боскуновский Адам, служивший здесь же с 1 сентября сего года, был также расстрелян. Его дети оставлены без средств существования.

Младший пеший милиционер 1-го участка Красноярского уезда Василий Титов, несший в Михайловском службу с 23 июня сего года, был также расстрелян красными. Без средств существования оставлены его жена и дети.

Младший пеший милиционер Пивнев Семен, 1-го участка Красноярского уезда, служивший здесь с 11 января сего года, также погиб во время нападения большевиков на Михайловское».

В момент поражения белогвардейцев в Сибири красные партизаны не только не ослабили, но даже усилили террор. Так, во время захвата в декабре 1919 г. бандой партизан г. Щегловска погибла большая часть не только его гарнизона, но и мирных жителей, которые были перебиты озверевшими победителями. Число жертв исчислялось многими сотнями. Однако полностью уничтожить население города красным не удалось: вскоре подошла Самарская дивизия Каппеля и выбила захватчиков из города, тем самым было спасено его население²⁵.

²³ Там же. Л. 229.

²⁴ Там же. Л. 174.

²⁵ ГА РФ. Ф. 5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 62.

Один из журналистов кратко пишет о происшедших в ноябре-декабре 1918 г. мятежах большевиков против власти правительства Колчака. Документ находится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 180. Л. 147–148).

«Бунты носили крайне жестокий, зверский характер. Партизаны, предводительствуемые коммунистами, бесчеловечно убивали, истязали правительственных чиновников, офицеров и солдат».

Отрывки из воспоминаний княгини Кантакузен о событиях в Сибири. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 329. Л. 7).

«Колчак жаловался на применение большевиками в первых рядах продажных китайцев, которым был обещан полный отдых у себя дома после того, как они опрокинут белых. Это обещание и послужило победоносному продвижению китайцев, которые, кроме того, по пути еще грабили, убивали и умерщвляли направо и налево».

Донесение с фронта от 15 сентября 1919 г. Документ свидетельствует об отношении большевиков к пленным белогвардейцам. Хранится в ГА РФ (Ф. 5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 322).

«В последних боях установлено несколько случаев увечья и издеательства красных над нашими ранеными, оставшимися на поле боя. Так, например, при занятии нашими частями 13 сентября деревни Меньщикова (что в 62 верстах южнее станицы Омутинской) найдены изуродованными и замученными красными наши стрелки, попавшие в плен: у одного — в глаза воткнуты спички, много штыковых ран и следы побоев по всему телу. По показанию жителей деревни Меньщикова, спички были воткнуты в глаза еще живому стрелку, и в таком виде его вели до леса, где он был добит штыками, прикладами и нагайками».

В том же деле содержатся сведения (они относятся к 15 сентября 1919 г.) о терроре большевиков против отказывающихся воевать за советскую власть красноармейцев (Л. 350).

«Пополнения, влитые в 242 и 243 полки (советские), отказались идти в бой, за что многие были расстреляны».

Воспоминания генерала Н. Храброва «Судьба или случайность» проясняют картину красного террора в Сибири во время «Великого Ледового похода» белогвардейцев. Очевидно, что ответственность за гибель от рук красных сотен и тысяч не признававших большевизм людей, которые находились под властью Колчака, ложится, в том числе, и на союзников. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 529).

Л. 41–42: «Ехать на станцию [Нижнеудинск], где "Каландаришвили вешает всех генералов", было жутко».

Л. 57: «В тот день [4 февраля 1920 г., по данным Храброва], когда мы выбросились из румынского поезда, большевики предложили союзникам

перемирие... союзники согласились. Согласно условиям заключенного договора, большевики обязывались оказывать содействие к скорейшему выезду союзников из Сибири. Союзники обязывались: 1) прекратить дальнейшую порчу железной дороги и содержать пути и подвижной состав во время пользования ими в полном порядке; 2) не оказывать никакой поддержки белой армии; 3) выдать всех белых, скрывающихся в союзнических поездах, и не принимать их впредь. Для наблюдения за исполнением условий договора большевики получали право иметь своих представителей при арьергарде союзников, и в случае нарушения одного из условий весь договор мог быть аннулирован».

Далее Храбров пишет о захваченном обозе сибирского казачьего генерала Волкова и терроре красных против выданных им союзниками белогвардейцев (Л. 63):

«Все захваченные в обозе заключены в Иркутскую тюрьму и ежедневно во главе с адмиралом Рихтером выгоняются на принудительные работы по постройке триумфальной арки для встречи Троцкого и Красной армии».

(Л. 64): «Газеты были полны списками белых, выданных самими чехами или захваченных в их поездах. Я решил обратиться за помощью непосредственно к начальнику чешской дивизии Сыровому. Но кроме нового унижения и потери половины дня, ничего не вышло. Сначала, когда я пришел, Сыровой был занят, затем он начал собираться обедать, затем — обедал, затем дверь отворилась, он быстро прошел мимо меня по коридору, сел в сани и уехал. "Куда?" — "В Иркутск, и вернется только на следующий день"».

Даже в конце марта — начале апреля 1920 г. красные продолжали охотиться на белогвардейцев, отступавших в поездах союзников, отдельные командиры которых на свой страх и риск отваживались провозить белых в своих эшелонах. Так некоторые офицеры, генералы и беженцы, переодетые в форму союзников, были укрыты румынским поручиком Поппаном в его поезде и не были выданы красным при его осмотре (Л. 68–71). Однако, по данным Храброва (Л. 72–73), «красные продолжали осматривать и обыскивать союзнические поезда. Газеты приводили списки белых, обнаруженных переодетыми в этих поездах под видом конюхов, поваров, солдат и прочих; указывалось, что такие-то, как оказавшие сопротивление при аресте, были застрелены на месте. Жена Калишевского (генерал колчаковской армии) рассказала, что красные потребовали от начальника [Румынского] Легиона выдачи им полковника Петровского [офицера русской армии, одного из высших чинов белой контрразведки в Иркутске, который перешел на румынскую службу в качестве

начальника штаба Румынского Легиона,] и генерала Калишевского, скрывавшихся в поезде. Начальник Легиона ответил, что Калишевского он не знает, а Петровский состоит начальником Штаба Легиона, и без боя он его не выдаст, и он велел выставить пулеметы. Красные уступили.

Опасность для нас была на каждом шагу. Один из нас слышал разговор румынских солдат, что если только их движение домой будет задерживаться только потому, что в их поезде скрываются русские, то, конечно, они выдадут их. Раз, подойдя к кухне за обедом, я был удивлен, что повар, взяв от меня котелок, обратился ко мне по-румынски. Я увидел, что рядом стоят красные и наблюдают за раздачей пищи. Несколько раз красные заходили, присматриваясь, и в наш вагон. На этот случай каждым из нас было заучено несколько румынских фраз для произнесения при появлении красных. Но зная свою исключительную неспособность к иностранным языкам, я не рискнул делать этого, боясь запнуться и еще больше обратить на себя внимание. Тогда я соединил вместе все фамилии румынских офицеров: Кожухари, Хэрли, Поппан, Вальяно — и каждый раз, когда красные входили в вагон или проходили мимо во время моего разговора с кем-нибудь снаружи, я громко восклицал: «Кожухари, Хэрли, Поппан, Вальяно!» Это звучало вполне по-румынски и притом многозначительно, так как немедленно вызывало кругом улыбку».

Забайкалье

Рапорт № 1458 начальника Акшинской уездной милиции из города Акша областному комиссару Забайкальской области при атамане Семёнове, от 28 декабря 1918 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 6. Д. 72. Л. 14).

«Секретарь Акшинской уездной милиции Георгий Трофимович Пляскин 19 мая сего года был командирован бывшим начальником милиции штабс-капитаном Самойловым в поселок Куранжинский для производства дознания по убийству. При обратном возвращении он был остановлен и арестован красноармейцами в селении Кужертае и доставлен в селение Усть-Иля, в штаб 4-го района, где Пляскина и расстреляли как приверженца атамана Семёнова. После смерти Пляскина у него остались жена и 3 детей совершенно без куска хлеба и даже без своего крова, семья его находится в самом критическом положении».

Донесение № 3325 прокурора Читинского окружного суда министру юстиции правительства Колчака Старынкевичу «Нападение отряда

большевиков на селение Соктуй Читинского уезда и убийства старосты Макарьева, писаря Золотухина и 4 жителей», от 21 марта 1919 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 4369. Оп. 5. Д. 324. Л. 1).

«В ночь на 5 марта 1919 г. в село Соктуй Шундуинской волости Читинского уезда Забайкальской области вошел вооруженный отряд большевиков в 40 человек, среди которых находились скрывающиеся от суда жители селения Соктуй Артемий Кабаков и Корнилий Бозунов.

Этим отрядом были убиты сельский староста Макарьев, сельский писарь Золотухин и 4 других местных жителя и ранен 1, Корелин. Все убитые и раненый были противниками Советской власти.

Захватив у убитых 3 лошадей с седлами, отряд ушел из Соктуя по направлению к селению Олдондинскому.

В Олдондинское со станции Борзя 8 марта 1919 г. прибыл военный отряд, которым большевики, совершившие 5 марта этого же года нападение на селение Соктуй, были настигнуты. Из них было убито 3 человека».

Один из колчаковских генералов пишет о расправах большевиков (в январе-марте 1920 г.) с теми чинами колчаковской армии и чиновниками органов власти, которым не удалось вовремя бежать за границу или в Забайкалье к атаману Семенову. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 771. Л. 12, 17).

«Мало того, что многие были перебиты и ранены [красными при захвате отступавших белогвардейцев], но чехи их тут же выдавали рабочим, которые учиняли самосуды».

Там же он пишет о событиях ноября 1920 г. в Забайкалье:

«Сегодня получены известия, что несчастные жены офицеров, не успевшие выехать из Читы, замучены по распоряжению Краснощекова-Тобельсона».

Дальний Восток

Фрагменты из списков убитых большевиками милиционеров правительства Колчака в Приморской области. Документы хранятся в ГА РФ (Ф. 147. Оп. 6. Д. 3 б. Л. 16, 17).

«Начальник участка уездной милиции (фамилия не указана) расстрелян красноармейцами 3 декабря 1918 г. Труп брошен в реку Завитую».

«Начальник участковой милиции Дмитрий Павлович Белецкий в первых числах февраля 1919 г. был ограблен и убит большевиками в Зазейском районе. У него остались жена и 4 детей».

«Младший милиционер Павел Эммануилович Кокотов. Расстрелян большевиками в селе Серебрянском в марте 1919 г.».

Д. 3 в. Л. 11: «Надзиратель уездной милиции Борис Тузовский 3 апреля 1919 г. в селе Вознесенском Никольск-Уссурийского уезда был зверски убит толпой крестьян-большевиков. У убитого осталась жена, имущества не имел».

Д. 3 б. Л. 17: «Младший милиционер Павел Петрович Могила 4 мая 1919 г. захвачен большевиками и увезен неизвестно куда и расстрелян. У него остались жена и 5 детей».

Отрывок из воспоминаний П. Иртеньева о Гражданской войне на Дальнем Востоке посвящен судьбе группы офицеров Орловского белогвардейского отряда. Событие произошло весной 1918 г., задолго до официального объявления большевиками «красного террора». Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 22–23).

«Кошмарно погибли на реке Хорь от руки красных палачей полковник Враштил и его офицеры — конно-егеря». Оказалось, что попавшие в плен белогвардейцы были убиты красными с одобрения С. Лазо, причем убивали их на мосту, разбивая им головы молотами и рубя шашками.

Отрывок из воспоминаний генерал-майора Хартлинга. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 775. Л. 4–6).

«В мае 1920 г. шайка Тряпицына, пришедшая с Амура в Николаевск [на-Амуре], не оставив там камня на камне, — богатейшие русские рыбаки были разгромлены, город сожжен, жители вырезаны. Среди русского населения погибли и несколько сотен японцев. Массовые убийства были произведены и в других местах области Приморья — на реке Хорь, на Имане и других».

Автор воспоминаний «Правда о Николаевске-на-Амуре» — М.В. Сотников-Горемыка, один из немногих выживших после захвата города красными партизанами в начале 1920 г. Он описывает тотальный террор большевиков, ниже приведены наиболее показательные эпизоды. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 659).

«В начале 1920 г. партизанские отряды Тряпицына и его ближайшего соратника Лапты подошли к Николаевску-на-Амуре и в ходе боя против японцев захватили крепость, служившую ключом к городу. Затем они открыли артиллерийский огонь из захваченных в крепости орудий, и силы самообороны были вынуждены вступить с делегацией красных в переговоры о сдаче города. Николаевск-на-Амуре сдался на гарантированных самим Тряпицыным условиях неприкосновенности жизни горожан и их имущества. Однако, войдя в город, красные партизаны начали расправу над его жителями: «Вой собак, опрокинутые нарты, лыжи, воткнутые в снег,

расставленные вокруг здания милиции партизаны... Воткнуты в снег на древках с вызолоченными верхушками, развеваются флаги: красный и черный, на черном я только запомнил надпись: "Смерть".

На глазах наших разворачивается следующая картина: привозят людей — женщин, подрядчиков, купцов, бывших чиновников правительства Колчака, сажают в камеры милиции, а на утро в одном нижнем белье выводят арестованных из камер, с ругательствами пинают, колют под мягкую часть, ругаясь "такой-сякой". Тут же раздавался выстрел, и трупы валились один на другой. Многие из выводимых мужчин падали в обморок, женщины же на убой шли очень храбро.

Здесь я видел и жену инженера Комаровского, он только что недавно женился. В эти дни в милиции были убиты 72 человека.

На другой день подъехало несколько саней, повезли трупы, уже совершенно голые, топить в нарочно выбитых прорубях. Топили и приговаривали:

"Отправляем в Японию". Мой дворник, китаец, в одном из трупов узнал своего бывшего хозяина — подрядчика военно-инженерных работ; китаец страшно плакал, ничего не ел и что-то причитал, походя на сумасшедшего.

(Комендант), он же и начальник гарнизона, посажен в тюрьму, подвергнут до казни страшным пыткам, сошел с ума, мычал, ел солому. Военный священник Воецкий после страшных пыток убит. Некоторые отравлялись сами. Один из военных, будучи под арестом, разбил электрическую лампочку и стеклом перерезал себе вены.

Как-то рано утром дворник-китаец сообщает мне, что в нашем дворе, около своей квартиры, лежит труп убитого японца-слесаря, иду к нему в квартиру, вижу: полнейший разгром, лавка и мастерская уничтожены, жены его и сынишки не оказалось. Жена его была в интересном положении, впоследствии трупы их видели на льду Амура, где мертвых тел были навалены целые горы "в ожидании путешествия", как говорили, "в Японию". Трупы бросались рабочими-китайцами в широкие проруби, отталкивали баграми под лед. Видел труп одной женщины с распоротым животом — говорят, вынимали у нее ребенка. Другой квартирант, Шорин, сначала находился под арестом дома — при арестованном жили партизаны, а затем его увели, и больше он не возвращался. Сын Шорина служил в солдатах, находился в распоряжении коменданта, труп его был найден на Амуре в числе многих.

Третий квартирант, телеграфный механик Радецкий, снят с трибуны во время речи как представитель от общества и уведен. Жена его долго плакала, ждала и, как-то увидев на улице человека в его, Радецкого, пальто и шапке, кинулась к нему со словами: "Где ты пропал?" — пришла в ужас: оказался не он. Отчаянию и слезам не было границ. На другой день на квартиру Радецкого явились трое партизан, забрали платье пропавшего Радецкого. Впоследствии узнали, что после каждого убитого его имущество переходит в пользу палачей. На Амуре, как я говорил, были горы навалены

трупов, где жена Радецкого нашла тело своего мужа, лежавшего в рубашке. В застывшей руке сжат карандашик.

Помощник Константинов на Аргуни снят с баржи, на этапе Удинск расстрелян. Бухгалтер Розенфар убит в своем доме со всей семьей.

Присяжный поверенный Наркевич новой властью назначен был эмиссаром по брачным делам, он тоже погиб — был арестован в одиннадцать часов ночи и исчез, как и другие, бесследно. Аресты вообще производились по ночам, стоял стон, плач, по улицам при бряцании всякого оружия у оставшихся пока на свободе переворачивалось сердце.

Тряпицын отдавал приказы, с одной стороны, угрожая смертью саботажникам, вместе с тем, как говорилось в приказах, чтобы аресты производились по мандатам и в присутствии солдата с красной повязкой на рукаве, но от кого должен исходить мандат умалчивалось. При арестах солдат-то был, но мандата не предъявлялось, так увели и Наркевича.

Были у нас недоразумения: как-то штаб потребовал список всех членов [профессионального] союза с отметками: "кто где находится". Председатель делал в книге красным карандашом отметку: "убит"; на вопрос мой "где" и "когда", отвечал: "арестован партизанами". Таможня расформирована, управляющий убит. Государственный банк постигла та же участь. Управляющий убит со всеми служащими. Начальник Переселенческого управления убит, учреждение уничтожено. Почтово-телеграфная контора со всеми чинами уничтожена, остался жив один помощник начальника, Инженерное управление и портовое со всеми инженерами уничтожено. Администрация в роде Губернатора уничтожена. Училищное начальство, Петропавловский суд с некоторыми людьми больше не существуют.

Местный протоиерей (фамилии не помню) для казни был выведен на лед Амура, где на коленях долго молился Богу, а затем партизанам, назначенным расстреливать, говорил проповедь; партизаны сняли шапки и отказались исполнять приговор, расправлялись уже китайцы.

Начальник тюрьмы убит, назначен на эту должность из приближенных Тряпицына. Кошмарные происшествия делались и в стенах тюрьмы; надзиратели тюрьмы состояли членами союза, о происшествиях посвящали наш профсоюз. Жена Люри, самая красивая женщина в Николаевске-на-Амуре, как участница в помощи нуждающимся семьям белых солдат была арестована, насилована, промежность — разрублена, и замерзший труп ее был воткнут в снег головой».

О заключенных на гауптвахте.

«Много людей было заключено на гауптвахте, так было густо натолкано их, что спали сидя. Иногда посещала несчастных сожительница Тряпицына, Нина Лебедева-Киашко, видимо садистка, происхождения не русско-го, судя по овалу лица и окраске волос была похожа скорее на еврейку;

выбирала здесь мужчину и с улыбкой на устах расстреливала из револьвера. Лапта из солдат-кашевар пьяным врвался на гауптвахту, топором бил заключенных направо и налево. Арестованный присяжный поверенный, случайно освобожденный, рассказал, что в темноте он, ступая по полу, скользил. На утро рассмотрел: весь пол был залит кровью, кровью обрызганы и стены.

Старый землемер Николаевска, который устроил квартирную камеру при Городской Управе (ранее прихода Тряпицына), — однажды вижу его идущим с красной наискось лентой на фуражке, с покрытыми на плаще, тоже красными, пуговицами; узнал, что он примкнул к тряпицынским “освободителям” и занял должность комиссара по земельным делам, а вскоре тоже оказался в тюрьме, куда был заключен за указание Тряпицыну его некомпетентных действий. В тюрьме несчастный комиссар был пытаем и под пытками умер.

Дом служащих Амурского пароходства находился недалеко от тюрьмы, жена одного из агентов видела, как из тюрьмы выводили поодиночке заключенных через маленькие ворота, выходящие ко рву, и здесь молотом били по голове, тело убитого падало в ров. Ее от увиденной картины разбил паралич, сама она вылечилась, но одна рука осталась трясущейся, видимо, так будет на всю жизнь».

Далее Сотников-Горемыка описывает арестантскую (Л. 24):

«Часовой-партизан глядел в окно выходящей на крыльцо арестантской, смеется над чем-то: вижу арестованных, много, почти сплошь — женщины, видятся среди них и мужчины, один тянет, по-видимому, интеллигентную, красивую женщину за рукав со словами: “Ложись, курва”.»

О заключенных в тюрьме.

«Тюрьма была битком набита всяким людом, здесь были буржуи, пролетарии и, что всего удивительнее, — сподвижники Тряпицына, начиная от простого красноармейца и кончая комиссаром. Тут находился Будрин, бывший ранее начальником Почтово-телеграфной конторы. За промот вверенных ему по службе денег был судим. С лишением прав этот субъект примкнул к лагерю недовольных, оказался в лагере Тряпицына и в качестве комиссара расправлялся на золотиносных приисках, которых немало находилось в Николаевском районе. Два из приисков пришлось мне видеть: на одном, разрушенном, с разграбленным достоянием, находился партизанский пост под командой бондарного мастера; на другом — по пустым домишкам бегала голодная домашняя кошка.

Будрин попал под большое подозрение — якобы намеревался захватить власть Тряпицына — и был казнен, а в газете был обнародован приказ Тряпицына, что “Будрин хоть и изменник Народной власти, но, однако,

принимая во внимание его заслуги в пролетарском движении, мы решили выслать его из пределов Николаевска-на-Амуре”.

Двух бежавших офицеров, служивших в контрразведке, поймали, один из них после ареста покончил с собой, с другим расправились по чести.

Японские парикмахерские, часовые, магазины были разбиты, хозяйева погибли, погибла таже и рабочая японская колония. Здесь поработал отряд китайцев, набранных из всякого сброда Тряпицыным. Посылать китайцев к японцам — расчет был верен: китайцы считаются давними врагами японцев, ну, конечно, постарались китайцы отменно.

Все пленные японцы вместе с сестрами милосердия были перебиты — им было поставлено в вину то, что они хотели сжечь тюрьму.

После боя партизан с японцами вышел приказ Тряпицына: “Приказываю: всем жителям Николаевска под угрозой смерти немедленно доставить в военный госпиталь по три фунта с семейства корпии”; мы с женой изорвали все рубахи, день и ночь ее, проклятую, теребили.

Читаем на телеграфных столбах приказ штаба Тряпицына: “Приказываем под строгой ответственностью до смертной казни включительно после шести часов вечера по улицам не ходить”. Заглядывали любопытные в щели заборов и видели, что крестьяне окрестных деревень увозили на возах имущество николаевских буржуев. Вот почему было запрещено так рано не выходить на улицы».

Далес Сотников-Горемыка описывает митинг по случаю похорон погибших от рук белогвардейцев и японцев партизан:

«Оратели отличались зажигательными словами нещадной борьбы, каждая речь кончалась словами: “Смерть буржуям, собственникам и всем врагам [советской власти]!”

Входит на трибуну здоровеннейший старец Ганимедов, и полилась речь, где то и дело слышалась угроза смерти всем супротивникам их власти: “Мы побьем палками капиталистов, буржуев, их прислужников и попов — пусть их защитит тот Бог, которому они поклоняются, мы посмотрим, защитит ли их!” Все сказанное сопровождалось бабьим завыванием. Ганимедов, бывший священник, где-то в деревне был учителем. Однако далеко не весело было слушать ганимедовы речи.

Минуло три года грозным событиям города Николаевска-на-Амуре, но картина всего пережитого не потускнела. В Николаевске считалось постоянных жителей двадцать пять тысяч человек, а после тряпицынского насаждения свободы насчитывается только семь тысяч.

По улицам Николаевска — мертвая тишина, буржуи-домовладельцы трупами отправились вниз по Амуру, партизаны говорили: “Отправились по вскрытой воде на рыбалках колья жопой забивать”. Собаки и те куда-то исчезли.

Нина Лебедева барышням улыбалась, похлопывала ниже спины, а у этих барышень отцы и матери находятся в "дальнем плавании Амура", а они состоят в женках разного начальства до партизан-китайцев включительно.

Китайские канонерки, погрузившись готовым углем, отплыли, кое-кого из оставшихся в живых буржуйских дам захватили с собой за большие деньги — золотом, конечно, а некоторые вдовы поделались женщинами чинов флота».

Далее Сотников-Горемыка описывает эвакуацию Николаевска-на-Амуре партизанами в связи с приближением к нему крупного японского отряда:

«По пропускam погружались едущие на баржу, но при посадке процеживались, и подозреваемые на пристани убивались молотом, и трупы сбрасывались в воду.

По пути Тряпицын намеревался вывести в расход всех бежавших, но японцы нажимали, и он должен был спастись скорым маршем на [селе] Керби. Таежная его дорога была усыпана трупами — видимо, срывал зло на подданных своих.

Многие несчастные с детьми на руках жили на пристани в ожидании погрузки на баржу, но баржа не возвращалась, а японцы входили уже в Амур, решили, как говорили, "спасти от японцев народ" — взорвали пристань с народом. Скоро и просто. Ох, эти очевидцы! Двое спаслись, залегши в водосточную трубу, и всё это видели.

Исполнителями воли Тряпицына — "сжечь город до прибытия японцев" — остались местные крестьяне с Амгуни из деревни Князей.

Старуха, бывшая каторжанка, у которой сына взяли в партизаны, кормила нас вареным картофелем, приговаривала: "Ешьте, болезненные, и за что-то вы страдаете, я каторгу отвела за свой грех, знаю, как она солонa, а теперь повторилась каторга — заковал бы нас Тряпицын, верно, железа да кузнецов мало, вот палачей много — сама видела, как бабечку драли шомполами... и кричала она, родимая! Сахалин, чистый Сахалин, чего это начальство смотрит!"

Человек за бортом, откуда, кто — и понять не можем... Видим, на баржу водворяют нашего же пассажира, николаевского портного, и икрянника-латыша. Спрашивают, как попал в воду. "Упал, да и только". А мне рассказал всю истину: "Жил я хорошо, имел домик, три коровы, японку-жену; пришли, все отобрали, японку убили на моих глазах, меня не убили — разобрали, что я латыш. Я все ехал и думал: зачем жить, и хотел утонуть". В смежном трюме слышали сумасшедшие выкрики: "Зачем прикрываете ковром и бьете, ой, караул, все отдам! Мужа убили, к чему жить?!" Так продолжалось несколько суток.

В Николаевске и окрестностях священники если не убежали, то не остались в живых. Второй субъект разгуливает по палубе в тужурке и фуражке управляющего Государственным банком, я не раз видел в этом костюме Управляющего. Он, как и многие, плавает в Амуре.

[В конце концов] власть Тряпицына пала, перешла к Андрееву, к нему присоединились и партизаны из крестьян, он и их принялся постепенно выводить в расход.

Андреев назначил комиссию для осмотра укупоренных ящиков, обнаружили деньги в бумагах, золоте, серебре, золотых серьгах, оторванных вместе с мочками ушей. Составлялись протоколы на выловленные трупы из озер и рек. У женщин были отрезаны груди, у мужчин — раздроблены ядра, у всех выловленных трупов были голые черепа.

С таежной дороги на Якутск привозили муку. Отвозили муку корейцы, а где она складывалась, тут они и убивались.

Первая остановка флотилии, но в каком селе — не помню. Село стоит в горах. С одной стороны, выходящей обрывом на Амгунь, были сброшены партизанами живьем в реку престарелый священник с матушкой.

Подплывали к Николаевску, и глазам нашим представилось: обширное гладкое поле с торчачими кое-где трубами от сгоревших домов да телеграфными столбами с оборванной проволокой. Красоты Николаевска — церковей — нет и следа. Кладбищенская роща была далеко, а теперь — тут и есть. Шел по стогнам сгоревшего города, наткнулся на надпись на пустыре. Был водружен шест, к нему прибита доска: "Здесь была убита злодеями семья, состоящая из шести человек".

Если был Калмыков и прочие, то почему же не быть и Тряпицыну, кто тогда считался — кто кого ограбил или убил! Одно слово: бескровная революция, которая ураганом пронеслась и на Дальнем Востоке.

Деятели кровавой бойни: Тряпицын, Нина Лебедева-Киашко, Черной, Будрин (умер от рук своих же товарищей), Лапта, Комаров, Железин, Бич, Вольной, Перегибов-Чудов, Ганимедов, дед Пономарев, Павличенко, Харьковский. Из них погиб где-то в тайге Лапта, если это правда. Были безгласными: Харьковский, Павличенко; незаметным — Перегибов, фамилии остальных участников не упомяну.

О Тряпицыне и его соратниках вспоминает Володин — один из лидеров партизан Восточной Сибири и Дальнего Востока, некоторое время бывший председателем областного революционного комитета Приморья. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 301).

Володин пишет, что партизанский штаб и члены президиума Областного революционного комитета Сахалинской области во главе с Тряпицыным были расстреляны по приговору коммунистического «Народного суда» в селе Керби вскоре после событий в Николаевске-на-Амуре. По

его данным, расстрел этот происходил без большой огласки. Володин дает понять, что события эти могли быть заказаны коммунистами из центра с целью дальнейшей расправы с Тряпицыным и его сподвижниками.

Признавая происшедшее в Николаевске-на-Амуре трагедией, Володин в то же время считает, что она стала возможной только из-за иностранной интервенции на Дальнем Востоке: «Деревня, особенно сибирская беспомещичья, свободолюбивая, относительно культурная — не могла примириться с режимом атаманщины. Не могла примириться и с “союзнической интервенцией”, в особенности японской, каленым железом прошедшей по самым населенным крестьянским районам, выжегшей тысячи крестьянских дворов (в Забайкалье, на Амуре, в Приморье было уничтожено свыше десяти тысяч крестьянских дворов) и своим штыком заколовшей десятки тысяч партизан».

Володин ставит под сомнение подлинность того, что говорили многие выжившие очевидцы. По его мнению, подозрение внушает уже то, что протоколы допросов, составленные японцами, почти одинаковы. (А как им не быть «почти одинаковыми», если жители Николаевска-на-Амуре видели почти одни и те же события? — С.Б.) Володин усматривает возможность заказа с японской стороны ради дискредитации партизанского движения в глазах населения Приморья в целом.

Метод борьбы японцев: сначала они только расстреливали «через десятого», а потом уже стали сжигать целые деревни и села. И если японцы в Приморской области несколько стеснялись союзнического корпуса консулов, то на Амуре они распоясались вольно; иногда в деревнях и селах не оставалось в живых ни одной души, как, например, в селе Алексеевском. А.П. Клягин и Н.И. Герасимов — от Всероссийского Совета Съезда Торговли и Промышленности — обратились к японскому представителю дипломатической миссии Мацудайра с признанием «мужества» японцев, сражавшихся таким образом в Амурской области... Крестьянство видело в них наемников японского военного командования, виновников разорения своего края. Володин пишет: «Я, как бывший председатель Облревкома Приморья, не могу примириться с мыслью, что Тряпицын и Нина Лебедева, лично мне известные, могли быть зверями в образе человека... Однако в оценке действий Тряпицына, Нины Лебедевой и других сошлись японское военное командование, белогвардейская печать — и коммунисты».

Автор воспоминаний пытается показать, что накануне взятия партизанами Тряпицына Николаевска-на-Амуре местные белогвардейцы

всецело зависели от японцев и подчинялись им. По его словам, партизаны при этом не были агрессивно настроены по отношению к жителям города, однако постепенно их настроение менялось. По Володину это произошло из-за того, что японцы и белогвардейцы, отвергнув ультиматум красных, после пыток несколько раз убивали партизанских парламентариев. Якобы пытал и убивал их офицер местной контрразведки Медведев. Из-за этого начавшиеся после месячной осады Николаевска-на-Амуре (24 февраля 1920 г.) переговоры между японцами и белогвардейцами, с одной стороны, и красными партизанами — с другой, по мнению Володина, были сорваны. 28 февраля 1920 г. партизанский отряд Тряпицына вступил в город. Как пишет Володин, с падением Николаевска-на-Амуре был устранен последний «оплот власти Колчака» на Дальнем Востоке. При этом якобы сначала никакие насилия не совершались, несмотря на то что японцы не выдавали партизанам белогвардейских офицеров, которые «вели себя вызывающе против новых властей».

Однако роковым обстоятельством в развитии дальнейших событий в Николаевске-на-Амуре стало не это, а то, что партизаны, установив в городе свою власть, разрешили японцам расставлять вооруженные караулы в расположении «их войск и учреждений». По словам Володина, японцы под предлогом защиты своих интересов начали расширять эти караулы без разрешения на то командования партизан.

Основной же причиной, вызвавшей гнев партизан, стало то, считает Володин, что белогвардейцы и японцы 12 марта внезапно напали на красных во время похорон недавно убитых большевиков. В результате завязавшегося боя японцы напали на партизанскую батарею, захватили штаб, убив его начальника Наумова и секретаря Черного. Тряпицын, тяжело раненный в ногу, был вывезен соратниками из города. Однако к партизанам из соседних районов подошла помощь, и они в конце концов взяли инициативу в свои руки. Ожесточенные бои, продолжавшиеся с 12 по 15 марта, окончились полным разгромом японцев. По данным Володина, число убитых в одном лишь японском батальоне, находившемся в Николаевске-на-Амуре и состоявшем из 600 человек, равнялось 469.

Вместе с тем Володин напрямую обвиняет в происшедших событиях центральный комитет ВКП(б), который, создав буферное государство на Дальнем Востоке, спровоцировал японцев на пресечение преждевременной попытки освобождения всего Дальнего Востока. Он задается вопросом:

«Не является ли эта трагедия печальным итогом тактики Дальневосточного Комитета В.К.П.?»

Следует отметить, что, по данным Володина, Тряпицын в апреле 1920 г. провел в Николаевске-на-Амуре выборы, на которых победила объединенная советская группа из коммунистов, левых эсеров и анархистов. Заручившись поддержкой «социалистических партий», коммунисты могли продолжать массовый террор против непролетарских слоев Николаевска-на-Амуре.

Воспользовавшись удачным предложением (когда коммунисты создали буферную Дальневосточную республику), японцы, по словам Володина, в апреле 1920 г. начали внезапное наступление против партизан на всем Дальнем Востоке. По отряду Тряпицына был нанесен артиллерийский удар зажигательными снарядами с японских миноносцев и с гидросамолетов; по Амуре для захвата Николаевска был двинут крупный отряд.

Тогда Тряпицын принял решение уходить в тайгу, уничтожив город. Володин приводит выдержки «из документа Партизанского Штаба в Николаевске-на-Амуре:

«Крупные здания в городе взорваны. Все, что нельзя эвакуировать и что могло бы быть использовано японцами, нами сожжено и уничтожено. На месте города и крепости от бомбардировки остались одни дымящиеся развалины. Враг наш, придя сюда, найдет только груды пепла и развалин».

Из объявления генерала Цуно, командующего японскими войсками на Дальнем Востоке при занятии Николаевска-на-Амуре (Л. 23–24): «Разбойничьи банды, именующие себя большевиками, обманув наших граждан и мирное население, дерзко совершили ряд необыкновенно жесточайших убийств, грабежей, насилий».

(Л. 26): «Резолюция Приморской Областной Конференции Всероссийской Коммунистической Партии от 11 июля 1920 г.

- 1) партизан Тряпицын и Нина Лебедева, не являясь официальными представителями Советской власти в Николаевске-на-Амуре;
- 2) все действия, в то же время, они осуществляли именем Советской власти;
- 3) они сознательно шли все время против основных указаний центральной советской власти,
- 4) действия их преследовали исключительно цели, удовлетворяющие личные интересы честолюбия и власти,
- 5) действия их в результате могли вызвать возбуждение против Советской власти в самых широких народных массах, как русских, так и международных;
- 6) эти действия падают исключительно тяжелым пятном-позором на самую идею Советской власти,

7) по непосредственным распоряжениям этих лиц без всяких к тому оснований в числе убитых были члены В.К.П., члены общественных и социалистических организаций, а также женщины и дети».

По этому поводу Володин пишет (Л. 27):

«Конференция ошибается или сознательно искажает факты. Тряпицын и Нина Лебедева на командные посты были назначены Хабаровским Облревкомом, а затем переизбраны на Конференции всех партизанских отрядов Николаевского и Сахалинского районов, являясь в то же время и членами Областного Исполнительного Комитета Советов края, выбранного 18 марта 1920 г. Съездом Советов.

Второго ноября 1919 г. в селе Анастасьевском состоялась нелегальная конференция представителей партизанских отрядов Хабаровского района, на которой и был избран Облревком. В его состав вошла и Нина Лебедева; Облревком и командировал Тряпицына, Нину Лебедеву и Наумова в Николаевский район.

[Высшее коммунистическое руководство] «знало хорошо, что эксцессы партизан носили чисто стихийный характер, что они были ответом на зверства белых и оккупантов и что они были вовремя остановлены Партизанским Штабом.

А как надо рассматривать приветствие Ленина в газете «Призыв» (Иркутск, 20 (26) февраля 1920 г.) Тряпицыну как «храброму защитнику диктатуры пролетариата против черных банд» и японских милитаристов?»

Далее Володин описывает Андреева, который арестовал Тряпицына с его окружением и предал их «суду» (описываемые события относятся к 9 июля 1920 г.): «Андреев-артиллерист примкнул к партизанам в дни февральских боев (за Николаевск-на-Амуре). По занятии города исполнял обязанности начальника милиции. В мае за «бессудные расстрелы» подлежал аресту и суду. Но предпочел скрыться в тайгу.

Далее Андреев обманом захватил Тряпицына и Лебедеву. Тряпицын отвечал спокойно на задаваемые вопросы. Временами и сам задавал их суду, ставя тем самым суд в тупик, заставляя судей смущаться. Так, он заявил: если судят его за все то, что он делал в Николаевске, то нужно судить всех его товарищей, в первую очередь тех, которые его арестовали и предали суду.

Лебедева шла на суд спокойная и бодрая. Дорогой она улыбалась. На суд она шла, как на обычную работу. На суде держалась хладнокровно и на все вопросы обвинения отвечала упорным молчанием.

Всего судили Я.И. Тряпицына (Командующий партизанским округом), Нину Лебедеву (Начальник партизанского штаба Тряпицына после гибели Наумова), М.М. Харьковского (Заведующий вооружением), Ф.В. Железина (Председатель Облсполкома), И.К. Оцевилли-Павлуцкого, Деда

Пономарева (Комиссар продовольствия), Е.М. Сасова (Комиссар Аргун-Тыгинского фронта) по обвинению:

1. В том, что они допустили ряд беспричинных арестов и расстрелов мирных граждан, а также их семейств, то есть — в бездействии власти.
2. В том, что отдали распоряжение расстрелять ряд активных коммунистов: Будрина, Мизина и других без всяких к тому оснований, то есть в убийстве и превышении власти, а также активной борьбе с коммунизмом.
3. В том, что отдали распоряжение к массовому уничтожению мирных граждан и их семейств в Николаевске-на-Амуре и в сельских местностях Сахалинской области, то есть — в превышении власти, призыве к совершению убийств и насилий.
4. В том, что отдали ряд распоряжений и указаний к расстрелу некоторых товарищей без достаточных и даже без всяких к тому оснований, то есть в превышении власти, в убийстве и в призыве к убийствам.
5. В том, что за все время нахождения на выборных должностях уклонялись от политики советской власти, оказывали давление на ее органы и на должностных лиц, явно подрывая доверие к коммунистическому строю, то есть — в активном выступлении против Р.С.Ф.С.Р.

По надлежащим обсуждениям Народный Суд признал Тряпицына, Лебедеву, Харьковского, Железина, Оцелли-Павлуновского и Сасова в вышеуказанных преступлениях виновными и на основании велений Совета постановил: за содеянные преступления, повлекшие за собой смерть половины населения Сахалинской области, разорившие весь край, постоянно подрывавшие доверие к коммунистическому строю среди трудового населения области и могущие нанести удар авторитету Советской власти в глазах трудящихся всего мира, — подвергнуть их смертной казни через расстреляние, а деда Пономарева — заключению в тюрьме». В 22 часа 45 минут вечера 9 июля 1920 г. приговор был приведен в исполнение.

Далее Володин пытается показать геройство Тряпицына и его окружения, трагизм их гибели: «Вот кошмарная картина расстрела со слов одного очевидца: “Все обреченные были привязаны веревками друг к другу, составляя круг, в середине которого шла бледная, но спокойная Нина Лебедева.

Их торопились убить. Опасались, что Тряпицын вырвется, и я уверен: если [бы] так произошло и он бросился бежать, то не нашлось бы ни одного человека, который бы осмелился его задержать.

Поспешность бойни объясняется только трусостью Штаба и судей. Ведь недаром один из судей откровенно высказался: “Нужно судить скорее, если будем медлить, то сами можем очутиться на скамье подсудимых”.

Осужденных привели на место казни. Началось прощание друг с другом. Тряпицын поцеловал Нину. Оцевилли начал говорить: “Подлые убийцы! Торопитесь кончить ваше кровавое дело, ибо идет российский пролетариат, который сметет вас...”

Раздался залп... Слова оборвались. Все упали. Лебедева и Тряпицын оказались лишь ранеными.

— Нина, ты жива? — послышался голос Тряпицына.

— Жива! — был бодрый ответ.

— Как жаль мне тебя! — тихо простонал Тряпицын.

— Жалеть не стоит! — И, обратившись к солдатам, приказала: — Товарищи, стреляйте скорее!

Раздалось сразу несколько залпов, и все смолкло... Судебная драма кончилась...

Инсценировка суда — ясна. Прежде всего, обращают на себя внимание пункты в приговоре об “активной борьбе с коммунизмом” и “против Р.С.Ф.С.Р.”. Разве это не носит характер партийной расправы с оппозиционно настроенными к “буферу” Областного Исполнительного Комитета Советов Сахалинского Округа? Ведь жертвами “Народного Суда” и “восставшего народа” оказались анархисты, максималисты, левые эсеры и коммунисты, стоявшие за борьбу с японской интервенцией... Следствием руководил лично Андреев.

И если коммунисты типа Виленского-Сибирякова, обвиняя Тряпицына, Лебедеву и других в “уничтожении населения”, базировали свои обвинения по японским источникам, то почему они так рьяно встали на защиту коммунистов Будрина и Лизина? А они ведь расстреляны за “самовольные расстрелы на приисках ‘Утесный’ в Ангарской системе”».

Глава 3. КРАСНЫЙ ТЕРРОР В СИБИРИ ПОСЛЕ УХОДА БЕЛЫХ. 1920–1921 гг.

Даже когда войска Колчака были разбиты, большевицкий террор не ослабевал. Об этом свидетельствуют приведенные ниже документы. Захватив Сибирь, красные немедленно приступили к воссозданию широкой сети ЧК, начался массовый произвол против всякого отклонившегося в политической лояльности. Большая часть попадавших в ЧК отсюда не возвращалась. Примечательно, что когда 8 августа 1919 г. Красная армия вступила в Тюмень, Ленин в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» писал: «Надо всеми силами выслеживать и вылавливать этих разбойников, прячущихся помещиков и капиталистов во всех их прикрытиях, разоблачать их и карать беспощадно, ибо это злейшие враги трудящихся, искусные, знающие, опытные, терпеливо выжидающие удобного момента для заговора; это — саботажники, не останавливающиеся ни перед каким преступлением, чтобы повредить Советской власти. С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми надо быть беспощадными»¹.

Для этого 15 сентября 1919 г. возобновилась работа Тюменской губЧК. Однако с самого начала ее работники попались на грязном деле. По заключению следственной комиссии ВЧК, «председатель Тюменской губЧК С.А. Комольцев, заведующий секретно-оперативным отделом П.Ф. Зернин, председатель Тобольской уездной ЧК Б.В. Падерня, уполномоченный ЧК по Ялуторовскому уезду Ф.В. Залевин, комиссары губЧК К.И. Сирмайс, И.И. Добилас, А.И. Ратнек, Д.И. Синцев, комендант здания губЧК Г.С. Иноземцев, кладовщики Г.А. Ваксберг и И.Ф. Зернин расхищали разные ценные вещи, изъятые при обысках»².

Обвинение 19 февраля 1920 г. признали доказанным, но расстрелявать никого не стали: кто из чекистов тогда этим не грешил, да и, как известно, «ворон ворону глаз не выклюет». Спас «братков-чекистов» от неминуемой, казалось, гибели, новый председатель Тюменской губЧК, выходец из Тверской губернии, Ф.С. Степной³.

¹ Цит. по: *Петрушин А.А.* Мы не знаем пощады. С. 25.

² Там же. С. 26.

³ Там же.

В мае-июне 1920 г. большевики устроили в Омске судилище над министрами Колчака. На скамье подсудимых почти никого из известных фигур не было. Основные действующие лица, ответственные, кстати, за развал в правительстве, благополучно бежали за границу. А поплатились, главным образом, заместители министров. Расстреляны были четверо из почти тридцати осужденных: замещавший В.Н. Пепеляева в Иркутске бывший председатель Тверского земства Червен-Водали; министр труда меньшевик Шумиловский; исполнявший в отсутствие Устругова обязанности министра путей сообщения Ларионов; и занимавший в отсутствие Устрялова пост «начальника пропаганды» у Колчака Клафтон. Остальные отделались разными сроками заключения, от полугода до пожизненного заключения; только жена генерала Гришина-Алмазова была освобождена.

Процесс этот, как и другие процессы подобного рода, проходил с грубейшими нарушениями процессуальных норм. Всем была поставлена в вину борьба против советской власти и т.п. Одно из обвинений поистине анекдотично: участие в перевороте Колчака 18 ноября 1918 г. и свержение Директории, коалиционного антисоветского правительства. И дело даже не в том, что большевики обвиняли их в свержении антибольшевицкого правительства; дело в том, что многих из осужденных министров и их заместителей (как, например, Червен-Водали) тогда в Сибири, во время переворота, вообще не было!

После перевода Ф.С. Степного в другой регион на его место назначили П.И. Студитова. Новый председатель Тюменской губЧК ознаменовал свой приход в августе 1920 г. раскруткой дела «о существовании в Тюмени, Ялуторовске и Ишиме ячеек разветвленной организации, состоявшей из бывших колчаковских офицеров, сибирского кулачества, верхушки духовенства»⁴. До сих пор точно неизвестно, сколько человек было расстреляно по этому делу. Чекисты разрисовали, что центр организации располагался в Омске; там же находился и ее мнимый глава Дручук, бывший подполковник армии Колчака. Дручук якобы держал связь одновременно с атаманом Семеновым и генералом Хорватом, которые и были реальными руководителями⁵. Как и многие другие дела, это тоже шито белыми нитками. Бросается в глаза уже то, что Семенов и Хорват с зимы 1918 г. находились друг с другом в острейшем конфликте и так и не помирились до конца жизни.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Там же.

Особого внимания заслуживает арест и расстрел 15 мая 1920 г. в Красноярске по приказу чекистов Павлуновского и Шимановского знаменитой Марии Бочкаревой. Это женщина-легенда, Георгиевский кавалер, которая возглавила женский батальон смерти и отправилась с ним на фронт в Первую мировую войну; ее лично знали и награждали высшими наградами правители многих стран мира, начиная от русского царя и кончая английской королевой⁶. Вину ей поставили службу царю и белым. Очевидно, большевики боялись, что Мария Бочкарева будет рассказывать, как она и другие русские бабы своими телами пытались защитить Родину от немецкого штыка, в то время как «храбрые» большевики бежали с фронта под предлогом нежелания «воевать за капиталистов».

Исследователи, занимавшиеся учреждениями юстиции в Сибири вообще и в Тобольской губернии в частности, отмечали резкие изменения в составе заключенных Тобольской тюрьмы, которые произошли с приходом красных осенью 1919 г.⁷ Дело в том, что большевики сразу начали заполнять ее своими идеологическими противниками и вообще теми, кто мог, как им казалось, оспорить их власть или оказаться чем-либо опасным.

Тобольская тюрьма потеряла статус каторжной, хотя и оставалась местом заключения уголовных преступников. Одновременно она стала местом исполнения приговоров военно-революционных трибуналов. Расстрелу подверглись несколько категорий «срочных» и подследственных арестантов. Во-первых, это представители прежней администрации тюрьмы и тюремного надзора, служившие не только при белых или при царской власти, но даже при большевиках в первой половине 1918 г. Во-вторых, это часть уголовных, переведенных в разряд «контрреволюционного элемента» за сопротивление новому режиму. В-третьих, мнимые и истинные противники советской власти, в том числе представители духовенства. Были и две другие категории заключенных: люди, отступившие с белогвардейцами (по выражению коммунистов, «под влиянием ложных наветов на Красную армию») и вынужденные по разным причинам вернуться на прежнее место жительства, а также крестьяне, не выполнявшие продразверстку. Эти категории подвергались расстрелу, согласно приказу губернского военного революционного комитета от 22 января

1920 г., только в случае подтверждения их антисоветской деятельности. В качестве «профилактической меры» они могли быть переведены в концлагеря⁸.

Новые надзиратели и администрация подбирались по революционно-партийному принципу, что приводило к постоянным конфликтам между ними и заключенными, особенно противниками советской власти. Произволу тюремной администрации способствовали как отсутствие контроля со стороны вышестоящих инстанций, так и общая политика государства, направленная на уничтожение противников большевицкой диктатуры⁹.

Таким образом большевики, кричавшие о «беззакониях» царизма и «произволе» его судебной системы, а также о «белогвардейцах-карателях», уже в годы Гражданской войны ликвидировали доставшуюся им от прежнего режима пенитенциарную систему, которая позволяла контролировать судебную систему вообще и исправительные учреждения в частности. Все это создавало почву для дальнейших злоупотреблений и репрессий.

Красный террор активно применялся с декабря 1919 г. (т.е. когда исход борьбы уже был решен) и против тех партизанских отрядов, которые отказались разоружиться и влиться в красную армию. Троцкий предписал «подвергать [их] беспощадной каре», особенно «командный состав и кулацкие верхи»¹⁰. (Следует отметить, что Троцкий был лишь одним из авторов террора против недавних союзников по борьбе против белых и Колчака.) Случаи буйства таких отрядов нередко становились поводами для их уничтожения. Несмотря на то что, например, в конце 1919 — начале 1920 г. в Змеиногорске в погромах и убийствах местного населения «отличились» как большевики, так и другие партизаны, вину возложили на последних. И красные без тени сомнения в своей «запекшейся от крови» душонке жестоко свели счеты со своими соратниками по борьбе против Колчака и Анненкова¹¹.

Подобный случай произошел и в Кузнецке: большевики подняли там 1 декабря 1919 г. восстание, в ходе которого взбунтовали местный

⁶ Он же. На задворках Гражданской войны. С. 168.

⁷ Бортникова О.Н. Тобольская тюрьма накануне и в годы Гражданской войны // История Белой Сибири. Тезисы 2-й научной конференции. Кемерово, 1997. С. 119.

⁸ ГА Т.О. Ф. 1. Оп. 1. Д. 171. Л. 11.

⁹ Бортникова О.Н. Тобольская тюрьма накануне и в годы Гражданской войны. С. 119.

¹⁰ Штырбул А.А. Анархическое движение в Сибири. (1918–1925). С. 65–66.

¹¹ Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект, 1917–1925 гг. Красноярск, 1999. С. 251.

гарнизон¹². В плен к большевикам попали колчаковские офицеры, которых убили. При этом «причиной объявления красного террора было блгородное дело спасения заключенных Кузнецкой тюрьмы от расстрела»¹³. Узнав о том, что к Кузнецку идут крупные силы белых, восставший гарнизон разбежался, и большевики вызвали в город банды Рогова и Новоселова, тогда им подчинявшиеся¹⁴. Маленький трехтысячный городок испытал нашествие семитысячной орды, горящей ненавистью к горожанам, интеллигенции и «буржуям»¹⁵.

«И красный террор был страшен»...¹⁶ По одним сведениям, убили 300, а по другим — 500 человек, весь город разгромили¹⁷. Большевики впоследствии пытались отмежеваться от Рогова и Новоселова, говоря, что город громили «анархисты». Но анархисты подчинялись большевикам и вошли в Кузнецк по их приказу. Тогда методы «управления» Рогова и Новоселова большевики не только не осудили, но и поддержали, потому что благодаря этому были вырезаны все потенциальные противники советской власти. Очень удобно: и сами остались чистыми, и противники уничтожены. Население было настолько запугано террором, что соглашалось на любую власть, которая бы смогла обуздать партизанскую вольницу. Рогова большевики лишь слегка пожурили и отправили на административную работу. Только когда он принял сторону подбивавшего его на выступление Новоселова, большевики сделали его из «красного партизана» «белым бандитом» и обрушили на него репрессии. Значительная часть его отряда при этом перешла к большевикам¹⁸. Это спасло от «профилактического» расстрела, т.к. коммунисты серьезно опасались, что Рогов соберет под свои знамена всех своих бойцов и пустится в «самовольное буйство».

Агентура ЧК повсеместно организовывалась также для изъятия оружия и имущества у «антисоветских элементов»¹⁹. Под таковыми

¹² Буркова А.Л. К проблеме определения принадлежности партизанских формирований к «Белому движению» (По материалам воспоминаний) // История Белой Сибири. Тезисы 2-й научной конференции. Кемерово, 1997. С. 135.

¹³ НФ ГА КО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–6; Д. 329. Л. 5–8; Д. 410. Л. 15–18.

¹⁴ Там же. Д. 329. Л. 12; Д. 334. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 150. Л. 3; Д. 248. Л. 1.

¹⁶ Буркова А.Л. К проблеме определения принадлежности партизанских формирований к «Белому движению». С. 135.

¹⁷ Там же. С. 136.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации. С. 257.

разумелись не только белогвардейцы (чекисты заявили об их существовании в занятых Красной армией сибирских городах, уничтожив «организацию корнета Лобанова», членов которой расстреляли), но и партизаны, действовавшие ранее в союзе с большевиками. Тем самым они провоцировали их на восстания. Среди восставших партизанских командиров надо упомянуть Рогова, Новоселова, Лубкова и Плотникова. Опасаясь, что их примеру последуют и другие, большевики в разное время предприняли против них репрессии. При невыясненных до конца обстоятельствах погибли Кравченко, Щетинкин и другие, но нет сомнения, что их гибель была выгодна большевицкому руководству, т.к. они выражали недовольство карательной политикой коммунистов и те ждали от них протестов.

Особое внимание надо уделить гибели партизанского командира Алтая Мамонтова. 12 июня 1922 г. Славгородское уездное политбюро завело дело на группу граждан из пяти человек, в числе которых были З. Желтобрюхов, Н. Дроздов и Н. Лещев. Они были арестованы по обвинению «в подготовке заговора с целью свержения Советской власти» (дело № 4654 находится в Центре хранения специальной документации по Алтайскому краю). В донесении, отправленном из Славгородского уездного политбюро, говорилось, что арестованные создали контрреволюционную организацию на территории Волчихинского и Славгородского уездов, целью которой якобы были «восстание народа против сбора хлеба и захват революционного трибунала»²⁰. Впоследствии их освободили «за отсутствием состава преступления»²¹.

Мамонтов в этом деле фигурирует как один из главных организаторов грядущего восстания, уже подготовившего вооруженный отряд для начала боевых действий. Надо также отметить, что, по данным источников, «организация» эта была создана ОГПУ, а арестованные Дроздов и Лещев являлись его же агентами²². Мамонтов оказался опутан целой сетью таких агентов, пытавшихся склонить его к выступлению. Однако он знал о судьбе своего ближайшего сподвижника Найды, который был расстрелян за действительное участие в антикоммунистическом восстании. К тому же большевики успешно подавляли восстания не менее опытных партизанских командиров. Так или иначе, но Мамонтов в организацию вступать не желал. Тогда его просто убили в селе Власиха под

²⁰ Кладова Н.В. К вопросу об обстоятельствах гибели Е.М. Мамонтова // История Белой Сибири. Тезисы 2-й научной конференции. Кемерово, 1997. С. 142.

²¹ Там же. С. 144.

²² Там же. С. 143.

Барнаулом 27 февраля 1922 г.²³ Несчастный Мамонтов, избравший большевиков в качестве союзников в борьбе против Колчака, был ими убит как собака, без суда и следствия.

Надо заметить, что в начале 1922 г. в Сибири побывал сам Дзержинский, порекомендовав чекистам внимательнее искать затаившихся врагов советской власти. Кое-кто из них решил «прогнаться», и... нашли «новую разветвленную контрреволюционную организацию» на территории от Урала до Енисея. Организатором выставили оренбургского казака А. Базарова (Ивана Жвалова), в то время работавшего ревизором Тюменского отдела железнодорожной инспекции. В свое время он занимал в Оренбургском казачьем войске довольно высокое положение и находился в оппозиции самому атаману Дутову. В Гражданской войне он принимал минимальное участие, почему, видимо, и решил остаться в Сибири с приходом туда красных. Вступление его в партию коммунистов сочли хитроумным планом по «внедрению» ради «контрреволюционной организации», которая-де ставила себе целью свержение советской власти, созыв Учредительного Собрания и автономизацию Сибири²⁴.

По версии тогдашних чекистов (с которой согласен и А.А. Петрушин*), Базаров обладал недюжинными, даже нечеловеческими способностями: он за год якобы сумел создать в городах вдоль Транссиба организацию²⁵, которая состояла из «Гражданских» и «военных» комитетов, и планировал поднять «невооруженное» восстание осенью 1922 г. Почти постоянно находиться на работе и заниматься «контрреволюцией» «без отрыва от производства» практически невозможно. Но по тупой чекистской логике — можно, ведь «враг силен, опасен и коварен». Интересно,

²³ Там же. С. 144.

²⁴ Петрушин А.А. Мы не знаем пошады. С. 38.

* Александр Антонович Петрушин, один из главных руководителей ФСБ по Тюменской области, является заместителем начальника тюменского управления ФСБ. Родился 15 марта 1950 г. в деревне Новотроицк Нижнетавдинского района Тюменской области. Окончил Тюменский педагогический институт и Высшие курсы КГБ СССР. Работал учителем в школе, служил в армии. С 1975 г. — в КГБ. Был заместителем начальника Сургутского отдела КГБ, начальником отдела ФСБ по Ханты-Мансийскому автономному округу. Полковник. Член Союза журналистов России. Автор нескольких книг и фильмов, основанных на документах, к которым, кроме работников государственной безопасности, никто из исследователей ранее не имел доступа. Автор известных документальных фильмов: «Приди и возьми» (о ссылке в Обдорск МХАТа), «Мальчиш останется Мальчишем (Павлик Морозов: правда и домыслы)», «Главная тайна разведчика Николая Кузнецова» и др. Активно участвует в развенчании коммунистических мифов, в том числе о Павлике Морозове и «Огненном трактористе».

²⁵ Петрушин А.А. Мы не знаем пошады. С. 39.

что «узнали» чекисты о существовании этой организации от бывшего колчаковского офицера, которому-де предложили в нее вступить, а он, боясь провокации, побежал в ЧК. Зная о том, что чекисты нередко проводили «профилактические» мероприятия с целью выявления активных и тайных противников советской власти, подсылая к подозрительным лицам подсадных, можно предположить, что «организация» Базарова создана руками самих чекистов. Для чего? Новые награды и должности никому не помешают, да и руководству надо постоянно показывать, что ты нужен, иначе выгонят со службы, как состарившегося сторожевого пса, который даже на прохожих гавкать перестал! Но самое смешное, что они попытались выявить связь «организации» Базарова с генералом Болдыревым²⁶. Генерал жил в еще белом Владивостоке, а после переворота Колчака отошел от политики и военной службы, желая лишь покоя. В конце ноября 1918 г. он уехал из Сибири и с Базаровым встречаться никак не мог. Надо представить, как этот генерал «держит» «организацию» Базарова, которая находится от него за тысячи километров, отделенная белым, красным и зелеными фронтами! Но это обстоятельство не смутило председателя судилища Чудновского. Как говорил мастер вранья Геббельс, «чем чудовищнее ложь, тем легче в нее верят». В итоге Базарова-Жвалова и его «сподвижников» приговорили к расстрелу²⁷.

Пару слов надо сказать и о личном составе ЧК Сибири. Кого тут только не было! Самый настоящий иностранный легион! «Русские, украинцы, белорусы, евреи, поляки, чехи, немцы, словаки, латыши, китайцы. Тогда эту особенность чрезвычайных комиссий в Сибири называли интернационализмом»²⁸. Понятно, что наемники намного лучше исполняют палаческую работу, и за определенную плату они чью хочешь кровь прольют! Если жестоких китайцев ставили, прежде всего, в «расстрельные» команды или делали пыточных дел мастерами, чему немало способствовали их азиатские знания в сей области, то другие иностранцы пролезли даже на командные должности. Так, сургутскую уездную ЧК возглавил австриец Валенто, а 49-м батальоном войск ВЧК командовал словак Коудэлко, который одновременно входил в коллегию Тюменской губЧК²⁹.

²⁶ Там же. С. 41.

²⁷ Там же. С. 43.

²⁸ Там же. С. 44.

²⁹ Там же.

Сам председатель Тюменской ЧК Петр Иванович Студитов, печально прославившийся во время подавления Западно-Сибирского восстания 1921 г., был русским. В чекистских документах про него написано, что он «политически развит, несмотря на низшее образование». Очевидно, этого было достаточно, чтобы занять пост «главного мясника» по Тюменской губернии, главное, чтобы побольше врагов ловил, а образование — это неважно!

Отрывок из воспоминаний Каликина «После разгрома Сибирской армии (октябрь 1919 — октябрь 1920 г.). Судьба одного из офицеров». Автор оказался среди немногих колчаковцев, кому удалось не только выжить в красном плену, но и бежать в неимоверно трудных условиях с Западного фронта, куда он был послан, в Польшу. Он подробно пишет об ужасах плена конца 1919 — 1920 г. Документ хранится в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 327. Л. XXX).

(Л. 16—19): Заболев на фронте сыпным тифом в октябре 1919 г., Каликин в декабре был эвакуирован в Иркутск. 22 декабря, во время восстания против власти Колчака, офицерский госпиталь, в котором его разместили, захватили повстанцы. Когда в начале февраля 1920 г. войска Каппеля подошли к Иркутску и освободили захваченный эсерами и меньшевиками госпиталь, «несколько офицеров выехали в город* и были там схвачены. На другой день от них привезли прокламацию с призывом сдаваться в плен, так как-де, мол, их приняли очень хорошо. Я встретил потом одного из них: он рассказал, как им предложили или написать письмо, или быть расстрелянными.

В госпиталь стали сносить раненых в ужаснейшем состоянии, в бреду. Почти у всех что-нибудь было отморожено. У одного, например, началась уже гангрена обеих ног.

У всех страх перед большевиками и ненависть к ним были так велики, что они, несмотря ни на что, просили везти их дальше, не оставляя на расправу красным. Конечно, сделать этого нельзя было, и большинство из них остались.

[Когда каппелевцы отошли,] нас сначала никто не беспокоил, но не так было в главном здании лазарета, которое мы покинули. На второй день после ухода армии [каппелевцев] в палаты ворвались несколько красноармейцев, и, размахивая обнаженными шашками, они стали требовать у сестер, чтобы им показали «каппелевцев». Сестры испугались, подняли крик, но никого не выдали. Красные бегали по палатам, крича на больных и требуя, чтобы они выдали сами себя. Один из тифозных не выдержал, соскочил с

* Эсеровско-меньшевицкий Политический Центр, захватив власть в свои руки, установил для пленных колчаковцев довольно свободный режим, при котором они даже выходили в город за покупками. Когда Политцентр передал власть большевикам, они сразу стали терроризировать пленных белогвардейцев.

постели и выбросился в окно из второго этажа, другой от испуга скончался, а еще двое помешались.

В городке [где находился лазарет каппелевцев] отстало несколько возчиков*, одного из них в первый же вечер поймал помощник коменданта и начал расстреливать. После трех выстрелов возчик был еще жив и мог даже ходить. Красный отвел его в приемный покой и заставил сестру перевязать раны, сам же пока ушел. Несчастный думал, что он спасся, но минут через двадцать палач является опять:

— Что, товарищ, отдохнул? Так пойдем!

— Куда вы его? — вступилась сестра. — Ему надо лечь, он истекает кровью!

— Как куда? Достреливать, что с этой сволочью больше делать!

— Зачем же вы его приводили? Пощадите, ведь это же издевательство! — сестра залилась слезами.

— Мы не звери! — галантно возразил помощник коменданта. — Человек был ранен, я и привел его на перевязку, а теперь он снова в порядке. Ну, пойдем! — грубо повернулся он к полумертвому возчику.

Тот покорно встал и поплелся; сестра упала... На дворе раздалось два выстрела.

Когда шла где-нибудь расправа, сестры сейчас же прибежали к нам и предупреждали. Томительны были минуты ожидания, казалось, вот-вот ворвутся. Кровь стыла в жилах, и сердце сжималось от полного сознания своего бессилия.

Около нашего барака, да и у других барачков, поставили часовых «для охраны от эксцессов». Но что это были за часовые? Того и гляди, сами ночью придут и подколят.

В канцелярии госпиталя сразу чувствовалось, что мы — офицеры: писаря были чрезвычайно грубы и все время отпускали по нашему адресу колкие, по их мнению, шутки. Ждать нас заставили больше четырех часов, хотя надо было написать только две небольшие бумажки каждому, да и то на печатных бланках.

Наше новое помещение — комната в нежилом, полусломанном бараке — была не особенно тепла. Как ни как, морозы по ночам доходили до двадцати градусов и больше... Моим приятелям пришлось очень плохо.

Сейчас же после отхода каппелевцев, иркутские власти бросились по их следам ловить отсталых. В город привезли несколько изуродованных трупов, носивших следы издевательств. Их выставили напоказ народу с объяснением, что это — тела красноармейцев, замученных белыми. Публика приходила, ужасалась и ругала каппелевцев. Тела стояли на виду дня два, пока какая-то женщина не узнала в одном из них своего сына,

* Подводчики из крестьян, взятых в обоз армии.

служившего офицером в армии Колчака. С плачем и криками она бросилась на труп, проклиная красных. Окружающая толпа онемела от изумления и ужаса. Женщину немедленно арестовали и увели, а трупы сейчас же убрали и больше не выставляли. После уверяли, что женщину обвинили в провокаторстве и приговорили к какому-то суровому наказанию.

Начались бесконечные регистрации офицеров и всех служащих при адмирале Колчаке. Приходивших, как водится, задерживали и держали дня по два без пищи в холодных помещениях.

В середине апреля (1920 г.) явились, наконец, регулярные части красных. В одном из полков оказался наш батальонный адъютант, прапорщик Никон Запевалов. Запевалов был расстрелян большевиками по возвращении домой в Кунгур.

Еще в начале марта в военном городке был устроен лагерь для военнопленных каппелевцев, среди которых у меня тоже нашлся один знакомый. Попал мой знакомый с несколькими десятками офицеров и солдат [в плен]. Ночью их окружили партизаны, часть перебили, а остальных, полураздетых, погнали в Иркутск, заставляя в день проходить по сорок верст. Сами конвойные ехали, конечно, на подводах. Путешествие продолжалось двадцать один день — большинство погибло в дороге.

Все жившие в Иркутске генералы и штаб-офицеры должны были поместиться за проволоку вместе с каппелевцами. Среди них замешался старичок, который на вопрос, где он служил при Колчаке, отвечал:

— Я, батюшка, при Колчаке не служил.

— Ну, а при Николае?

— Да ты что, батюшка, я еще при Александре III в отставку вышел.

Следователи смущались, но старичка не отпускали, и он сидел еще и тогда, когда я попал в лагерь.

В Иркутск приехало отделение ВЧК и начало свои действия. В батальоне выздоравливающих, где я продолжал числиться, был получен приказ явиться всем для проверки. В назначенный день я встретил на улице одного своего знакомого, шедшего в это почтенное учреждение, и пошел его проводить. Проводив своего знакомого до помещения ЧК, я хотел было идти домой, но оказалось, что я неосторожно зашел во двор сего учреждения, откуда назад меня не выпустили.

Чека помещалась около рынка во дворе одного иркутского купца.

Попавшись в мышеловку, в первый момент я был взбешен и не знал, что мне делать. Винить было никого нельзя, виноват я был исключительно сам. Все же сердиться и ругать себя долго не приходилось: надо было ориентироваться в новом положении и подумать, что говорить на допросе.

Мои коллеги заполняли анкеты и вместе с ними поочередно являлись пред светлые очи следователей. Очень немногие выходили из кабинета. Одни — с пропусками на все четыре стороны. Большинство — с расстроенными лицами выводились под конвоем и отправлялись за решетку. Скоро и

меня ввели в кабинет. Следователей было трое. Двое — лет по двадцать с небольшим, и один — мальчишка лет двенадцати-тринадцати.

Перед последним стоял почтенный седовласый полковник и с растерянным видом озирался кругом. Мальчишка стучал кулаком по столу и орал: "Врешь, белогвардейская сволочь, чего вертишься! Служил в карательном? Отвечай!" Вероятно, эта сцена длилась уже довольно долго, и полковник совершенно обалдел, ни один звук не вырвался из его трясущихся губ. "Отвечай! — вопил мальчишка. — Я тебя р... т... м... загоню, что сам черт не бывал!" Полковник все молчал. Мальчишка привстал, схватил линейку и замахнулся на старика, последний инстинктивно отступил, зацепился за что-то и упал. "Увести его!"

"Ну так, товарищ, — ласковым тоном обратился ко мне мой следователь, закуривая папиросу, — где вы служили у Колчака?. Так, так, в нестроевых частях, а на фронте не были? В самом начале... недолго... хорошо... А где вы получили производство? Ведь вы — поручик... Да? В Германскую войну... Что-то слишком скоро... Вы из какой местности происходите? С завода. Без сомнения, вы будете очень довольны вернуться в свои края; я вас направлю на запад, а пока мы вас немножко задержим. Подпишите, пожалуйста, протокол».

Я пробежал глазами лист, который мне протягивал следователь: довольно большой промежуток между текстом и своей подписью. "Уведите его!" — с этими словами следователь дал солдату сопроводительную бумажку. Провожаемый сочувственными взглядами, прошествовал я мимо еще ожидающих. Впрочем, через несколько минут и они отправились туда же.

Меня привели в бывший магазин, наполненный задержанными. На всех прилавках и полках расположились люди, многие, видно было, здесь уже обжились. Я нашел себе свободное местечко у стенки и тоже улегся рядом с одним знакомым.

Допроса ожидали долго, и все сильно проголодались, но здесь не кормили. Зато удалось написать записку и отослать знакомым в город с просьбой принести что-нибудь поесть. До вечера же следующего дня нужно было поститься.

Кого только не задерживали большевики: офицеров, генералов, штатских всех сортов и всех возрастов. Молодые девушки и почтенные женщины, родные белогвардейских деятелей, не избежали общей участи.

Одна девица, мадмуазель С., дочь генерала, весело кокетничала с несколькими офицерами. Они сидели группой у заборчика небольшого дворика сзади магазина и хохотали, будто собирались на увеселительную прогулку. У других тоже не было особенно подавленного вида: большинство здесь были военные, привыкшие уже ко всяким поворотам в жизни. Мне самому досаднее всего было не то, что я попался, а то, что я так постыдно опростоволосился. Действительно, дернула меня нелегкая заходить во двор!

На следующий день, десятого мая, пришли мои знакомые и принесли поесть. Разговаривать с ними почти не пришлось: свидание длилось минуты три-пять.

Еще через день нас всех пересчитали и повели под сильным конвоем в военный городок, в лагерь, где сидели уже каппелевцы. Густые толпы народа шли за нами по улицам — их отгоняли прикладами.

В лагере, в бараках, мы разместились гораздо лучше, места было вдоволь. Днем нам разрешили гулять всюду, не подходя слишком близко к проволоке, по ночам же в высывающих нос из бараков стреляли. Исполнять лагерные работы заставляли всех без исключения. Самое тяжелое было возить воду с Ангары в бочках, поставленных на вагонетки. Рельсы кое-где испортились, вагонетки слетали, и их с большим трудом ставили обратно.

В полдень выдавался обед: немножко супа из кеты с кашей и хлеб. Конечно, кормили ровно настолько, сколько нужно было, чтобы никто не умер с голода.

Но это особого значения не имело: почти все имели в городе родных или знакомых и питались передачами. Одинокие же кормились возле более счастливых. Целые дни кругом лагеря бродил народ, выискивая удобную минуту, чтобы хоть издали увидеть своих близких. Караул ругался, но в отсутствие начальства позволял даже иногда перекинуться словечком через проволоку. Начиная с четырех часов давались свидания на пятнадцать минут, и в это время приносились передачи. Выпускали группами по двадцать человек в барак вне проволоки, где уже ожидали навещавшие. При разговоре присутствовали чекисты, но их было мало, так что разговаривать удавалось о чем угодно. Передачи тоже не осматривались. Отсутствие строгости объяснялось тем, что комендантом был иркутянин, неопытный еще в проведении террора и к тому же знакомый со многими сидельцами лагеря.

Дня через два меня позвали к лагерному следователю для выяснения вопроса о моем происхождении. Я сказал, что мой отец происходил из заводских крестьян. Подробностей у меня не расспрашивали, и дело прошло. Потом оказалось, что благодаря этому ответу я избежал челябинских лагерей. Следователь показал мне протокол моего предыдущего допроса, и я с удивлением там прочел, что был произведен при Колчаке за боевые отличия. Такие штуки я, конечно, на допросе не говорил, и это просто вписал первый следователь после того, как я подписал протокол, выше моей подписи.

На мое указание лагерный следователь ответил, что это несущественно.

Тринадцатого мая в лагере состоялась общая комиссия для выяснения, кто не может перенести пути. Всех желающих на нее попасть выстроили и пропустили перед следователем, который определял на глаз, болен человек или нет. Безногих он признал больными, на остальные же «пустяки» внимания не обращал.

Отправку назначили на пятнадцатое число, и в лагере начали распространяться слухи, что всех отправят по специальностям. Наиболее же

провинившиеся — в Красноярск или трудовые армии. Только бывшие контрразведчики, добровольцы и служившие в карательных отрядах подлежали изоляции в концентрационных лагерях до конца Гражданской войны. Студентов, как говорили, отправят продолжать свое образование в те высшие учебные заведения, где они были раньше. Мы всему этому плохо верили, хотя иногда и закрадывалась мысль: «А вдруг впрямь попадешь в университет?»

Мои знакомые посещали меня каждый день и приносили на дорогу провизии, несмотря на то что у них самих почти ничего не было.

Утром пятнадцатого всем выдали хлеба и соленой рыбы (кеты) на четыре дня, а часов в пять вечера все были выстроены для проверки и сдачи мадыарскому караулу, который назначался сопровождать нас по железной дороге. Караул был не чисто мадыарский, а интернациональный, в нем было и несколько русских. Провожатых было около тысячи человек, и красноармейцы нервничали. Для вещей подали подводы — конечно же, не власти, а частные лица, и мы двинулись к вокзалу.

Меня провожали мои знакомые барышни и несли кое-что из вещей, идя почти рядом. Недалеко от вокзала публика надавила в узком месте на нашу колонну. Произошло замешательство. Красноармейцы стали стрелять. Послышались крики и плач женщин. Нас погнали быстрым аллюром и, не давая взять вещей, втолкнули в вагоны. Я говорю «втолкнули», так как неловким усиленно помогали прикладами. Где-то вдали мелькали печальные лица моих знакомых.

Дверь вагона с шумом захлопнулась; загремели засовы, и мы остались в темноте. Снаружи раздавались еще крики и плач, изредка слышались выстрелы. Все эти звуки покрывались звучной руганью конвоя. Первые минуты в вагоне царил гробовая тишина. Все были поражены произошедшей сценой. В лагере нам обещали на вокзале прощание с родными, а тут — выстрелы, крики, плач женщин, площадная брань.

Понемногу все начали размещаться и устраиваться. Поезд скоро отошел. В вагоне набралось около 35 человек, и было тепло, несмотря на холод снаружи. Мне удалось пристроиться на верхней полке у окна, и я думал, что по дороге можно будет посмотреть на следы войны и дышать более свежим воздухом. Не тут-то было! На одной из станций снаружи раздалась крепкая брань, железная ставня с шумом закрылась, и ее заколотили гвоздями. То же сделали и с другими окнами, кроме одного, которое разрешили открывать для освежения атмосферы лишь на больших станциях. За несвоевременное открытие угрожали стрельбой. В нас не стреляли ни разу, в других же вагонах несколько человек было ранено.

От соленой рыбы страшно хотелось пить, но нас выпускали только по утрам на пять минут, причем не позволяли ходить за водой. Если кому-нибудь удавалось хлебнуть из какой-нибудь лужицы, то хорошо, а нет... «на нет и суда нет». Меня и моего соседа спасла моя верная фляжка и то, что мы старались

есть вместо рыбы сало. Дальше в пути сосед, проезжая свой город, разжился припасами и тогда помогал мне, хотя мы были уже в разных вагонах.

Если кому-нибудь нужно было выйти из вагона в неурочное время, его не пускали ни под каким видом. На все просьбы конвойцы отвечали бранью. Один из наших, выведенный из себя бессердечностью стражи, оторвал капюшон своего плаща и, облегчившись, выбросил за окно. Красноармеец не успел выстрелить и, немного погодя, очевидно, исследовав, в чем было дело, произнес задумчиво: "Ишь, стерва, и вещь не пожалел".

С каждым днем пить хотелось все больше, и, когда на четвертый день эшелон подходил к Красноярску, многие сходили с ума. В нашем вагоне все уцелели, из других в Красноярске сняли несколько больных. Была ли причиной болезни жажда — не знаю. Спасло несколько то обстоятельство, что в этом районе еще лежал снег, и во время утренней прогулки можно было набрать его вдоволь.

Красноярские горы и Енисей, как всегда, были восхитительны. Погода стояла ясная, и, самое главное, нам позволили открыть окна, а наружу выпускали несколько раз в день. В полдень водили обедать: давали пять ложек супа и три — каши; то и другое казалось нам очень вкусным.

Из красноярского лагеря к нашему эшелону присоединили группу генералов и штаб-офицеров с семьями. Среди них оказались знакомые, и они рассказывали про содержание в здешнем лагере. Зимой в нем помещалось около пятидесяти тысяч человек — солдат и офицеров, сдавшихся в плен. За точность этой цифры не ручаюсь, но, по моему мнению, она вполне вероятна. Их почти не кормили, затем развилась сильнейшая эпидемия тифов, и наконец многих расстреляли. Красные тут еще не были так упоены победой, как позже в Иркутске, и не церемонились. Для "иркутского времени" имела еще большое влияние отмена смертной казни, с ней, как ни как, считались. В общем в Красноярске, по словам очевидцев, погибло около семидесяти пяти процентов всех пленных. Трупы не успевали хоронить, и они целыми гудами валялись под городом.

Всем нашим эшелонном заведовал комиссар — "Ванька-Каин", как мы его звали. Это был здоровеннейший широкоплечий мужчина с весьма откровенным лицом, по всем признакам, бывший матрос. Он чувствовал себя героем, имея в своей полной власти около шестисот генералов и офицеров. На стоянках, где нас выводили проветриваться, "Ванька" неизменно вылезал из своего вагона и прогуливался вдоль эшелона, звонко ругаясь и покровительственно разговаривая с обращавшимися к нему офицерами, хлопывая их иногда по плечам в знак своего особого благоволения. Расположение его духа было крайне непостоянным и менялось весьма быстро, немедленно отражаясь на нас.

Командант поезда, он же — начальник караула, показывался гораздо реже и почти ни с кем не разговаривал. От него исходили все стеснительные распоряжения насчет выхода на станциях, закрытия окон и другое.

Когда мы останавливались, где предполагался очередной выпуск, мадьяры оцепляли небольшой район перед эшелонном, а затем открывали четыре-пять вагонов. Публика быстро высыпала наружу и немедленно усаживалась цепью. Вероятно, со стороны это было весьма забавное зрелище. Через пять минут раздавался зычный крик: "По вагонам!", и все должны были как можно скорее возвращаться на место. Один старенький артиллерийский полковник из нашего вагона раз ошибся и подошел к соседнему, разглядывая его номер. Сильный удар прикладом по спине и громкое мадьярское ругательство живо заставили его понять свою ошибку: очки у него свалились, лицо приняло недоумевающе-странное выражение: "Ведь я только подошел посмотреть номер вагона!" — жаловался он потом... Такие случаи бывали очень часто и с другими, но этот особенно неприятно меня поразил — полковник был очень почтенный и симпатичный человек.

В Иркутске благодаря спешке нас рассадили как попало. В Красноярске "Ванька" решил навести полный порядок. Все были выведены из вагонов вместе с вещами, и началась переключка по спискам. Их было пять, и они носили заголовки: "в Челябинск", "в Екатеринбург", "в Петроград", "в Москву" и в "Красную армию". Я попал в список, носивший заголовок "в Петроград". Челябинский список не породил никаких сомнений: туда попали приговоренные к заключению в концентрационных лагерях до конца Гражданской войны. В числе их были все каппелевцы и те категории, которые я перечислял раньше. Это была самая большая группа — человек триста. Ее отделили в первую голову и посадили отдельно, введя самый строгий режим. В Екатеринбург направлялись специалисты в трудовую армию. В Москву и Петроград — студенты этих городов, а в Красную армию — все, не попавшие в другие списки. Надо сказать, что нам официально не объявлялись мотивы распределения по группам в том виде, в каком я их привел. Это было просто авторитетное распоряжение "Ваньки-Каина". Оно походило на правду — так, в нашей группе были все петроградские студенты или же, по крайней мере, так себя называвшие.

В новом вагоне мы расположились несколько теснее — теперь нас было больше. Я попал под нары. Нижнюю полку мы разобрали, тем более что в ней не хватало досок, и улеглись прямо на пол. В стенке вагона, сквозь маленькую дырочку, проникал иногда луч солнца; под него подставлялись зеркальца, и направляли отраженный луч на доски верхних нар. Свет рассеивался, и в нашем обиталище становилось так светло, что можно было даже читать. Как ни как, в этом темном углу пришлось прожить целый месяц.

В Красноярске мы простояли всего четыре дня, пока Че-Ка просматривала наши списки, отыскивая нужных ей лиц. Не могу наверняка сказать, нашла она кого-нибудь или нет. Сообщение между вагонами было очень затруднено, и когда выпускали одних, другие сидели взаперти. В нескольких вагонах был устроен обыск, причем были отобраны документы, деньги и

ценные вещи. То есть людей просто немножко ограбили, а мы про это узнали лишь много времени спустя.

После отъезда из Красноярска для тех, кто не попал в Челябинский список, режим значительно облегчили.

Ехали мы очень медленно, и кормили нас редко. На станциях, где можно было что-нибудь купить, нас не выпускали. Приходилось покупать на полустанках какую-то траву, вроде лука, и довольствоваться ею. Иногда продукты выдавались на руки сырыми: крупа, мясо, картошка, и с ними предоставлялось делать что угодно. Как-то вечером выдали сырую соленую конину, я ее так и съел: "голод — не тетка". Один раз нам посчастливилось: мы остановились на разъезде, где произошло недавно крушение. Остатки разбитого поезда еще горели. Публика высыпала из вагонов, обступив пожарище, и превратила его в огромную кухню. Всюду на раскаленных кусках железа и на не сгоревших еще досках стояли и кипели котелки. В какой-нибудь час обед сваривался и поглощался. На некоторых станциях, где нас выпускали, мы пробовали варить и на обыкновенных кострах, но это редко удавалось. Иногда поезд должен был уходить раньше, чем сваривался обед, и нас прогоняли, иногда просто не позволяли варить по невыясненным причинам, а иной раз приходил кто-нибудь из караула к вашему костру и, спокойно отставив ваш котелок, ставил свой. Хорошо, если котелок еще просто отставлялся, бывали случаи, что его просто перевертывали.

Охраняли нас — привилегированные группы — довольно слабо, и при большом желании можно было бы сбежать, но до Омска этого никто не делал. Во-первых, страшно подводились остальные, во-вторых, в тайге население очень редкое и, к тому же, в то время враждебно настроенное против белых; в-третьих, всем казалось: "А что, может, впрямь привезут в Москву или Питер и, отпустив на волю, спокойно предоставят заниматься своим делом..."

Следов войны по дороге почти не было видно. Кое-где валялись разбитые поезда, да на станциях иногда виднелись небольшие разрушения. Только станция Ачинск пострадала очень сильно. Там зимой взорвались два вагона с динамитом. Все постройки рассыпались, а железные столбы, на которых были укреплены крыши навесов, согнулись, точно их все время держали под давлением.

Недалеко от Ново-Николаевска начались строгости. Вагоны заперли, окна не позволяли открывать, а о том, чтобы купить съестное, нельзя было и думать. После выяснилось, что по направлению к Алтаю появились белые партизаны, и наш "Ванька" боялся, как бы к ним кто-нибудь не сбежал.

Два дня нас не кормили, а в городе погнали на обед в три часа ночи. Некоторым не хотелось есть в столь неурочное время, но их заставили: "Для порядка, чтоб потом не говорили, что их голодом морили", — объяснил "Ванька".

Мрачными казались нам длинные комнаты Ново-Николаевского питательного пункта, слабо освещенные свечами — по одной на каждом столе. Все наскоро пообедали — то есть проглотили по пять ложек супа и по три — каши, а затем построились во дворе, собираясь возвращаться в поезд. Вдруг откуда-то выскочил "Ванька-Каин": "Воры, офицерская сволочь, буржуи... я вас в лагерях сгною, перестреляю... — Для большей убедительности он вытащил револьвер и тыкал им в ближайшие к нему физиономии. — Куда свечку-то дели? Украли!.. А еще офицеры, интеллигенты... Обыскать всех! — закончил он. — Старшие вагонов — сюда!" Старшие подошли к нему и слушали его крики, затем разошлись по рядам и начали разыскивать виновника пропажи, убеждая сознаться, чтобы не подводить других. Все молчали.

Я вспомнил, что у меня в вагоне, в мешке есть два куска свечи: "Чего доброго, пойдут туда искать, найдут и скажут, что украл именно я".

Несколько минут продолжались уговоры старших, но тщетно: пропажа не находилась. "Ванька" терял терпение и снова разразился бранью. Внезапно он смолк, через минуту раздалась команда, и мы в недоумении разошлись по вагонам. Потом выяснилось, что свечку взял один из конвойных.

Когда рассвело, на станцию пришли из города местные красноармейцы, из бывших колчаковцев (город находился далеко от станции), и начали искать в эшелоне своих бывших начальников. Меня тоже отыскал один солдат и был весьма доволен, когда я его узнал. Он поговорил со мной минут десять, рассказал про других знакомых солдат и, посочувствовав моему теперешнему положению, ушел. Что ему, собственно, от меня было нужно, я так и не понял.

Так же благополучно окончились и другие встречи офицеров со своими бывшими подчиненными.

Дальше до Омска мы ехали, как и раньше, то есть нас запирали на больших остановках, где можно было что-нибудь купить, и выпускали на маленьких.

В Омске Чека опять затребовала списки провозимых и рассматривала их снова целых четыре дня. У многих здесь были родные и знакомые, и у эшелона целые дни толпился народ, стараясь улучшить минутку поговорить или хотя бы взглянуть на своих. Первые два дня все шло хорошо. В известные часы нас выпускали наружу, и мы прогуливались под сочувственными взглядами огромной толпы родных, знакомых и просто любопытных. "Ванька" в своей кожаной куртке с револьвером важно ходил взад и вперед, изредка весело покрикивая на женщин, осмеливавшихся подходить слишком близко. Весь вид его выражал крайне благодушное настроение.

Сразу почувствовалось облегчение... Но через два дня опять все изменилось. На рынок отпустили по два человека от вагона для закупки припасов. От нас тоже пошли двое, в том числе мой сосед. На базаре красноармеец всех распустил, взяв предварительное слово, что они соберутся через

четыре часа в условленном месте. Мы в это время мирно бродили возле своих вагонов. "По вагонам!" — раздался неожиданно дикий крик, сопровождаемый отборнейшей бранью. Все уже знали, что в таких случаях нужно немедленно исполнять приказание, если не хочешь получить хорошенько по шее. Через две минуты на платформе никого не было, и все с содроганием слушали, как стучат засовы запираемых дверей. Царило молчание: никто не понимал, в чем дело. Минут через пятнадцать к комиссару вызвали старших, и, когда они вернулись, мы узнали, что мой сосед скрылся, а его спутник арестован, то есть посажен в карцер. До следующего дня нас куда не пускали и только в двенадцать часов, как обычно, повели на обед. Когда мы шли обратно, то увидели, что у эшелона стояла большая толпа родственников и частной публики. На этот раз никому не позволили ничего передать и в ответ на усиленные просьбы женщин их толкали прикладами и ругали. В толпе раздавались возгласы возмущения и рыдания.

"Ванька" приказал стрелять. Все рассыпались. Нас заперли, а на следующее утро повезли дальше. Спутника бежавшего привели в вагон полубезумным. Придя в себя, он рассказал свои злоключения.

Он и бежавший вместо базара решили съездить к своим родственникам на извозчике, причем собирались вернуться тоже вместе. В назначенное время, зайдя за бежавшим по указанному адресу, оставшийся не только не застал его дома, но ему сказали, что таких совсем не знают. Оставшийся возвратился один. Красноармеец пришел в ярость, увидев, что одного нет, и немедленно доложил "Ваньке". Последний приказал закрыть вагоны, а оставшегося арестовал. Неизвестно какими путями комиссар узнал, что тот тоже ездил в город. Во время допроса его били, тыкали в лицо рукояткой револьвера и заставили указать данный ему адрес. Начатые в этом направлении поиски ни к чему не привели. Снова начался допрос, конечно, безрезультатно. Наконец "Ванька" немного успокоился и отправил его обратно в вагон, а нас всех предупредил, что в случае повторения побега он будет расстреливать, пока же ограничился закрытием эшелона на несколько дней, а нашего вагона — на все время. Кого именно расстреливать, указано не было.

Впрочем, он скоро развеселился, и, проезжая уже полосу боев между Петропавловском и Курганом, мы смотрели в открытые окна на бесконечные полосы несжатой, погибшей пшеницы. В Кургане же спокойно закупали себе на дорогу баранки и хлеб. Как потом рассказывали, "Ваньку" уговорил сменить гнев на милость новый начальник караула.

И слава Богу: Сибирь кончалась, мы спешили закупить еды на оставший путь. К сожалению, у меня лично не было на это денег: последние деньги унес бежавший.

В Челябинске снова была длительная остановка. Здесь эшелон уменьшился вдвое. Самую зловредную часть оставляли в Челябинском концентрационном лагере.

Первый и последний раз пришлось тут услышать неблагоприятные отзывы от частной публики насчет нашего эшелона. Какие-то рабочие начали расспрашивать, кто мы такие. Им рассказали.

— Зачем же везти такую сволочь! — возмутился один из них.

— Поставить бы пару пулеметов, да и по вагонам, а то только хлеб пролетарский даром жрут.

Он еще распространялся на эту тему, но мы ушли подальше от греха. Начни ему противоречить, пожалуй бы, обвинили в новой злонамеренной поддержке буржуазных элементов или еще в чем-нибудь не менее "злостном".

На второй день стоянки Челябинский противотифозный пункт устроил для нас баню и выдал по паре чистого белья.

Челябинск был последней базой, где можно было еще достать сравнительно дешевых, хороших продуктов. Все усиленно меняли свои вещи на хлеб, сало и другую живность.

Мне удалось выменять на осьмушку чаю три буханки хлеба, всего — фунтов двенадцать, что мне много помогло, так как я совсем изголодался. Ко мне присоединился один коллега, и до Екатеринбурга мы все истратили, но зато прибавилось сил.

При въезде в бесплодные местности Уральского хребта, на одной из станций, заградительный отряд пытался ограбить наш эшелон, но был отражен караулом, везшим в своих вагонах очень многие продукты.

От Челябинска нас везли взаперти без всяких внешних причин. Очевидно, "Ваньке" плохо спалось.

После Омска в нашем вагоне несколько дней шли дебаты, как поступить с вещами, оставшимися после убежавшего. У многих он взял деньги на покупку консервов, и они, конечно, пропали. На этом основании предполагалось отдать вещи пострадавшим. Но один из офицеров, капитан, некий Ташкенцев, двадцать седьмого полка Сибирской армии, оперировавшего на Крайнем Севере, чуть ли не державшего связь с Архангельской армией, решительно запротестовал, доказывая, что на это необходимо разрешение комиссара. Ему возражали, говоря, что "Ванька" ничего про вещи не узнает и знать не будет.

— Узнает! — твердил сей муж.

— Но как? Разве ему кто-нибудь донесет? У нас, кажется, не должно быть шпионов!

— Я пойду скажу! — заявил Ташкенцев.

Все опешили, потом попробовали его испугать, но он не убоился и твердо стоял на своем. Когда ему грозили бойкотом, он опять-таки отвечал, что тогда доложит комиссару о нашем контрреволюционном настроении, и этим терроризировал весь вагон. Через четыре дня удалось все решить, разыграв все по жребии. Ташкенцев согласился. Потянули билетки, и

Ташкенцеву ничего не досталось. Около получаса он думал над новой ситуацией, и, наконец, последовало его новое решение:

— Надо все вещи снова собрать и отнести комиссару.

— Как? Вы же сами согласились на жеребьевку!

— Теперь я передумал. Это неправильно: имущество убежавших из-под ареста принадлежит государству, и частные лица не в праве им распоряжаться...

— Мерзавец, провокатор, шпион! — раздавалось кругом. — Убить такую сволочь, выбросить из вагона!

И из-за чего, как вы думаете, шли прения? Две пары белья, три полотенца, носки и вещевой мешок — вот и все. Самое большое, что мог получить Ташкенцев при жеребьевке, — это одну рубашку.

В конце концов все вещи были собраны и отнесены "Ваньке", а товарищ Ташкенцев продолжал себе ехать в вагоне, как ни в чем не бывало, вмешиваясь во все разговоры.

В Екатеринбурге нам повезло. Мы простояли тут сутки с вечера до вечера, и все время двери вагонов были открыты. Пришли родственники, знакомые, собралась масса любопытных... Вечером, когда мы сюда приехали, один мой знакомый написал своим письма и отдал на станции первым попавшимся, прося доставить по адресу. Не прошло и часа, как они были переданы. К нему пришли родные и знакомые и не уходили до самого отхода поезда. Старший вагона, узнав, что у него тут свои, не преминул тщательно расспросить на всякий случай, где они живут и кто они такие.

В Екатеринбурге мы снова оставили часть своих спутников, отправленных в распоряжение местной ЧК на предмет направления в трудовую армию. Через два месяца они, впрочем, очутились также в Москве.

До Кунгура поезд шел с открытыми окнами и дверями. Можно было любоваться Уралом и выбегать на остановках за водой. В Кунгуре на станцию съехалось много крестьян из окрестных сел. Они были собраны на работы. К нам крестьяне отнеслись с большим сочувствием, расспрашивали про положение в Сибири и жаловались на большевиков. Пермская губерния отличалась своей стойкостью в борьбе и в ненависти к красным, теперь за это ей приходилось расплачиваться. В населении шло глухое брожение, и беседовали о новом восстании.

Пока мы говорили, вновь раздался крик: "По вагонам!" "Ванька" бежал вдоль эшелона со злой физиономией и громко ругался. Все бросились на свои места. Позвали старших... В общем, все произошло, как и раньше в таких случаях. Причиной новых репрессий послужила полученная со станции Шаля телеграмма, где сообщалось, что кто-то из нашего поезда агитировал там против советской власти. Председатель коммунистической ячейки требовал производства следствия и наказания виновников. Дело кончилось закрытием всего эшелона до Перми.

С Челябинска считалось, что особенно отпетых для советской власти элементов больше нет, и теперь все пользовались относительной свободой. Для нарушавших же установленные правила отделили один вагон, куда и сажали, точно в карцер. Оттуда никуда не пускали; окна и двери там не отворялись, но зато было гораздо просторнее и чище. За какие именно поступки туда сажали, не помню.

В Перми эшелон стоял один день, и желающие ходили во главе с "Ванькой" купаться в Каме. Я тоже пошел омыть свое грязное тело и вдоволь наплавался, удивляясь своей живучести. Кажется, всю зиму болел, потом находился в условиях, мало благоприятных для поправки и, наконец, целый месяц путешествовал впроголодь. Плавать же плавал, как всегда.

Купание повторилось второй раз, дальше, уже в Вятской губернии, в крайнем пункте, до которого дошли наши войска.

Отсюда началось путешествие по настоящей Совдепии с восемнадцатого года. На станциях можно было достать исключительно молочные продукты да яйца, и то, выменивая их на мануфактуру или соль.

На Урале в это время на принудительных работах умирали белые колчаковские офицеры. В Москву было приказано свезти всех офицеров, захваченных в Сибири. Привезли всего не более тысячи. Если считать, что на местах, благодаря тому что местные власти не выполняли точно распоряжений центра, задержались еще две-три тысячи, да несколько тысяч успели скрыться за Байкал, то все же получается огромное количество погибших. Офицеров в Сибири было все же несколько десятков тысяч.

"Расскажи, как ты попался?" — спросил я своего приятеля, офицера. "Недалеко от [железнодорожной станции] Тайги Митькин, Х. и я отстали. Митькин чувствовал себя очень плохо, у него был тиф, и он не мог быстро двигаться. Все войска прошли уже вперед, и нас нагоняли красные. Однажды ночью к нам ворвались два красноармейца. Я и Х. были без погон и выдали себя за солдат. У Митькина же погоны были на шинели, красные набросились на него и стали бить. Потом они вывели всех нас на двор и Митькина зарубили. Сразу его убить не могли, но он только раз или два вскрикивал... Когда я попал в штаб красных, то там сказали, кто я. Меня заперли в Омском концлагере... Ну и жара же там была, в рабочем батальоне: обыски, издевательства, иногда — расстрелы".»

Приказ Президиума ВЧК № 21, отданный Ф. Дзержинским и Н. Мещеряковым, от 28 февраля 1920 г., находится в Научных фондах Красноярского музея (НФ ККМ). Коллекция временного хранения общественных исполнительных комитетов. 1917. Инв. № 336. Этим приказом председатели ЧК в разных районах Сибири строго предупреждались о суровой ответственности за «неправильное исполнение декретов, постановлений Советской власти и приказов ВЧК». И тем самым — от мягкости к

«врагам революции». Фактически им официально развязывали руки для расправы с побежденными и даже невиновными, но по разным причинам задержанными ЧК. В приказе эта категория лиц называлась «ненужной и вредной мелочью, загромаждающей ЧК». В то же время Феликс Эдмундович проявил трогательную заботу «о советских учреждениях», всерьез опасаясь широкомасштабных арестов среди их личного состава, которые могли привести к остановке их работы.

Правда, разрешался «выборочный» террор против настроенных не по-большевицки служащих и специалистов. Но основная волна красного террора в то время накрыла различные партии и политические группы, «враждебные Советской власти», и «спекулянтов» — обычных сибирских граждан, зарабатывающих на жизнь перепродажей тех или иных товаров в разных местностях³⁰.

Из служебной записки руководства Омской губчека в Сибревком г. Омск, от 21 февраля 1920 г.

«Секретариат Омской губчека сообщает, что на основании разъяснения председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и Особого отдела тов. Дзержинского за № 1720 во всей полосе, подчиненной фронтам, за губчека и гражданским губернским ревтрибуналом, по постановлению Президиума ВЦИК, сохраняется право непосредственной расправы, т.е. расстрела за преступления, упомянутые в постановлении ВЦИК от 22 июня 1919 г. № 1903»³¹.

Приказ Президиума ВЧК № 21, отданный Ф. Дзержинским и Н. Мещеряковым, от 28 февраля 1920 г. Речь здесь идет о постановлении ВЦИК «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении», от 20 июня 1919 г., опубликованном в «Известиях ВЦИК» 22 июня 1919 г.

На активизацию повстанцев в 1920 г. в Сибири и рост числа дезертиров из Красной армии карательные органы большевиков ответили террором. Для борьбы советы предусмотрели чрезвычайные меры — например, выезд в районы, на места представителей ЧК с «силовой поддержкой». Указывалось, что «одновременно с тройкой посылаются сессия суда для проведения репрессий на месте, причем тройка проводит также меры воздействия на дезертиров и укрывателей»³².

Фрагмент сообщения члена коллегии тюменского губпродкома Я.З. Маерса губернскому продовольственному комиссару Г.С. Иденбауму,

³⁰ Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации. С. 258.

³¹ Сибирская Вандея. Т. 1. С. 18.

³² Там же. С. 27.

датированный началом декабря 1920 г. Документ свидетельствует об узаконившейся практике со стороны большевиков брать заложников в тех случаях, когда население не выполняет тех или иных повинностей, наложенных советской властью. Хранится в ГА ТО (Ф. 11. Оп. 2. Д. 183. Л. 98)³³.

«Посылаю тебе копию приказа относительно заложников. Вчера мы взяли 20 заложников-кулаков из Боровской волости. Это дает большой моральный эффект».

Выписка из протокола № 57 заседания Сиббюро ЦК РКП(б), от 9 июля 1920 г. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 4, 5)³⁴. Печатается с сокращениями.

«Г. Омск

Слушали: 1. Доклад товарища Смирнова о поездке в Алтайскую губернию. Товарищ Смирнов считает, что необходимо выработать:

а) план борьбы с партизанским движением.

Товарищ Павлуновский: «Думаю, что по отношению к восставшим следует применять высшую меру наказания».

Постановлено: восставших кулаков и принимавших в восстании участие членов и председателей ревкомов расстреливать немедленно. Хлеб и земледельческие машины у восставших следует отбирать и передавать продотрядам для обмолота хлеба».

Телеграмма председателя Сибревкома И.Н. Смирнова председателю советского правительства В.И. Ленину из Омска от 9 июля 1920 г.³⁵

«Половина Алтайской и Томской губерний охвачены кулацким движением, которое мы подавляем вооруженной силой. Причина восстания — бестоварье. У восставших кулаков конфискуем хлеб, который весь не обмолочен».

Приказ руководства Сибревкома Алтайскому и Томскому губревкомам, Ново-Николаевскому уездному исполкому советов от 12 июля 1920 г. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 2 а. Д. 8. Л. 231; Ф. 1137. Оп. 1. Д. 4. Л. 25)³⁶. Печатается с сокращениями.

«Г. Омск

Сибревком предлагает Вам в связи с имевшими место и еще не ликвидированными кулацкими восстаниями издать и напечатать в местной газете и широко распространить по волостям, захваченным повстанческим движением, следующий приказ:

³³ Там же. С. 30.

³⁴ Там же. С. 36, 37.

³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 236.

³⁶ Сибирская Вандея. Т. 1. С. 39, 40.

Барнаульский, Ново-Николаевский, Томский революционный комитет не может далее терпеть этот позор, и твердо решили железной рукой стереть с лица земли изменников и предателей рабоче-крестьянской России.

Все захваченные бывшие колчаковские офицеры и другие предводители расстреливаются на месте. Все, не сдавшие Красной армии огнестрельного оружия, расстреливаются без суда. Крестьяне сел, примкнувших к изменникам, обязаны немедленно и безоговорочно выполнить полагающуюся по закону разверстку. Кулаки, подбивающие на восстание, немедленно выполняют разверстку в двойном размере. Вся работа по обмолоту, ссыпке и подвозу хлеба возлагается на восставшие села. С неисполнителями этого приказа будет поступлено без всякой пощады как с явными изменниками. Восставшие села, сознавшие свое преступное и предательское поведение и принесшие повинную, освобождаются от кары, за исключением руководителей, которые будут преданы революционному трибуналу.

Предсибревком Смирнов».

Фрагмент из Постановления СНК Об изъятии хлебных излишков в Сибири, от 20 июля 1920 г.³⁷

«4. Виновных в уклонении от обмолота и от сдачи излишков граждан, равно как и допустивших это уклонение ответственных представителей власти, карать конфискацией имущества и заключением в концентрационные лагеря как изменников делу рабоче-крестьянской революции».

Выписка из протокола № 88 заседания Сиббюро ЦК РКП(б), от 6 октября 1920 г. Документ хранится в ГАРНО (Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 41)³⁸.

«Г. Омск

Слушали: 3. Доклад об амнистии товарища Смирнова.

В своем докладе товарищ Смирнов указывает, что в Сибири за Сибчека и органами юстиции числится до 30 тысяч заключенных, огромное большинство из которых — рабочие и крестьяне.

Товарищ Павлуновский разделяет их на следующие категории:

1. Массовое выступление против Советской власти в 1918 г.
2. Представители разных организаций.
3. Нынешнее повстанческое движение.
4. Офицеры колчаковской армии.
5. Каратели: а) комсостав до взводного командира включительно; б) набранные по мобилизации.
6. Архиереи (священники).

³⁷ Там же. С. 41.

³⁸ Там же. С. 54.

7. Сознательно использовавшие службу в корыстных целях; мелкие должностные упущения; обывательская спекуляция».

Фрагмент обращения Сибревкома «Всему крестьянскому населению Сибири», от 9 октября 1920 г.³⁹

«Сибирский революционный комитет приказывает:

1. Всем скрывающимся с оружием в руках или безоружным участникам восстаний против Советской власти явиться в уездные военные комиссариаты и заявить о своем желании искупить вину отправкой на фронт.

...

5. Не явившиеся в месячный со дня настоящего объявления срок будут считаться врагами народа, имущество их будет конфисковано, и со всеми ими будет поступлено по всей строгости революционной власти».

Фрагмент приказа № 94 Алтайского губернского ревкома «О борьбе с новоселовскими бандами», от 8 мая 1920 г.⁴⁰

«г. Барнаул

...

3. Все пойманные участники банд Новоселова и Рогова должны как военнопленные препровождаться в Барнаул.

4. Добровольно сдавшимся участникам банд по неосознанности или под угрозой вступившим в них будет сохранена жизнь.

5. Все граждане и должностные лица, замеченные в содействии новоселовским бандам, в пропуске подозрительных лиц через контроль, в укрытельстве оружия, в контрреволюционной агитации, в распускании ложных слухов, будут расстреливаться.

Примечание: имеющееся на руках незарегистрированное оружие должно быть сдано волревкомам и другим соответствующим органам в день опубликования приказа.

6. Всякая волокита, медленное и заведомо неправильное выполнение распоряжений Советской власти будут рассматриваться как содействие белым бандам.

Председатель Алтайского революционного комитета Вс. Аристов.
За секретаря А. Синицын».

Доклад помощника начальника Западно-Сибирского сектора войск ВОХР М.В. Васильева начальнику сектора войск ВОХР и члену

³⁹ Там же. С. 56.

⁴⁰ Газета «Алтайский коммунист». Барнаул. 9 мая 1920.

Сибревкома В.М. Косареву от 1 июня 1920 г. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 42. Оп. 1. Д. 910. Л. 8–10)⁴¹. Печатается с сокращениями.

«г. Омск

Еще во времена Колчака Рогов убил милиционера, который в споре с ним сказал, что за его темные дела по нему плачет тюрьма и что тот не раз до того там сидел. Совершив это убийство, Рогов скрылся в тайгу, где к нему через некоторое время примкнули такие же, как и он, укрывающиеся от закона. Их набралось 100 человек.

Этими людьми, а главным образом, самим Роговым, руководили отнюдь не политические идеи».

Выдержка из приказа № 1 Алтайской губернской чрезвычайной «тройки» по борьбе с дезертирством и бандитизмом от 26 июня 1920 г., изданного в Барнауле. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 1. Д. 60 а. Л. 164)⁴².

- «3. Все не сдавшиеся и задержанные с оружием в руках дезертиры и бандиты будут расстреливаться.
5. Все укрыватели, способствующие и подстрекатели дезертиров, не считаясь с их положением по службе, будут смещаться с должностей, арестовываться и предаваться суду военно-революционного трибунала.

Алтайская губернская чрезвычайная «тройка»:
Аристов, Пасынков, М. Воевода».

Приказ № 1525 полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского, от 10 июля 1920 г., изданный в Омске. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 16750. Оп. 1. Д. 33. Л. 2)⁴³.

«По проведению мер административной расправы в районе действий отряда товарища Корицкого организуется военно-полевой трибунал в составе председателя — члена коллегии Омской губЧК и членов: комиссара военно-учебных заведений Сибири товарища Корицкого и начальника осведомительного отделения военно-учебных заведений товарища Курдюкова.

Председателем политического трибунала назначаю члена коллегии СибгубЧК товарища Лепсиса.

Военно-полевому трибуналу при отряде товарища Корицкого присваиваются права губЧК».

Выдержка из распоряжения командира 87-й бригады войск ВОХР Ф.А. Пасынкова командиру 444-го батальона М.И. Ворожцову от

11 июля 1920 г., изданного в Барнауле. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 17590. Оп. 1. Д. 62. Л. 22–24)⁴⁴.

«Предлагаю Вам следующий метод работы. Брать заложников, кулаков, расстреливать самым беспощадным образом тех из них, которые активно участвуют или участвовали в бандах, конфисковать все имущество и передавать его на учет исполкому или ревкому, брать лошадей, сельскохозяйственные машины, передавать для общественного пользования лошадей, конфискованных отправлять в Барнаул.

Заставлять села и деревни выносить резолюции в поддержку Советской власти. Тогда есть за что с ним, то есть с тем обществом, расправиться за активную поддержку бандитов. А главное, не засиживайтесь и не сентиментальничайте, а действуйте быстрее и решительнее. Если находите нужным, расстреливайте десятками на месте, а также берите заложников, которые менее виноваты в участии или в подготовке где бы то ни было бунтов».

Выдержка из обращения Семипалатинского губернского ревкома к населению губернии от 11 июля 1920 г.⁴⁵

«Семипалатинский губернский революционный комитет твердо и решительно заявляет, что всякая новая попытка к организации мятежа, где бы она ни была и от кого бы она ни исходила, будет подавляться с жестокой суровостью. Распространители разного рода вымышленных слухов, явные и тайные провокаторы, а также шпионы будут безжалостно уничтожаться.

Пролетариат и трудящиеся массы не знают пощады тогда, когда общественные отбросы осмеливаются нарушить налаживающуюся хозяйственную жизнь революционной страны».

8 июля 1920 г. за попытку восстания в 530-м советском полку по приговору полевого военно-революционного трибунала на месте стоянки полка были расстреляны 49 человек. Еще шесть человек из числа готовивших восстание — в Семипалатинске. Кроме того, большая часть командного состава была приговорена к продолжению службы в штрафной роте⁴⁶. В Семипалатинском районе коммунисты производили расстрелы населения за не сдачу оружия в пятичасовой срок. В течение июля 1920 г. там происходили ожесточенные бои между красными карателями и восставшими казаками, крестьянами и киргизами. Затем начались репрессии. Они были настолько жестокими, что коммунисты в донесении от 30 июля по поводу отхода на Павлодар казачьего отряда атамана

⁴¹ Сибирская Вандя. Т. 1. С. 114.

⁴² Там же. С. 152.

⁴³ Там же. С. 176.

⁴⁴ Там же. С. 178.

⁴⁵ Газета «Степная правда». Семипалатинск. 11 июля 1920 г.

⁴⁶ РГ ВА. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 86. Л. 148.

Шишкина отмечали: «Уходит поголовно все мужское население казаков от 14 лет»⁴⁷. Один только «интернациональный» отряд Павлодарского уездного военкомата на начало августа 1920 г. изъял в иртышских станицах 52 винтовки и другое, более «слабое» вооружение; при этом без суда было расстреляно 34 человека⁴⁸.

А на объединенном заседании Павлодарского уездного бюро коммунистической партии, ревкома и военкомата (25 августа 1920 г.) решено было взять из числа восставших 56 заложников, из которых 24 через три дня были расстреляны⁴⁹. В это же время в Ямышевской станице коммунисты расстреляли семерых за хранение оружия. Как свидетельствуют документы, «остальные, мобилизованные повстанцы, как не имеющие такового, были арестованы и увезены впоследствии в Семипалатинск. Судьба их неизвестна»⁵⁰.

Выдержка из протокола № 57 заседания Семипалатинского губернского бюро РКП(б) с участием представителей губернского ревкома, изданного в Семипалатинске 30 августа 1920 г. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 1. Д. 154. Л. 64)⁵¹.

«Самое тяжелое преступление, которое ложится на Павлодарский уездный ревком и уездное бюро, — это то, что они, в панике потеряв рассудок, объявили красный террор буржуазии, не имея на то ни малейшего права. Я думаю, что они как ответственные работники должны знать, что объявление террора разрешается только ЦК РКП и никаким образом не захолустным маленьким городком. Несмотря на это, данный факт совершен, и в результате 24 человека, может быть этого и заслуживающие, но почти ни в чем не замешанные, поплатились головами. Председатель Пиндрик».

Выдержка из доклада уполномоченного Алтайской губернской чрезвычайной «пятерки» М.И. Ворожцова начальнику Западно-Сибирского сектора войск ВОХР и председателю Алтайской губернской чрезвычайной «пятерки» по борьбе с дезертирством и бандитизмом (середина августа 1920 г.) Документ хранится в РГ ВА (Ф. 17590. Оп. 1. Д. 24. Л. 528)⁵².

⁴⁷ РГ ВА. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 23. Л. 396–398.

⁴⁸ Там же. Ф. 25875. Оп. 1. Д. 61. Л. 179.

⁴⁹ ГА НО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 78. Л. 10, 11.

⁵⁰ РГ ВА. Ф. 24557. Оп. 1. Д. 25. Л. 63.

⁵¹ Сибирская Вандея. Т. 1. С. 233.

⁵² Там же. С. 244.

«По прибытии в село Боровское Барнаульского уезда, не успел я расквартировать свою часть по квартирам, как стали появляться в отряде местные крестьяне и вести контрреволюционную агитацию. Мною были предприняты решительные меры, агитаторы были пойманы и расстреляны.

Мною было получено 13 июля сего года донесение, что в 30 верстах от села Борового, в северо-западном направлении, в районе села Ворониха, кулацкий элемент поднял восстание против Советской власти. Я с частью своего отряда двинулся в вышеозначенное место, и в кратчайший срок восстание было подавлено. Зачинщики этого восстания были расстреляны, а их пособники были направлены в губЧК как заложники.

В Боровском районе, в селах Урлапово и Зеркальское, где крестьянская масса была настроена контрреволюционно, порядок был восстановлен: главари — расстреляны, пособники — отправлены заложниками в Барнаул. Мною все время производились чистки контрреволюционного элемента.

Всего было арестовано 290 человек, из них отправлено в Барнаул, в губЧК 102, переданы в ревтрибунал — 15. Расстреляно злейших врагов Советской власти — 52 человека, отпущено из-под ареста — 121 человек.

Восстание было вызвано расползшейся по селам и деревням вонючей интеллигенцией, которая агитировала против Советской власти среди неосознательных крестьян и натравливала их на коммунистов.

Уполномоченный Алтайской губернской чрезвычайной «пятерки», командир сводного отряда, он же военком Анатолий».

Выдержка из доклада особо уполномоченного А.В. Толоконникова в Алтайскую губернскую чрезвычайную «пятерку» по борьбе с дезертирством и бандитизмом от 22 сентября 1920 г. Из доклада следует, что летнее (1920 г.) восстание в Семипалатинском районе произошло в тех местах, где в 1918–1920 гг. правил атаман Анненков, допускавший массовые нарушения законности против Омского правительства и местного населения. Казалось бы, население должно радоваться приходу красных «избавителей», однако в действительности реакция была иной. Документ хранится в ЦХАФАК (Ф. 9. Оп. 1. Д. 108. Л. 45–47)⁵³.

«Некоторые из верных товарищей свидетельствуют, что кто-то среди повстанцев во время восстания пустил молву, что якобы среди них атаман Анненков, который бьет коммунистов, а крестьяне от этого ликовали. Они так же особенно подчеркивают, что такое у повстанцев было негодование против нынешнего порядка, какого не наблюдалось и в восстании против Колчака.

Расстрелы за преступления в деревнях среди крестьян, совершенные нами, произвели дурные настроения, которые сильно действуют на виновников Советской власти».

⁵³ Там же. С. 251.

Выписка из приказа № 6 Алтайской губернской чрезвычайной «пятерки» по борьбе с дезертирством и бандитизмом, изданного в Барнауле 17 июля 1920 г. Документ хранится в ЦХАФАК (Ф. 22. Оп. 1. Д. 17. Л. 51)⁵⁴.

«До сих пор многим дезертирам оказывалось снисхождение. Отныне каждого дезертира, задержанного красным отрядом, ждет беспощадная кара. Пощады не будет никому. Не будет пощады укрывателям и пособникам дезертиров. Председатель «пятерки» Аристов».

Следующий документ относится к Ключевскому волостному исполкому (середина июля 1920 г.). Хранится в РГ ВА (Ф. 32704. Оп. 1. Д. 8. Л. 1)⁵⁵.

«Не только в оперативных документах, но и в политических сводках политотделов частей, занятых подавлением восстания, отсутствуют сведения о том, что, одновременно с проведением митингов, вынесением резолюций и т.п., сотрудники особых отделов, военно-революционных трибуналов, командиры и политработники осуществляли репрессии. Они арестовывали жителей и советских работников повстанческих населенных пунктов, проводили скоропалительные суды, расстрелы и конфискацию имущества повстанцев по обвинениям в бездействии и непринятии мер по подавлению мятежа. Репрессии проводились против членов Петуховского сельского совета за исполнение приказов и распоряжений повстанцев, Волчихинского сельского совета — за содействие мятежникам, а также местных комячеек по причине ходатайства их об освобождении из-под ареста граждан Петухово, Покровского Северного».

Выдержка из доклада особого уполномоченного А.В. Толоконникова в Алтайскую губернскую чрезвычайную «пятерку» по борьбе с дезертирством и бандитизмом (ноябрь 1920 г.)⁵⁶.

«На основании данных мне полномочий и указаний я прибыл по назначению в район Волчихи 25 октября 1920 г. Настроение в населении к этому времени было пришибленное, оно было просто терроризировано.

Можно предположить, что этому способствовали расстрелы здесь, на месте.

Наблюдается отчасти расслоение населения на бедняков и кулаков, но для того чтобы это расслоение получалось более или менее организованным путем, необходимо бросить в деревню хорошие силы».

⁵⁴ Там же. С. 205.

⁵⁵ Там же. С. 212.

⁵⁶ Там же. С. 267.

Среднее Приобье. Вьюнско-Колывановское восстание

Недовольство крестьян Среднего Приобья, а также горожан Колывани проявилось сразу после прихода в этот район большевиков. Зажиточная Томская губерния, испытав гнет продрозверстки, которая сводилась к «выворачиванию карманов» у крестьян, начала глухо волноваться. При этом в отдельных городах продолжали действовать антибольшевицкие организации, в том числе организация Альберта Игнатьевича Гавриловича, рабочего-меньшевика, в прошлом активного участника революционного движения. В 1918–1919 гг. он занимался организацией добровольческих белогвардейских отрядов на Каме. В начале 1920 г., по данным томских чекистов, устроился уполномоченным Томского гублескома по заготовке дров и организовал в Калтайском Бору «трудовую артель», в которую вошли противники советской власти. В нее входили также около 100 человек, работавших в губернских учреждениях Томска. В середине мая 1920 г. организацию Гавриловича раскрыла ЧК, 44 ее члена были расстреляны, а несколько десятков арестованы и осуждены на разные сроки заключения⁵⁷.

Здесь, как и в других районах, основной причиной массового недовольства послужили широкомасштабные реквизиции и насилие, направленные, главным образом, против зажиточных граждан⁵⁸. Так, 5 июля 1920 г. в селе Коченево Ново-Николаевского уезда были арестованы крестьяне Тимофей Слепов, Леонтий Корнилов и Осип Лаврентьев. Возмущенное население освободило крестьян, и те начали призывать к восстанию против советской власти. Тогда местные коммунисты обратились за помощью к карательному отряду. Это вынудило освобожденных крестьян бежать, однако через несколько дней Корнилов и Слепов все-таки были пойманы и расстреляны⁵⁹.

Примерно в то же время вспыхнуло восстание практически во всем Колывановском уезде. Началось оно в селе Вьюны Чаусской волости, где местные крестьяне стали проявлять недовольство продрозверсткой. Инициатором выступил Василий Андреевич Зайцев, двадцатипятилетний житель города Колывани, сын крупного собственника. Он уже привлекал

⁵⁷ РГ ВА. Ф. 17529. Оп. 1. Д. 27. Л. 16–17.

⁵⁸ ГА НО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 102. Л. 57, 571.

⁵⁹ Сибирская Вандея. Т. 1. С. 272.

внимание Томской губЧК. Первый раз его арестовали 1 марта 1920 г. по обвинению в добровольном вступлении в армию Колчака. Однако уже 19 марта отпустили на свободу за отсутствием улик и свидетельских показаний. Он и стал одним из главных руководителей Вьюнско-Колыванского восстания⁶⁰.

6 июля 1920 г., когда стало известно о событиях во Вьюнах, восставших поддержали и в селе Ново-Тырышкино одноименной волости. Население сформировало крупные партизанские отряды; всего в районе насчитывалось не менее 6,5 тысяч повстанцев⁶¹. При этом нередко восставшие заявляли о своей солидарности с белогвардейцами, вывешивая белые флаги с антикоммунистическими лозунгами⁶².

В Ново-Тырышкинской волости отряд возглавил беспартийный Игнатий Епифанович Александров, сорокатрехлетний житель этого села, бывший фельдфебель царской армии⁶³. Начальником конной части во Вьюнском военном штабе стал Михаил Петрович Лебедев, 36 лет, подпоручик в войсках Колчака. Коммунисты отмечали, что он с отрядом повстанцев выезжал в деревню Черный Мыс Дубровинской волости для ареста коммунистов. Григорий Николаевич Некрасов, 28 лет, учитель, беспартийный, сын священника из деревни Тропино Чаусской волости, бывший штабс-капитан армии Колчака, также был одним из лидеров повстанцев. Он в конце мая 1920 г. переехал из Колывани в село Вьюны, где работал в местной участковой больнице. У повстанцев занимал должность начальника повстанческого штаба во Вьюнах; по данным большевиков, участвовал в расстреле коммунистической ячейки деревни Паутово.

Восстание перебросилось и на Колывань⁶⁴. Здесь на сторону восставших перешла часть милиции. Как свидетельствуют сами коммунисты, только пассивное участие в восстании приняли около 10 милиционеров, «из них по занятии нами Колывани трое были расстреляны по постановлению Особого отдела уездной ЧК»⁶⁵.

За неделю повстанцы уничтожили не менее 300 коммунистов. Лишь за 7 июля они перехватили на Оби два большевистских парохода (один из

них — мощный «Богатырь»), получив богатые трофеи⁶⁶. 9 июля 1920 г. большевики объявили осадное положение в самом Ново-Николаевске⁶⁷. Однако силы восставших значительно уступали понаторевшим в подавлении волнений коммунистам, а главное, у них не было достойного оружия. Пулеметы почти отсутствовали, винтовки во многих отрядах были едва ли у 10% повстанцев; не хватало патронов. Часто вооружение состояло из холодного оружия: пик, шашек и проч.⁶⁸ Из Ново-Николаевска и других городов большевики направили крупные силы хорошо вооруженных карателей, которые быстро разбили повстанцев в прямых боях. Следует отметить, что пойманных с оружием в руках красные расстреливали на месте. Так, например, один из красных командиров доносил: «За селом Десятово было задержано и расстреляно 3 разведчика бандитов, направлявшихся в село»⁶⁹.

Примечательно, что это восстание оказало помощь Врангелю: 458-й советский полк перебрасывали тогда из Сибири на Южный фронт, но были вынуждены направить на подавление Вьюнско-Колывановского восстания⁷⁰.

Репрессии против восставших впечатляют: только по учетным данным командования советских войск, задействованных при подавлении восстания, «расстреляно на месте нашими отрядами до 250 человек. Арестовано и заключено в лагеря до 600 человек»⁷¹.

Часть повстанцев бежала в тайгу, как, например, Михаил Лебедев и Григорий Некрасов, изменивший свою фамилию на Грачев; затем они перебрались в Ново-Николаевск. Первый работал в уездном отделе здравоохранения, другой оставался на нелегальном положении. Арестовали их только 29 января 1921 г., а 7 мая того же года расстреляли⁷².

Некоторые руководители восстания 11 июля 1920 г. попали в плен, и все были расстреляны Ново-Николаевской уездной ЧК. Среди них был Алексей Ефимович Белобородов, 54 лет, зажиточный крестьянин села Чаусского, избранный заместителем председателя Колывановского

⁶⁶ Там же. С. 283.

⁶⁷ Там же. С. 295.

⁶⁸ ГА ТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 51. Л. 368.

⁶⁹ ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 135, 136.

⁷⁰ Сибирская Вандея. Т. 1. С. 285.

⁷¹ РГ ВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 144. Л. 1, 2.

⁷² Там же. С. 275.

⁶⁰ Там же. С. 275.

⁶¹ Там же. С. 343.

⁶² Там же. С. 329.

⁶³ Там же. С. 275.

⁶⁴ Там же. С. 280.

⁶⁵ Там же. С. 344, 345.

окружного исполнительного комитета⁷³. Вадим Васильевич Бородаевский, 40 лет, бывший подпоручик, работавший по уходе белых лесничим в селе Дубровино, бежал после поражения восстания, но был арестован и по приказанию командира роты особого назначения Томского губвоенкомата Орлова 22 июля 1920 г. расстрелян⁷⁴. Игнатий Епифанович Александров расстрелян по приговору Ново-Николаевской уездной ЧК 7 августа того же года⁷⁵.

В конце сентября стало известно, что в тот же день, 7 августа, по приговору Ново-Николаевской уездной ЧК были расстреляны: Иван Алексеевич Ситников (32 лет, зажиточный середняк, беспартийный, командовавший одним из повстанческих отрядов); Федор Павлович Комиссаров (31 года, конторщик районной потребительской лавки из крестьян, активный участник Вьюнского восстания⁷⁶) и Степан Александрович Мальцев (49 лет, колыванский мещанин; в 1905–1908 гг. состоял в партии большевиков, в 1907 г. был осужден в Ново-Николаевске за участие в событиях 1905–1907 гг.; в 1920 г. проживал в селе Ново-Тарышкинское, имел семью — жену и 11 детей, владел водяной мельницей; у восставших был заместителем начальника штаба в Колывани⁷⁷).

Вскоре были расстреляны Георгий Михайлович Кириллов (23 лет, из крестьян Архангельской губернии, бывший правый эсер, окончил низшую сельскохозяйственную школу, в 1920 г. проживал во Вьюнах, работая здесь помощником участкового агронома; 7 июля того же года был избран членом повстанческого штаба) и его адъютант Николай Иванович Персов (28 лет, мещанин города Сурож Черниговской губернии, беспартийный; имел среднее агрономическое образование, проживал здесь, возглавляя Тоя-Монастырский агрономический участок; во время восстания был секретарем следственной комиссии повстанцев). Они 28 сентября 1920 г. добровольно сдались Паутовской коммунистической ячейке⁷⁸. В середине августа 1920 г., месяц спустя после поимки в селе Грязнуха, был расстрелян видный участник восстания, зажиточный крестьянин села Ново-Тырышкино Дмитрий Федорович Матюнин. Ему было поставлено в вину, что ранее он имел нескольких наемных

⁷³ Там же. С. 291.

⁷⁴ Там же. С. 283.

⁷⁵ Там же. С. 275.

⁷⁶ Там же. С. 274.

⁷⁷ Там же. С. 309.

⁷⁸ Там же. С. 309.

работников и держал земскую гоньбу, а также уничтожал во время восстания коммунистов.

Однако главную фигуру, Василия Зайцева, чекистам так и не удалось получить в свое распоряжение. Его безуспешно искали до конца 1920-х гг., поскольку среди убитых повстанцев он обнаружен не был⁷⁹. Пленные говорили, что он оставался в живых до последнего момента Вьюнско-Колыванского восстания.

Выдержка из приказа командующего западной группой советских войск С.Г. Гириловича, изданного на станции Чик 9 июля 1920 г. (группа войск направлялась на подавление Вьюнско-Колыванского восстания). Документ хранится в ГА ТО (Ф. 521. Оп. 1. Д. 51. Л. 116, 117)⁸⁰.

«1. Приказываю предавать военно-революционному суду и расстреливать на месте: 1) предводителей шаек, банд, захваченных с оружием в руках; 2) не сдавших оружия или скрывшихся после прихода советских войск; 3) всех же остальных арестовывать и направлять мне».

Выдержка из донесения командира отряда роты особого назначения Томского губернского военкомата военкому Томской губернии М.А. Атрашкевичу, написанного в селе Дубровино 10 июля 1920 г. Документ хранится в ГА ТО (Ф. 251. Оп. 1. Д. 51. Л. 100)⁸¹.

«Придя в село Дубровино, я узнал, что в ночь на 9 июля был бой, с неприятельской стороны была масса раненых и убитых, в том числе затоплен поп с дьячком. Главарь, именующий себя временным правительством, революционным крестьянским советом, Зибельман, пойман и расстрелян товарищем Злецовым. Пленных, по докладу его, 60 человек в деревне Дубровиной наполовину негодного элемента, который ликвидируется».

Выдержка из разговора по прямому проводу начальника штаба 64-й стрелковой бригады войск ВОХР и командира средней группы советских войск А.А. Вашкевича, от 11 июля 1920 г. (после взятия коммунистами Колывани)⁸².

«Пойманные главари в числе 40 человек отосланы в «штаб Духонина»».

⁷⁹ Там же. С. 275.

⁸⁰ Сибирская Вандея. Т. 1. С. 295.

⁸¹ Там же. С. 295.

⁸² Там же. С. 309.

Выдержка из протокола № 1 заседания в Колывани коллегии особого отдела ВЧК при средней группе советских войск, подавлявшей Вьюнско-Колыванское восстание от 11 июля 1920 г. (22 часа 25 минут). Документ служит дополнением к предыдущему⁸³.

«Присутствуют: П.К. Голиков, Постников, Табанеев, Ф. Пантелеев, Панков, Азанов и Шишкин.

1. Слушали: о Волкове Николае Иосифовиче, начальнике повстанческого отряда. Замечен был в контрреволюционной работе в 1918–1919 гг.

Постановили: Высшая мера наказания. Единогласно.

2. Слушали: о Тарбееве Прокопии Тимофеевиче, середняк, рядовой участник восстания, менее 1 года житель города Колывани.

Постановили: 5 лет концентрационных лагерей.

3. Слушали: о Ковалеве Александре Павловиче, 18 лет, беженец Ижевского завода. Постановили, единогласно: передать в Ново-Николаевскую ЧК.

...

5. Слушали: о Шестак Георгии Федоровиче, 22 лет, бывшем советском милиционере 7-го района, рядовой участник восстания, бедняк, конный разведчик у мятежников.

Постановили: Высшая мера наказания. Единогласно.

6. Слушали: о Помыткине Павле Васильевиче, 29 лет, рабочий, беспартийный, член Колыванской городской думы.

Постановили: 5 лет концентрационных лагерей.

7. Слушали: о Земцове Григории Ивановиче, 31 лет, активном участнике восстания, организаторе милиции, бывшем помощнике начальника милиции при Колчаке.

Постановили: высшая мера наказания. Единогласно.

8. Слушали: о Чакине Иване Кондратьевиче, активном участнике восстания, бывшем царском уряднике, во время восстания был членом исполкома Колыванской думы.

Постановили: высшая мера наказания. Единогласно.

9. Слушали: о Девятове Константине Николаевиче, активном участнике восстания, 56 лет, был членом исполкома Колыванской думы во время восстания.

Постановили: отправить в Ново-Николаевскую ЧК».

⁸³ Там же. С. 309.

Выдержка из рапорта Дубровинского волостного ревкома отделу управления Ново-Николаевского уездного исполкома советов, от 12 июля 1920 г. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1349. Оп. 1. Д. 151. Л. 30–32)⁸⁴.

«Прибывшими военными силами из числа задержанных уже расстреляны следующие участники восстания: 1) Рачев Михаил Леонтьевич; 2) Козлов Иван Яковлевич; 3) Пушкарев Василий Петрович; 4) Овчинников Николай Митрофанович; 5) Шулетьников Дмитрий Константинович; 6) Костенко Кондратий Николаевич; 7) Садкин Федор Трофимович; 8) Гвоздев Дмитрий Архипович; 9) Норов Василий Устинович; 10) Ощепков Гавриил Афанасьевич; 11) Некрасов Ермолай Андреевич; 12) Курцев Петр Елисеевич; 13) Занеев Леонид Трофимович; 14) Приходкин Евстафий; 15) Морозов Владимир; 16) Панкратов Сергей; 17) Демилан Андрей; 18) Грязин Алексей; 19) Грязин Андриан; 20) Дранишников Василий; 21) Волков Николай; 22) Макаров Степан; 23) Голишев Егор; 24) Карпов Александр; 25) Одегов Андрей*».

Сообщение Ново-Николаевской уездной ЧК от 15 июля 1920 г. о судьбе участников Вьюнско-Колыванского восстания⁸⁵. Обращает на себя внимание то, что чекисты пытались показать, будто ими раскрыта разветвленная контрреволюционная сеть заговорщиков — организация «Комитет борьбы с коммунистами». Однако, как свидетельствуют они сами, из 42 расстрелянных в этой организации состоял всего один человек. По данным Шишкина, ново-николаевские чекисты незадолго до Вьюнско-Колыванского восстания сильно проштрафились, устроив грандиозную попойку с ночной стрельбой. Восстание оказалось для них настоящим подарком и шансом на реабилитацию в глазах партийного руководства. Поэтому ново-николаевские чекисты не только зверствовали непосредственно в районе восстания, уничтожая без суда и следствия десятки и сотни повстанцев, а также вовсе непричастных к нему лиц, но и своими руками создали «Организацию комитета борьбы с коммунистами». Под предлогом ее ликвидации и ради создания видимости успешной работы,

⁸⁴ Там же. С. 283.

* Биографию Андрея Павловича Одегова следует рассказать подробнее. Он — житель села Дубровино. С 16 декабря 1919 по 26 января 1920 г. был председателем волостного ревкома. По предложению инструктора уездного отдела управления С.А. Беличенко, переизбран как «не соответствующий занимаемой должности». Как он проявил себя в восстании, неизвестно. Однако после ухода повстанцев из Дубровино Одегов был задержан коммунистами и расстрелян по распоряжению командования военных властей данного босого участка. (Сведения из сборника документов «Сибирская Вандея», т. 1, с. 283.)

⁸⁵ Газета «Дело революции». Ново-Николаевск. 15 июля 1920.

они только после заседания собственной коллегии в Ново-Николаевске уничтожили больше трех десятков ни в чем не повинных граждан, взятых ранее в качестве заложников. Об обоснованности обвинений остальных можно судить на примере счетовода И.С. Гузикова-Касеева. В официальном приговоре коллегии ново-николаевской ЧК он был объявлен «несомненным и активным участником восстания» и приговорен к расстрелу только потому, что был «задержан в местности, охваченной восстанием». Показательно и то, что на настойчивые требования И.П. Павлуновского прислать ему полный доклад о раскрытии и ликвидации подпольной организации Ново-Николаевская ЧК так этого и не сделала⁸⁶.

«В момент острой борьбы с последними остатками наймитов капитализма — польскими панями на западе и японскими хищниками на востоке, остатки белогвардейской своры, рассыпавшиеся после стремительного натиска Красной армии и уничтожения Колчака по всей Сибири, вздумали объединиться. С ними заключили союз отъявленные враги беднейшего и среднего крестьянства и всех рабочих: кулаки, помещики, спекулянты, которые подняли восстание с целью угнетения трудящихся и свержения Советской власти.

Чрезвычайная Комиссия не допустила осуществления их подлых замыслов, она огнем и железом выжигает на теле Советской власти язву.

За активное участие в восстании в Ново-Николаевском уезде, за принадлежность к «Организации комитета борьбы с коммунистами» за последние дни расстреляны следующие кулаки, домовладельцы, фабриканты, бывшие колчаковские офицеры и бандиты:

В городе Ново-Николаевске: Суханов П.И. (подпоручик), Баев П.П. (заводчик), Богатеев И.М. (домовладелец), Курков И.В. (бандит), Коровев А.К., Коржаков Е.А. (бывший офицер), Черепнин А.И., Гузиков-Косеев И.С. (член союза медикосантруд), Машуков П.В., Филипченко П.П., Чесовков Н.П. (кулак, торговец), Соловьев С.Т., Котегов Ф.П., Сидоркин Л.Р. (крупный собственник), Дуболедов А.А., Корщаков Е.А., Павлов А.П. (кулак), Павлов И.А. (член «комитета борьбы с коммунистами»), Павлов С.А., Юлин Ф.Р., Ваганов П.Я. (кулак), Ярков А.А., Шляпин И.И., Киселев А.О., Урванцев П.В., Цепелев П.Е., Ваганов А.П., Клярицкий К.П. (бывший священник), Гулеев А.Н., Сизиков Г.И. (кулак).

В городе Колывани: Волков Н.И. (начальник повстанческого отряда), Шестаков Г.Ф. (милиционер), Земцов Г.И. (помощник начальника милиции при Колчаке), Чайкин И.К. (бывший царский урядник), Хротин В.Ф. (спекулянт), Попов А.А. (спекулянт), Иванов Г.Н. (спекулянт), Федоров О.П., Худяков П.Т. (милиционер), Кузьминых С.В. (кулак), Вихарев П.А. и Ковалев А.П., ижевцы».

⁸⁶ Сибирская Вандея. Т. 1. С. 321.

Выдержка из «Информационной сводки № 2 Ново-Николаевской уездной ЧК» о репрессиях при подавлении Вьюнско-Колыванского восстания и планировании их в будущем времени (не ранее 15 июля 1920 г.)⁸⁷.

«Характерным местом данного протокола заседания является пункт 3 об организации нами карательного отряда для применения мер к полному выполнению мобилизации.

Действующим нашим отрядом было расстреляно на месте в городе Колывани без предварительного допроса 34 человека. В число указанных людей попало несколько человек не главарей и даже не активистов.

Теперь аресты приняли более организованный характер и правильную постановку дела. По постановлению особого отдела, расстреляно 12 человек кулаков, спекулянтов и активистов.

В городе Ново-Николаевске, благодаря принятым мерам, все спокойно, но нами арестованы, по имеющимся регистрационным спискам, 120 человек, из которых большой процент пал на советские учреждения. Характеристику арестованных дадим дополнительно. Здесь, в городе, расстреляно 30 человек.

Работа ЧК протекала все более интенсивно. Необходимо отметить, что все сотрудники находились 7 дней безвыходно при комиссии, которая была объявлена на военном положении.

За время действия отрядов прислано в город Ново-Николаевск из уезда 191 человек».

Фрагмент «Воззвания Ново-Николаевского городского и уездного исполкома Советов к крестьянству уезда», от 16 июля 1920 г. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1546. Оп. 1. Д. 8. Л. 41)⁸⁸.

«Кулаки как элемент, ненавидящий Советскую власть, как наш классовый враг, были застрельщиками этого гнусного восстания. Своими головами поплатятся кулачье и белогвардейская челядь за это. За каждую голову коммуниста, рабочего и бедняка Советская власть снесет 10 кулацких и белогвардейских голов.

Всех, распускающих ложные слухи шептунов, агентов контрреволюции, пусть беднота приберет к рукам».

Фрагмент приговора № 1 военно-полевой чрезвычайной следственной комиссии при северо-западной группе советских войск, подавлявшей Вьюнско-Колыванское восстание. Приговор напечатан в селе Грязнуха 17 июля 1920 г.; по нему было расстреляно не менее десяти человек. Источник хранится в ГА НО (Ф. 5а. Оп. 1. Д. 288. Л. 26).

«Рассмотрев дела главарей восстания против Советской власти и участников убийства товарищей коммунистов:

⁸⁷ Там же. С. 324.

⁸⁸ Там же. С. 324.

1. Крестьянина села Грязнуха Ново-Тырышкинской волости Ново-Николаевского уезда Томской губернии Москвина Ивана Петровича, 33 лет, обвиненного в вооруженном восстании и зверском убийстве местного сельского учителя товарища Григория Савина.

2. Крестьянина деревни Большой Овил Чаусской волости Ново-Николаевского уезда Томской губернии Бадожкова Ефима Федоровича, 49 лет, обвиненного в активном участии с оружием в руках в восстании, в аресте и передаче штабу колыванских повстанцев партийных товарищей, верных членов сельских советов и исполкома для зверской расправы с таковыми; в согласии принять на себя должность командующего повстанцами деревни Большой Овил и тесной связи с начальником гарнизона повстанческих войск города Колывани.

...

6. Крестьянина деревни Большая Черемшанка Ново-Тырышкинской волости Власова Алексея Алексеевича, 34 лет. Обвинен в активном участии в восстании и настаивании не оставлять в живых ни одного коммунара в деревне Большая Черемшанка, где были зверски убиты 18 коммунаров, а также в том, что он отвозил в Ново-Тырышкино арестованных коммунистов деревни Большая Черемшанка, которых бесчеловечно убили.

...

8. Крестьянина села Ново-Тырышкино той же волости Блохнина Якова Семеновича, 46 лет, обвиненного как главаря повстанцев села Ново-Тырышкино. Выставлял караулы, в его присутствии были пойманы коммунары Гусев и Козлов. Первый из них был тут же убит, а 2-й — тяжело избит. Блохин сам увел его для расправы к командиру отряда Александрову, который и добил товарища Козлова.

9. Крестьянина деревни Катково Прокудской волости Ново-Николаевского уезда Гончарова Тимофея Ивановича, 27 лет, обвиненного в принуждении крестьян с оружием в руках выходить на восстание, аресте членов коммунистической ячейки. В то же время тогда он исполнял должность председателя сельского исполкома.

Военно-полевая чрезвычайно-следственная комиссия постановила: принимая во внимание их открытое выступление с оружием с руках против Советской власти и зверское избиение товарищей коммунистов в момент борьбы с белогвардейщиной внутри Советской России и напряжения всех сил российского пролетариата для отражения внешнего врага — стран капитала, применить высшие меры наказания к указанным выше лицам — расстрелять.

Председатель военно-полевой чека З. Никитин».

Донесение № 12 заместителя начальника Особого отдела при средней группе советских войск И.Я. Ломбака председателю Ново-Николаевской уездной ЧК от 18 июля 1920 г. в городе Колывани⁸⁹.

«Препровождаю при сем протокол заседания копии Особого отдела ЧК от 16 июля 1920 г. сего года, на котором рассмотрено 100 дел. Причем 23 человека по постановлению освобождены, а остальные 77 человек отправляются в город Ново-Николаевск, из них 38 человек приговорены коллегией к высшей мере наказания, и это посылаются на утверждение, а 39 человек — на Ваше распоряжение.

Вместе с этим препровождаются протоколы опросов на 100 человек, а также арестованный Василий Овчинников по Вашей телеграмме и Железнов Гавриил — сотрудник Особого отдела ВЧК за дезертирство».

Циркуляр № 226 отдела управления Ново-Николаевского городского и уездного исполкома Советов от 18 июля 1920 г. Документ позволяет сделать вывод, что коммунисты загоняли в концлагеря сотни и тысячи крестьян еще до Тамбовского восстания. Хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 1. Д. 300 а. Л. 27)⁹⁰.

«Горурезполком совместно с отделом управления и Ново-Николаевской Чрезвычайной Комиссией постановил изъять из всех уездов контрреволюционный и кулацкий элемент в концентрационный лагерь на 6 месяцев, если только нет против них конкретных обвинений. Эта репрессивная мера вызвана явно враждебным настроением кулачества уезда, открытой организацией восстаний. Во исполнение этого постановления отдел управления уездом приказывает: немедленно начать аресты кулаков и всего контрреволюционного элемента уезда, разъяря бедноте необходимость, ради общего спокойствия, изоляции кулачества и белогвардейщины.

Под определением "кулак" считать всех бывших торговцев, хлебных скупщиков, спекулянтов; крестьян, нанимавших ранее и нанимающих теперь работников для извлечения из них прибыли; самих неработающих, занимающихся в деревне ростовщичеством, сдачей под работу хлеба, скота и других продуктов; крестьян, имеющих не менее 10 рабочих лошадей и обрабатывающих более 20 десятин земли.

Контрреволюционными элементами считать всех беженцев Гражданской войны, если за время проживания в данном селе они не зарекомендовали себя как преданные Советской власти граждане. Кроме того, всех живущих без определенных занятий или работающих не по своим специальностям; враждебно настроенных к Советской власти людей, не принима-

⁸⁹ Там же. С. 327.

⁹⁰ Там же. С. 327.

ющих охотное участие в советском строительстве; интеллигенцию, середняков, настроенных враждебно к Советской власти.

Арестованных в связи с данным постановлением с указанием 6-месячного срока направить непосредственно в Ново-Николаевск к коменданту концентрационного лагеря через управление уездной милиции, сообщив лишь отделу управления списки арестованных и когда они отправлены.

Для сопровождения арестованных использовать районные милицмейские резервы. Срок на полное проведение постановления в жизнь — до 15 августа 1920 г.».

Фрагмент из протокольной выписки заседания Колыванского отделения Ново-Николаевской уездной ЧК, от 23 июля 1920 г.⁹¹ На заседаниях 23 и 29 июля 1920 г. было рассмотрено 263 дела повстанцев; из них: 49 человек приговорены к расстрелу, 77 направлены на дополнительное доследование в Ново-Николаевскую ЧК; большинство получило различные сроки лишения свободы⁹².

«Присутствовали: И.Я. Ломбак, Табашев, Азанов, Штутас и Пантелеев.

1. Слушали: о Гришине Петре Васильевиче, 45 лет, за арест коммунистов, участник восстания.

Постановили: высшая мера наказания.

...

3. Слушали: о Пичугине Михаиле Северяновиче, 55 лет, кулак, за донос и порки арестованных, за участие в восстании.

Постановили: в Ново-Николаевск.

4. Слушали: о Лаптеве Иване Сергеевиче, 44 лет, середняк, за избивание коммунистов и участие в восстании.

Постановили: в Ново-Николаевск.

...

7. Слушали: о Кузьминых Григории Ивановиче, 37 лет, кулак, за измену, как бывшего члена совета, водил арестованных коммунистов на расстрел и участник восстания.

Постановили: высшая мера наказания.

...

11. Слушали: о Большакове Семене Карповиче, 56 лет, кулак, председатель повстанческого исполкома деревни Тропино, активный участник восстания.

Постановили: высшая мера наказания.

⁹¹ Там же. С. 335, 336.

⁹² Там же.

12. Слушали: о Ряжинове Игнатию Тихоновиче, 25 лет, кулак, активный участник восстания.

Постановили: высшая мера наказания.

...

14. Слушали: о Пичугине Гаврииле Михайловиче, 28 лет, кулак, за избивание милиционера и вооруженное восстание с винтовкой.

Постановили: к высшей мере наказания.

15. Слушали: о Зотове Никаноре Ивановиче, 43 лет, за агитацию и угрозу в аресте коммунистов, бедняк.

Постановили: в Ново-Николаевск.

...

19. Слушали: о Семенове Николае Кузьмиче, 27 лет, середняк, вооруженный участник восстания.

Постановили: в Ново-Николаевск.

...

21. Слушали: о Травине Филиппе Васильевиче, 22 лет, начальник отряда, показание свидетелей, а материал в Ново-Николаевске.

Постановили: высшая мера наказания...

...

23. Слушали: о Хохлове Иване Абрамовиче, 63 лет, кулак, председатель повстанческого комитета в деревне Батурино.

Постановили: высшая мера наказания».

Фрагмент доклада командира роты особого назначения Томского губвоенкомата из Томска, от 1 августа 1920 г. Документ хранится в ГА ТО (Ф. 521. Оп. 1. Д. 51. Л. 50)⁹³.

«Мною арестовано в Никольской волости 48 бандитов, из них главарей-зачинщиков — 30 человек. После полной ликвидации восстания я приказал роте следовать по назначению в город Ново-Николаевск. На пути от Дубровино к Ново-Николаевску 2 из бандитов — главари восстания Андучаев и Заевский — бежали, что и вызвало жестокую расправу с ними, и мною расстреляно из них 28 человек, список которых приложен к рапорту.

По приезде в село Дубровино, мною расстреляно по указанию Дубровинского райпарткома 7 человек, из них — 1 подпоручик, главарь под лозунгом «Марш-маршем» Бородаевский».

Объявление Томской губЧК, до 20 августа 1920 г.⁹⁴

«В связи с ликвидацией кулацко-офицерского восстания в Томском уезде Томской губернии Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюци-

⁹³ Там же. С. 339.

⁹⁴ Там же. С. 345–347.

ей, спекуляцией и преступлениями по должности приговорены к высшей мере наказания — расстрелу — нижеследующие лица, в громадном большинстве деревенские богатеи, кулаки и спекулянты:

1. Уваров Василий Селиверстович, был членом сельского совета, участвовал в восстании, в уезде выступал одним из его организаторов, выставил караулы для задержания наших пароходов с целью их захвата.

2. Юхнович Тадеуш Адамович, агитировал среди крестьян, активно участвовал в восстании с оружием в руках.

3. Персиянов Артем Борисович, один из организаторов восстания против Советской власти, принимал участие в убийстве инструктора ревкома.

4. Гангазов Николай Ефимович, выступил с бандитами с оружием в руках, хранил спрятанные ручные гранаты.

5. Пахомов Федор Гаврилович, активный участник восстания против Советской власти.

6. Пахомов Петр Гаврилович, активный участник восстания против Советской власти.

7. Ганзагов Семен Афанасьевич, призывал к избиению и уничтожению коммунистов и совместно с другими бандитами участвовал в бою против советского отряда.

8. Мельников Николай Иванович, захвачен с оружием в руках, участвовал в бою.

9. Созыкин Михаил Федорович, получив известие о восстании против Советской власти, стал энергично организовывать свой отряд.

10. Иванов Дмитрий Иванович, вел злостную агитацию против разверстки, раз уже сидел в чека за агитацию, но был освобожден.

11. В вооруженном восстании принимал активное участие Чернышев Василий Ипатович, обвиняется в вооруженном восстании против советской власти в Томском уезде. Вел агитацию в своем доме, содержал организаторов из бандитов. Первым направлял население против коммунистов и при аресте членов ячейки РКП бил камнем по голове арестованных.

12. Лунин Дмитрий Демьянович, был послан бандитами произвести разведку, сообщил им о положении дел, ездил с секретными пакетами по деревням.

13. Горностаев Петр Иванович, широко вел организацию вооруженного восстания, разъезжал по деревням, призывал население к восстанию, при аресте агента упродкома издевался над ним, рвал ноздри и подвергал всевозможным зверствам.

14. Чернышев Василий Тимофеевич, арестовал членов комячейки, делал наряд людей для расстрела, распорядился над подводами, скрывал участников восстания.

15. Андреев Яков Игнатьевич, прятал организаторов восстания у себя на дому и настаивал на расстреле членов комячейки.

16. Афанасьев Яков Лукич, принимал горячее участие с оружием в руках против отряда, высланного на подавление восстания, участвовал в восстаниях в селе Бобровском, держал связь с соседними деревнями.

17. Пермьяков Федот Ларионович, призывал население к восстанию, активно принимал участие в подготовке выступления.

18. Бортнин Роман Диомидович, участник Бабарькинского восстания, ездил с донесением от офицера Земцова, участвовал в боях с нашими отрядами.

19. Жарков Сергей Игнатьевич, обвиняется в вооруженном восстании против советской власти, участвовал в убийстве милиционера с женой.

20. Киселев Фаддей Андреевич, грабил имущество советских работников, участвовал в убийстве агента упродкома.

21. Жарков Иван Иванович, распространял провокационные слухи, состоял в белогвардейской организации, принимал участие в восстании.

22. Ильиных Василий Герасимович, допрашивал членов комячейки, требовал выдачи прочих членов, забрал оружие у милиционера и активно поддерживал бандитов.

23. Мартынов Петр Давидович, является главным руководителем одной из банд, издавал приказы с призывом к свержению советской власти, до восстания был замечен в агитации и в саботаже.

24. Шемелев Алексей Кузьмич, состоял в отряде бандитов Чупахина, принимал активное участие в вооруженном восстании.

25. Батраков Алексей Петрович, состоял в отряде бандитов Чупахина, куда вступил добровольно, со своей лошастью, принимал участие в боях.

26. Пахлов Василий Алексеевич, делопроизводитель волревкома, скрывал лиц, подлежащих регистрации, состоял членом белогвардейской организации, активно вел подготовку восстания.

27. Хабаров Семен Александрович, держал связь между городами и есаулом Сибирским, принимал деятельное участие в восстании.

28. Крылаев Петр Алексеевич, учитель села Каргалы, назначен был Томской белогвардейской организацией начальником вооруженного отряда.

Кроме вышеуказанных лиц, по сему же делу привлечены и приговорены на разные сроки заключения в дом принудительных работ нижеследующие лица, принимавшие участие в вооруженном восстании, но не активно и притом будучи одурачены ложными и провокационными слухами, распускаемыми белогвардейцами, приговорены на разные сроки — от 6 месяцев до 5 лет, в зависимости от их социального положения:

1. Ильиных Сергей. 2. Власьев Михаил. 3. Селиверстов Павел. 4. Изохватенко Александр. 5. Осипенко Иосиф. 6. Барабанов Тит. 7. Пушкарев Иван. 8. Никулин Андрей. 9. Шерстобаев Егор. 10. Шипицин Алексей. 11. Гонарев Павел. 12. Ворфаломеев Елизар. 13. Трубачев Филипп. 14. Жарков Степан. 15. Ванчугов Петр. 16. Завьялов Николай. 17. Ваганов Ермолай.

18. Засухин Иван. 19. Дерменев Михаил. 20. Нахтамов Василий. 21. Колякин Яков. 22. Серченко Иван. 23. Лиханов Василий. 24. Кошкин Павел. 25. Леонов Федор. 26. Гребенщиков Антон. 27. Евстафьев Максим. 28. Жарков Алексей Леонтьевич. 29. Ноздрюхин Иван. 30. Гребенщиков Терентий Федорович. 31. Жарков Федор Астафьевич. 32. Шишкин Николай. 33. Минаев Андрей Николаевич. 34. Калинин Федор. 35. Березовский Михаил. 36. Бодвин Николай. 37. Кузьмин Прокопий. 38. Бебулов Андрей. 39. Геращенко Никифор. 40. Павлов Максим. 41. Федоров Прокопий. 42. Осин Петр. 43. Багаев Ефим. 44. Гаврилов Алексей. 45. Самарин Степан. 46. Зайнулин Кузьма. 47. Лунин Иван Гаврилович. 48. Попула Иван. 49. Одинцев Егор. 50. Попиленко Игнатий. 51. Казаков Иван. 52. Ковалев Михаил. 53. Непомнячев Роман. 54. Фролов Дмитрий. 55. Быстров Семен. 56. Иванов Мефодий. 57. Жарков Тимофей Александрович. 58. Фолалев Дмитрий. 60. Королев Константин. 61. Кириллов Николай. 62. Тугутанов Иван. 63. Валифатов Максим. 64. Байчулов Евдоким. 65. Абрамов Григорий. 66. Аникин Зиновий. 67. Чернышев Иван Афанасьевич. 68. Тунаев Иван. 69. Алексеев Константин. 70. Шубенко Михаил. 71. Птухин Василий. 72. Байчулов Платон Михайлович. 73. Лесовский Дмитрий. 74. Андреев Федор. 75. Широков Гавриил. 76. Полетаев Федор. 77. Мурсалимов Рахматулла. 78. Перепатьев Абрам. 79. Корпачев Кирилл. 80. Уханов Гавриил. 81. Бояринцев Петр Павлович. 82. Аникин Степан. 83. Аникин Николай Демьянович. 84. Чернышев Григорий Платонович. 85. Клясиск Михаил. 86. Кожанов Василий. 87. Фомин Василий. 88. Жарков Федор Васильевич. 89. Севостьянов Семен.

Врид пред. Томгубчека Б. Бак. Секретарь Томгубчека П. Брун
Опубликовано: Знамя революции. Томск. 20 августа 1920 г.»

Выдержка из «Информационного сообщения Ново-Николаевской уездной ЧК» (не позднее 26 августа 1920 г.)⁹⁵.

«Последние полтора месяца главное внимание Ново-Николаевской чека было сосредоточено на окончательной ликвидации Колыванского кулацкого восстания, и основная ее работа протекала в области дознания и выяснения степени виновности в этом восстании арестованных. Все главари восстания и его руководители доставлены в Ново-Николаевскую чека. Всего арестованных, более или менее принимавших участие в восстании, около 1 тысячи человек, следствие о которых ведется и по окончании такового будет опубликовано особо.

Помимо ранее опубликованных коллегией Ново-Николаевской Чрезвычайной Комиссии приговорены к высшей мере наказания — расстрелу — нижеследующие лица, приговор над которыми приведен в исполнение:

⁹⁵ Там же. С. 348, 349.

* В действительности он, как и упоминаемые ниже А.И. Лаврентьев и К.Т. Осокин, не входил в состав руководящих органов колыванских повстанцев.

1. Хохлов Иван Абрамович, 60 лет, кулак, председатель повстанческого исполкома деревни Батурино, арестовывал ее коммунистическую ячейку.

2. Суков Степан Иванович, кулак села Анба, член окружного исполкома повстанцев*».

Восстание «Сибирское беловодье», или «Бухтарминский пожар»

Это восстание вспыхнуло 15 июля 1920 г. в районе Семиречья и юго-западной части Сибири, в так называемом Бухтарминском крае, где недавно владычествовал атаман Анненков. Население края насчитывало 100 тысяч человек и состояло преимущественно из казаков, сибиряков южной линии и семиреченцев. Причины были те же: тяжелые условия выполнения продразверстки и мобилизация в Красную армию. Интересно отметить, что представители советской власти зачастую не могли использовать продукты, силой выбитые у жителей Бухтарминского края. Так, они доносили «наверх»: «Разверстка яиц прошла. Собранные яйца лежат в сараях и гниют»⁹⁶.

Общее число восставших в этом районе составляло не менее 3 тысяч одних только казаков⁹⁷. Одним из оплотов восстания стала станица Чистоярская; на нее опирался повстанческий отряд бывших офицеров — атаманов Бычкова и Козлова. Кроме того, они действовали во взаимодействии с киргизским повстанческим отрядом Ивана Христофорова и бывшими «горными орлами» — отрядами из крестьян, которые (в период борьбы с белыми) под командованием Тимофеева сражались против Анненкова.

Как и в случае с Вьюнско-Колыванским восстанием, «Бухтарминский пожар» был потушен из-за слабости сил восставших, недостаточного вооружения и нехватки боеприпасов, а также из-за разногласий между крестьянами и казаками, которые в такой тяжелый момент даже вступали друг с другом в вооруженные столкновения.

За это восстание местным жителям пришлось заплатить высокую цену, выражавшуюся не только в разгроме хозяйства и гибели в боях тысяч человек, но и в продолжительном красном терроре.

⁹⁶ ГА НО (Ф. 1. Оп. 9. Д. 7 а. Л. 29–32.

⁹⁷ Сибирская Вандя. Т. 1. С. 363.

Выдержка из оперативного приказа № 20 командира 177-й бригады 59-й стрелковой дивизии. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 1494. Оп. 1. Д. 83. Л. 86, 87).

«Командиру роты действовать решительно, всех главарей восстания расстреливать без суда. Ко всем, замеченным с оружием в руках, применять красный террор».

Выдержка из заключения комиссара Бухтарминского уездного ревкома «об обстоятельствах пожара в селе Берель Черновинской волости», август 1920 г. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 16843. Оп. 1. Д. 13. Л. 125).

«Разгромив зажженные дома, красные части отступили в село Урыль. Через день в Берель была послана разведка, которая увидела, что пожар сам по себе утих, и доложила об этом комбату Мякишеву. Он вторично распорядился зажечь Берель со всех сторон. От результатов пожарища остались около десятка домов, насчитывается около сотни разных сельскохозяйственных машин, стоящих на пепелище пожара. Одного хлеба сгорело более 6 тысяч пудов. Этот же 229-й полк мог кормиться здесь целый год. Одним словом, воинские части, вместо того, чтобы взять на учет организованным путем все ценности и имущество граждан села Борель, занимались насилиями над женщинами и грабежом. Имущество они навьючивали себе совместно с коммунистическими ячейками».

Выдержка из оперативного донесения командира 1-й роты 247-го батальона войск ВОХР командующему группой советских войск Усть-Каме-ногорского уезда из поселка Б. от 8 августа 1920 г. Документ служит дополнением к изложенному выше. Хранится в ГАВКО (Ф. 20. Оп. 1. Д. 5. Л. 110).

«Сообщаю, что жители поселка Борель разбежались от вспыхнувшего пожара. Во время пожара сгорело 15 домов, на месте пожарища обнаружено 25 людских и 15 лошадиных трупов».

Выдержка из доклада члена губревкома А.И. Большакова Семипалатинскому губревкому от 31 августа 1920 г. Документ хранится в ГА СО (Ф. 72. Оп. 1. Д. 27. Л. 58).

«Очевидцы, оказавшиеся среди восставших, и лица, командированные туда по делам службы, говорят об исключительной жестокости при подавлении мятежа, и нередко жестокости отмечались даже по отношению к лицам, кои повинны лишь только в том, что по воле злого рока оказались жителями и соседями восставших сел и станиц».

Фрагмент доклада военного комиссара 6-й закупочной комиссии Западно-Сибирского Военного Округа в политотдел Семипалатинского

губвоенкомата от 2 сентября 1920 г. из села Медведки. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 16843. Оп. 1. Д. 13. Л. 14).

«Не могу умолчать о гнусных и отвратительных действиях, проявившихся отрядом ВОХР, проходившим 28 августа 1920 г. через село Медведку, командир которого отношение свое ко мне проявил крайне некорректно, а действия остальных едва ли соответствуют духу времени и не свойственны дисциплинированной Красной армии. Поступки эти выразились в издевательствах над гражданами при лишении ими таковых свободы, издевательствах и оставлении обнаженными трупов убитых (один из них был зверски лишен жизни штыковыми уколами), и в неприятии соответствующих мер к сокрытию трупов, которые благодаря халатному отношению со стороны руководителей, были на следующее утро обнаружены местными жителями и обозревались ими».

Восстание в Мариинском уезде Томской губернии, или «Лубковщина»

Это восстание, начавшееся 20 сентября 1920 г, названо по имени известного партизана Лубкова, который боролся в этом районе против сил Колчака совместно с коммунистами. Под знамена Лубкова встали не менее 2000 повстанцев; большую их часть составляли мусульмане, главным образом, татары, русских было немного. И это восстание также вызвали невыносимые условия продразверстки, мобилизации и насилия местных коммунистических властей. Как и другие локальные антикоммунистические восстания в Сибири, оно было быстро, практически в течение недели, подавлено превосходящими и относительно хорошо вооруженными силами красных карателей. Правда, действия лубковских партизан отмечались и позднее, например в октябре того же года.

Протокол заседания военно-революционного штаба Анжеро-Судженского района, от 26 сентября 1920 г. Документ хранится в ГА ТО (Ф. 809. Оп. 1. Д. 7. Л. 20).

«Присутствовали: начальник революционного военного штаба Д.Г. Турмаркин, члены Я. Абрамов, Я.И. Гарант, Е.Ф. Глушенко».

Слушали: 1. Дело о находящемся под арестом контрразведчике лубковских банд Мангазееве Николае Ефимовиче, крестьянине 28 лет Мариинского уезда Почитанской волости и села.

Постановили: 1. Установив на основании документальных данных виновность Лубкова в том,

1) что он, Мангазеев, убежав с шахты № 6 Анжерской копи, является злостным дезертиром труда;

2) что он, Мангазеев, является агентом-контрразведчиком восставших против Советской власти лубковских банд;

3) что он, Мангазеев, в момент восстания взял на себя специальное поручение лично от Лубкова доставить на Анжерские копи 1 пакет с воззванием к рабочим о восстании. Кроме того, он взялся доставить другой пакет — на имя начальника Судженских копей Головатова с предложением немедленно присоединиться с гарнизоном к восставшей против Советской власти так называемой "Народно-Крестьянской армии" под командованием Лубкова.

Исходя из этого, революционный военный штаб единогласно постановил Мангазеева расстрелять.

Слушали: 2. Дело о находящихся под арестом добровольцах лубковских банд.

Постановили: За добровольное выступление против Советской власти в рядах лубковских банд с сохраненным ими для этой цели оружием и снаряжением; за принуждение крестьян села Бекетово с оружием в руках присоединиться к лубковским бандам; за варварское намерение их "живыми закопать в землю" членов сельского совета; за призыв крестьянам бить коммунистов и жидов; за агитацию среди крестьян не выполнять разверстку — за все это революционный военный штаб Анжеро-Судженского района единогласно постановил расстрелять следующих мятежников, кулаков села Бекетово.

1) Белоногова Николая Павловича, 31 года; 2) Мерзликина Егора Никитича, 32 лет; 3) Студенкина Василия Константиновича, 29 лет; 4) Шачнева Василия Сыроевича 48 лет; 5) Белоногова Никифора Ивановича, 21 года; 6) Мерзликина Евдокима Ивановича, 20 лет; 7) Стекланникова Якова Владимировича, 26 лет; 8) Ушакова Александра Алексеевича, 32 лет; 9) Суздальцева Ивана Дмитриевича, 36 лет.

Слушали: 3. О выполнении постановлений 2 предшествующих пунктов настоящего протокола.

Постановили: 3. Поручить помощнику командира коммунистических отрядов Анжеро-Судженского района товарищу Кьюменкеру расстрел 10 мятежников, согласно первым пунктам настоящего протокола, произвести в ночь на 27 сентября 1920 г. и об исполнении донести».

Выдержка из доклада начальника штаба Восточно-Сибирского сектора войск ВНУС Я.А. Грицмана командующему войсками внутренней службы Сибири. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 17534. Оп. 1. Д. 70. Л. 339–340).

«Потеряв убитыми около 500 человек, крестьянство поняло, что оно имеет дело не с Колчаком, а с Советской властью, которая не потерпит неповиновения и которая умеет строго карать».

Информационная сводка от 8 ноября 1920 г. (опубликована 7 декабря 1920 г. в газете «Красноярский рабочий») «о суде военно-революционного трибунала Восточно-Сибирского сектора войск ВНУС над участниками Лубковского мятежа». Надо отметить, что из 80 подсудимых приговорены к смертной казни были девять человек, но расстреляны лишь четверо, т.к. пятерым расстрел заменили двадцатью годами «общественных работ». Остальные арестованные отделались менее значительными сроками заключения или были освобождены. Этот показательный процесс должен был продемонстрировать, что советская власть «карает лишь наиболее яростных своих противников, а заблуждающимся дает шанс исправиться». Печатается с сокращениями.

«Лубков, раненный, успел скрыться в тайгу. Его главари, принимавшие активное участие в восстании, частью перебиты советскими отрядами, некоторые — расстреляны по постановлению образовавшегося в то время революционного штаба в Судженске, а некоторые предстали перед судом революционного трибунала.

По делу о восстании привлечено 80 обвиняемых. Все — крестьяне в пунуах и полушубках. Среди них выделяется фигура священника. Большинство подсудимых — крестьяне-средняки. Есть несколько типичных кулаков.

Революционный военный трибунал, рассмотрев то дело, приговорил обвиняемых: Ивана Гранкина — дезертира Красной армии, принимавшего деятельное участие в восстании; Абузярова Наба и Артюхова Марка, добровольно примкнувших к восстанию и занимавших в отряде командные должности; и Назарова, убежавшего из-под ареста из ОРТЧК со станции Ижморской к Лубкову, к высшей мере наказания — расстрелу».

Енисейская губерния. Зелеевское, Сережское и Голопуховское восстания

Эти восстания вспыхнули в октябре 1920 г. От других они отличались тем, что повстанческие отряды здесь возглавили бывшие офицеры, а потому в них на порядок выше были дисциплина, слаженность и четкость действий, и как результат — высокие боевые качества. Повстанцы неоднократно громили красные части и особые «эскадроны смерти» —

включая отряды ЧОН⁹⁸. Особенно выделялся отряд под командованием полковника Олиферова, больше других насоливший красным карателям.

Отрывок из протокола заседания Президиума Енисейского губкома РКП(б), от 5 ноября 1920 г. в Красноярске⁹⁹.

«Товарищ Завадский делает сообщение от военной "тройки". Товарищ Завадский указывает, что выступления контрреволюционеров не только естественны, но и выгодны для нас, т.к. дают нам возможность применять пролетарские репрессии. Они — легко подавляемы, т.к. разрозненны. После ликвидации восстаний предполагается высылка революционного трибунала на места.

Громадное влияние на возникновение восстаний имеет самонадеянность крестьян, которых легко поднять на выступление после того, как они пережили опыт Колчака».

Приговор выездной сессии военно-революционного трибунала Восточно-Сибирского сектора войск ВНУС от 8 декабря 1920 г. в Ачинске¹⁰⁰.

«Именем РСФСР. Революционный военный трибунал войск ВНУС Восточной Сибири во 2-й выездной сессии в городе Ачинске, в составе Падучева Г.Л., членов Мальцева и Макека И.И., рассмотрел в публичном судебном заседании 4, 5, 6, 7, 8 декабря 1920 г. дело в 6 томах. Это дело о гражданах Ачинского уезда Енисейской губернии в числе 190 человек, обвиненных в контрреволюционном восстании в начале ноября 1920 г. с целью свержения Советской власти. Были заслушаны обвиняемые и проверен следственный материал.

При этом нашли, принимая во внимание, что Серезское восстание отличалось невероятным упорством и кровавыми расправами, что его кадры были кулаки, унтер-офицеры и дезертиры. Оно было поднято в критический момент для Советской власти и оно является предательским ударом с тыла, что оно повлекло тяжелые последствия для укрепления Советской власти в Сибири.

Руководствуясь революционной совестью и пролетарским правосознанием, революционный военный трибунал постановил:

Признать виновными как самых злостных врагов Советской республики, поднявших преступную руку на революцию, неисправимых, сознательных преступников: стоявших во главе белых; принимавших активное

участие в восстании; производивших обыски, аресты, издевательства над коммунистами; агитировавших против разверстки; кулаков, имеющих оружие; дезертиров, позорно покинувших ряды Красной армии и примкнувших к банде.

К означенной группе отнести: 1. Милицина Андрея Тимофеевича (в бегах); 2. Дубского Александра (в бегах); 3. Селезнева Александра (в бегах); 4. Лаврентьева-Цирульникова Михаила (в бегах); 5. Коробейникова Василия (в бегах); 6. Селезнева Василия; 7. Кутина Филиппа; 8. Манеркина Семена Ефимовича; 9. Староверова Михаила Ивановича; 10. Носова Михаила Максимовича; 11. Носова Павла Михайловича; 12. Иванова Феофана Тихоновича; 13. Винокурова Петра Михайловича; 14. Пименова Алекс. Лукича; 15. Милицина Павла Ивановича; 16. Гордеева Корнея Ксенофонтовича; 17. Устинова Гурьяна Федоровича; 18. Шельвашенко Степана Трифоновича; 19. Червинского Федота Ивановича; 20. Мазура Григория; 21. Осипова Якова Сергеевича; 22. Лютова Петра Федоровича; 23. Абабкова Сергея Васильевича; 24. Рожкова Семена Степановича; 25. Котелевского Михаила Куприяновича; 26. Кузнецова Петра Ивановича; 27. Милицина Якова Харлампиевича; 28. Осипова Петра; 29. Жирнова Егора; 30. Кондратюка Николая Астафьевича; 31. Козлова Семена Федоровича; 32. Шапова Ивана Федоровича; 33. Качаева Василия Романова; 34. Кузина Василия Лаврентьевича; 35. Логинова Ивана; 36. Рулева Фрола Даниловича; 37. Рукова Егора Кирилловича; 38. Казанцева Захара Ивановича; 39. Шилова Николая Яковлевича; 40. Волкова Егора Кирилловича; 41. Логинова Федора Филаретовича; 42. Урусова Ивана Никоновича; 43. Ярлыкова Ивана Ивановича; 44. Михайлова Степана Егоровича; 45. Милицина Ивана Федоровича; 46. Абабкова Семена Осиповича.

Иркутская губерния. Балаганское, Верхоленское и Ока-Голуметское восстания

Эти восстания произошли в Иркутской губернии в октябре 1920 г. Их причинами традиционно стали грабеж населения по продразверстке, попытки мобилизовать молодежь в красную армию, а также политикой советской власти вообще. Одним из лидеров этих выступлений стал бедняк Донсков¹⁰¹, чей отряд долго и безуспешно сопротивлялся коммунистам. Повстанцы создали боевые отряды численностью до 2 тысяч человек, вооруженных, как всегда, очень слабо. Среди них были русские крестьяне, бывшие колчаковские офицеры, казаки и буряты.

¹⁰¹ Там же. С. 580.

⁹⁸ ГА НО (Ф.1. Оп. 2 а. Д. 2. Л. 241, 242.

⁹⁹ Сибирская Вандея. Т. 1. С. 463.

¹⁰⁰ Там же. С. 479.

Бои продолжались с переменным успехом и в ноябре 1920 г., когда отряд Черепанова едва не овладел городом Верхоленинском¹⁰². Однако неравенство сил, оторванность повстанческих отрядов друг от друга и их разобщенность предопределили их поражение. Последовала жестокая расплата: красные каратели расправились с сотнями человек. Так, только по приговорам трибуналов по Голуметскому восстанию к расстрелу были приговорены 32 человека¹⁰³, не считая убитых без суда и следствия при подавлении самого восстания.

Телеграмма председателя Иркутского губревкома А.Д. Шнейдера председателю Балаганской выездной сессии Иркутского губревтрибунала С.Н. Жуковскому из Иркутска, начало января 1921 г. Документ хранится в ГА ИО (Ф. 873. Оп. 1. Д. 52. Л. 123).

«5 января сего года Иркутский губревком единогласно постановил: утвердить постановление выездной сессии Иркутского губревтрибунала о непуске кассационных жалоб Александра Развозжаева, Ивана Наумова, Шишкина Ивана, Клементьева Ивана, приговоренных к расстрелу по делу вооруженного выступления против Советской власти 20–30 октября минувшего года, и немедленном приведении приговора в исполнение».

Постановление выездной сессии иркутского губревтрибунала в городе Черемхово, пригороде Иркутска, от 3 апреля 1921 г. Документ служит дополнением к предыдущему. Хранится в ГА ИО (Ф. 145. Оп. 4. Д. 4. Л. 39).

«Председатель И.О. Красовский, члены П.И. Персиков, А.А. Ширман.

Слушалось дело о Голуметском восстании в октябре месяце 1920 г. в городе Черемхово с 27 марта по 30 марта 1921 г.

Приговорили к высшей мере наказания — расстрелу — Иволгу Дмитрия Лазаревича, Тюрина Василия Фадеевича, Фролова Михаила Васильевича, Орлова Василия Васильевича, Ивлева Ивана Алексеевича и Лоханова Трофима Павловича.

Выездная сессия Иркутского губревтрибунала ходатайствует перед Иркутским губисполкомом о непуске кассационных жалоб вышеупомянутых лиц ввиду ясности дела и как непримиримых врагов Советской власти.

¹⁰² Там же. С. 596.[18]

¹⁰³ Там же. С. 584.

Настоящее ходатайство не было послано вовремя ввиду того, что их родственники послали телеграмму во ВЦИК с просьбой о помиловании. На другой день был получен ответ ВЦИК от 2 апреля о приостановке приговора с предложением выслать копию приговора, протокол заседания и обвинительный акт.

Требование ВЦИК исполнено 6 марта 1921 г.

Председатель Красовский
Член Ширман».

Выдержка из оперативной сводки штаба 69-й отдельной стрелковой бригады ВНУС, начало ноября 1920 г. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 17613. Оп. 1. Д. 39. Л. 122).

«При занятии нами Ново-Уды задержано много активных участников восстания, часть их — расстреляна».

Телеграмма № 3474 председателя Иркутского губревтрибунала М.В. Кожевникова председателю его выездной сессии в Балаганском уезде И.О. Красовскому от 16 ноября 1920 г., из Иркутска. Документ хранится в ГА ИО (Ф. 873. Оп. 1. Д. 35. Л. 64).

«Предварительное следствие по делу должно быть самым минимальным. Главную часть такого производства уже на суде. При надобности выезжайте на места. Писание целых томов предварительного следствия не соответствует задачам сессии. Быстрота разбора дел будет иметь агитационное значение, и выяснится роль жуликов, бандитов, втянутых крестьян. Возвращаться сейчас не следует».

Выдержка из приказа № 195 инспектора особых отрядов 5-й советской армии и Восточно-Сибирского военного округа от 17 ноября 1920 г., из Иркутска. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 28174. Оп. 2. Д. 7. Л. 53 б).

«Бывший председатель выездной сессии ревтрибунала 5-й армии сообщил мне, что отрядами, ведущими операции против бандитов в Осинской волости Балаганского уезда, самовольно расстреляны 8 человек, причем расстрел производился по предложению, 16-м особым отрядом армии».

Великое Сибирское восстание 1921 г.

Стоит сказать, что Великому Сибирскому восстанию предшествовали издевательства коммунистов в течение 1920 г. над населением почти всей Сибири. Они не сводились к требованию выполнения производственной разверстки в таком размере, что зерна не хватало на посев в следующем году; мобилизации мужчин для защиты этих же

драконовских порядков в самой Красной армии; в жестоких репрессиях против тех, кто не выполнил указаний советской власти. Из приведенных ниже документов ясно: коммунисты сознательно вызвали стихийное, неподготовленное восстание крестьян, чтобы раздавив его, истребить одним ударом всех своих возможных противников и не допустить таким образом их объединения в будущем. Интересно отметить, что большевики с особым вниманием отнеслись к бывшим отрядам особого назначения Колчака, которые участвовали в подавлении восстаний против Омского правительства. Значительная часть этих отрядов перешла на сторону коммунистов (как это было во время декабрьских и январских боев 1919–1920 гг. в Иркутске) или попала в плен. Большевики, о чем свидетельствуют их официальные документы, во многих случаях просто ставили такие отряды на свое довольствие и бросали их уже против крестьян, выражавших недовольство советской властью. Во время борьбы с Колчаком они кричали о том, что он-де использует карателей против народа. Однако когда в их руках оказались эти «каратели», поспешили зачислить их в ЧОНЫ и ВОХР. Во время пребывания таких отрядов в МВД Омского правительства, в них, несомненно, находилось немало коммунистов, направленных специально для разложения. Тем не менее здесь наглядно проявилась сущность большевиков: сохраняя почти в неизменной форме их структуру, они ставили себе на службу отряды вчерашних «карателей», к которым во времена Колчака с презрением относилось белое офицерство. Главным критерием служила готовность давить народные восстания. С другой стороны, в случае «перегибов» всегда можно было сослаться на «ненавистную гидру контрреволюции», пролезшую для «вредительства» даже в особые советские отряды.

Выдержка из «Приказа № 387 Совета 1-й Революционной армии труда», работавшей на большом пространстве от Урала до Средней Сибири из Екатеринбурга от 20 октября 1920 г. Документ хранится в ГА ТО (Ф. 11. Оп. 2. Д. 79. Л. 14)¹⁰⁴.

«За последнее время в районе Революционной советской 1-й армии труда наблюдаются случаи убийств, зверской расправы с продработниками во время исполнения ими служебных обязанностей.

Для обуздания убийц приказывается местным органам власти: исполкомам, отделениям губЧК, политбюро и военным комиссарам — принимать самые решительные меры как по отношению к восставшим против

¹⁰⁴ Там же. С. 13.

проведения продовольственной работы, к убийцам продработников, так и по отношению того кулацкого населения, где эти восстания и убийства имели место.

Поэтому приказывается в местах, где будут иметь места убийства продработников, производить:

1. Взятие заложников из среды кулацкого населения и расстрел их части.
2. Увеличение разверстки в полтора раза в волости, где произошло убийство продработников».

Выдержка из приказа заместителя заведующего политбюро Ишимского уезда Тюменской губернии И.В. Недорезова и заместителя тюменского губернского продовольственного комиссара Я.З. Маерса, начало декабря 1920 г., из Ишима. Документ хранится в ИФ ГА ТО (Ф. 6. Оп. 1. Д. 39. Л. 28).

«Принимая во внимание тяжелое продовольственное положение Советской республики и Красной армии, политбюро приказывает немедленно арестовать всех без исключения кулаков следующих волостей:

- 1) Локтинской, причем, в 1-ю очередь деревень Ново-Мизоново и Старое Мизоново; 2) Теплодубровской и села Теплодуброво; 3) Ларихинской; 4) Казанской; 5) Аромашевской; 6) Ражевской; 7) Усовской; 8) Больше-Сорокинской.

При аресте объявить населению, что они берутся заложниками до выполнения Ишимским уездом продовольственной разверстки в целом».

Выдержка из заявления милиционера Теплодубровской волости начальнику 5-го района Ишимского уезда от 13 декабря 1920 г. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 2. Д. 31. Л. 12).

«Я, волостной милиционер Теплодуброво Коньков, довожу до Вашего сведения, что 1 декабря приехал к нам, в Теплодубровскую волость, губпродкомиссар товарищ Иденбаум и райпродкомиссар товарищ Н.П. Демин. Товарищ Иденбаум приказал товарищу Демину арестовать весь совет и назначить ревком, а у арестованных граждан, членов совета, конфисковать все имущество. И то же самое он приказал сделать в отношении тех граждан села Теплодуброво, которые не выполнили государственную разверстку, а также снять у всех пимы и посадить их в холодный амбар.

После отъезда товарища Иденбаума товарищ Демин арестовал сельсовет, конфисковал их имущество и направил в продконтору, а у граждан, которые не выполнили шерстяную разверстку, снимали пимы и сажали в холодный амбар. При этом товарищ Демин говорил: “Будете сидеть до тех пор, пока не выполните государственную разверстку”. При морозе около 35 градусов сидели без теплой одежды в холодном амбаре Степан

Ульянович Заборский, Никита Лифантьевич Афанасьев, Яков Михайлович Захаров.

По уезде товарища Иденбаума товарищем Деминым дано было распоряжение вновь назначенному им Теплодубровскому сельревкому для выполнения шерстяной разверстки отбирать у граждан все имеющиеся шерстяные изделия, как-то: зипуны, валенки, шаровары и так далее. Некоторые из граждан для выполнения шерстяной разверстки обстригали на шубах шерсть».

Выдержка из информационной записки президиума Тюменской Губ ЧК «К расстрелу врагов рабочих и крестьян» от 18 декабря 1920 г.¹⁰⁵

«В силу нелепых слухов, циркулирующих среди населения города Тюмень в связи с обнаружением 15 трупов в реке Тура, президиум губЧК доводит до сведения населения о том, что обнаруженные трупы являются телами белогвардейцев, расстрелянных по постановлению президиума губЧК в ночь на 17 декабря сего года. Список расстрелянных белогвардейцев будет опубликован губЧК в обычном порядке после истечения соответствующего срока с момента приведения в исполнение приговора о расстреле».

Телеграфное донесение Абатского волисполкома советов в Ишимский уездный земельный отдел от 19 декабря 1920 г., из села Арбатское. Документ свидетельствует, что крестьянство к этому времени из-за большевистской политики уже находилось на грани голодной смерти. Хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 2. Д. 31. Л. 74)¹⁰⁶.

«На выполнение разверсток продовольствия хлеба не хватает. Под угрозой конфискации и лишения свободы со стороны председателя чрезвычайной «тройки» Соколова В.Г. население сдает семенной хлеб, не оставляя себе ни на еду, ни на посев. Будет недосев. Шерстяная разверстка достигается стрижкой овец, которые падут от мороза. Как быть?»

Отрывок из постановления начальника милиции 4-го района Н.Н. Нечаева и уполномоченного политбюро Ишимского уезда Крюкова от 28 декабря 1920 г. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 2. Д. 31. Л. 34).

«Я, начальник милиции 4-го района Ишимского уезда Нечаев, и уполномоченный политбюро товарищ Крюков рассмотрели дело по обвинению уполномоченного губернского продовольственного комитета товарища Абабкова И.П., обвиненного в преступлении по должности и в незаконных действиях, которые вызвали граждан села Окунево Укузской волости на восстание на почве проведения государственной разверстки. При этом мы

¹⁰⁵ Газета «Известия Тюменско-Тобольского губернского комитета РКП(б), губисполкома Советов и городских советов». Тюмень. 18 декабря 1920.

¹⁰⁶ Сибирская Вандя. Т. 2. С. 41.

основывались на показаниях свидетелей, что факт преступления установлен в том, что он с отрядом дали 3 залпа по малым детям и беззащитным женщинам».

Отрывок из политической сводки Караульноярского волисполкома советов в Тюменский уездный военный комиссариат, от 30 декабря 1920 г., из села Караульноярского. Документ хранится в ГА ТО (Ф. 8. Оп. 2. Д. 18. Л. 31).

«Слышится ропот среди народа: «При старом режиме в каторге арестанты так не мучились, как теперь. Советская власть нас мучает»».

Акт милиционера 2-го района Ишимского уезда Н.П. Парамонова о действиях продработника Неразика от 31 декабря 1920 г. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 2. Д. 31. Л. 25).

«Товарищ Неразик обращался с населением очень грубо, некоторых даже брал за грудки, замахиваясь кулаками, ругая матерными словами и так далее, угрожая расстрелами и похваляясь, что им уже в Петропавловске расстреляно несколько граждан, как видно из показаний председателя Чуртанского сельисполкома товарища Артамонова».

Выдержка из доклада заведующего Тавдинской продовольственной конторы Тюменской губернии И.С. Зайцева тюменскому губпродкомиссару Г.С. Иденбауму, от 2 января 1921 г. Обращает на себя внимание то, что Зайцев жалуется на те порядки, которые были узаконены самим губернским продовольственным комиссаром. Документ хранится в ГА ТО (Ф. 11. Оп. 2. Д. 183. Л. 136).

«По прибытии продотряда в район Тавдинской продовольственной конторы наблюдались следующие эксцессы, а именно: со стороны товарища Ялунина, который, вместо того чтобы производить разведки спрятанных продуктов, занимался конфискацией гусей, отбирал у населения одежду, были случаи, когда последних раздевали и разували, в том числе и детей».

Выдержка из приказа № 7 уполномоченного Ишимского продовольственного комитета А. Браткова по Локтинской волости, напечатанного в селе Локтинском 3 января 1921 г. Документ хранится в ТОЦДНИ (Ф. 1. Оп. 1. Д. 284. Л. 1).

«5. Если какое-нибудь сельское общество не исполнит сего приказа о выполнении в срок продразверстки, я с вооруженной силой — 200 человек пехоты и 40 человек кавалерии и 4 пулеметами — заберу весь хлеб до единого зерна у всех граждан такого общества. Я не оставлю зерна ни на прокорм ни живым душам, ни на прокорм скотине, ни на посев».

6. У тех граждан, которые будут агитировать против сдачи и вывоза хлеба, мною с вооруженной силой будет забрано все имущество, дом будет спален, а гражданин, замеченный в вышеуказанном преступлении, будет расстрелян.

7. Всему сельскому обществу приказываю сейчас же доносить мне, если появится гражданин, агитирующий против выполнения разверстки. Если же оно будет укрывать тех негодяев, а они нами будут пойманы, то все сельское общество будет так же строго наказано, как и вышеозначенный пойманный негодяй — контрреволюционный агитатор».

*Поведут нас всех огулом,
Коммунист по груди — пли!
Чур, не ползать перед дулом,
Не лизать ног у земли...
(Из повстанческой песни).*

Как видно из приведенных выше документов, у сибирских крестьян оставался один выход — всем разом восстать против коммунистов. Это и произошло 31 января 1921 г. в селе Челноковском; восстание было поддержано в соседнем селе Чуртаново. Руководил здесь лесничий Ключенко; он стал местным командиром повстанческого отряда, который был образован совместно с крестьянами соседней (особенно не любившей большевиков) Викуловской волости, под командованием Н. Иноземцева. Иноземцев стал здесь начальником штаба.

Вскоре восстания охватили всю Западную Сибирь: от Урала до Оби и от Северного Ледовитого океана до китайской границы. Причем роль зачинщиц сыграли женщины: они первыми нападали на красноармейцев из продотрядов, пытавшихся увезти хлеб, и затем уже их поддерживали мужчины. Надо отметить, что нередко руководителями локальных выступлений становились бывшие работники советских учреждений и даже большевики, как, например, один из главных руководителей восстания Коротков — бывший уполномоченный уездного военкомата по закупке лошадей.

Наибольшего успеха и размаха восстание достигло на юго-западе и на севере в феврале 1921 г., когда повстанцам удалось овладеть Петропавловском и Тобольском. Власть в Тобольске 21 февраля взяло бюро профсоюзов, объединившее профессиональные организации города. Тогда обнаружилось, что коммунисты при бегстве расстреляли несколько десятков арестованных ими людей.

Для управления городом и освобожденной территорией вокруг него был создан временный городской совет. В его состав вошли Ольгердт

Валерьевич Новодворский (1884–1922), Алексей Евгеньевич Коряков (1879–1922) и Николай Иванович Тихонов (1895–1922).

О.В. Новодворский — польский подданный, из дворян, по образованию инженер-технолог. С марта 1917 г. он состоял в петроградской группе анархистов-коммунистов. В Тобольске при коммунистах работал заведующим экономическим отделом. Расстрелян по приговору Тюменской ГубЧК.

А.Е. Коряков был председателем повстанческого временного городского совета. Он происходил из семьи священника города Туринска Тобольской губернии; окончил два класса духовной семинарии. В 1917–1919 гг. служил секретарем кооперативного союза «ЦентроСибирь» и в Омской городской управе. С 1914 по 1919 г. состоял в партии эсеров; при царской власти находился под судом за принадлежность к партии, а также к крестьянскому и учительскому союзам. С 1920 г. он жил в Тобольске, был членом президиума Тобольского уездного бюро профсоюзов. Расстрелян по приговору Тюменской ГубЧК, несмотря на ходатайство Тобольского отделения Всероссийского профсоюза работников народного просвещения. Тело его было брошено в реку Тура — «тогда сибирские реки часто заменяли кладбища»¹⁰⁷.

Н.И. Тихонов, беспартийный, был членом президиума Тобольского уездного бюро профсоюзов. При повстанцах на него возложили охрану города. Расстрелян по приговору Тюменской ГубЧК, несмотря на ходатайство рабочих и служащих советских учреждений и предприятий Тобольска, свидетельствовавших, что при повстанческой власти он защищал арестованных коммунистов и спас их от расстрела¹⁰⁸.

Отчаянно и упорно дрались восставшие с красными карателями, бросившими против них иностранных наемников, бронепоезда и части, вооруженные орудиями и пулеметами. Советские командиры объясняли неудачную попытку овладеть селом Старо-Травнинское и соседними деревнями «техническим превосходством» (!) повстанцев. Тогда (в конце февраля и начале марта 1921 г.) наголову был разбит карательный отряд Лушниковца, а сам он убит: «Воздвигнутые в вышеуказанных пунктах фортификации и баррикады из заборов, телег, саней, сельскохозяйственных орудий и прочего представляют собой последнее слово техники»¹⁰⁹. Далее следовало: «С нашей стороны делались попытки сжечь некоторые

¹⁰⁷ Петрушин А.А. Мы не знаем пощады. С. 113.

¹⁰⁸ Там же. С. 253.

¹⁰⁹ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 367.

из этих сел, но тщетно, несмотря на то что около Старо-Травнинского стояло наше 3-дюймовое орудие».

Во многих случаях красноармейцы переходили на сторону повстанцев целыми подразделениями, до батальона и артиллерийского дивизиона включительно. Это произошло, например, 9 марта 1921 г. у деревни Ярково, жители которой показали пример массового героизма, защищая свое родное гнездо.

В ходе развернувшейся борьбы коммунисты понесли невосполнимый урон. Они приводили, например, такие данные (на 10 марта 1921 г.): «Убыль в парторганизации Тюменской губернии огромна: в Ишимском и Ялуторовском уездах погибло более 50% партийного состава, в других уездах тоже значительные потери. В общем и целом, потери здесь превышают цифру в полторы тысячи, которая все время увеличивается. Работа после победы над мятежниками предстоит колоссальная: партийно-советские аппараты разрушены, во многих волостях члены партии поголовно уничтожены, 75% всего состава продработников уничтожено»¹¹⁰.

Восставшие выступали под лозунгами «советы без коммунистов», «за уничтожение коммунистов и продразверстки», «за крестьянскую власть» и т.п.; правда, в отдельных районах повстанцы выставляли себя белогвардейцами, что большинством их соратников не приветствовалось, и таких людей наказывали, хотя и не очень строго¹¹¹.

Восстание в Западной Сибири закончилось, главным образом, к лету 1921 г., хотя последние его очаги угасли только год спустя. Окончательно Великое Сибирское восстание было подавлено в 1922 г. Среди последних его эпизодов стали бои отряда Найды — бывшего партизана, который воевал против Колчака, будучи командиром одного из повстанческих полков Мамонтова. Он боролся с коммунистами до 20 апреля 1922 г., пока не был пленен в киргизском ауле Тулумбай Александровской волости (на границе Павлодарского и Славгородского уездов) и расстрелян. Отряд Найды и другие партизаны скрывались по другим киргизским аулам, пользуясь поддержкой местных жителей и продолжая борьбу, хотя и с постепенно ослабевающим эффектом¹¹².

Один из главных исполнителей карательных операций Н.Н. Рахманов, командир 85-й стрелковой бригады, в докладе командующему

советскими войсками в Сибири В.И. Шорину отмечал самоотверженность, с которой бились участники восстания: «Целый ряд боев показал нашим частям, что с повстанцами нужно считаться как с силой. Особенно отчаянно, отважно бандиты вели оборону селений, обнаружив при этом высокие качества выдержанности, инициативы, дисциплинированности, полной согласованности в действиях своих отрядов и поддержания самой прочной связи, взаимопомощи, умения ориентироваться в обстановке и нередко — проявления высокой доблести и самопожертвования. В полевых схватках повстанческие отряды обычно не выдерживали и бежали отчасти потому, что они не могли противопоставить нашим отрядам достаточно оружейного и пулеметного огня. Но защиту своих селений во многих случаях проводили великолепно, стойко держались при самых тяжелых условиях: под артиллерийским обстрелом, пулеметным огнем, в горящих деревнях — и наносили значительные потери нашим частям своим метким огнем и атакой. Таковы были случаи при наших наступлениях на деревню Травное, деревню Локтинское, деревню Песьянское, деревню Босоногово, деревню Аромашевское и другие. Засевши в окруженных, часто горящих деревнях, нередко под огнем артиллерии, бандиты не теряли духа и спокойствия, без излишней траты патронов расстреливали из-за укрытий наши цепи, выбивая почти весь командный состав, умело бросая в наши тылы и на фланги тайными тропинками, специально протоптанными, конницу. Пользуясь знанием местности, повстанцы великолепно разведывают, пробиваясь в тыл нашего расположения, и собирают ценный материал, часто вызывая панику среди наших частей и отрядов. Огонь ими всегда ведется перекрестный. В результате наши потери — очень высоки, а потери бандитов — ничтожны»¹¹³.

В том же докладе, в разделе «Паника и разрушение деревни», Рахманов отмечал: «В волостях молодое население совершенно отсутствует, остались одни лишь старики. Так, например, в Красновской волости числилось до восстания 400 трудоспособных человек. В настоящее время там осталось около 30 человек, многие деревни и села, а также сельскохозяйственные орудия — сожжены»¹¹⁴. В разделе «Наше командование» Рахманов отметил: «Первыми словами в этом пункте, надеюсь, что не ошибусь, сказав: воевать мы разучились. Удивительно, крестьянин, вооруженный дубьем и вилами, разоружал наши отряды и отбирал у них

¹¹³ РГ ВА. Ф. 1345. Оп. 2. Д. 17. Л. 13–20.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁰ РГ ВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 494 а. Л. 108, 112.

¹¹¹ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 709.

¹¹² ГА НО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 35. Л. 6, 7.

пулеметы. В этом вопросе нахожу 2 момента: 1-й — недооценка происходящих событий, в силу чего не было решительной карательной руки»¹¹⁵.

Автор доклада и стал такой «решительной карательной рукой». Согласно донесениям с мест, «Рахманов настолько обострил отношения своими поступками, а также и его подчиненные, с уездными комитетами РКП(б) и уездными исполкомами, что никак нельзя было работать в такой обстановке. Между самими командирами разных ветвей отношения самые враждебные, недоверчивые, так, красноармейцы пожаловались на пьянство своего командира, а когда это решили проверить, в ответ на это командир 254-го полка ВНУС Черемных приказал готовить пулеметы. Штаб полка-232 превратился в помещение пыток и застенков времен дикого деспотизма. Арестованных на глазах многих застегивали шомполами, и как обычай при опросе было взято, как по их выражению, “высыпать” от 50 до 150 шомполов»¹¹⁶.

Общие потери коммунистов (вместе с данными от парторганизаций) составляют не менее 7 тысяч человек только убитыми за все время восстания. Большую часть этих потерь составляют цифры погибших работников продотрядов и местных коммунистических организаций. В марте 1921 г. начальники красных боевых отрядов докладывали руководству: «непосредственные потери в боях, особенно за последние дни борьбы, принимают тревожный характер»¹¹⁷. И было из-за чего тревожиться. К 23 марта 1921 г., по официальным данным, кадровые войска коммунистов только в боях потеряли ранеными и обмороженными 1996 человек и 550 — убитыми, причем это данные не по всем частям¹¹⁸.

Повстанцами были уничтожены штабы 253-го и 255-го полков в Петропавловске; приведены в негодность 2 артиллерийских дивизиона. Коммунистам пришлось направить на переформирование 254-й и 255-й полки охраны железной дороги, которые сильно пострадали от налетов. Один из батальонов 253-го полка целиком перешел на сторону восставших в деревне Каменка. Во время обороны Петропавловска в феврале 1921 г. коммунисты практически полностью потеряли 7-й запасной пулеметный батальон. Как сообщал Рахманов, «пострадал и 4-й полк 1-й Сибирской кавалерийской дивизии — неизвестна участь его пулеметной команды, стоявшей в Тобольске, и совершенно истрепан его 3-й эскадрон,

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 28–35.

¹¹⁷ РГ ВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 537.

¹¹⁸ Там же.

бывший в Ишиме. Теперь все эти части нужно вновь доформировывать, а некоторые — почти вновь формировать»¹¹⁹.

До конца лета 1921 г. из-за действий восставших коммунистам так и не удалось наладить судоходство по сибирским рекам; на ноябрь того же года только по Тюменской губернии насчитывалось не менее 2 тысяч активных повстанцев.

При этом почти все руководители Великого Сибирского восстания пали в борьбе, были пленены или расстреляны. Один из них — Алексей Антонович Карасевич (1900–1922), взявший в свои руки руководство повстанческими отрядами в Петропавловском уезде. Выходец из крестьян Витебской губернии, при Колчаке он стал подьесаулом Сибирского казачьего войска. Карасевич действовал под разными именами: как «генерал Белов» он 15 февраля 1921 г. овладел городом Петропавловском, который удерживал два дня. Другие его прозвища — «есаул-атаман Незнамов», «Леопольд Баратов», «доктор Грибоедов». В 1922 г. после подавления восстания он был арестован и по приговору революционного трибунала расстрелян в Ново-Николаевске¹²⁰.

Такая же судьба постигла одного из крупнейших повстанческих командиров Николая Павловича Красулина (1890–1922). Уроженец Билимбаевского завода той же волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии, в 1909 г. он окончил Екатерининское реальное училище. Беспартийный; участник Первой мировой войны, подпоручик. В 1920 — начале 1921 г. служил старшим бухгалтером и заведующим финансово-счетным отделом Тобольского районного продовольственного комитета. Во время восстания был сотрудником Главного Тобольского штаба Народной Повстанческой армии. В начале апреля 1921 г., за несколько дней до взятия красными Тобольска, был его военным руководителем. Расстрелян по приговору Тюменской ГубЧК¹²¹.

Долгое время считалось, что одни из самых видных руководителей Западно-Сибирского восстания 1921 г., командующий Тобольской Повстанческой Народной армией Желтовский и начальник штаба Силин, погибли в каком-то из майских боев с красными карателями. Однако, как свидетельствует полковник ФСБ А.А. Петрушин (в чьих руках, очевидно, находится архив ФСБ по Тюменской области), они вместе с другими

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ ГА НО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 375. Л. 6, 7, 21, 80.

¹²¹ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 519.

активными повстанцами были захвачены карательным отрядом А.Н. Баткунова, командира 232-го советского полка 26-й Златоустовской дивизии, а затем предательски расстреляны в будке телефонной станции в районе впадения реки Максимовки в Иртыш, у села Самарово¹²².

С помощью этой тактики большевики захватили и Березов, где также произошли расстрелы повстанцев.

Расстрел Желтовского, Силина и их штаба произошел при высадке Баткуновым десанта с парохода в Самарове. А.А. Петрушин описывает это так: «“Волна” (пароход) причалила к берегу, и начались переговоры со штабом отступавшей на север Тобольской “народной” армией. А дальше по сценарию: неожиданная стрельба в упор — и трупы в воду. Остальных обезоруженных повстанцев расстреливали уже на пароходах по пути к Кондинской пристани»¹²³.

Но справедливость в истории все же нередко торжествует. Как известно, «революция подобна Юпитеру, пожирающему своих детей». Пожрала она не только палачей наподобие Тухачевского или Ежова, у которых руки по локоть в крови, но и «заплечных дел мастеров» таких, как Баткунов. В 1939 г. его самого чекисты обвинили как одного из участников и руководителей «мятежа 1921 г.» и, ничтоже сумняшеся, расстреляли. Ранее, в 1937–1938 гг., та же участь постигла всех главных усмирителей Западно-Сибирского восстания. Среди них надо назвать командующего советскими войсками в Сибири Шорина; командующего карательными силами коммунистов в Тюменской губернии Мрачковского; «дважды героя» взятия Тобольска (в 1919 и 1921 гг.), имеющего за это ордена красного знамени, полномочного представителя ВЧК по Сибири Павлуновского, который расправлялся не только с сопротивляющимися, но и с уже безоружными повстанцами¹²⁴.

Неизвестно, как вели себя, будучи репрессированными, Шорин и Павлуновский, но Мрачковский и Баткунов признали себя виновными в том, что им приписывали их же товарищи. Попробуй тут не «сознайся» — как известно, в ЧК умели заставить говорить что знаешь и чего не знаешь. Баткунов без пощады расстреливал повстанцев, невзирая на пол и возраст; когда же зашла речь о его собственной жизни, он молил ее сохранить.

Одним из выдающихся повстанческих командиров был Гавриил Васильевич Гутников (1894–1922), крестьянин из деревни Медянка

¹²² Петрушин А.А. Мы не знаем пощады. С. 33.

¹²³ Там же. С. 34.

¹²⁴ Там же. С. 34, 35.

Карачинской волости Тобольского уезда. Образование имел низшее, по профессии — канцелярист. Участник Первой мировой войны, имел ранения. Большевик с 1917 г. При Колчаке находился под судом за работу в большевицких органах. В 1920 г. Гутников служил заведующим Карачинским волостным отделом народного образования, был председателем волостного исполкома советов. С ноября 1920 г. он — заведующий Демьяновской продовольственной конторой и уполномоченный по проведению продразверсток в 23-м районе Тобольского уезда, член Тобольского уездного исполкома советов. После взятия повстанцами Тобольска — сотрудник Главного Повстанческого штаба, затем начальник его секретного оперативно-политического отдела. С конца марта 1921 г. — сотрудник штаба Юго-Западного повстанческого фронта Тобольского уезда. С середины апреля этого же года Гутников вынужден был скрываться, вел партизанскую борьбу. Он был арестован 11 августа 1921 г. в Карачинской волости при ссыпке зерна с мельниц для своего отряда и голодающих крестьян. В феврале 1922 г. приговорен коллегией Тюменской ГубЧК к расстрелу, 28 числа того же месяца приговор подтвердила Московская ЧК¹²⁵.

Других, например заместителя начальника Повстанческого штаба Северного фронта Буракова, захваченного в начале апреля 1921 г. со штабом в центре восстания селе Челноковском, или подпрапорщика Войтовича, красноармейцы расстреливали на месте¹²⁶.

Надо сказать, что советская власть не простила даже «неактивных» участников Всесибирского восстания. Она последовательно, на протяжении 1920–1930-х гг. продолжала их уничтожение¹²⁷. Были составлены специальные списки, которые только и ждали своего часа. Этот час пробил в 1937–1938 гг., когда под «общий шумок» почти всех включенных в эти списки уничтожили¹²⁸. Так, по данным А.А. Петрушина, из 17 тысяч человек, подвергнутых репрессиям 1937 г. в Омской области, каждому третьему было поставлено в вину участие в восстании 1921 г.¹²⁹

Выдержка из оперативно-разведывательной сводки штаба 181-го стрелкового полка войск ВНУС, от 6 февраля 1921 г., из города Ишим.

¹²⁵ Сибирская Вандей. Т. 2. С. 563.

¹²⁶ Там же. С. 696.

¹²⁷ Там же. С. 631.

¹²⁸ Там же. С. 641.

¹²⁹ Петрушин А.А. Неизвестная война. Новые факты из истории крестьянского восстания в Сибири // Труд. 7 февраля 1991.

Документ хранится в РГ ВА (Ф. 17718. Оп. 1. Д. 89. Л. 8)¹³⁰.

«Помощник командира полка Лушников доносит: в 1 час 6 февраля сего года им был послан приказ из деревни Пестово, что северо-восточнее Челноково, в Чуртанский волисполком и в Чуртанский самозванный военный совет о немедленной сдаче оружия, прекращении боевых действий, роспуске мобилизованных. В случае неисполнения приказа Лушников грозил поголовным расстрелом, сожжением сел и деревень Чуртанской волости».

Выдержка из разговора по прямому проводу председателя Екатеринбургской ГубЧК А.Г. Тунгускова и председателя Тюменской ГубЧК П.И. Студитова 8 февраля 1921 г. Документ хранится в ГА СО (Ф. 88. Оп. 1. Д. 21. Л. 1, 2).

«Тунгусков: Нами получены сведения, что часть Ялуторовского уезда охвачена восстанием. Совестью в репрессиях не стесняться.

Студитов: Вчерашним вечером ялуторовская власть вызывала Тюмень к прямому проводу и просила специальный эшелон для эвакуации Ялуторовска. На это был дан ответ также со стороны председателя губисполкома товарища Новоселова, что не только вести разговор об этом, но даже и мыслить об этом нельзя. И если город Ялуторовск будет сдан, то после этого, не более как через 5 часов, он будет снесен с лица земли вместе со всеми отступающими.

Тунгусков: Передайте ялуторовскому уездному военному комиссару, что наши части войдут в Ялуторовский уезд. Совестью при подавлении восстания не стесняться, как и репрессиями. Наши войска уже соответствующие опыты уже проделывали и теперь посылаются с теми же заданиями. Это воздействует на кулаков и вырвет почву из-под ног эсеров.

Студитов: В отношении репрессий прошу не беспокоиться».

Выдержка из приказа № 9 Ишимского уездного исполкома советов, изданного в городе Ишим 9 февраля 1921 г. Документ хранится в ИФ ГА ТО (Ф. 2. Оп. 1. Д. 120. Л. 23).

«1) Возложить ответственность за целостность и охрану железной дороги участка Гольшманово—Маслянская на волости Карасульскую, Безруковскую, Жиялковскую, Боровскую, Маслянскую, Рождественскую.

В обеспечение сего перечисленные волости к 12 часам дня 10 февраля обязуются представить в Ишимское политбюро заложников по наиболее зажиточной части крестьянства, каковые в случае дальнейшей порчи пути будут расстреляны.

За непредоставление заложников к указанному сроку деревни, прилегающие к линии железной дороги, будут обстреляны орудийным огнем.

2) В тех сельских обществах, кои с момента опубликования настоящего приказа присоединятся к восставшим контрреволюционным бандам, производят разгром исполкомов, сельсоветов или допустят избиения коммунистов и советских работников, конфисковать имущество и весь живой и мертвый инвентарь у каждого 10-го домохозяина.

3) За производимые убийства коммунистов и советских работников в тех сельских обществах, где таковые произойдут, за каждого из них расстреливать 10 человек местных крестьян.

4) Исполнение настоящего приказа возложить на ишимского военного комиссара.

5) Довести об этом сведения [до] всего Ишимского уезда. Приказать выполнить все изложенное без малейшего промедления, памятуя, что всякое противодействие будет подавлено без всякой пощады, вплоть до уничтожения отдельных деревень с применением пулеметного и орудийного огня.

Председатель уездного исполкома И. Кузьмин
Губернский военный комиссар Хрусталиев
Секретарь исполкома Никифоров».

Фрагмент донесения командира 85-й стрелковой бригады Н.Н. Рахманова помощнику главнокомандующего по Сибири советскими войсками В.И. Шорину. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 16. Оп. 3. Д. 97. Л. 54, 55).

«253-й полк: отдано распоряжение выступить в район Петухово для беспощадного подавления мятежа».

Фрагмент донесения командира советского карательного отряда Смахова начальнику коммунистических сил Тобольского боевого участка Е.О. Бивальду, от 11 февраля 1921 г. (2 час. 30 мин.) из села Загваздино. Документ хранится в ГА НО (Ф. 5. Оп. 2. Д. 1609. Л. 11).

«Доношу, что в 17 часов 10 февраля разведкой вверенного мне отряда занято село Усть-Ишим. Много, даже без счета, арестовано сегодня контрреволюционеров. Их мы не щадим, а вырываем в корень. Прошу распоряжения, как поступать дальше. По-моему, обязательно нужно двигаться вперед и вырывать контрреволюцию».

Выдержка из приказа начальника коммунистических сил Тобольского боевого участка Г.И. Соколова командиру красного карательного отряда Смахову, от 12 февраля 1921 г. Документ служит дополнением к предыдущему. Хранится в ГА НО (Ф. 5. Оп. 2. Д. 1609. Л. 24).

«Ни перед какими мерами и репрессиями против мятежников и поддерживающих их не останавливаться».

¹³⁰ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 114.

Выдержка из приказа № 10 Ишимского уездного исполкома советов и командующего Ишимским боевым участком от 11 февраля 1921 г., из города Ишим. Документ хранится в ТОЦДНИ (Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Л. 18).

«3. Деревни и села, которые примут участие в восстании против Советской власти или хотя бы будут поддерживать бунтовщиков, в чем бы эта поддержка ни выразилась, понесут тягчайшую ответственность. Они понесут ответственность как пособники восстановления власти буржуазии, как нарушители мирных условий и как лица, задерживающие частичную демобилизацию Красной армии. К ним будут применены меры конфискации всего имущества вплоть до поголовного уничтожения деревень, а взятые заложники и пленные будут расстреляны, т.к. нарушение мирных условий в Советской России в том или ином уезде допущено быть не может».

Выдержка из приказа № 30 коммунистического Сибирского Революционного Комитета, от 12 февраля 1921 г., из Омска. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 17718. Оп. 1. Д. 69. Л. 164).

«Сибирский революционный комитет объявляет, что все лица, захваченные во время нападения на железную дорогу, будут расстреливаться на месте без суда.

Жители сел и деревень, расположенных в 10-верстной полосе по обе стороны от железной дороги, несут ответственность жизнью и имуществом за целостность железнодорожного пути и телеграфной сети».

Инструкция полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского местным органам ВЧК «О применении высшей меры наказания в районе, охваченном восстанием», выпущенная в Омске 14 февраля 1921 г. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 2. Д. 64. Л. 56).

«Расстрелу подлежат:

1. Руководители движения.
2. Занимавшие командные должности в отрядах повстанцев.
3. Повстанцы, взятые в плен и освобожденные, в случае, если они вторично попали в плен в боях с советскими войсками.
4. Жители, не сдавшие огнестрельного оружия после того, как был опубликован приказ о сдаче такового.
5. Жители, уличенные в поджоге, порче железнодорожных путей, телеграфных проводов и железнодорожных сооружений.
6. Агенты железнодорожной службы, в отношении которых установлена их связь с повстанцами и помощь с их стороны повстанцам, в чем бы она ни выразилась».

Выдержка из приказа № 11 командующего советскими вооруженными силами Омско-Тюменского района от 15 февраля 1921 г. Документ хранится в ИФ ГА ТО (Ф. 2. Оп. 2. Д. 5. Л. 15).

«2. Крестьяне некоторых волостей проводят мобилизацию и выполняют распоряжения белогвардейцев, направленные против Советской власти. Категорически требую от всех насильно мобилизованных, чтобы они немедленно разошлись по домам. Остающиеся в рядах повстанцев будут рассматриваться как добровольно вступившие в банды и вместе с руководителями восстаний будут расстреливаться на месте. Всякое выполнение распоряжений, направленных против Советской власти, подлежит ответственности наравне с повстанцами».

Выдержка из приказа № 1 начальника советских войск Курганского боевого участка от 15 февраля 1921 г. Документ хранится в ГА КО (Ф. 1201. Оп. 1. Д. 1. Л. 68).

«1. Объявляю всему населению Курганского боевого участка, что за каждого убитого ответственного работника и коммуниста буду производить расстрелы из числа заложников, взятых из каждого села и деревни кулацкого элемента.

2. За распространение слухов и агитацию против Советской власти виновные будут расстреливаться на месте».

Выдержка из протокола № 8 секретного заседания Сиббюро ЦК РКП(б), состоявшегося 15 февраля 1921 г. в Омске. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 3. Д. 22. Л. 13).

«Рахманову и Корицкому приказано брать заложников. У Рахманова — 2 тысячи заключенных. Тысячу из них, бедноты, приказано отпустить, предельно им о присылке из восставших волостей представителей к товарищу Опарину. Нам нужно поставить публичный процесс над организаторами мятежа и теми из советских работников, кто его подстрекал. Если мы можем поставить над ними публичный процесс, то надо Опарину дать указания. Если мы морально правы, то — публичный трибунал. Если нет — то чека.

Павлуновский: Чека должна дополнить трибунал. При этом необходимо создать общественный трибунал, но он должен быть освобожден от карательных функций. Чека принадлежит розыск и карательная политика — непосредственное давление на массы. Трибунал непосредственно карательных мер не принимает, но в целях политического влияния на массы он необходим.

Данишевский: Мы хулиганов расстреливали постановлениями трибуналов. Мы должны настаивать на открытом публичном заседании трибунала.

Мы должны представить к суду перед крестьянами всех негодяев, и от этого престиж Советской власти поднимется. На него нужно приглашать представителей от каждой волости.

Смирнов: Здесь трибунал судит на 2 фронта: с одной стороны — продовольственных комиссаров, с другой — восставших крестьян.

Косиор: Процесс надо ставить открытым, отобрав верхушки, для чего организовать 1 процесс. Будет 1 скамья подсудимых, и мы используем это в качестве агитации. При этом зачитывается материал товарища Рахманова о причинах восстаний.

Коганович: Суд должен быть поставлен таким образом, чтобы было ясно, что, карая восставших, мы тем самым поддерживаем нашу продовольственную кампанию. Работа чека дополняет работу трибунала. Нажим, жестокость при этом должны фигурировать.

Хотимский: Материал против сибирского кулака должен быть положен в основу защиты нашей продовольственной тактики и обвинения кулака, разрушающего дороги. Мы, таким образом, будем иметь 2-й исторический суд после суда над российской буржуазией, и этот процесс будет новым этапом нашей революции.

Постановили: 1) Образовать один комбинированный процесс, используя его в качестве защиты продовольственной кампании.

2) Организовать выездную сессию трибунала во главе с товарищем Опариным. Коганович — обвинитель кулака, Преображенский Н.Ф. — политический защитник*.

Выдержка из служебной записки заместителя председателя Сибирского революционного комитета С.Е. Чуцкаева председателю Тюменского губисполкома советов С.А. Новоселову от 15 февраля 1921 г., из Омска.

«В распоряжение Сиббюро ЦК РКП(б) поступил ряд документов, характеризующих деятельность продовольственных агентов в Ишимском уезде. Из них видно, что во время проведения разверстки допускаются некоторы-

* Эта попытка одного из первых комбинированных политических процессов потерпела неудачу, хотя, казалось бы, коммунистическое руководство все предусмотрело. Обвинить соби-
рались часть продработников, наиболее рьяно выполнявших задание партии и не стеснявших-
ся применять репрессии против «уклонистов» и самих повстанцев. Процесс начался 22 февра-
ля 1921 г. в Ишиме. На скамье подсудимых оказались 93 повстанца северо-восточных волостей
Ишимского уезда и шестеро продработников, руководивших здесь продразверсткой. Однако с
самого начала все пошло «не по плану». Никто из обвиняемых своей вины не признал: про-
дработники заявили, что они выполняли указание компартии, а повстанцы — что они выступи-
ли не против советской власти, а против чинимых безобразий. Таким образом, политический
спектакль обернулся против самих коммунистов, которые оказались в роли знаменитой «унтер-офицерской вдовы, которая сама себя и высекла»...

ми продотрядами ряд вопиющих злоупотреблений: производились насилия над лицами, отказавшимися от выполнения разверстки, допускались гнусные насилия над женщинами, похищались предметы движимого имущества и прочее».

Выписка из протокола № 44 заседания президиума курганского уездного исполкома советов в Кургане от 16 февраля 1921 г. Документ хранится в ГА КО (Ф. 635. Оп. 1. Д. 119. Л. 77, 78).

«Постановили: 9. Поручить товарищу Метелеву и Красикову при ближайшем участии оперативного штаба выработать и издать приказ о возложении ответственности на население за сохранение жизни советских работников и членов их семейств, будь это коммунист или беспартийный советский работник, все равно, по месту их жительства. Причем ответственность за это должна быть самая суровая, вплоть до расстрела каждого 10-го жителя данного селения, и приказ этот, по издании, возможно шире распространить среди населения. Личная неприкосновенность членов ревкомов должна быть возложена на население волости или селения с применением высшей меры наказания — расстрела — каждого 10-го из жителей того селения, где было совершено насилие над членами ревкомов, за каждого из них.

Председатель А. Ершов,
секретарь С. Вяткин».

Фрагмент из оперативно-разведывательной сводки штаба группы обороны железной дороги Омск—Челябинск, от 16 февраля 1921 г. (т.е. после восстания русских, татар и киргизов в Ишиме; оно едва не увенчалось успехом: повстанцы захватили уже центр города, но были разбиты превосходящими и лучше вооруженными силами коммунистов). Документ хранится в РГ ВА (Ф. 1393. Оп. 1. Д. 49. Л. 2; Ф. 16. Оп. 3. Д. 86. Л. 188—190).

«После ликвидации восстания в Ишиме было приступлено к повальному обыску, причем все, взятые с оружием в руках, а также **подозрительные, уничтожались**».

Выдержка из приказа № 2 по войскам охраны и обороны железнодорожной линии Омск—Челябинск и принадлежащего к ней района, выпущенного в отбитом у повстанцев Петропавловске, от 17 февраля 1921 г. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 1393. Оп. 1. Д. 94. Л. 2)

«Чрезвычайным полевым трибуналом в заседании своем 16 сего февраля приговорены за участие в восстании к высшей мере наказания следующие лица: 1) Кыжанов Иван, казак станицы Никольская; 2) Красноперов

Михаил, петропавловский епископ; 3) Щеголев Иван, казак поселка Надеждинский; 4) Сергеев Ефим, казак станицы Архангельская; 5) Федоров Петр, казак станицы Архангельская; 6) Курченков Антон, казак станицы Бишкульская; 7) Соломонов Григорий, казак станицы Архангельская; 8) Прокопьев Трофим, казак станицы Архангельская; 9) Кузьмин Терентий, казак станицы Архангельская; 10) Филиппов Никита, казак станицы Архангельская; 11) Михайлов Иван, казак станицы Архангельская.

Приговор над таковыми лицами по моему распоряжению 17 февраля в 2 часа 25 минут приведен в исполнение.

Командующий войсками Корицкий
Начальник штаба, военный комиссар Володарский».

Выдержка из приказа № 34 Ишимского уездного исполкома советов и уездного военного комиссариата. Документ хранится в ИФ ГА ТО (Ф. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 5).

«Бывшее колчаковское офицерство, совместно с кулаками и спекулянтами организуя повстанческие банды, вербуя таковые из малосознательных рабочих и крестьян, объявляют вооруженный поход на Советскую власть, вооружившись вилами, пешнями и другими такими приспособлениями. Эти безжизненные враги не учитывают, что солдаты Красной армии беспощадно расправятся с ними и ихним творящимся произволом, и уже они расправляются.

На основании вышеизложенного строго приказывается: всем гражданам Ишимского уезда в 3-дневный срок с получением настоящего приказа под страхом суровой ответственности — расстрела — сдать все огнестрельное оружие, огнеприпасы и другие принадлежности в местные волостные исполкомы. Ни у одного не должно остаться хотя бы порожей гильзы, а также и все имеющееся дробовое оружие со всеми патронами, порохом и принадлежностями.

Все, кто не зарегистрирует своего оружия, будут считаться преступниками, к которым будут применяться самые строжайшие меры наказания, указанные в § 3 настоящего приказа, т.е. расстрел. Настоящий приказ считать боевым.

Заместитель председателя уездного
исполкома Д. Горностаев
Начальник гарнизона уездного военкомата Догадин
За начальника боевого участка Лушнаков».

Выдержка из приказа № 11 президиума Курганского уездного исполкома советов от 18 февраля 1921 г. Документ хранится в ГА КО (Ф. 635. Оп. 1. Д. 376. Л. 11).

«Заявляем, что рабоче-крестьянская рука не дрогнет перед самыми решительными мерами, и за каждого советского работника, будь то коммунист

или беспартийный, все равно, советского работника и члена их семей по месту их жительства расстреляют 10 кулаков.

Для того чтобы не предстать перед судом Советской власти, всем гражданам Курганского уезда вменить в обязанность ни в коем случае не допускать арестовывать бандитами советских работников и оказывать им всяческое сопротивление, не исполнять никаких их распоряжений, не собираться по их требованиям ни на какие собрания, не подчиняться приказам, изданным ими о мобилизации. Им надо помнить то, что от находящихся в рядах бандитов при поимке советскими войсками заявления о том, что они насильно мобилизованы, приниматься во внимание не будут, и они будут считаться бандитами, вступившими в их ряды добровольно, т.к. граждане Советской власти предпочитают лучше смерть, нежели стать в ряды бандитов.

Председатель уездного исполкома Ершов
Члены: Сидоров и Куль
Уполномоченный по проведению
военного положения в уезде Метелев
Командующий войсками Л. Красиков».

Выписка из приказа № 4 по войскам охраны и обороны железнодорожной линии Омск—Челябинск и прилегающего к ней района, изданного в Петропавловске 19 февраля 1921 г. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 1393. Оп. 1. Д. 94. Л. 4).

«Чрезвычайным революционным полевым трибуналом в заседании своем 17 февраля приговорены за участие в восстании к высшей мере наказания следующие лица: 1) Трусов Афанасий; 2) Бабин Александр; 3) Бабин Николай; 4) Бабин Андрей; 5) Панушин Петр; 6) Чингор Борис; 7) Николаев Павел; 8) Шутков Архип; 9) Сазонов Федор; 10) Михайлов Василий; 11) Иванов Григорий; 12) Михайлов Николай; 13) Яковлев Ефим; 14) Васильев Сильверст; 15) Михайлов Варламей; 16) Федоров Иван; 17) Дятлов Ефим; 18) Вичканов Степан; 19) Васильев Андриан; 20) Васильев Михаил; 21) Вишневецкий Константин; 22) Мордин Павел; 23) Григорьев Василий.

Приговор над таковыми лицами по моему распоряжению 17 февраля в 15 часов 45 минут приведен в исполнение.

Командующий войсками Петропавловского района начдив-21 Корицкий
Начальник штаба и военный комиссар Володарский».

Фрагмент из оперативной сводки штаба Кокчетавской уездной «тройки», составленной 19 февраля в 17 часов. Документ посвящен разгрому повстанцев под Петропавловском, который произошел, главным образом, из-за недоверия друг к другу казаков и крестьян. Хранится в ГА ОО (Ф. 1818. Оп. 1. Д. 8. Л. 21, 22).

«Сухотинский район. Получены сведения о крупной победе советских отрядов под Петропавловском. Повстанцы разбиты наголову. Петропавловск освобожден. Тюрьма переполнена. Много зарублено, расстреляно».

Выдержка из воззвания повстанческого совета Могилевской волости Курганского уезда к населению от 19 февраля 1921 г. Документ хранится в ГА КО (Ф. 567. Оп. 1. Д. 1. Л. 89).

«Чувствуя недовольство к себе трудового крестьянства и не желая выпустить власть из своих рук, коммунисты не останавливаются ни перед чем. Сколько было арестовано наших братьев, загнано в шахты на работы! И всем известно, что в октябре в Кургане ими, большевиками, расстреляно 24 человека, о которых они сами с похвалой писали в газетах.

А сколько расстрелов, неизвестных нам? Сколько жертв понесли волости Салтосарайская, Мендерская, Нижне-Елабужская, неорганизованно пытавшиеся сбросить коммунистов с власти!

В селе Соколовское пойман коммунист, из документов которого выяснили, что он делегирован из Москвы относительно Варфоломеевской ночи для нас, и они, коммунисты, собираются вырезать крестьян и рабочих 75%».

Выдержка из донесения председателя Челкарского военного совета в главный штаб повстанцев Кокчетавского уезда от 19 февраля 1921 г., из Кокчетавы. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 9. Д. 15 а. Л. 220).

«Граждане станицы Имантавской, Василий Виссарионович Кунгурцев, 35 лет, и Никифор Лукьянович Миронов, 25 лет, были назначены в разведку и были пойманы противником в селе Нижне-Николаевское, который нанес последним следующие нечеловеческие пытки.

Первому мученику, Василию Кунгурцеву, сначала надели на шею веревку и стали давить. Так, при освидетельствовании трупа, на его шее оказалось 2 синих передава, а руки были связаны назад. Потом ему стали наносить нечеловеческие ранения, сначала с правой стороны пищевода, на затылке нанесена рана топором, и голова отвалена совсем к плечу, на лице также от правого глаза до правого уха голова также рассечена, и через рану видно, что мозг совсем выбит. Далее стали наносить ему удары спереди, как по освидетельствовании оказалось, в лоб прикладом так, что череп оказался спереди до половины головы назад сплюснутым.

У второго мученика, Никифора Миронова, были такие следы нанесенных мук: на шею ему была надета веревка, которой стали его давить, о чем свидетельствуют сильные передавы на шее. Затем ему связали руки и стали колоть глаза так, что правый глаз совсем вышел из своего места и висит на правой щеке, а левый глаз тоже кололи ножом, в глазнице — большая рана. Далее стали его колоть в рот штыком, и рана вышла через мозг в

затылок. Зубы — все выбиты, в носу все исковеркано ножом, правая рука — выкручена из предплечья, на теле ран нет.

Председатель Челкарского военного совета Чепрасов».

Выдержка из разведывательной сводки коммунистического штаба группы обороны железной дороги Омск–Челябинск, составленной в Петропавловске 20 февраля 1921 г., в 12 часов. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 1393. Оп. 1. Д. 49. Л. 12).

«Настроение крестьян скучное; заметно желание перейти к красным, но ввиду наблюдавшихся случаев насилия над сдавшимися повстанцами со стороны некоторых красноармейцев они бегут, оставляя дома с женщинами и детьми».

Выдержка из воззвания командования Петропавловской группы советских войск к сибирским казакам от 22 февраля 1921 г. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 1393. Оп. 1. Д. 43. Л. 27).

«Бросайте оружие и выдавайте своих зачинщиков, пока не поздно. Советская власть и коммунистическая партия умеет прощать и забывать ошибки и промахи, но зато она беспощадно и жестоко наказывает всех, идущих против нее!

Командующий группой войск по обороне
Петропавловского района Н.И. Корицкий
Начальник штаба и военный комиссар
С.Д. Лобанов-Володарский».

Выдержка из оперативного приказа № 25 командующего советскими вооруженными силами Омско-Тюменского района от 22 февраля 1921 г. из г. Ишим.

«Если по истечении 3 дней со дня вручения настоящего приказа о сдаче всех видов огнестрельного и холодного оружия и выдаче растащенного железнодорожного имущества сельсовету или волостному совету у кого-либо окажется вооружение или расхищенное народное достояние с железных дорог, то таковых лиц считать сознательными пособниками убийц красноармейцев. Поступать с ними, как с самыми настоящими бандитами, захваченными с оружием, то есть таковых лиц надлежит расстреливать на месте, а тех крестьян, которые своей поручкой удостоверят неимение оружия, беспощадно предавать суду революционного трибунала, как за укрыительство бандитов и пособничество им.

Командующий вооруженными силами Омско-Тюменского района,
командир бригады Рахманов
Военный комиссар Корняков»

Выдержка из приказа «всем волостям и станицам Петропавловского уезда» уполномоченного Сибревкома, командующего Петропавловской группой советских войск и председателя Петропавловского ревкома Е.В. Полюдова, Корицкого и Барлебена. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 9. Д. 15 а. Л. 298).

«Все, кто не вернется немедленно к своим станицам и селам, будут объявлены врагами Советской республики и понесут тяжкое беспощадное наказание».

Приговор революционного военного трибунала Сибири по обвинению семерых граждан Ишимского уезда (состоялся в Ишиме не ранее 22 февраля 1921 г.). Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 9. Д. 15а. Л. 66).

«Именем Российской Социалистической Федеративной Республики, революционный военный трибунал Сибири в составе его председателя товарища Опарина В.Е. и членов товарищей Романовича и Ганина А.А. рассмотрел в открытом судебном заседании дело Сильверстова Ивана Константиновича, 38 лет, из крестьян; Новожилова Владимира Михайловича, 24 лет, из крестьян; Пентара Казимира Антоновича, 26 лет, служившего в Ишимском уездном военкомате; Павлова Михаила Федоровича, 52 лет, гражданина города Ишим; Лункевича Вацлава Владиславовича, 37 лет; Кравчинского Сергея Ивановича, 32 лет, из крестьян, обвиненных в участии в тайной организации, поставившей себе целью свержение Советской власти в городе Ишим и его уезде.

Принимая во внимание сознание обвиненных, показания свидетелей и другие материалы дела, постановил: признать обвинение в участии в тайной организации, поставившей себе целью свержение Советской власти в городе Ишим и его уезде. Это выразилось в том, что гражданин Сильверстов И.К. в первых числах февраля 1921 г. был послан главарями восстания в Больше-Сорокинской волости Rogozinym и Шулеповым в Ишим для связи и для организации подобного же восстания в самом Ишиме. Для этой цели ему вменялось в обязанность распространение контрреволюционных прокламаций, а также доставление повстанцам оружия. Rogozinym же Селиверстову был дан адрес в Ишиме, где последний должен был остановиться, а именно у гражданина Павлова Михаила Федоровича, что и было Селиверстовым исполнено. На квартиру к Павлову по его же совету были приглашены бывший колчаковский офицер Казимир Антонович Пентар, который, одобрив содержание прокламации, переписал несколько экземпляров для дальнейшего распространения. Этим же гражданином Селиверстовым было привезено письмо от главаря повстанцев Голопуховской волости Иноземцева, адресованное на имя гражданина Новожилова Владимира Михайловича, служившего в Ишимском уездном военкомате. В этом письме,

переданном по назначению, содержалась просьба о помощи повстанцам. Исполнив свое поручение и желая выехать незамеченным из города, Селиверстов решил переменить свой наружный вид и, явившись на квартиру Кравчинского Сергея Ивановича, получив от него все принадлежности для бритья бороды, сбрил последнюю. Кравчинскому же Селиверстов указал надежных людей, принимавших участие в организации, — Павлова Михаила Федоровича и Лункевича Вацлава Владиславовича, а также на Пентара и Новожилова, служивших в Ишимском уездном военкомате. Через них можно было достать документы на выезд из Ишима. Участие Лункевича в этой организации выразилось еще и в том, что он, Лункевич, вел агитацию среди крестьян Больше-Сорокинской волости против Советской власти, предлагая им не выполнять разверстку, а также в отправке им оружия для восстания, говоря им, что Советская власть продержится еще не больше месяца. Революционный военный трибунал счел эти обвинения доказанными и приговорил вышеуказанных граждан как врагов рабоче-крестьянской власти, подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Выдержка из сводки донесений командиров и штабов Народной Повстанческой армии Ишимского и Петропавловского уездов (конец февраля 1921 г.). Документ хранится в РГ ВА (Ф. 1393. Оп. 1. Д. 76. Л. 23–25).

«В селе Омутинское коммунистами вырезано 25 семей и много рабочих».

Выдержка из рапорта о действиях маршевого батальона войск ВЧК из села Коркино Ялуторовского уезда (конец февраля 1921 г.). Незадолго до этого батальон потерпел поражение, пытаясь овладеть селом, и сумел взять его лишь с подходом подкреплений. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 25892. Оп. 3. Д. 76. Л. 108).

«Захваченные бандиты были тщательно опрошены и с подтверждением свидетелей. Если подтверждается, что действительно он доброволец, то таковой отправляется в "штаб Духонина". В селе Коркинское нами было расстреляно 10 человек. При отъезде на село Шмаково захвачено еще 3 человека, которые тоже пущены в расход.

Настроение населения очень неважное. На Красную армию смотрят, как на зверя. С одной стороны, можно сказать, что красноармейцы сами себе позволяют брать самовольно вещи у крестьян. Например, командир 2-й роты товарищ Моксунов Алексей набрал у них для себя массу вещей, как-то: разных ковров и дамских платьев. Таких фактов выявляется очень много».

Выдержка из приказа № 5 полевого штаба Народной Повстанческой армии Ражевского района Ишимского уезда повстанцам, от 26 февраля 1921 г. из деревни Большие Чирки. Документ хранится в ГА НО (Ф. 5. Оп. 2. Д. 1613. Л. 6).

«Бежать в тыл с позиций, а детей, женщин и стариков оставлять на милость коммунистов, которые грабят, убивают беззащитных жителей, насилюют женщин, бессовестно. Частьм войск строжайше приказывается не отступать на новые позиции без приказа высшей инстанции. Если этот приказ не исполнится, то мы погибнем: ждть пощады от врага не приходится. Мы все видели, как враг щадит жителей в деревнях, которые он занимает.

Заведующий полевым штабом В. Таскаев
Заведующий передвижением войск Т. Кутырев».

Выдержка из записки руководства Тюменской ГубЧК командующему советскими вооруженными силами Тюменской губернии, командиру 61-й стрелковой бригады войск ВНУС А.В. Полисонову от 26 февраля 1921 г. Документ хранится в ТОЦДНИ (Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Л. 11).

«Г. Тюмень. В губЧК поступают сведения о том, что вверенные Вашему командованию отряды при захвате в плен повстанцев расправляются с ними на месте, то есть расстреливают. Такие приемы только вредят делу выплавливания активной части не только открытой, но и скрытой контрреволюции. Перед нами сейчас стоят задачи ликвидировать восстания так, чтобы в дальнейшем обезопасить себя от повторения подобных выступлений, а не ограничиться налетными карательными мерами.

Где доказательства того, что мы имеем дело только со взбунтовавшимися собственниками и что душой этого движения не является ловко законспирированная и хорошо организованная политическая партия?

А потому убедительная просьба приказать начальникам отрядов всех задержанных главарей и активных повстанцев не убивать, а направлять в губЧК, а также прекратить массовые расстрелы и бесшабашные расправы над крестьянами в местностях, уже очищенных от повстанцев.

ПредгубЧК Студитов
Заведующий секретно-оперативным отделом Бойко».

ГАНО. Ф. п. 1. Оп. 9. Д. 159. Л. 59–62. Телеграфный бланк. УФСБТО. Ф. 6491. Т. 1–2. Л. 123–127. Рукописный подлинник.

«Приговор революционного военного трибунала Сибири по обвинению 93-х граждан и 6-ти продработников Ишимского уезда г. Ишим 28 февраля 1921 г.]

Именем Российской социалистической федеративной советской республики революционный военный трибунал Сибири в составе: председателя тов. Опарина [В.Е.] и членов т.т. Романовича и Ганина [А.А.] при секретаре тов. Усевиче 1921 года февраля 28 дня рассмотрел в открытых судебных

заседаниях дело 93[-х] граждан Ишимского уезда Тюменской губернии, обвиняемых в вооруженном восстании против советской власти в Ишимском уезде в феврале месяце с.г., и шести граждан, обвиняемых в преступлениях по должности и незаконных действиях, подрывающих доверие к советской власти, имевших место тогда же и там же.

Пошел уже четвертый год, как рабочие и крестьяне дружными усилиями свергли власть помещиков и кулаков, фабрикантов и заводчиков, купцов и банкиров, генералов и царской власти. Борьбу с этими мироедами и мародерами пришлось вести в самых тяжелых условиях после разорительной для всего хозяйства нашей страны Германской войны. За время Германской войны и трехлетней борьбы с капиталистами, помещиками и кулаками мы не могли мирным трудом налаживать нашего хозяйства. Белогвардейские банды и на фронтах, и в глубоком тылу продолжали отвлекать все силы рабочих и крестьян от мирного труда. Дармоеды, капиталисты всех стран старались отрезать от наших фабрик и заводов ту часть нашей страны, откуда подвозили необходимые запасы топлива, как нефть и керосин с Кавказа, хлопок, необходимый для изготовления мануфактуры, каменный уголь, кожа, шерсть для обуви и одежды, а главное — продовольствие для всех трудящихся, которые, занятые другим трудом, не могут заниматься сами крестьянским хозяйством, или же для тех крестьян, которых постиг неурожай. Нам приходилось в самых тяжелых условиях все почти запасы одежды, обуви, железа и др. материалов расходовать на нашу доблестную рабоче-крестьянскую Красную армию, а новых запасов нам не давали возможности готовить белогвардейские банды и контрреволюционные заговоры. Выходцы из помещичьей [и] кулацкой среды, так называемые социалисты-революционеры и кулаки, называющие себя именем крестьянского союза, все время старались войти в соглашение с бывшими колчаковскими агентами-офицерами, [чтобы] как-нибудь свергнуть рабоче-крестьянскую власть советов, чтобы возвратит старую царскую помещичью власть. Иногда им удавалось подговорить мало-сознательных, неграмотных, темных крестьян. Но [за] последний год им перестали верить даже и темные крестьяне.

Наконец, после невероятных усилий, наши доблестные вооруженные рабочие и крестьяне в рядах Красной армии, которой удивляется весь свет, не только прогнали из пределов нашей страны банды белогвардейцев, но в самых тяжелых условиях, терпя голод, холод, не имея возможности хорошенько одеться, обуться, наши товарищи-красноармейцы и полуголодные рабочие починили железные дороги, исправили телефонно-телеграфную сеть. На Всероссийском съезде советов рабочих, красноармейских, крестьянских и казачьих депутатов было решено, зорко охраняя наши границы от возможного нападения капиталистов других стран и уничтожая все гнезда контрреволюции внутри нашей страны, все силы приложить для приведения в порядок хозяйства нашей советской страны. На этом съезде было решено дружными усилиями рабочих и крестьян в тесном союзе, оказывая взаимную помощь, покончить с нашей разрухой, чтобы вновь создать все

товары, в которых мы все так нуждаемся. Крестьяне и трудовое казачество дало слово напрягать все силы, чтобы прокормить рабочих и Красную армию, а рабочие обещали с еще большим усердием приводить в порядок фабрики и заводы, чтобы скорее приготовить разные товары. Бывшие колчаковские агенты и эсеры поняли, что рабочие и крестьяне не на шутку решили расправиться с разрухой.

И вот, чтобы хоть как-нибудь еще раз попытаться свергнуть советскую власть, эти агенты попрыгали по глухим деревням, переоделись в крестьянскую одежду и стали натравливать и середняка, и бедняка-крестьянина на отдельных работников рабоче-крестьянской советской власти, которые из шкурных интересов личной наживы пролезли в советские работники. Контрреволюционеры старались внушить крестьянам, чтобы они портили железные дороги и телеграф. Это было надо агентам капиталистов, так как они хотели прекратить подвоз продовольствия в голодную Россию для умирающих от голода рабочих. Кулаки сейчас же поднялись, и стали увлекать других, и крестьяне по своей темноте, вместо того, чтобы помочь своей рабоче-крестьянской советской власти найти всех примазавшихся шкурников и уголовных преступников для строгого суда революционного рабоче-крестьянского трибунала, стали портить с таким трудом построенные и исправленные пути и по указке кулаков стали арестовывать и убивать наиболее преданных делу рабоче-крестьянской власти сознательных тружеников.

Пусть же знают все крестьяне, что рабоче-крестьянская советская власть всегда жестоко карает как всех уголовных преступников, примазавшихся к работе советских органов и своими деяниями порочащих честных работников советской власти, так и всех кулаков — агентов капиталистов, покушающихся на мирный труд тесного союза рабочих и крестьян и работников коммунистических ячеек, охраняющих спокойный труд крестьян и рабочих.

Реввоен трибунал Сибири, рассмотрев все обстоятельства дела и принимая во внимание сознание обвиняемых и показания свидетелей, постановил:

признать обвинение доказанным в отношении граждан 1) Знаменщикова, 2) Ладина, 3) Костырева, 4) Николаева, 5) Хоминчука, 6) Терпугова Як. Як, 7) Бацевича, 8) Буданова, 9) Шадрина, 10) Ярославцева, 11) Бабушкина, 12) Чертушкина, 13) Портнягина, 14) Швецова Фед, 15) Швецова Степ, 16) Саламатина Трофима, 17) Саламатина Павла, 18) Лебедева, 19) Афоняшева Афанасия в том, что названные лица принадлежали к контрреволюционной организации и состояли в военных комиссиях, советах и штабах, образованных в некоторых волостях и селениях, и организовывали в своих местах восстания, произвели насильственную мобилизацию и угрозами, насилием и лживыми сообщениями заставляли всех примыкать к восставшим, издавали воззвания, писали приказы для распространения восстания;

в отношении граждан 1) Пучинина, 2) Беспятова, 3) Москвина, 4) Терпугова Як. Григ, 5) Назарова Евграфа, 6) Лучица Степана, 7) Гилева Алекс,

8) Климова Ивана, 9) Щетникова, 10) Дедкова, 11) Хатмирова, 12) Старикова, 13) Афоняшева Евстафия в том, что названные лица принимали самое активное участие в восстании, арестовывали и всячески издевались над коммунистами, причем некоторых из них расстреляли;

в отношении граждан 1) Чупина Василия, 2) Шелегина Никиты, 3) Жилина Ивана и 4) Прокофьева Григория в том, что названные лица разбирали и всячески портили ж.д. полотно и призывали к восстанию;

в отношении граждан 1) Макушина Петра, 2) Климова Андрея, 3) Климова Василия, 4) Субботина Семена и 5) Соснина Афанасия в том, что названные лица призывали к восстанию и принимали самое деятельное участие в организации отрядов;

в отношении граждан 1) Лауриса Матвея Анцевича — члена чрезвычайной губернской контрольно-инспекторской тройки в том, что он грубо обращался с гражданами, ругал их матерными словами, заявляя, что он уполномочен верховной властью и имеет право расстреливать, угрожал гражданам револьвером и даже ставил к стенке, понудил гр. Слободенникову и жену почтальона Д. Чупино, фамилия коей не установлена, удовлетворить его грязное предложение, отдал приказ об аресте нарсудьи 12-го уч[астка] Сергеева за установление последним фактов незаконной конфискации и присвоения денег, принудил гр. Устинова выменять 1500 руб. николаевских на советские знаки, подарил из конфискованного имущества двух ягнят гр. Марии Кашиной, незаконно подверг аресту Петуховского волвоенкома Уранченкова;

2) Соколова Виктора Георгиевича в том, что он бил по лицу кулаком гр[аждан] деревни Пестово Гилева Прокопия и Носкова Александра, причем последнего распорядился вывести на расстрел, но с дороги вернул его обратно, бил также гр. Василия Шамонова и угрожал револьвером, ругал матерными словами;

3) Крестьянникова Архипа Степановича — губернского уполномоченного по проведению государственных разверсток в Петуховском районе в том, что он приказал кр[асноармей]цам за отказ в предоставлении им обеда избить прикладами гр[аждан] с. Ларихинское Михаила Нененкова и Григория Низковских, что кр[асноармей]цами и было исполнено, лично замахивался кулаком на Нененкова, а избитых выталкивал взащей и вообще грубо обращался с населением;

Заплетина Михаила Гавриловича* — уполномоченного упродкома в том, что он 21 декабря 1920 г. оскорбил матерной бранью членов

* Заплетин Михаил Гаврилович (1889—?) — из крестьян, родился в поселке Успенский Кротовской волости Ишимского уезда. Окончил двухклассное училище, до революции служил приказчиком. Большевик с 20 ноября 1917 г. В первой половине 1918 г. — председатель Кротовского волисполкома советов, член Ишимского уездного исполкома советов. Во время белочешского восстания отступил с красными войсками. В 1920 г. работал в органах ВЧК и продкомиссаром Викуловского района.

Каргалинского волисполкома, оскорблял такими же словами гр. Чернякова и др., незаконно приказал зав. кожевенным заводом Земерову выдать ему 11 шт. лайки, одну простую кожу и подошвы, присвоил казенные мешки из пункта для своей тужурки, взял самовольно для себя лично из продконторы 100 штук яиц и самовольно заколол для своих нужд корову из государственного гурта;

Полякевича Станислава Александровича — зам. Ишимского упродкомиссара в том, что он грубо обращался с населением и должностными лицами, ругался площадной бранью, грозил заморить в тюрьме, требовал, чтобы его продотряд крестьяне кормили жареным мясом, причем для себя требовал блинов;

обвинение против вышеуказанных 5[-ти] лиц также подтверждается многими свидетельскими показаниями, заявлениями организаций РКП и дознаниями раб-крина;

в отношении же граждан: 1) Касаткина Апполона, 2) Плесовских Ивана, 3) Ершова Андрея, 4) Бабкина Ефима, 5) Алексеева Ивана, 6) Лотова Якова, 7) Борцова Николая, 8) Знаменского Вячеслава, 9) Дюкова Фомы, 10) Дюкова Андрея, 11) Борцова Осипа, 12) Большакова Семена, 13) Скареднова Василия, 14) Кутырева Александра, 15) Смолина Василия, 16) Иванова Наума, 17) Швецова Ивана, 18) Бабушкина Федора, 19) Березина Платона, 20) Ваганова Матвея, 21) Гилева Петра, 22) Еремина Федора, 23) Знаменщикова Тимофея, 24) Знаменщикова Александра, 25) Иноземцева Федора, 26) Матвеева Леонтия, 27) Михайлова Петра, 28) Водолазова Дмитрия, 29) Галкина Андрея, 30) Галкина Варлама, 31) Герасимова Николая, 32) Кустова Ивана, 33) Портнягина Павла, 34) Смирнова Ивана, 35) Фалалеева Ивана, 36) Харитоновна Андрея, 37) Верховланцева Михаила, 38) Казанцева Степана, 39) Москвина Максима, 40) Мельникова Емельяна, 41) Назарова Михаила, 42) Охотникова Ивана, 43) Охотникова Дмитрия, 44) Рябкова Емельяна, 45) Пимина Михаила в том, что названные лица принимали активное участие в восстании, но, будучи по своему классовому положению бедняками и середняками, обманном путем были вовлечены кулачеством и агентами контрреволюции в безумную борьбу против своей же рабоче-крестьянской советской власти;

в отношении же 1) Гуськова Ивана Максимовича, Ишимского упродкомиссара, 2) Назарова Михаила Петровича, 3) Охотникова Ивана Гавриловича, 4) Тюменцева Федора Савельевича, 5) Дьякова Егора Ивановича, 6) Скареднова Тимофея Пахомовича, 7) Огнева Ивана Андреевича и 8) Лузина Федора Васильевича — считать обвинение, предъявленное им, недоказанным, а посему приговорил:

граждан 1) Знаменщикова Георгия Осиповича, 2) Ладина Степана Ивановича, 3) Костырева Матвея Петровича, 4) Николаева Кирилла Васильевича, 5) Пучинина Якова Федоровича, 6) Беспятова Якова Федоровича, 7) Хоминчука Василия Александровича, 8) Терпугова Якова Яковлевича, 9) Баце-

вича Бориса Владимировича, 10) Буданова Василия Титовича, 11) Шадрина Дмитрия Сергеевича. 12) Ярославцева Максима Петровича, 13) Бабушкина Федора Тимофеевича, 14) Чертушкина Григория Андреевича, 15) Портнягина Егора Семеновича, 16) Швецова Степана Гурьяновича, 17) Швецова Федора Федоровича, 18) Саламатина Трофима Степановича, 19) Саламатина Павла Степановича, 20) Лебедева Матвея Никитича, 21) Афонасьева Афонасия Герасимовича, 22) Москвина Андрея Терентьевича, 23) Терпугова Якова Григорьевича, 24) Назарова Евграфа Ивановича, 25) Лучица Степана Ивановича, 26) Гилева Александра Егоровича, 27) Климова Ивана Васильевича, 28) Щетникова Прохора Осиповича, 29) Дедкова Николая Ильича, 30) Хатмирова Гавриила Петровича, 31) Старикова Степана Васильевича, 32) Афонасьева Евстафия Афонасьевича, 33) Чупина Василия Зиновьевича, 34) Шелегина Никиту Максимовича, 35) Жилина Ивана Тимофеевича, 36) Прокофьева Григория Степановича, 37) Макушина Петра Ефимовича, 38) Климова Василия Макаровича, 39) Климова Андрея Васильевича, 40) Субботина Семена Васильевича, 41) Соснина Афанасия Дмитриевича, 42) Лауриса Матвея Анцевича, 43) Соколова Виктора Георгиевича, 44) Крестьянникова Архипа Степановича, 45) Заплетина Михаила Гавриловича и 46) Полякевича Станислава Александровича — подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять;

причем в отношении Соколова Виктора Георгиевича — ввиду его заслуг перед рабоче-крестьянской революцией — приговор смягчить, заменив расстрел лишением свободы с обязательным применением общественных принудительных работ сроком на пять лет;

граждан 1) Касаткина Апполона, 2) Плесовских Ивана Ефимовича, 3) Ершова Андрея Кузьмича, 4) Бабкина Ефима Прокопьевича, 5) Алексеева Ивана Трофимовича, 6) Лотова Якова Федоровича, 7) Борцова Николая Ксенофонтовича, 8) Знаменского Вячеслава, 9) Дюкова Фому Андреевича, 10) Дюкова Андрея Андреевича, 11) Борцова Осипа Ивановича, 12) Большакова Семена Андреевича, 13) Скареднова Василия Прокопьевича, 14) Кутырева Александра Васильевича, 15) Смолина Василия Епифановича, 16) Иванова Наума Игнатьевича, 17) Швецова Ивана Федоровича, 18) Бабушкина Федора Елизарьевича, 19) Березина Платона Дмитриевича, 20) Ваганова Матвея Михайловича, 21) Гилева Петра Васильевича, 22) Еремина Федора Игнатьевича, 23) Знаменщикова Тимофея Григорьевича, 24) Знаменщикова Александра Тимофеевича, 25) Иноземцева Федора Ивановича, 26) Матвеева Леонтия Ивановича, 27) Михайлова Петра Дмитриевича, 28) Водолазова Дмитрия Ивановича, 29) Галкина Андрея Тимофеевича, 30) Галкина Варлама Тимофеевича, 31) Герасимова Николая Сергеевича, 32) Кустова Ивана Семеновича, 33) Портнягина Павла Семеновича, 34) Смирнова Ивана Васильевича, 35) Фалалеева Ивана Александровича, 36) Харитоновна Андрея Дороевича, 37) Верховланцева Андрея Ермолаевича, 38) Казанцева Степана Кирилловича, 39) Москвина Максима Петровича, 40) Мельникова Емельяна Степановича, 41) Назарова Михаила

Алексеевича, 42) Охотникова Ивана Петровича, 43) Охотникова Дмитрия Михайловича, 44) Рябова Емельяна Дмитриевича, 45) Пимина Михаила Никитича — подвергнуть условному заключению на 5 лет в доме лишения свободы с обязательным применением принудительных работ;

граждан 1) Гуськова Ивана Максимовича, 2) Назарова Михаила Петровича, 3) Охотникова Ивана Гавриловича, 4) Тюменцева Федора Савельевича, 5) Дьякова Егора Ивановича, 6) Скареднова Тимофея Пахомовича, 7) Огнева Ивана Андреевича и 8) Лузина Федора Васильевича считать по суду оправданными.

Имущество, лично принадлежащее осужденным к высшей мере наказания, конфисковать в пользу народа.

Приговор окончательный и ни в каком порядке обжалованию не подлежит и вступает в законную силу согласно положению.*

Председатель реввоен трибунала Сибири Опарин
Члены: Романович, Ганин
Секретарь Усевич

«Приговор выездной сессии военно-революционного трибунала приуральского военного округа по обвинению 17-ти граждан Мендерской волости Курганского уезда.

г. Курган 28 февраля 1921 г.

Именем Российской социалистической федеративной советской республики.

1921 года, февраля 28 дня, выездная сессия отдела окружного военно-революционного трибунала Приурво Челябинского района в составе

* Все крестьяне-повстанцы, приговоренные к высшей мере наказания, были расстреляны (см.: «Советская Сибирь», 16 марта 1921 г.). В.И. Ленин, выступая на X съезде РКП(б) с заключительным словом по докладу о замене разверстки продналогом, заявил, что «ряд тюменских продовольственных работников был расстрелян за порки, пытки, изнасилования и другие уголовные преступления» (см.: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. М., 1963. С. 437). Ленинская информация не соответствует действительности — расстрелян был один лишь Ляурис. Что касается Заплетина, Крестьянникова и Полякевича, то 1 марта 1921 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов обратился к председателю ВЦИК М.И. Калинину с просьбой заменить им расстрел лишением свободы с применением принудительных работ (см.: ГАНО. Ф. п. 1. Оп. 9. Д. 15 а. Л. 70). М.И. Калинин приостановил исполнение расстрельного приговора в отношении всех четверых продработников, потребовав переслать их дело в Президиум ВЦИК (см.: ГАТО. Ф. р. 2. Оп. 1. Д. 153. Л. 35). 6 июля 1921 г. Президиум ВЦИК постановил удовлетворить ходатайство И.Н. Смирнова и заменил Заплетину, Крестьянникову и Полякевичу расстрел пятью годами лишения свободы с применением принудительных работ. Но уже 25 июля того же года Президиум ВЦИК согласился полностью освободить Крестьянникова под поручительство Тюменского губисполкома советов (см.: ГАТО. Ф. р. 2. Оп. 1. Д. 153. Л. 128; ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Л. 88).

председателя сессии трибунала тов. Зябкина, членов Дьякова и Лебедкина в камере своей в городе Курган в открытом судебном заседании, рассмотрев дело по обвинению граждан села Чинеевское — священника Тихомирова Николая и Полигалова Григория, Худякова Якова, Полигалова Евлампия, Григорьева Андрея, Солодовникова Ивана, Гаева Андрея, Долгодворова Василия Михайловича, Медведева Александра, Чебыкина Гавриила, Корюкина Матвея, Бревнова Николая, Ильина Дмитрия, Кунгурцева Григория, Топкасова Фрола, Долгодворова Василия Иннокентьевича и Семолкова Иннокентия — всего 17 чел. — в вооруженном восстании против советской власти, признала обвинение доказанным в том, что священник Тихомиров Николай 12 февраля 1921 года по просьбе бандитов служил молебен о даровании победы над коммунистами, после чего банда выехала из села с пением «Боже, царя храни»; гр. Полигалов Г. [и] Худяков Яков с оружием в руках стояли на постах и не выпускали граждан из поселка; Полигалов Евлампий, будучи освобожден от службы в банде по болезни, добровольно изъявил желание проверять посты бандитов под руководством начальника караула; гр. Солодовников Иван ковал пики для бандитов, каковых изготовил 20 шт.; гр. Григорьев Андрей ездил в разведку в село Мендерское, занятое советскими войсками, по поручению председателя Пушкаревского сельсовета, который был избран бандитами. [Все они] своими преступными деяниями помогали сорвать посевную кампанию на 1921 г., чем обрекали миллионы рабочих и детей центра на голодную смерть, чем выявили себя ярыми врагами советской власти, а потому как вредные элементы должны быть изолированы от граждан советской республики.

[По отношению к] гражданам Гаеву Андрею, Долгодворову Василию Михайловичу, Медведеву Александру, Чебыкину Гавриилу, Корюкину Матвею, Бревнову Николаю, Ильину Дмитрию, Кунгурцеву Григорию, Топкасову Фролу, Долгодворову Василию Иннокентьевичу и Осколкову Игнатию* считать предъявленное обвинение в активном участии в банде недоказанным.

Трибунал, руководствуясь пролетарским правосознанием и революционной совестью, приговорил гр[аждан] Челябинского губ. Курганского уезда — священника села Чинеевское Тихомирова Николая Андреевича, 55 л.; гр. Мендерской вол. и села Солодовникова Ивана Арефьевича, 40 лет; Полигалова Григория Павловича, 57 лет; Полигалова Евлампия Николаевича, 18 лет; Худякова Якова Степановича, 49 лет; гр[ажданина] дер. Пушкарево Мендерской вол. Григорьева Андрея Петровича — всех шестерых — подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять.

Гр. Чебыкина Гавриила Ларионовича, 42 лет; Корюкина Матвея Павловича, 46 лет; Топкасова Фрола Николаевича, 18 лет; Долгодворова Василия Михайловича, 60 лет; Долгодворова Василия Иннокентьевича, 44 лет; Гаева Андрея Григорьевича, 18 лет, — всех шестерых заключить в концентрационный лагерь с применением общественно-принудительных работ до ликви-

* В документе ошибка, правильно — Семолкову Иннокентию.

дации банд в Курганском уезде, а гр. Кунгурцева Григория Кондратьевича, 18 лет; Медведева Александра Михайловича, 28 лет; Ильина Дмитрия Михайловича, 18 лет; Бревнова Николая Сергеевича, 25 лет; Семолкова Иннокентия Ивановича, 32 лет, — всех пятерых из-под стражи освободить.

ГАКО. Ф. р. 633. Оп. 4. Д. 23. Л. 71. Машинописный подлинник.

«Протокол № 1 секретного заседания президиумов Курганского уездного комитета РКП(б) и уездного исполкома советов

г. Курган 1 марта 1921 г.

Присутствовали: члены президиума исполкома П.С. Сидоров, Шалаво, Н.Г. Куль, Кайгородцев, П.Т. Земляков, члены президиума укома Утюмов, Корнилов, член укома, предучпрофсожа Дмитриев, представитель губчека Карташов, от политбюро — И.И. Рутке, Бундин, член исполкома, уполномоченный по проведению военного положения в уезде А.И. Метелев, начгормилиции Гусев.

Председатель заседания П.С. Сидоров, секретарь С. Вяткин.

Слушали: 1. О расстреле части заложников, взятых на основе террора в связи с восстанием в Курганском уезде.

Постановили: 1. Исходя из того, что, как доказали агентурные данные политбюро и контрразведки, связь города с деревней в отношении бунтарства против руководящей соввластью партии коммунистов (большевиков) существовала и что благодаря только своевременной изоляции контрреволюционно настроенной части городского населения во время подхода к городу налетчиков-бандитов в городе было сохранено некоторое спокойствие, хотя и тут имело место убийство одного из коммунистов (Питшина); основываясь на приказах президиума исполкома от 18 февраля за № 10 и № 11, изданных в развитие постановления того же президиума от 16 февраля, санкционированных губисполкомом, что видно из переданного по прямому проводу и зачитанного тов. Рутке в заседании заявления предгубчека; считая вполне своевременным и целесообразным применить к некоторой части из заложников террористический прием по принципу и признакам классового их деления, зная их прошлое социальное положение и убеждения, в возмездие за убитых в городе и уезде членов РКП (число коих убитыми и замученными достигает сотен чел.); а также в целях восстановления политического равновесия в уезде и выявления перед деревенским населением беспристрастного отношения соввласти и к городу; руководствуясь пролетарским правосознанием и революционной совестью, постановили:

из числа содержащихся под стражей и числящихся за политбюро заложников граждан 1) Ив. Ив. Ушакова, 2) Феликса Сигизм. Земянского, 3) Федора Павлов. Денисова, 4) Павла Алекс. Галямина, 5) Александра Ив. Лапшина, 6) Павла Ив. Ноева, 7) Дмитрия Семен. Зайцева, 8) Александра Людвиговича Мациевского, 9) Григория Савельев. Брыкова, 10) Алексея

Осипов. Крылова, 11) Егора Лаврентьев. Кропанина, 12) Ивана Ив. Кулакова, 13) С. Як. Слуцкина, 14) Ивана Яков. Андреева, 15) А. Германов. Лукьянова, 16) Ив. Семенов. Должанского, 17) А.М. Плаксицкого, 18) Александра Иван. Колпакова, 19) Мирона Фоторнюка, 20) А.В. Мамина, 21) Пантелея Илларионов. Чувакова, 22) Ив. Ив. Сухачева, 23) Март. Ар. Шишкоедова, 24) Ник. Бакинова — расстрелять, имущество их конфисковать.

Издать в дополнение приказов № 11 и № 12 приказ о конфискации имущества у расстрелянных жителей сел и деревень, активно выступавших против советской власти, опер[ирующими] воен[ными] частями и по приговорам реввоенрибуналов. Постановление привести в исполнение в течение 24 часов.

Председатель заседания П.С. Сидоров

Присутствующие на заседании:

завполитбюро Рутке,

уполномоченный политбюро И. Бундин,

начмил Гусев, начконтрразведки Карташов,

члены през[идиума] Шалаво, Кайгородцев, П. Земляков,

Куль, Утюмов, Корнилов, Дмитриев, Метелев».

Выдержка из приказа № 6 уполномоченного челябинского губернского исполкома советов по проведению военного положения в губернии Б.А. Кавройского, выпущенного в Кургане 28 февраля 1921 г. Документ хранится в ГА КО (Ф. 635. Оп. 4. Д. 23. Л. 65).

«1. В связи с вылавливанием на территории Курганского уезда мятежников, имеют [место] случаи их малообоснованного расстрела. Некоторые ответственные работники настаивают на массовом расстреле граждан, причастных к бандитизму».

Выдержка из заявления уполномоченного Тюменской ГубЧК В. Колесниченко в Тюменский губернский комитет РКП(б) (конец февраля 1921 г.). Документ хранится в ТОЦДНИ (Ф. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 33).

«После занятия Заводо-Успенского отряд товарища Некрасова начал производить расправу над населением. Картина расправы была следующая:

Был отдан приказ об обыске и аресте мужчин Заводо-Успенского. Был арестован 91 человек, из которых большинство были рабочими. Материала против большинства из них, конечно, не было, но всех их выстроили во дворе. Товарищ Некрасов, задавая 1 или 2 вопроса арестованному, приказывал его расстреливать, совершенно не считаясь с тем, был ли арестованный активным участником мятежа, каково его социальное и семейное положение.

Когда я протестовал против такого метода расправы, то товарищ Некрасов показал мне мандат о праве расстрела и говорил, что я миндальни-

чаю, а ему необходимо навести красный террор. Результатом этой расправы был в том, что было расстреляно большинство рабочих, из которых было много невиновных.

Все активные участники мятежа убежали, так что их не удалось поймать».

Выдержка из статьи «Военное обозрение» из газеты тобольских повстанцев «Голос Народной армии», от 1 марта 1921 г.

«Тобольск, коммунистический Тобольск чувствовал себя в зените славы и могущества. Жестокими репрессиями он потушил повстанческое движение в Карагайской и Тукузской инородческих волостях. Многие повстанцы были расстреляны на месте, еще больше было произведено их арестов; позднее почти все арестованные также погибли».

Выдержка из доклада председателя кокчетавской «революционной тройки» Т.Ф. Розенбаха Омскому губернскому комитету РКП(б) от 1 марта 1921 г. Документ хранится в ЦДНИОО (Ф. 1. Оп. 2. Д. 134. Л. 10–12).

«Знайте, товарищи, что я, противник каких бы то ни было нисилий в политической борьбе, всегда отказывался работать в ЧК и трибуналах, дошел до того, что подписываю приговоры о расстрелах, и у меня рука не дрожит.

Я удивляюсь той уверенности, которой охвачен товарищ Полюдов* про сибирских казаков. В день моего отъезда из Омска он еще говорил: “Я кокчетавских казаков знаю, они настроены очень революционно, они первые выступили против Колчака”, — а я теперь испытываю это теперь на собственной шкуре.

По отношению казачьих станиц я проведу следующую политику. После самого беспощадного подавления восстания я в станицы переселю крестьян или переселенцев из России. Казачество кокчетавское надо раз и навсегда ликвидировать, иначе здесь спокойно не будет».

Выдержка из статьи «Кто был организатором бунта?» заведующего отделом Челябинского губернского комитета РКП(б) Л.Л. Рубановского, опубликованной в челябинской газете «Советская правда» 2 марта 1921 г.

«Рабоче-крестьянская власть советов, бьющаяся в схватке с контрреволюцией, беспощадна и решительна. Она не будет милостива и снисходительна с проходимцами, нарушителями мирного хода жизни нашего животворчества.

Они хотели передачи власти царю, обратить переход в их руки фабрик, заводов и домов. Эти вожаки контрреволюции хотят крестьянской земли. Они получают ее по 3 аршина».

* Сибирский казак, большевик со стажем, участник борьбы против Колчака.

ГАОО. Ф. р. 1374. Оп. 1. Д. 102. Л. 31. Машинописный отпуск.

«Приговор выездной сессии реввоен трибунала Сибири по обвинению жителей поселка Кривоозерный Архангельской волости Петропавловского уезда

[г. Петропавловск] 2 марта 1921 г.

Именем Российской социалистической федеративной советской республики чрезвычайная выездная сессия реввоен трибунала Сибири в составе председателя тов. Орлова [А.М.], членов А.С. Александровского и М.В. Александровского 2 марта 1921 года в своем открытом судебном заседании слушала дело по обвинению казаков поселка Кривоозерный Архангельской волости Петропавловского уезда Ставрова Андрея, Захарова Петра, Захарова Евлампия, Сафронова Никиты и Сафронова Семена в участии в организации, поставившей себе целью свержение советской власти, и, принимая во внимание сознание подсудимых Ставрова, Захаровых Петра и Евлампия и Сафронова Никиты и данные судебного следствия, постановила:

обвинение казаков пос. Кривоозерный Ставрова Андрея, Захарова Петра, 39 лет, и Захарова Евлампия, 36 лет, в участии в организации, поставившей себе целью свержение соввласти, выразившейся в том, что в январе и феврале месяцах 1921 г. они, зная о существовании в пос. Кривоозерный подпольной антисоветской организации и вполне отдавая себе же отчет о целях этой организации, вступили в нее и принимали участие в ее заседаниях; и казаков того же поселка Сафронова Никиты, 46 лет, и Сафронова Семена, 34 лет, в дононительстве о существовании указанной организации, выразившемся в том, что тогда же, зная о существовании в поселке Кривоозерный контрреволюционной организации и имея возможность в корне пресечь работу этой организации, не заявили о ее существовании надлежущим властям и не выдали зачинщиков, чем дали возможность этой организации выполнить ее гнусную работу, результатом которой явилось вооруженное выступление против соввласти в г. Петропавловске и его районе в средних числах февраля т.г., которое на некоторое время внесло тормоз в работу советской власти по восстановлению разрушенного хозяйства республики и вырвало новые жертвы из рядов борцов за светлое будущее пролетариата, признать доказанным и, руководствуясь своей революционной совестью и социалистическим правосознанием, приговорить казаков Ставрова Андрея Константиновича, 42 лет, Захарова Евлампия Ефимовича, 36 лет, и Захарова Петра Ефимовича, 39 лет, подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять, казаков же Сафронова Никиту Ипполитовича, 46 лет, и Сафронова Семена Николаевича, 34 лет, подвергнуть лишению свободы с применением принудительных работ сроком на пятнадцать лет каждого.

Приговор окончательный и ни в каком порядке обжалованию не подлежит.

Подлинный за надлежущими подписями».

Выдержка из телеграммы командира 61-й стрелковой бригады войск ВНУС А.В. Полисонова начальника боевых участков Бугаеву и Махневу, от 3 марта 1921 г., из Тюмени. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 17718. Оп. 1. Д. 83. Л. 165).

«Имеются сведения существования при действующих отрядах вверенных вам частей "троек", которые производят суд и расправу над захваченными пленными и населением занимаемых селений. "Тройки" эти организованы неизвестно кем, неизвестно на каком основании».

Выдержка из обязательного постановления Омского губернского комитета Советов «О конфискации и распределении имущества расстрелянных и бежавших во время восстания», выпущенного в Омске 4 марта 1921 г. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 1. Д. 661. Л. 78).

«1) В местностях, объятых восстанием, имущество расстрелянных и бежавших с повстанческими бандами конфискуется».

Выдержка из оперативного приказа № 48 командующего советскими вооруженными силами Омско-Тюменского района, от 6 марта 1921 г., из города Ишим. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 17718. Оп. 1. Д. 69. Л. 146).

«Нужно наносить бандитам жестокие удары, беспощадно уничтожать их, чтобы действовать на психологию населения, давая ему понятные уроки.

Всех бандитов, захваченных с оружием, приказываю расстреливать на месте без суда. Деревни, оказывающие поддержку бандитам и сопротивление нашим войскам, во избежание излишнего кровопролития зажигать орудийным огнем. В каждой деревне следует брать заложников из кулацкого элемента. Объявляю населению, что в случае повторения поддержки бандитам заложники будут расстреливаться.

Отсутствие в действиях начальников решительности в применении репрессий за пособничество бандитам у населения создадут впечатление нашей слабости. Подобные будут подвергаться высшей мере наказания.

Командующий вооруженными силами Омско-Тюменского района комбриг-85 Рахманов, военный комиссар Корняков».

Выдержка из рапорта инструктора политического отдела кавалерийской бригады Покровского начальнику политического отдела этого подразделения, от 7 марта 1921 г. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 16. Оп. 2. Д. 88. Л. 52).

«При объезде сел и деревень, освобожденных от банд, мною замечено, что 250-м стрелковым полком и 26-м кавалерийским полком Стеньки

Разина производятся массовые грабежи и насилия над мирным населением, что в массовом порядке, как явление, наблюдается в поселке Михайловский Дубровинской волости Петропавловского уезда. Кроме массового ограбления 250-м полком жителей, произведено ограбление церкви со взломом замка ломом. Судя по взятым вещам, можно подозревать, что в грабеже участвовали канцеляристы штаба, что подтверждается следующим обстоятельством: в доме казака Талатарова Трофима, где стоял штаб полка с его командиром, в эту же ночь пропал лом.

Случаи ограбления крестьян имеют массовый характер. Достаточно в поселке Михайловский зайти в любой дом, там обязательно скажут, что красноармейцы 250-го полка брали здесь грабительским путем какие-нибудь вещи. Причем брались: женские платки, подушки, одеяла, хотя оправдывались в данном случае грабежом полушубков, валенок и папах.

Так же обстоит дело в селе Боголюбовское той же волости, где проходил 26-й полк. То же скажу и про отряд особого назначения при особом отделе 1-й трудовой армии, который находится в оперативном подчинении нашей бригады. Со стороны данного отряда были случаи самовольного расстрела крестьян, участвовавших в восстании. Как пример, приведу село Чебаковское, где без всякого следствия расстреляно 5 крестьян. Расстрел был произведен следующим образом: брались крестьяне в подводы и по выезде из села расстреливались, а лошади и подводы — забирались».

Выдержка из письма председателя Тюменской ГубЧК П.И. Студитова в губернский комитет РКП(б) (начало марта 1921 г.). Документ хранится в ТОЦДНИ (Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Л. 50).

«При арестных помещениях губЧК имеется до 400 человек арестованных. Численность арестованных в политбюро: Ялуторовск: 800 человек, Ишим — 1700 человек. Вот эта цифра арестованных, которая должна быть "переварена" в нашем аппарате».

Выдержка из сводки Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии 8 марта 1921 г., из Тобольска.

«Из села Самарово при отступлении коммунистами были взяты заложники в числе 15 человек, которые были ими убиты у села Троицкое, трупы разрублены и брошены в прорубь. Фамилии несчастных жертв выясняются».

Выдержка из телеграммы председателя Сибревкома И.Н. Смирнова председателю СНК В.И. Ленину, от 12 марта 1921 г., из Омска. Документ хранится в РГАЭ (Ф. 1943. Оп. 1. Д. 1017. Л. 77-80).

«Жертвы при подавлении мятежа большие. Наши потери относятся к противнику как 1 к 15. Прибывшая к нам конница к бою непригодна, занимается больше грабежом.

В одном Петропавловском уезде убито при подавлении восстания 15 тысяч крестьян, в Ишимском уезде — 7 тысяч крестьян. Из нашего особого отряда, сражающегося в Петропавловском уезде, осталось 100 человек».

Выдержка из телеграммы командира 61-й стрелковой бригады войск ВНУС А.В. Полисонова начальнику Тюменско-Тобольского боевого участка Махневу от 14 марта 1921 г., 3 час., из Тюмени. Коммунисты решили сжечь этот населенный пункт, т.к. целый месяц не могли взять его. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 17718. Оп. 1. Д. 83. Л. 248).

«В случае попыток противника вести наступление из Яркового, вести по деревне артиллерийский огонь, а по получении зажигательных снарядов немедленно зажечь село в нескольких местах».

Выдержка из записи разговора по прямому проводу председателя Тюменского губернского исполнительного комитета С.А. Новоселова и командующего войсками Приуральского военного округа С.В. Мрачковского от 22 марта 1921 г., из Тюмени. Документ хранится в ТОЦДНИ (Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Л. 94).

«Сообщаю для сведения, что Обдорск нами еще держится. По полученным оттуда сообщениям, восстание в Обдорске подавлено, главари — расстреляны».

Выдержка из телеграммы уполномоченного Сибревкома Е.В. Полюдова председателю Сибревкома И.Н. Смирнову от 23 марта 1921 г. Документ хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 9. Д. 15 а. Л. 171).

«Всех членов повстанческих военных советов "тройка" расстреливает. Сейчас мы ослабили террор».

Выдержка из сводки Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии о взятии повстанцами города Березов от 24 марта 1921 г.

«При отступлении из Березова коммунистами зверски расстреляны заложники, фамилии которых выясняются».

Приказ командира 115-й стрелковой бригады А.В. Полисонова военному комиссару 189-го полка от 2 апреля 1921 г. из Тюмени. Решение уничтожить несколько крупных населенных пунктов обусловлено тем, что коммунисты не могли взять их в открытом бою, и показывает преступную сущность этой власти. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 17718. Оп. 1. Д. 83. Л. 327).

«Приказываю вам сжечь деревни Боровую, Ярково и Бигшу Гилево-липовской волости. НР 128 / оп. Комбриг-115 Полисонов, военный комиссар Попов».

Приговор выездной сессии Челябинского отдела революционного военного трибунала Приуральского военного округа и 1-й революционной армии труда пятнадцати гражданам Лопатинской и Усть-Суерской волостей Курганского уезда в селе Белозерское, от 3 апреля 1921 г. Документ хранится в ГАКО (Ф. р. 567. Оп. 2. Д. 3. Л. 245). Типографский оттиск.

«Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики».

Выездная сессия Челябинского отдела революционного военного трибунала Приуральского военного округа и 1-й армии труда в составе председателя сессии товарища Дьякова, его членов товарищей Васева и Петручика в открытом судебном заседании рассмотрела дело по обвинению в вооруженном восстании граждан Вахтомина Степана, Пиригримова Фотия, Пиригримова Романа, Яковлева Егора, Балакина Дмитрия, Рыбина Леонида, Пуэрова Александра, Пуэрова Осипа, Пуэровой Ольги, Буслаева Кирилла, Тимофеевой Елизаветы, Кокоревой Анны, Балакиной Елены, Скрабиной Евдокии и Устюжанина Петра.

Коллегия признала обвинение доказанным в том, что гр. Вахтомин Степан во время прихода банд, восставших против советской власти, в село Усть-Суерское был назначен разводящим в карауле по охране арестованных коммунистов, отбирал хлеб у арестованных и говорил, что вам только нужно выдавать по одной четверти фунта в сутки, как отбирали коммунисты у нас, и просил у командира отряда: "Давай я изрублю всех коммунистов"; Пиригримов Фотий с оружием в руках, трехлинейной винтовкой и патронами к ней, ездил с отрядом кавалерии в разведку, арестовал коммунистку Худякову и участвовал в отряде кавалерии при поездке в другие деревни; Яковлев Егор, вооруженный винтовкой, ездил на аресты коммунаров, где отбирал имущество коммунаров, забрал трех свиней, каковых застрелил, надел на себя отобранную им же рубашку, производил аресты милиции Шмаковской волости, собирал собрания гр[аждан и] мобилизовывал в банду; Балакин Дмитрий был в банде, проводил мобилизации гр[аждан в] дер. Меньшикове, был фуражиром, отпускал муки 40 пуд. и овса 70 пудов из 5-процентного фонда, собранного для неимущих крестьян; Рыбин Леонид был командиром взвода бандитов, ездил по деревням; Пуэров Александр был председателем бандитского совета, с оружием в руках ездил в разведку; Пиригримов Роман участвовал с оружием в руках, был в кавалерии, говорил, что все города Сибири взяты бандитами; Буслаев Кирилл был в кавалерии, с оружием в руках разъезжал с бандитами по другим селениям; Кокорева Анна была в кавалерии у бандитов, развозила сводки, с пикой сопровождала

арестованных коммунистов; Пуэрова Ольга была в кавалерии, возила сводки, вооруженная двухстволкой, сопровождала арестованных коммунистов; Тимофеева Елизавета была в кавалерии, возила сводки без оружия, сопровождала арестованных коммунистов; гр. Устюжанин Петр, Балакина Елена и Скрябина Евдокия хотя активного участия в банде и не принимали, но тем или иным пособничали бандитам, как-то: были в подводах, участвовали на бандитских собраниях, где голосовали за восстание против советской власти.

Своими преступлениями [все они] посягали на срыв посевной кампании, чем обрекали миллионы рабочих центра и их детей на голодную смерть, наносили удар в спину рабочим и крестьянам в момент поднятия производительности, строительства рабоче-крестьянского социалистического государства, чем пособничали помещикам и кулакам отобрать свои поместья и заводы и офицерам, каковые снова хотят закабалить Красную армию, каковые подняли кровавую бойню против Красной армии, защищающей своей кровью пролетарские завоевания, чем и выявили себя ярыми и непримиримыми врагами трудящихся масс советской республики, в особенности гр[ажд]ане Вахтомин, Пиригимов Фотий, Яковлев и Балакин, почему и не заслуживают никакого снисхождения перед рабочими и красноармейцами, потому как вредные и неисправимые элементы должны быть изолированы от таковых.

Трибунал, руководствуясь пролетарским правосознанием и революционной совестью, приговорил гр[ажд]ан Челябинской губ. Курганского уезда Усть-Суерской в[олости] и села Вахтомина Степана Ивановича, 33 лет; Пиригимова Фотия Дмитриевича, 34 лет; гр[ажданина] д. Ворокосово Яковлева Егора Григорьевича, 45 лет; гр[ажданина] д. Волостниково Балакина Дмитрия Герасимовича, 40 л.; гр[ажданина] д. Заозерная Рыбина Леонида Николаевича, 22 лет; гр[ажд]ан с. Усть-Суерское Пуэрова Александра Васильевича, 45 лет; Пуэрова Осипа Федоровича, 49 [лет], Пиригимова Романа Даниловича, 44 лет; Буслаева Кирилла Егоровича, 36 лет; Пуэрову Ольгу Васильевну, 23 лет; и гр[ажд]анку села Лопатинское той же волости Кокореву Анну Ильиничну, 32 лет, — всех 11 — подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять.

Гр[ажд]анку села Усть-Суерское Тимофееву Елизавету Иосифовну, 20 лет, подвергнуть общественным принудительным работам в концентрационный лагерь сроком на 7 лет; гр[ажданина] с. Усть-Суерское Устюжанина Петра Ивановича, 44 лет; гр[ажд]анку д. Вагино Балакину Елену Кирилловну, 19 лет, и гр[ажд]анку с. Усть-Суерское Скрябину Евдокию Илларионовну, 25 лет, — всех троих — подвергнуть общественным принудительным работам в концентрационный лагерь сроком на пять лет каждого условно. Если за вышеупомянутыми тремя гр[ажд]ан[а]ми в течение этого времени будут установлены какие-либо поступки, то военному той же местности приговор привести в исполнение без суда.

Но, принимая во внимание гр[ажд]ан Рыбина Леонида, Пуэрова Александра, Пуэрова Осипа, Пиригимова Романа, Буслаева Кирилла, Кокоревой Анны и Пуэровой Ольги чистосердечное признание и пролетарское происхождение [из] крестьян и бедняков, трибунал революционной совести меру наказания нашел возможным смягчить вышеперечисленным семи гр[ажд]анам. Рыбину, Пуэрову Александру, Пуэрову Осипу, Пиригимову Роману, Буслаеву, Кокоревой и Пуэровой Ольге расстрел заменить пятнадцатью годами общественных работ в концентрационном лагере.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

Предвыездсесии Дьяков
Члены: Васев, Петручик».

Выдержка из телеграммы заместителя военного комиссара 39-й красной стрелковой дивизии военному комиссару штаба помощника главнокомандующего по Сибири П.В. Дашкевичу от 8 апреля 1921 г., из Петропавловска. Документ хранится в РГ ВА (Ф. 16. Оп. 3. Д. 79. Л. 126).

«По сообщению ОРТЧК станции Петропавловск Булаевский коммунистический отряд под руководством командиров Озонека и Вавилова грабит деревни, насилует, издевается над крестьянами. Такие случаи были в деревнях Мятлишная Бугровской волости, Бугровая и Рязкино. Крестьян они избивают шомполами, прикладами, раздевают и выводят голыми на улицу, что вызывает озлобление населения».

Воззвание № 42 командира «красного отряда Западной Сибири», или 3-го батальона 674-го стрелкового полка, Абрамова, направленного на подавление восстаний крестьян в Тобольском уезде, от 10 апреля 1921 г., из села Нахрачи. Документ хранится в ГАХМАО (Ф. 67. Оп. 9. Д. 3. Л. 72).

«Настоящим ставлю в известность все население волости Нахрачевской о том, что если поставленные мною советы и назначенные в них должностные лица не будут вами признаны, будут чем-либо обижены, а также и семьи командиров, то я возвращу свои отряды и буду беспощадно за это наказывать. За каждого убитого вами коммуниста или должностного лица мною будет убито ваших 100 человек».

Выдержка из протокола № 8 закрытого заседания президиума Курганского уездного исполкома советов в Кургане от 26 апреля 1921 г.

«Порядок дня: 1. О расстреле заложников, взятых в уезде "тройкой" товарища Кайгородцева.

Принято во внимание, что, как видно из имеющегося в политбюро собранного материала, во время налетов бандитов принимали горячее

участие в убийстве советских работников из числа задержанных заложников только ниже поименованные 8 человек, принадлежащие к паразитическому элементу деревни. Основываясь на постановлениях президиума от 15 и 25 апреля и "тройки" от 26 апреля и руководствуясь приказом президиума от 18 февраля за №11, санкционирующего губернский исполком, постановили:

граждан Кунгурского уезда Кривинской волости и села Камишлова Александра Тимофеевича, 44 лет; деревни Золотое Жукова Дмитрия Семеновича, 25 лет; граждан Лопатинской волости деревни Маслово Царева Петра Григорьевича, 44 лет, Царева Ивана Григорьевича, 54 лет; Елисеева Василия Ивановича, 46 лет; граждан той же волости и села Кайгородцева Ивана Васильевича, 56 лет; Романова Афанасия Лаврентьевича, 46 лет; гражданина той же волости деревни Калашная Соловьева Егора Афанасьевича, 44 лет, — всех 8 человек расстрелять, имущество их конфисковать.

Приговор в отношении расстрела привести в исполнение в течение 24 часов. Товарищ Рутке предложил о состоявшемся постановлении довести до сведения губЧК.

В отношении же тех заложников, которые останутся не расстрелянными, но ранее были судимы революционным трибуналом условно или без лишения свободы, предложить политбюро привести в исполнение приговоры революционных трибуналов.

Председатель А. Ершов,
участвующие: Метелев, Пискунов,
Кайгородцев, Сидоров.
Секретарь С. Вяткин.

Записка руководства Курганского уезда командующему войсками Петропавловского уезда и Челябинскому губернскому исполкому советов от 12 мая 1921 г. из Кургана. Документ хранится в ГА КО (Ф. 635. Оп. 4. Д. 23. Л. 186).

«С мест, из юго-восточного сектора уезда, где оперирует отряд товарища Ковалева по борьбе с бандитизмом, получены сведения, что отряд этот деморализующе действует на население, остающееся до сих пор верным Советской власти, своими бесосновательными действиями по конфискации имущества без оформления этого актами и протоколами, по самоснабжению себя на глазах населения. Им допущено до 30 таких конфискаций, бессистемно проводится красный террор. Так, им были расстреляны без суда служители культа и граждане в Баткинской, Байдарской, Саломатовской и других волостях. По заверению волостных исполкомов, это были люди, лояльные к государственному строю».

Выдержка из доклада уполномоченного Сибревкома и штаба помощника главнокомандующего по Сибири А.П. Кучкина председателю Сибревкома И.Н. Смирнову от 16 мая 1921 г. из Ишима. Документ

свидетельствует, что командование довольно своими солдатами, «храбро и героически», с помощью современного оружия отнимавшими у женщин последнюю еду. Хранится в ГА НО (Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 90–92).

«Демобилизованный красноармеец арестовал своего отца за контрреволюционные убеждения и посадил его через соответствующие власти в Ишимскую тюрьму, где он и пребывает сейчас.

На днях в Бердюжской волости собралось 600 баб, и они не давали вывозить хлеб, несмотря на угрозы штыками и выстрелы в воздух. Они требовали себе, как голодным, хлеба. Хлеб энергично вывозится. Красноармейцы держались при натиске баб хорошо, готовые расстрелять их».

Выдержка из государственной информационной сводки по Сибири, составленной в Омске 26 мая 1921 г. и посвященной разгрому основных сил повстанцев, пленению и гибели их командиров.

«Нами расстреляны временно исполняющий должность командующего повстанческим фронтом поручик Белов, адъютант Чердынцев, начальник формирования есаул Алексеев, адъютант, начальник штаба поручик Завьялов и заместитель командующего фронтом поручик Пужевский».

Выдержка из приказа № 036/С Президиума Челябинского губернского исполкома Советов, губернского комитета РКП(б) и командующего вооруженными силами губернии, выпущенного в Челябинске 18 июня 1921 г. Документ хранится в ГА КО (Ф. 635. Оп. 4. Д. 23. Л. 243).

4. Ввиду имевших место нескольких случаев самосуда над сдавшимися бандитами со стороны местных органов, предупреждаем все советы, исполкомы, коммунистические ячейки, воинские части, милицию и отдельных граждан, что в случае повторения подобных явлений виновные в этом будут привлекаться к самой суровой ответственности вплоть до расстрела.

5. Объявляем для широкого распространения среди банд, что каждый раскаявшийся и добровольно сдавшийся с оружием и патронами бандит получает полное прощение Советской власти и, пройдя через 2-недельную политическую школу, будет отпущен вместе со взятым из его семьи заложником домой.

6. Все бандиты, продолжающие упорную борьбу против Советской власти с оружием в руках, подлежат суду революционного военного трибунала по всем строгостям законов военного времени вплоть до расстрела.

7. Последний срок добровольной явки бандитов назначен на 15 июля 1921 г.

Заместитель председателя губернского исполкома Локацков,
секретарь губернского комитета РКП А. Сидоров,
командующий вооруженными силами губернии, комбриг-69 Каврайский,
заместитель председателя губЧК Коростин».

Выдержка из письма начальника повстанческой дивизии М. Варакина начальнику 69-й стрелковой бригады Б.А. Каврайскому (начало июля 1921 г.). Варакин отказывался от предложения Каврайского сдать-ся, клеймя советскую власть и ее политику; он заявляет, что за последнее время его отряд не только не ослаб, но и усилился за счет красноармейцев-перебежчиков и «помощи с востока». Документ хранится в РГ ВА (Ф. 25892. Оп. 3. Д. 129. Л. 48).

«Зачем Вы много обещаете, но ничего не исполняете? Почему убиваются у вас люди местными коммунистическими ячейками, оправданные революционным трибуналом?»

Выдержка из доклада председателя Сургутского уездного военно-революционного комитета Е.А. Федосеева в отдел управления Тюменского губернского исполкома советов от 6 июля 1921 г., из города Сургут. Документ хранится в ГА ТО (Ф. 2. Оп. 2. Д. 12. Л. 10, 11).

«На бронепароходе мы сумели ввести повстанцев в заблуждение, часть из них была захвачена и получила от особого военного отдела должное возмездие.

Из них 27 человек было расстреляно, а остальные были переданы уездному политбюро. Из них около 50 человек было зачислено за выездной сессией революционного трибунала, которая до настоящего времени разобрала 41 дело, вынесла 9 смертных приговоров, 13 — принудительных работ разных сроков, 2 — принудительные работы без лишения свободы, 9 — условно и 8 человек освободили совершенно.

Бежали из города до 250 человек, из которых вернулось обратно в Сургут по изданию приказа уездного ревкома за № 10 человек 60, исключая тех, которые непосредственно вернулись на места. Приказ ввел в заблуждение активных противников Советской власти, и часть из них пришла в город, где и была арестована и судима как самая заядлая контрреволюция, каковая она в действительности и есть».

Выдержка из приказа № 28 полномочной комиссии Акмолинского губернского ревкома 13 июля 1921 г. из города Кокчетав¹³¹.

«2. Население того района, в пределах которого скрываются банды, производящие операции чисто разбойничьего характера, в случае подтверждения существования этих банд, будет рассматриваться как население, способствующее развитию бандитизма. К нему будут приняты меры, предусмотренные военно-революционным положением.

¹³¹ Газета «Мир труда». Акмолинск. 26 июля 1921.

3. Семейства, члены которых находятся в банде, оказывающие материальную поддержку скрывающимся, считать врагами рабоче-крестьянского правительства и предавать их суду революционного трибунала со всеми вытекающими отсюда последствиями, с конфискацией имущества.

Заместитель председателя Акмолинского губернского ревкома
и председатель полномочной комиссии Коротков;
заведующий губернским отделом юстиции
и член полномочной комиссии Егоров».

Выдержка из обращения атамана повстанцев П.С. Шевченко к коммунистам (первая половина июля 1921 г.). Документ является ответом на призыв коммунистов сдать-ся. Хранится в РГ ВА (Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 40).

«Товарищи ваши, попавшие к нам в плен, нами не уничтожаются, и мы их отпускаем, но вы делаете не так. Вы каждого попавшего к вам в плен партизана, да и не только партизана, а простого человека, сказавшего хотя бы одно слово против вас, рубите шашками».

Выдержка из политического отчета Тюменского губернского комитета РКП(б) за период с 15 июня по 15 августа 1921 г. и Уральского бюро ЦК РКП(б). Документ хранится в ТОЦДНИ (Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 21–25).

«Увлечение лозунгами крестьянского народовластия прошло, бандиты-середняки потянулись к своим хозяйствам. Но этот поток сразу же наткнулся на непонимание истинного положения вещей со стороны нашего военно-комиссарского состава, а через него и целых частей, и наших деревенских ячеек. Возвращавшиеся бандиты редко оставались в живых»*.

Выдержка из протокола № 49 заседания Ишимского уездного комитета РКП(б) в Ишиме от 3 сентября 1921 г. Документ хранится в ТОЦДНИ (Ф. 1. Оп. 1. Д. 238. Л. 35).

«Слушали: доклад комбрига Буриченко, который говорит о действиях против бандита Шевченко.

Крестьяне стали выдавать бандитов, и всего мною изрублено за это время 130 человек. Находили бандитов дома по имеющимся у нас спискам, которые были отобраны от бандитов. Может быть, будут на меня жалобы, но я сам скажу: обращение с ними было самое жестокое, вызванное необходимостью, для скорейшей ликвидации бандитов».

* По данным советских источников, к середине августа 1921 г. по Тюменской губернии добровольно сложили оружие 1628 человек. Вероятно, многие из них были убиты (ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 21–25).

Выдержка из протокола № 3 закрытого заседания малого Президиума Курганского уездного исполкома советов в Кургане от 27 сентября 1921 г. Документ хранится в ГА КО (Ф. 635. Оп. 4. Д. 23 а. Л. 28).

«Слушали: о заложниках, взятых по приказу уездного исполкома № 33 от 1 августа сего года из семейств бандитов.

Постановили: результаты по приказу № 33 оказались сравнительно несоответствующими, ибо в числе заложников оказалось много нетрудоспособных, и большая часть из них — женщины, даже с грудными детьми. Это с одной стороны, а с другой — возвращающийся, раскаивающийся процент из бандитских шаек крестьян оказался совсем мал».

Выдержка из приказа № 20 Тюменского губернского исполкома советов и командующего войсками Тюменской губернии из Тюмени от 15 октября 1921 г.¹³²

«1. При появлении бандитов лица, уличенные в сношении с ними, в добровольном их укрывательстве, в снабжении продовольствием, а также в сообщении бандитам сведений о движении войск Красной армии, подвергаются высшей мере наказания — расстрелу.

2. Непринятие мер к охране и ограждению государственных учреждений и предприятий, сыпных пунктов, а также к спасению жизни должностных лиц Советской власти, продовольственных работников и коммунистов при посягательствах и вооруженных налетах бандитов должны рассматриваться как сочувствие и пособничество разбойникам. А потому жителей таких сел и деревень, где такие случаи будут иметь место, надлежит облагать вообще всех — контрибуцией денежной и натуральной с конфискацией имущества.

Председатель Тюменского губернского исполкома Макаров
Командующий войсками губернии, командир 169-й бригады Бойцов
Заведующий губернским отделением управления В. Петров».

Выдержка из донесения секретного сотрудника «Скворцова» в политбюро Курганского уезда от 26 октября 1921 г. из села Чернавское. Документ хранится в ГА КО (Ф. 635. Оп. 4. Д. 23 а. Л. 90).

«Приехал в штаб по продналогу. Производятся бесчисленные аресты виновных и невиновных за невыполнение продналога. Допрос — только 2 слова: платишь или нет? Ответ ясный. Если у него ничего нет, он и говорит: “нет” А уже не спрашивают, почему не платит, а прямо обращаются к конвоиру и говорят: “веди”.

¹³² Газета «Трудовой набат». Тюмень. 26 октября 1921 г.

Ведут мужичков прямо в камеру десятками и отправляют дальше. Жены их и дети плачут. Это ужасно. Главное, если нет хлеба, то говорят: найди где-нибудь денег, да заплати».

Выдержка из информационной сводки Тюменской ГубЧК за октябрь 1921 г., составленной в начале ноября 1921 г. Документ хранится в ТОЦДНИ (Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Л. 122–127).

«Красноармейцы 256-го полка в Исетской и Шороховской волостях под предлогом поисков оружия производят обыски у населения, осматривают даже все ящики и забирают себе все ценное. К протестующим применяется порка. Так, например, в деревне Коклягино Исетской волости 3 крестьян были выпороты красноармейцами. В слободе Бешкильской той же волости кавалеристами того же полка произведено насилие над женщинами.

В Бобылевской волости красноармейцами расстреляно 12 человек повстанцев, явившихся добровольно в дни явки. Добровольная явка повстанцев в последнее время прекратилась ввиду расстрела являющихся военными частями.

Председатель губЧК Студитов, начсоч Лысов,
начальник осведомительного отделения Недорезов».

Донесение командира 2-й роты 4-го Тюменского полка особого назначения командующему ЧОН Тюменской губернии (вторая половина ноября 1921 г.). Документ хранится в ГА ТО (Ф. 959. Оп. 2. Д. 12. Л. 39).

«Ялуторовский уезд. В Бобылевской волости в ночь на 15 ноября нашими проходящими кавалеристами, неизвестно какой части, зарублено 13 человек местных граждан. Они изрублены на улицах и на квартирах. Прошу принять решительные меры и пресечь в корне эти преступные действия. Они создают почву к новому восстанию, т.к. население вынуждено бежать, скрываться или защищаться.

Комроты-2 Смолянинов».

Выдержка из государственной сводки Тюменской ГубЧК о состоянии губернии на 19 ноября 1921 г. Документ хранится в ТОЦДНИ (Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 242).

«Коммунистический отряд Пищика, действующий в Ялуторовском и Ишимском уездах, в Голышмановской, Евсинской, Аромашевской волостях, производит самочинные расстрелы, конфискацию имущества.

Продналог поступает медленно, масляничный налог население считает непосильным для выполнения. В Каменской волости 14 ноября уездным продовольственным комиссаром Тюменского уезда арестовано 72 человека крестьян, отказавшихся категорически платить продналог, хлебный и масляничный. Давшие подписку о выплате продналога из-под ареста

освобождены. Остальные 40 человек, большинство из которых бедняки, сидят под арестом».

Выдержка из приказа № 1 командующего советскими войсками Тюменской губернии населению от 23 ноября 1921 г. Документ хранится в ГА ТО (Ф. 211. Оп. 1. Д. 2. Л. 90).

«Сохранность телеграфной и телефонной линии, проходящей на территории губернии, возлагается всецело на представителей власти — ревкомы и населенные пункты под круговую поруку жителей, через территорию коих она проходит.

Гарнизоны, в коих было замечено сочувствие населения к бандитам, укрывательство их, порча и порыв телефонной и телеграфной сети и так далее, должны быть переданы всецело на прокормление жителей этих населенных пунктов. Они до тех пор будут кормиться за счет того селения, пока жители его не поймут своего гражданского долга и не выдадут бандитов, пособников бандитизма и их складов.

В случае же продолжающегося упорства и сочувствия к бандитизму мною будут приняты еще более суровые карательные меры — в виде взятия заложников и далее, не останавливаясь даже перед присылкой чрезвычайных сессий революционного военного трибунала и перед расстрелом пособников бандитизма, а при дальнейшем упорстве — перед сжиганием целых селений.

Командующий войсками Тюменской губернии,
начдив-57 и военный комиссар Бобылев,
тюменский председатель губернского исполкома Макаров».

Донесение № 643 временно исполняющего должность ответственного секретаря 6-го районного исполкома РКП(б) Копытова в Тюменский уездный комитет РКП(б) от 31 декабря 1921 г. Документ хранится в ГА ТО (Ф. 44. Оп. 1. Д. 68 а. Л. 56).

«За последнее время участились случаи избиения граждан, обвиняющихся в преступлениях, в особенности в Успенском сельсовете. Помещение сельсовета сделалось ареной пыток и истязаний. Арестованных увозят из Успенского волостного исполкома в сельсовет на допросы и там их истязают, а затем еле живых приводят обратно в исполком для заключения под надзор.

Волостной исполком также превратился не знаю во что, как богадельня, слышатся стоны избиваемых людей.

Придя в исполком, и услышав в отдаленности за стеной стоны, и увидев через решетчатое отверстие украшенные кровоподтеками лица, невольно задумываешься и задаешь себе вопрос: неужели это происходит в Советской республике? В дни царизма в этих же самых стенах приходилось наблюдать то же самое.

Волостной исполком не обращает на это внимания и не принимает мер к пресечению этого. На протесты граждан против избиения председатель Угрюмов отвечал: «Так им и надо». Старший милиционер Пирогов увозит арестованных в сельсовет для совершения над ними истязаний. Все это он делает под маской опроса».

Выписка из протокола судебного заседания президиума ВЧК в Москве, от 22 февраля 1922 г. На заседании была окончательно решена судьба захваченных лидеров сибирских повстанцев.

«Слушали: дело № 13531 по обвинению граждан Корякова, Гутникова, Красулина, Петрова*, Богданова**, Шишко, Мотаева, Волюнского***, Панова****, Серкова*****, Никольского***** и Мельникова в организации и активном участии в вооруженном контрреволюционном восстании и бандитизме. Постановлением Тюменской губЧК от 23 января 1922 г. все они были приговорены к высшей мере наказания.

Постановили: постановление Тюменской губЧК от 23 января сего года утвердить*****.

Секретарь президиума ВЧК Езерский».

* Гавриил Тимофесвич Петров, из крестьян Карачинской волости Тобольского уезда, один из активных сотрудников особого отдела Главного Тобольского штаба Народной Повстанческой армии.

** Т.Д. Богданов, из крестьян, беспартийный, начальник отряда особого назначения при особом отделе Главного Тобольского штаба Народной Повстанческой армии. По данным чекистов, этот отряд в 30 человек выполнял функции, аналогичные функциям комендантских команд органов ВЧК.

*** Петр Георгиевич Волюнский выполнял в Главном Тобольском штабе Народной Повстанческой армии функции военного цензора.

**** Николай Петрович Панов (1892–1922) окончил Петербургский университет, работал помощником присяжного поверенного. До 1919 г. состоял в партии народных социалистов, затем — беспартийный. В начале 1921 г. находился в Тобольске в командировке как сотрудник наркомата внешней торговли. При повстанцах занимал должность секретаря редакции газеты «Голос Народной армии», автор большей части антикоммунистических воззваний.

***** Семен Михайлович Серков (1888–1922), из мещан города Кургана. С 1917 г. состоял в партии эсеров. В начале 1921 г. служил заведующим отделом снабжения Тобольского уездного лесного комитета. При повстанцах являлся членом следственной комиссии, был избран кандидатом в члены Тобольского крестьянско-городского совета. В отличие от всех остальных подсудимых, он обвинялся Тюменской ГубЧК не только как активный участник повстанческого движения, но и как член «организации эсеров». Оба эти обвинения Серков аргументированно отвел, указав на отсутствие в Тобольске эсеровской партийной организации и заявив: «Само восстание было для нас неожиданным».

***** И.Г. Никольский — юрист по образованию, бывший офицер, состоял членом повстанческой следственной комиссии.

***** Приговор был приведен в исполнение 28 февраля 1922 г.

Приморье

Гражданская война в Приморье в 1922 г. — один из самых интересных и малоизученных периодов в истории красного террора.

Указ № 25 от 29 августа 1922 г., станция Никольск-Уссурийский. Документ позволяет судить не только о красном терроре, но и об официальных ответных действиях высших белогвардейских властей. Хранится в ГА РФ (Ф. 6143. Оп. 1. Д. 3. Л. 41).

«Приханкайский край освобожден от советской коммунистической изуверской власти. Благодарю Бога, что при этом освобождении края Земской Ратью не было пролито ни единой капли крови христианского русского народа. Но зато представители советской власти, убегая из края, сочли нужным зверски уничтожить арестованных ими Василия Трофимовича Чухно, крестьянина деревни Турий Рог, Степана Карпенко, крестьянина села Троицкого, Тимофея Аввакумовича Коротких, крестьянина деревни Черниговки, и еще одного, личность которого не опознана. Убийство это совершено комиссаром Кузьминым и красноармейцами Куриловым и Новеселовым из деревни Михайловки и Ситниковым из деревни Снегуровки. Из числа захваченных войсками по подозрению в сотрудничестве с коммунистами: Феклу Безрукову, Маркиана Белокурова, Петра Безрукова, Максима Березюка, Антона Глухенького, Кирилла Годуна, Николая Коргота, Александра Горюнова и Степана Журавлева — отпустить по домам под надзор соответствующих сельских обществ. Гавриила Дмитриева, Василия Бессонова и Анну Урышеву, воспользовавшихся изуверской Советской властью для проявления своих безнравственных натур, выслать в пределы Дальневосточной Республики. Митрофана Сурженко и поручика Георгия Курочича предать полевому суду как дезертиров Томской дружины. Александре Леоновой предложить уговорить своего мужа отстать от уголовной работы, партизана Лебедева, — и вернуться к своему мирному очагу. Высылку семейств крестьян Василия и Филиппа Березюковых и отца их, Силы Березюка, не сумевшего воспитать своих детей в духе христианской веры, УТВЕРЖДАЮ».

